

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2024

№ 81

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сигэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviev A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Бажанов В.А. Доказательные рассуждения в математике: сочинение строгости?	5
Борисов Е.В. Модальный аспект познаваемости	17
Ладов В.А., Черепяхин А.Е. Аналитический реализм в содержательном аспекте: теория и практика	24
Моисеева А.Ю. Соотношение логического следования и импликации в релевантной логике	39
Спрукуль П.С. Концепции будущего в философии искусственного интеллекта: дистопия, утопия, протопия	48

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Корниенко М.А. «Комментарий на „Сон Сципиона“» Макробия: опыт прочтения Цицерона в эпоху поздней античности	56
Яковлев В.В. Программа примирения разума и христианской веры: концептуальные религиозно-философские и теологические установки Дж. Толанда	68

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Бараш Р.Э. Паттерны активизма и протеста в социально-сетевой коммуникации современных россиян	79
Лягошина Т.В. Влияние больших языковых моделей на современный публичный дискурс: анализ социальных и эпистемологических импликаций	98
Мельников М.В. Публичное пространство и его приватизация в контексте иерархии благ	109
Найман Е.А., Пашина Л.А. Философские проблемы стареющего общества в героэтике	118
Оглезинов В.В., Бондарев В.Г. Философия наказания: потенциал компромиссных теорий	129
Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти в России: общие условия и особенности социально-исторического контекста	140
Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Отцовство Божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции»	152

СОЦИОЛОГИЯ

Боронина Л.Н., Ольховикова С.В. Барьеры инклюзивного образования в высшей школе	165
Вялых Н.А. Доверие российского общества медицинским организациям: грани и ограничения социологического познания	175
Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Дисфункции образовательной экосистемы: риски неформального образования в оценках экспертов	188
Коропец О.А., Федорова А.Э., Абрамова С.Б. Влияние четвертой промышленной революции на гендерные аспекты благополучия на рабочем месте	203
Петрова Е.В., Бильтрикова А.В., Дашибалова И.Н. Социальное самочувствие жителей дальневосточных регионов (Республика Бурятия, Забайкальский и Приморский края)	213
Солодова Г.С. Обстоятельства, обусловившие особую вероисповедную политику в Туркестане, и ее некоторые принципы (дореволюционный период)	224

ПОЛИТОЛОГИЯ

Краснопёров А.Ю., Гончаров М.Д., Соколова А.В., Бушин Ю.Ю. Влияние делиберации на восприятие и выявление фейковых новостей по политическим вопросам	234
Матвеева Е.В., Шилова А.Э., Сат А.В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодежи Кузбасса	244
Никандров А.В. Концепт развитого социализма в советской теории государства и идеологии	253
Потоцкий Я.А. Законы о декоммунизации в контексте конструирования национальной мифологии в прибалтийских республиках	262

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Берестов И.В. Ахиллес вне времени и пространства: ещё раз о несводимости прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых (вторая реплика на статью Е.В. Борисова)	271
--	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Bazhanov V.A. Proof in mathematics: Making up rigor?	5
Borisov E.V. The modal aspect of knowability	17
Ladov V.A., Cherepakhin A.E. Analytical realism in the substantive aspect: Theory and practice	24
Moiseeva A.Yu. The relationship between logical consequence and implication in relevant logic	39
Sprukul' P.S. Concepts of the future in the philosophy of artificial intelligence: Dystopia, utopia and protopia	48

HISTORY OF PHILOSOPHY

Kornienko M.A. "Commentary on the "Dream of Scipio" by Macrobius: an experience of reading Cicero in late antiquity	56
Yakovlev V.V. The program of reconciliation of reason and Christian faith: Conceptual religious-philosophical and theological attitudes of John Toland	68

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Barash R.E. Patterns of activism and protest in the social network communication of modern Russians	79
Lyagoshina T.V. The impact of large language models on contemporary public discourse: An analysis of social and epistemological implications	98
Melnikov M.V. Public space and its privatization in the context of the hierarchy of goods	109
Nayman E.A., Pashina L.A. Philosophical problems of an aging society in geroethics	118
Ogleznev V.V., Bondarev V.G. Philosophy of punishment: The capacity of compromise theories	129
Rozov N.S., Filippov S.I. Loyalty of local elites to the central government in Russia: General conditions and peculiarities of the socio-historical context	140
Khitruk E.B., Bykov R.A. Divine fatherhood and human fatherhood: Socio-philosophical foundations of the "paternal revolution"	152

SOCIOLOGY

Boronina L.N., Olkhovikova S.V. Inclusive education barriers in higher school education	165
Vyalykh N.A. Russian society's trust in medical organizations: Edges and limitations of sociological knowledge	175
Kicherova M.N., Trifonova I.S. Educational ecosystem dysfunctions: Non-formal education risks in expert assessments	188
Koropets O.A., Fedorova A.E., Abramova S.B. The impact of the Fourth Industrial Revolution on gender dimensions of well-being in the workplace	203
Petrova E.V., Biltrikova A.V., Dashibalova I.N. Social well-being of residents of the Far Eastern regions (Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, and Primorsky Krai)	213
Solodova G.S. Circumstances that determined the special religious policy in Turkestan and some of its principles (the pre-revolutionary period)	224

POLITICAL SCIENCE

Krasnoperov A.Yu. , Goncharov M.D. , Sokolova A.V., Bushin Yu.Yu. The impact of deliberation on the perception and detection of fake news on political issues	234
Matveeva E.V., Shilova A.E., Sat A.V. Traditional values in the system of political culture of students in a resource-type region	244
Nikandrov A.V. The concept of developed socialism in the Soviet theory of the state and ideology	253
Pototskii Ia.A. Laws on decommunization in the context of the construction of national mythology in the Baltic states	262

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Berestov I.V. Achilles beyond time and space: Once again on the irreducibility of the passage of an open interval to the passage of closed ones (a second reply to Evgeny Borisov's article)	271
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 165.2
doi: 10.17223/1998863X/81/1

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ В МАТЕМАТИКЕ: СОЧИНЕНИЕ СТРОГОСТИ?

Валентин Александрович Бажанов

*Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,
vbazhanov@yandex.ru, <https://staff.ulsu.ru/bazhanov>*

Аннотация. В статье обсуждаются представления о строгости доказательства в математике и требования, которые предъявляются к строгости в различных математических направлениях и сообществах. Показывается, что эти представления и требования задаются членами этих направлений, сообществ и в значительной степени зависят от их субъективных предпочтений, вплоть до симпатий / антипатий к конкретным личностям. Эти предпочтения касаются выбора базисных принципов (аксиоматик), допустимых / недопустимых абстракций, методов рассуждений (правил вывода) и образования основополагающих понятий, которые задействуются в тех или иных доказательных процедурах. Границы возможного строгого доказательного рассуждения определяются пределами деантропологизации знания. Таким образом конструктивный момент играет существенную роль в генезисе и репрезентации различных направлений в логике и математике. Поэтому этот процесс может быть осмыслен под углом зрения идеи Я. Хакинга о «сочинении» (в данном случае математической) реальности и ее элементов, составляющих онтологический фундамент. Показывается, что представления о строгости и требованиях к строгости также «сочиняются» (в смысле Хакинга). Предлагается ввести в философию математики принцип относительности к средствам доказательства.

Ключевые слова: математика, логика, доказательство, Хакинг, принцип относительности к средствам доказательства

Для цитирования: Бажанов В.А. Доказательные рассуждения в математике: сочинение строгости? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/81/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

PROOF IN MATHEMATICS: MAKING UP RIGOR?

Valentin A. Bazhanov

*Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation, vbazhanov@yandex.ru,
<https://staff.ulsu.ru/bazhanov>*

Abstract. The article discusses the ideas about the rigor of proof in mathematics and the requirements for rigor in various mathematical directions and communities. It is shown that these ideas and requirements are set by members of such directions and communities, and

depend to a great extent on their subjective preferences, up to sympathies/antipathies to particular individuals. These preferences concern the choice of basic principles (axiomatics), admissible/inadmissible abstractions, methods of reasoning (rules of inference), and the formation of fundamental concepts that are involved in certain proof procedures. Thus, the constructive moment plays an essential role in the genesis and representation of different directions in logic and mathematics. Therefore, this process is analyzed through the lens of Ian Hacking's idea of the "making up" (in this case, mathematical) of reality and its elements that constitute its ontological foundation. I claim the notions of rigor and requirements for rigor may also be covered by the "making up" procedure (in Hacking's sense). I suggest that the principle of relativity to the means of proof is legitimate in the philosophy of mathematics as well.

Keywords: mathematics, logic, proof, Hacking, principle of relativity to means of proof

For citation: Bazhanov, V.A. (2024) Proof in mathematics: making up rigor? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/1

Математика вовсе не случайно считается – и в обыденном сознании, и среди научного сообщества – строгой наукой. Основание такого рода оценки – тот статус доказательства, который издавна принят в математике и отступления от которого не допускаются. Строгое доказательство – не просто идеал, а норма математического рассуждения. Наиболее жесткие требования к доказательству отличают такой раздел математики, как математическая логика. Между тем история науки зафиксировала факты довольно частых споров между логиками, которые иногда носили едва ли не ожесточенный характер. Выдающийся британский логик С. Джевонс спорил с другим крупным британским логиком Х. Макколом, великий французский математик А. Пуанкаре дискутировал по логическим вопросам с другим известным французским логиком Л. Кутюра, Дж. Кук Вильсон, являясь убежденным сторонником традиционной логики даже в первой четверти XX столетия, когда Б. Рассел и А.Н. Уайтхед предложили в 1910–1913 гг. миру образец строгого рассуждения в виде *Principia Mathematica*, категорически не принимал математическую логику и ранее сурово критиковал Л. Кэрролла, который стремился убедить оппонента в том, что он просто не понимает сути представления логики в математической форме (т.е. математическую логику). В настоящее время энергично дискутируют с С. Мочизуки по поводу состоятельности его доказательства известной АВС-гипотезы. Мочизуки убежден, что гипотеза доказана, а его оппоненты возражают, указывая на непонятные и невоспроизводимые фрагменты его (якобы) доказательства, которые касаются вовсе не частных случаев, а принципиальных моментов, относящихся к самой идее доказательства [1. Р. 9–12].

В истории науки и (в первую очередь) математики помнят о длительном противостоянии сторонников классической логики (во главе которых стоял великий Д. Гильберт) и интуиционистской логики, родоначальником которой являлся Л.Э.Я. Брауэр¹. С 1960-х гг. до настоящего времени оппозицию классической математике составляет математика, принимающая принципы пара-

¹ Близкие к интуиционистам по воззрениям в техническом смысле в СССР были конструктивисты (А.А. Марков, Б.А. Кушнер, Н.М. Нагорный, Н.А. Шанин и др.). Ключевые идеи ультраинтуиционизма (А.С. Есенин-Вольпин) были еще более радикальными.

непротиворечивой логики, т.е. способная «работать» с противоречиями, локализовывать таковые (Н. да Коста, К. Мортенсен, Р. Роутли, Г. Прист и др.)¹.

Возникают правомерные вопросы о том, как фактор строгости, принятый в логико-математических системах, некоторые из которых были представлены в исключительно формализованном, т.е. заведомо строгом виде, допускали такой разброс мнений и оценок среди тех, кому они были обязаны своим рождением и последующим быстрым и успешным развитием? Означает ли факт разброса мнений по поводу базисных логико-математических принципов и приемлемости / неприемлемости основных законов, что представления о строгости математических рассуждений преувеличены или даже в определенном смысле безосновательны? Какие факторы порождают споры в области, которая служит эталоном строгости? Может ли строгость быть «относительной», привязанной к субъективным симпатиям определенных научных сообществ в логике и математике (не упоминая другие «менее строгие» науки)?

Когда математическое рассуждение считается строгим?

Острота данных вопросов повышается, если вспомнить, что главный функционал строгости состоит в том, чтобы обеспечить правильность рассуждения и получить правильный результат, к которому не представляется возможным «придаться» в смысле признания ненадежности каких-то элементов рассуждения или задействованных в нем методов. Образно выражаясь, строгость – это своего рода гигиена математики [3. Р. 7]². В условиях существенного роста сложности и приближения к «необозримости» математических доказательств этот функционал приобретает особую актуальность [4. Р. 2]. Стремление к строгости математических рассуждений придает математике мощный объяснительный и в то же время эвристический потенциал [5. Р. 2–4], и благодаря этому потенциалу прикладные аспекты математики лежат в основе признания, на котором сделал акцент Е. Вигнер, ее «непостижимой эффективности» и роли в познании природы. Однако эффективность применения математических методов в естествознании достигается не фанатичным следованием требованиям строгости, а в той мере, в которой строгость не ограничивает эвристический аспект этих методов. Строгость – не *sine qua non* в абсолютном смысле, а компонент своего рода машинерии роста знания. Этот факт особо подчеркивался теми учеными, которые опирались на математику в своих исследованиях природных явлений. Так, О. Хэвисайд, один из когорты выдающихся ученых, гармонично сочетавший в своей работе математические и физические методы, «ценил математику лишь постольку, поскольку она помогала решать физические задачи...» [6. С. 33]. «Жалобы на недостаток совершенства в выборе путей и в образе действий исследователя со стороны людей, привыкших к более строгим методам, – замечал Хэвисайд, – в значительной степени смехотворны» (цит. по: [6. С. 36]). М. Уилсон также

¹ Подробнее см.: [2].

² Содержание понятия строгости законов (*justitia*) в юриспруденции отлично от того, которое принято в математике и науках, применяющих математические методы. Правосудие не может и не должно следовать жестким предписаниям *justitia*, а максимально принимать во внимание соображения праведности и милосердия (*aequitas*), которые в общем случае не согласуются с *justitia*. Впрочем, обсуждение этого важного вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

не вполне доверяет тем уверениям в строгости рассуждений, которые были свойственны для некоторых представителей логического эмпиризма, и описывает их как «эрзац-строгость», упрекая их в том, что строгость они превратили в своего рода фетиш [7. Р. 1–10].

Между тем проблема строгости рассуждений и выводов осознается ныне как вполне актуальная не только для чистой математики, но и для многочисленных приложений математических методов, развития программирования, искусственного интеллекта, подходов к анализу «Больших Данных». Эта проблема также активно обсуждается в современной нейронауке [8], экономике [9], медицине [10, 11]¹ и т.д. В конечном итоге в фокусе такого рода обсуждений находится вопрос о соотношении, балансе требований, связанных с установками придерживаться максимально возможной строгости и степенью соответствия рассуждений и вычислений некоторой предметной области. Такой баланс часто соблюсти непросто, поскольку рассогласование выкладок и реальности может иметь далеко идущие негативные последствия [14. Р. 2]. Так, в ведущем мировом медицинском журнале *The Lancet* была опубликована статья, в которой на основе математического анализа некоторого массива эмпирических данных утверждалось наличие корреляции между прививками против кори и аутизмом. Якобы эти прививки провоцируют у детей развитие аутизма. Несмотря на то, что довольно скоро (в 2010 г.) статья из журнала была ретрагирована (отозвана) и во многих публикациях в серьезных журналах (включая сам *Lancet*) приводились данные о том, что прививки против кори никоим образом не связаны с аутизмом, многие родители в США прекратили делать эти прививки, что привело к заметному всплеску заболеванием корью среди детей.

По определению крупного математика С. Маклейна, «математическое доказательство считается строгим, если оно может быть записано на языке исчисления предикатов первого порядка как следствие из системы аксиом ZFC^2 » (цит. по: [15. Р. 2]). Менее техническое определение строгости таково: «строгое доказательство – рассуждение все составляющие которого следуют согласно чисто логическим отношениям между понятиями» [16. Р. 10]. Распространенные определения строгости обычно обходят стороной тот факт, что большинство математических теорий не аксиоматизированы и, в общем случае, не нуждаются в последовательной и сколько-нибудь выверенной и строгой аксиоматизации.

С какой же целью логики и математики стремятся придерживаться очень жестких, в идеале максимально жестких в данный исторический момент, стандартов строгости? Если постараться выразить смысл главной установки, которая предполагает придание логико-математическим рассуждениям и выкладкам такого рода свойства (строгости), то это утверждение отношения логического следования между всеми компонентами процедуры доказательства. Попросту говоря, это означает, что цепь рассуждения такова, что его последующие части должны базироваться (вытекать) из предыдущих частей, надежность и обоснованность которых установлена ранее с не вызывающими

¹ Не упоминая педагогический аспект, связанный со значительной ролью преподавания математики в (физиологическом) развитии мозга и увеличении степени его пластичности [12, 13].

² Имеется в виду система аксиом теории множеств Цермело–Френкеля с аксиомой выбора.

сомнения нормами строгости, и в принципе все блоки доказательного рассуждения восстановимы и воспроизводимы вплоть до начальных аксиом – если формальная система допускала и ранее была аксиоматизирована, т.е. неформальное доказательство в принципе допускало бы представление в виде формального аналога [17. Р. 7378]. Пробелы в рассуждениях не допускаются; ни одна связь между отдельными «блоками», переход от одной его части к другой не должен осуществляться по соображениям «очевидности», интуитивных догадок, аналогии. Такого рода жесткие условия, в первую очередь, накладываются на формальные и / или в значительной степени формализованные системы, хотя они составляют сравнительно небольшое число математических теорий и в математической практике занимают далеко периферийное положение. Поэтому строгость доказательства – это своего рода «серая зона» между формализованными системами и реальной математической практикой [18]. «Серые зоны» могут возникать в самых неожиданных областях математики и ее приложений. Так, только в 2024 г. оказалось необходимым, в связи с развитием методов программирования и, проверив, начать пересматривать традиционные, едва ли не веками устоявшиеся представления о таком фундаментальном, «каноническом» математическом понятии, как «равенство»: $2 + 1$, $1 + 2$ и 3 , в некоторых случаях оказываются нетождественными, «неравными» в концептуальном смысле таким образом, что программа (Lean) указывает на их различие и идентифицирует как «ошибку» системы. Этот нюанс ускользнул даже от внимания таких выдающихся математиков, первопроходцев в алгебраической геометрии, как А. Гротендик и Ж. Дьедонне, которые рассуждали о равенстве и изоморфизме «в слишком свободной манере» [19. Р. 6].

Строгость и интуитивные суждения

Достаточно вспомнить гениального индийского математика С. Рамануджана, не получившего систематического математического образования. Он утверждал, что к нему во сне якобы являлась богиня Намагири (Namagiri), «опекавшая» семью математика и подсказывающая ему удивительно красивые и сложные математические соотношения (особенно в области теории чисел), восхищавшие крупных математиков. Просыпаясь, Рамануджан записывал эти соотношения, в правильности которых он был убежден интуитивно. Многие из них впоследствии удавалось доказать, но все-таки примерно одна треть оказалась неверной: блестящие интуитивные догадки Рамануджана были не столь безупречными, как он надеялся.

Выдающийся современный математик В.А. Воеводский был удостоен медали Филдса за существенные результаты в области алгебраической геометрии. Однако уже после этого события он обнаружил слабое место в своем доказательстве гипотезы Милнора–Блоха–Като. С тем, чтобы в будущем избежать такого рода ситуаций, Воеводский предпринял усилия в создании программы автоматической проверки правильности доказательств при помощи компьютеров, которая дала импульс для формирования библиотеки так называемых унивалентных оснований математики, включающей в себя методы, позволяющие автоматически проверять и доказывать математические

теоремы¹. Ошибочные суждения и выводы – не редкость в математике. Даже великие математики не всегда получают достоверные (правильные) результаты. Так, великий Д. Гильберт вопрос о взаимном расположении кривых степени 6, не имеющих действительных особых точек, отнес к 16-й проблеме из своего знаменитого списка важнейших математических проблем. Гильберт сам предложил решение, связанное с этим вопросом, но оно оказалось ошибочным. Верное решение было получено Д.А. Гудковым в 1950–1960-х гг.

Образ и стремление к строгости в математике можно представить в виде образа (морского) корабля: корабль должен быть надежным с тем, чтобы преодолеть большое расстояние в бурном океане; кроме того, он должен приплыть строго по назначению, в конкретную географическую точку, а не просто переплыть океан, пришвартовавшись на другом континенте. Строгое доказательство обеспечивает уверенность и его автора и, главное, научное сообщество в том, что цель – обоснование истинности некоторого утверждения (теоремы) – достигнута и сомнение в методах его достижения безосновательно.

Апогей строгости – это формальное, до предела, так сказать, формализованное доказательство. Благодаря этому доказательству истинность некоторого математического утверждения не вызывает сомнения. Однако в общем случае вовсе не такое доказательство убеждает математиков в истинности утверждения. Убеждает, подчеркивает А. Гранвил, нечто иное, лежащее за границами собственно формального доказательства [24. Р. 320], а именно факторы неформального характера: изящная и надежная методология, красота и оригинальность, точность выкладок, авторитет ученого, его школы, ранее утвержденная репутация как мыслителя, которому следует доверять, другие факторы, не сводящиеся к формальным выкладкам, например, использование в доказательствах уже апробированных методов [25]. Иногда к этим факторам добавляют ясность / простоту [26. С. 66]². Поэтому ключевое предназначение доказательства в узком смысле – это установление истинности некоторого утверждения; в широком же смысле – убеждение достаточно компетентных членов научного сообщества в том, что выкладки автором доказательства произведены правильно, основополагающие принципы теории приемлемы, а методом и полу-

¹ Важность усилий в направлении автоматической проверки и доказательства трудно переоценить, поскольку в математике довольно много утверждений и так называемых «призрачных» (ghost) теорем, которые никогда не доказывались, но активно используются в математической практике ввиду их «полезности» и отсутствия подозрений в том, что они приводят к противоречиям [20. Р. 3880]. Аналогичный статус «провалов (пробелов)» (gaps), энтимематического рода конструкций в математическом дискурсе, когда используются привычные и всем давно известные приемы [21]. Между тем вовсе не следует возлагать большие надежды на машинные методы доказательства новых теорем, поскольку эти методы фактически лишены эвристического потенциала, который был и остается только у «живого» и одаренного математика. «Ошибочно мнение, что машинная технология, – подчеркивает Дж. Авигад в своем ответе на вопрос о том, изменят ли компьютеры математику, – в состоянии изменить природу математики. На это способны только сами математики. Тем не менее эта технология безусловно повлияет на стиль математических рассуждений» [22. Р. 238]. Экспансия информационных технологий в математику и едва ли не взрывная волна появления машинных методов проверки и доказательства теорем заставила издать специальный номер одного из ведущего журнала США, посвященного этому процессу и его перспективам в математике [23, 24]. Лейтмотив едва ли не всех статей в данном номере заключается в том, что машинные методы проверки доказательств прежде всего увеличивают нашу уверенность в том, что математик, автор доказательства, не ошибся.

² Представления о ясности и простоте математического выражения (включая доказательство) также относятся к характеристикам, которыми оперирует тот, кто их оценивает: если для одного специалиста что-то «ясно и просто», то другой может не разделять это мнение. Поэтому вряд ли без серьезных оговорок можно разделить мнение Д. Гильберта о том, что «наиболее строгий метод доказательства в то же время оказывается более простым и понятным» (цит. по: [26. С. 66]).

ченному результату можно вполне доверять¹. Под таким углом зрения доказательство – важнейшая *этическая* процедура, посредством которой автор возлагает на себя ответственность в том, что интуиция его не подвела и любой достаточно компетентный член сообщества может при желании воспроизвести метод и получить тот же самый результат. Убеждение из внутриличностного феномена (догадка, озарение автора доказательства, выбор методологии и методов рассуждения) приобретает статус общезначимого (т.е. воспроизводимого), разделяемого компетентным научным сообществом [27, 28]. Между тем удельный вес и значение субъективных компонентов, оказывающих влияние на доказательство, позволил С. Де Тоффоли высказать мнение, что в реальности, рассуждая о доказательстве, мы должны вести речь о не вполне полноценном, а квази- (так сказать, «будто») доказательстве (simil-proof): доказательство как таковое с жесткими требованиями по строгости – это своего рода (почти) недостижимый идеал [29. Р. 400–401].

Аргументация в процессе доказательства не сводится к выбору и применению апробированных методов; она включает в себя возможность апелляции к многообразию методов, которые также могут привести к полученному результату, риторике, которая способна его представить в наиболее ярком и доступном максимально широкому кругу специалистов виде [30].

«Сочиняется» ли строгость?

Если при конструировании логико-математических систем требования к строгости столь велики и эти требования носят универсальный характер, т.е. обязательны для всех то по каким причинам, концептуальным основаниям возникают дискуссии по поводу состоятельности, правомерности того или иного доказательства?

Мы склонны рассуждать о доказательстве как некоторой объективной процедуре², фактически вынося за скобки особенности субъекта доказательства, его автора с глубоко субъективными воззрениями на то, какие фундаментальные принципы должны лежать в основаниях той или иной теории, какие методы допустимы, а какие недопустимы для достижения надежности доказательства, какие базисные абстракции наилучшим способом могут обеспечить построение теории вообще и эффективны / не эффективны в плане ее совершенствования и развития. Все указанные (и иные) субъективные особенности автора (и тем более группы авторов) доказательства и оказываются глубинными основаниями для разногласий и дискуссий, связанных с доказательствами. Различные группы математиков, вообще говоря, зачастую имеют несовпадающие представления о том, каким должно быть доказательство и какие средства допускаются при его конструкции³.

¹ Допустимо утверждение, что в определенном смысле любое математическое доказательство может быть отнесено к классу правдоподобных рассуждений.

² Обычно выделяют онтологический, эпистемический и семантический аспекты объективности математики и математического дискурса, которые, однако, ограничены особенностями репрезентации знания в этой науке [31. Р. 244].

³ Все это позволяет говорить о своего рода «дедуктивном плюрализме» [32. Р. 1436], в контексте которого вопрос об онтологических основаниях математики (столь важных для сторонников платонизма) – каков модус существования математической реальности и абстрактных объектов в ней – теряет смысл, хотя, как мне кажется, интерпретация условий генезиса и статуса абстрактных объектов с позиций номинализма по-прежнему правомерен. Так, число с этих позиций рассматривается в качестве «культурного» объекта [34].

Более конкретно – разногласия по поводу приемлемости системы аксиом, основополагающих абстракций (как, скажем, актуальной, потенциальной бесконечности или фактической осуществимости), допустимости тех или иных методов рассуждений и доказательств (например, использование диаграмм [34]), философско-методологических предпосылок теории и ее онтологических оснований (например, реализм versus антиреализм), практического использования тех или иных результатов, ее социального значения (ср.: [35. Р. 38]), вплоть до личных антипатий (как, например, У. Куайна к Р. Баркан-Маркус), несогласия со доминирующим стилем (как В.И. Арнольд имплицитно возражал стилю группы Бурбаки [36]) или ввиду недоброжелательного отношения к той или иной математической школе, ее репутации и репутации ее членов, оценок достижений некоторого сообщества. Иногда играют значение даже предрассудки, связанные с гендерными признаками. Наконец, у ученых могут быть различные мнения по поводу престижности и ценности публикаций в тех или иных изданиях. Так, В.И. Арнольд вспоминал совет Н.Н. Боголюбова предпочитать для своих статей не физические, а математические журналы: если в физическом и математическом журналах число читателей будет одним и тем же, подмечал Боголюбов, то в физическом журнале с хорошей статьей тысяча читателей познакомится за месяц, а потом о ней и ее авторе забудут, и даже предложенный там метод припишут кому-то другому, а математический журнал по дюжине человек будут читать лет сто, и имя автора не будет забыто и войдет в славную историю математики [37. С. 12]. Возможно, что Боголюбов (и вслед за ним Арнольд) несколько преувеличивал различие между сообществами физиков и математиков, но главное, как мне кажется, подмечено точно: стили мышления и оценки результатов у них отличны; это же, вообще говоря, будет (не в столь категоричной форме) справедливо и для тех или иных сообществ в математике, которые часто придерживаются различных точек зрения на то, каким требованиям должны удовлетворять доказательства для того, чтобы быть принятыми и признанными верными научным сообществом [38. Р. 169–170].

Если представления о строгости и требования, связанные с обеспечением (минимального) уровня строгости, как мы видели выше, столь многообразны, то осознание этого факта подводит к мысли о том, что если следовать идее Я. Хакинга о роли (новых) понятий в процессе «сочинения», создания (ранее не замечаемой) реальности [39; 40. С. 120–121]¹, то строгость представляет собой креатуру концептуального порядка, которая «сочиняется» и утверждается посредством некоторых ментальных операций: выбора приемлемых базисных принципов, допустимых абстракций и методов рассуждений, операций с объектами новой реальности и т.п. Результаты «сочинений» отливаются в новые типы онтологии. У сторонников платонизма (реализма) это математические объекты (числа, отношения, структуры и т.д.), существующие независимо от человеческого сознания в некоторой (так сказать, виртуальной) реальности с особыми свойствами; у сторонников номинализма (анти-реализма), к которым, по-видимому, можно с известными оговорками причислить и самого Хакинга [41. С. 257–292], – это математические объекты и отношения, в конечном по-

¹ Хакинг эту идею высказал в отношении «создания» новых категорий людей, которые не выделялись на фоне общей массы людей до появления понятий, с помощью которых они «проявлялись» из общей совокупности.

рожденные, сконструированные человеческим сознанием, которые можно отнести к жанру «концептуального инжиниринга» [42].

Заключение

Поэтому строгость – это не абсолютная, а относительная характеристика результата рассуждений в рамках некоторого дискурса. Ее границы определяются пределами деантропологизации знания. Она замыкается на те особенности, которые отличают человека как активного субъекта познания, и плотно привязана к историческому контексту, конкретному научному направлению и / или сообществу исследователей. Вероятно, подобно тому, как в физике имеет смысл принцип относительности к средствам измерений, так и в математике допустим принцип относительности к средствам доказательства – если иметь в виду представления о том, какие принимаются исходные допущения (аксиомы), какие абстракции и методы рассуждения считаются правомерными.

Список источников

1. Aberdein A. Deep Disagreement in Mathematics // *Global Philosophy*. 2023. Vol. 33. Article 1. P. 1–27.
2. Mortensen C. Inconsistent mathematics. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/mathematics-inconsistent/> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Arana A., Burnett H. Mathematical Hygiene. Preprint. 2023. 24 p.
4. Burgess J.P., De Toffoli S. What is mathematical rigor? // *APhEx*. 2022. Vol. 25. P. 1–17.
5. Marfori M.A., Bangu S., Ippoliti E. The explanatory and heuristic power of mathematics // *Synthese*. 2023. Vol. 201. Article 154.
6. Болотовский Б.М. Оливер Хэвисайд. М.: Наука, 1985. 260 с.
7. Wilson M. Imitation of rigor. An alternative history of analytic philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2022. XVII. 210 p.
8. Crook S.M., Davison A.P. et al. Editorial: Reproducibility and rigor in computational neuroscience // *Frontiers in Neuroinformatics*. 2020. Vol. 14. Article 23.
9. Sells S.N., Bassing S.B. et al. Increased scientific rigor will improve reliability of research and effectiveness of management // *The Journal of Wildlife Management*. 2017. Vol. 82 (3). P. 485–494.
10. Hofseth L.J. Getting rigorous with scientific rigor // *Carcinogenesis*. 2018. Vol. 39 (1). P. 21–25.
11. Sansbury B.E., Nystoriak M.A. et al. Rigor me this: What are the basic criteria for a rigorous, transparent, and reproducible scientific study? // *Frontiers in Cardiovascular Medicine*. 2022. Vol. 9. Article 913612.
12. Cresswell C., Speelman C.P. Does mathematics training lead to better logical thinking and reasoning? A cross-sectional assessment from students to professors // *PLOS One*. 2020. Vol. 15 (7). Article e0236153.
13. Zacharopolous G., Sella F., Kadosh R.C. The impact of a lack of mathematical education on brain development and future attainment // *PNAS*. 2021. Vol. 118, № 24. Article e2013155118.
14. Cantlon J.F. The balance of rigor and reality in development neuroscience // *Neuroimage*. 2020. Vol. 216. Article 116464.
15. Hamami Y. Mathematical rigor and proof // *Review of Symbolic Logic*. 2019. P. 1–41.
16. Hamami Y. Mathematical rigor, proof gap and the validity of mathematical inference // *Philosophia Scientiae*. 2014. Vol. 18, № 1. P. 7–26.
17. Avigad J. Reliability of mathematical inference // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 7377–7399.
18. Ламберов Л.Д. Строгость доказательства: «серая зона» между формализацией и практикой // *Философия науки*. 2023. № 1 (96). С. 128–133.
19. Buzzard K. Grothendick's use of equality // *arXiv:2405.10387v1*. May 16, 2024.
20. Rittberg C.J., Tanswell F.S., Van Bendegem J.P. Epistemic injustice in mathematics // *Synthese*. 2020. Vol. 197 (9). P. 3875–3904.
21. Andersen L.E. Acceptable gaps in mathematical proofs // *Synthese*. 2023. Vol. 197 (1). P. 233–247.

22. Avigad J. Mathematics and the formal turn // American Mathematical Society Bulletin. 2024. Vol. 61, № 2. P. 225–240.
23. Fraser M., Granville A. et al. Will machines change mathematics? // American Mathematical Society Bulletin. 2024. Vol. 61, № 2. P. 201–202.
24. Granville A. Proof in the time of machines // American Mathematical Society Bulletin. 2024. Vol. 61, № 2. P. 317–329.
25. Detlefsen M., Arana A. Purity of methods // Philosopher Imprint. 2011. Vol. 11 (2). P. 1–20.
26. Целищев В.В., Хлебалин А.В. Концептуальная и формальная строгость математического доказательства // Философия науки. 2022. № 1 (92). С. 64–70.
27. Bazhanov V.A. Proof as an Ethical Procedure // Science and Ethics. The Axiological Contexts of Science/ Eds. Agazzi E., Minazzi F. Bruxelles, Bern, Berlin, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien. Peter Lang, 2008. P. 185–193.
28. Бажанов В.А. Затрагивает ли кризис воспроизводимости математику? // Философия науки и техники. 2022. № 1. С. 70–83.
29. De Toffoli S. Proofs for a price: Tomorrow ultra-rigorous mathematical culture // American Mathematical Society Bulletin. 2024. Vol. 61, № 3. P. 395–410.
30. Aberdein A., Ashton Z. Argumentation in Mathematical Practice // Bharath Sriraman (ed.), Handbook of the History and Philosophy of Mathematical Practice. Cham: Springer, 2024. P. 2665–2687.
31. Cole J.C. Some preliminary note on the objectivity of mathematics // Topoi. 2023. Vol. 42. P. 235–245.
32. Hosack J. All inclusive philosophy of mathematics // American Mathematical Society Notices. 2019. Vol. 66. P. 1433–1437.
33. Бажанов В.А. Число и кантианская исследовательская программа в современной нейронауке // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 50–60.
34. De Toffoli S. Who is afraid of mathematical diagrams // Philosophical Imprint. 2023. Vol. 23 (1). P. 1–20.
35. De Toffoli S., Fontanari C. Recalcitrant disagreement in mathematics: An “endless and depressing controversy” in the history of Italian algebraic geometry // Global Philosophy. 2023. Vol. 33. Article 38. P. 1–30.
36. Arnold V.I. Mathematics and physics: mother and daughter or sisters // Physics – Uspekhi. 1999. Vol. 42 (12). P. 1205–1271.
37. Арнольд В.И. Что такое математика? М. : Изд-во МЦНМО, 2004. 104 с.
38. Inglis M., Aberdein A. Diversity in proof appraisal // Mathematical Cultures / ed. B. Larvor. Basel : Birkhauser, 2016. P. 163–180.
39. Hacking I. Making Up People // London Review of Books. 2006. Vol. 18, № 16 (August 17).
40. Хакинг Я. Историческая онтология / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2024. 384 с.
41. Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2020. 400 с.
42. Kohler S., Veluwenkamp H. Conceptual engineering: For what matters // Mind. 2024. Vol. 133, issue 530. P. 400–427.

References

1. Aberdein, A. (2023) Deep Disagreement in Mathematics. *Global Philosophy*. 33. Art. 1. pp. 1–27.
2. Mortensen, C. (n.d.) *Inconsistent mathematics*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/mathematics-inconsistent> (Accessed: 10th June 2024).
3. Arana, A. & Burnett, H. (2023) *Mathematical Hygiene*. [Preprint].
4. Burgess, J.P. & De Toffoli, S. (2022) What is mathematical rigor? *APhEx*. 25. pp. 1–17.
5. Marfori, M.A., Bangu, S. & Ippoliti, E. (2023) The explanatory and heuristic power of mathematics. *Synthese*. 201. Art. 154.
6. Bolotovskiy, B.M. (1985) *Oliver Khevisayd* [Oliver Heaviside]. Moscow: Nauka.
7. Wilson, M. (2022). *Imitation of Rigor. An Alternative History of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
8. Crook, S.M., Davison, A.P. et al. (2020) Editorial: Reproducibility and rigor in computational neuroscience. *Frontiers in Neuroinformatics*. 14. Art. 23.
9. Sells, S.N., Bassing, S.B. et al. (2017) Increased scientific rigor will improve reliability of research and effectiveness of management. *The Journal of Wildlife Management*. 82(3). pp. 485–494.
10. Hofseth, L.J. (2018) Getting rigorous with scientific rigor. *Carcinogenesis*. 39(1). pp. 21–25.

11. Sansbury, B.E., Nystoriak, M.A. et al. (2022) Rigor me this: What are the basic criteria for a rigorous, transparent, and reproducible scientific study? *Frontiers in Cardiovascular Medicine*. 9. Art. 913612.
12. Cresswell, C. & Speelman, C.P. (2020) Does mathematics training lead to better logical thinking and reasoning? A cross-sectional assessment from students to professors. *PLOS One*. 15(7). Art. e0236153
13. Zacharopolous, G., Sella, F. & Kadosh, R.C. (2021) The impact of a lack of mathematical education on brain development and future attainment. *PNAS*. 118(24). Art. e2013155118.
14. Cantlon, J.F. (2020) The balance of rigor and reality in development neuroscience. *Neuroimage*. 216. Art. 116464.
15. Hamami, Y. (2019) Mathematical rigor and proof. *Review of Symbolic Logic*. pp. 1–41.
16. Hamami, Y. (2014) Mathematical rigor, proof gap and the validity of mathematical inference. *Philosophia Scientiae*. 18(1). pp. 7–26.
17. Avigad, J. (2021) Reliability of mathematical inference. *Synthese*. 198. pp. 7377–7399.
18. Lamberov, L.D. (2023) Strogost' dokazatel'stva: "seraya zona" mezhdru formalizatsiey i praktikoy [Rigor of proof: The "gray zone" between formalization and practice]. *Filosofiya nauki*. 1(96). pp. 128–133.
19. Buzzard, K. (2024) Grothendieck's use of equality. *arXiv:2405.10387v1*. 16th May.
20. Rittberg, C.J., Tanswell, F.S. & Van Bendegem, J.P. (2020) Epistemic injustice in mathematics. *Synthese*. 197(9). pp. 3875–3904.
21. Andersen, L.E. (2023) Acceptable gaps in mathematical proofs. *Synthese*. 197(1). pp. 233–247.
22. Avigad, J. (2024) Mathematics and the formal turn. *American Mathematical Society Bulletin*. 61(2). pp. 225–240.
23. Fraser, M., Granville, A. et al. (2024) Will machines change mathematics? *American Mathematical Society Bulletin*. 61(2). pp. 201–202.
24. Granville, A. (2024) Proof in the time of machines. *American Mathematical Society Bulletin*. 61(2). pp. 317–329.
25. Detlefsen, M. & Arana, A. (2011) Purity of methods. *Philosopher Imprint*. 11(2). pp. 1–20.
26. Tselishchev, V.V. & Khlebalin, A.V. (2022) Kontseptual'naya i formal'naya strogost' matematicheskogo dokazatel'stva [Conceptual and formal rigor of mathematical proof]. *Filosofiya nauki*. 1(92). pp. 64–70.
27. Bazhanov, V.A. (2008) Proof as an Ethical Procedure. In: Agazzi, E. & Minazzi, F. (eds) *Science and Ethics. The Axiological Contexts of Science*. Bruxelles, Bern, Berlin, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. pp. 185–193.
28. Bazhanov, V.A. (2022). Zatravivaet li krizis vosproizvodimosti matematiku? [Is the reproducibility crisis affecting mathematics?]. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 1. pp. 70–83.
29. De Toffoli, S. (2024) Proofs for a price: Tomorrow ultra-rigorous mathematical culture. *American Mathematical Society Bulletin*. 61(3). pp. 395–410.
30. Aberdein, A. & Ashton, Z. (2024) Argumentation in Mathematical Practice. In: Sriraman, B. (ed.) *Handbook of the History and Philosophy of Mathematical Practice*. Cham: Springer. pp. 2665–2687.
31. Cole, J.C. (2023) Some preliminary note on the objectivity of mathematics. *Topoi*. 42. pp. 235–245.
32. Hosack, J. (2019) All inclusive philosophy of mathematics. *American Mathematical Society Notices*. 66. pp. 1433–1437.
33. Bazhanov, V.A. (2021) Chislo i kantianskaya issledovatel'skaya programma v sovremennoy neyronauke [Number and the Kantian research program in modern neuroscience]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 50–60.
34. De Toffoli, S. (2023). Who is afraid of mathematical diagrams? *Philosophical Imprint*. 23(1). pp. 1–20.
35. De Toffoli, S. & Fontanari, C. (2023) Recalcitrant disagreement in mathematics: An "endless and depressing controversy" in the history of Italian algebraic geometry. *Global Philosophy*. 33. Art. 38. pp. 1–30.
36. Arnold, V.I. (1999) Mathematics and physics: mother and daughter or sisters. *Physics – Uspekhi*. 42(12). pp. 1205–1271.
37. Arnold, V.I. (2004) *Chto takoe matematika?* [What is mathematics?]. Moscow: MTSNMO.
38. Inglis, M. & Aberdein, A. (2016) Diversity in proof appraisal. In: Larvor, B. (ed.) *Mathematical Cultures*. Basel: Birkhauser. pp. 163–180.
39. Hacking, I. (2006) Making Up People. *London Review of Books*. 18(16) 17th August.

40. Hacking, I. (2024) *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology]. Moscow: Kanon+.
41. Hacking, I. (2020) *Pochemu voobshche sushchestvuet filosofiya matematiki?* [Why is there philosophy of mathematics at all?]. Moscow: Kanon+.
42. Kohler, S. & Veluwenkamp, H. (2024) Conceptual engineering: For what matters. *Mind*. 133(530). pp. 400–427.

Сведения об авторе:

Бажанов В.А. – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Россия). E-mail: vbazhanov@yandex.ru, <https://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bazhanov V.A. – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Technologies, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vbazhanov@yandex.ru, <https://staff.ulsu.ru/bazhanov/>

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 01.07.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/81/2

МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЗНАВАЕМОСТИ

Евгений Васильевич Борисов

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. В современной литературе обсуждается ряд альтернативных формализаций принципа познаваемости, гласящего, что все факты познаваемы средствами эпистемической логики. В статье сопоставляются формализация этого принципа, предложенная Д. Эджингтон, и формализация, предложенная автором в одной из недавних публикаций. Выявлены интуитивные основания концепции Эджингтон и показано, что авторская формализация принципа познаваемости им соответствует. При этом последняя имеет то преимущество, что базируется на более простой семантике и имеет более широкую сферу применения.

Ключевые слова: познаваемость, модальность, эпистемическая логика, семантика возможных миров, ситуационная семантика

Для цитирования: Борисов Е.В. Модальный аспект познаваемости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 17–23. doi: 10.17223/1998863X/81/2

Original article

THE MODAL ASPECT OF KNOWABILITY

Evgeny V. Borisov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com*

Abstract. The principle of knowability (KP) says that all facts are knowable. The Fitch paradox shows that the logical representation (formalization) of KP by means of epistemic logic is not a routine task, and in the literature this task remains an open problem. Various formalizations of KP have been proposed and are being discussed in the literature. One of them was proposed by Dorothy Edgington. She represents KP by the formula $A_p \rightarrow \Diamond K A_p$ (1) where A is the actuality operator. She intends (1) to be interpreted using the situational semantics in the spirit of Humberstone rather than possible world semantics. In a recent publication, I showed that her formalization of KP is essentially incomplete because she does not define the interpretation of A , and intuitively plausible interpretations in situational semantics, applied to (1), have counter-intuitive consequences. On the other hand, Edgington's formalization is based on some intuitions concerning knowability that should be reflected by any plausible formalization of KP. The most important of those intuitions is to the effect that knowability involves modal knowledge: saying that a fact is knowable is tantamount to saying that it is possible to know that in a certain situation (or in a certain possible world) the fact takes place. In one of my publications, I suggested formalizing KP by the formula $p \rightarrow \Diamond K p$ (2) that should be interpreted in terms of possible world semantics. In the present article, I demonstrate that (2) reflects the modal aspect of knowability more accurately than (1) and that (2) accommodates other intuitions lying behind Edgington's view on KP. Moreover, (2) has the following advantages over (1): it is based on a simpler semantics, and it has a broader sphere of applicability because it can be applied not only to actual facts but also to possible ones. I conclude that (2) is preferable. In my construal of KP in this article, I use the bimodal propositional logic containing alethic and epistemic

modalities. In the modals of such a logic, knowledge is represented by the epistemic accessibility relation between possible worlds.

Keywords: knowability, modality, epistemic logic, possible world semantics, situational semantics

For citation: Borisov, E.V. (2024) The modal aspect of knowability. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 17–23. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/2

Принцип познаваемости гласит:

Все факты познаваемы. (ПП)

Данный принцип интуитивно привлекателен и принимается (с ограничениями или без таковых) во многих эпистемологических концепциях. Однако его репрезентация в эпистемической логике представляет собой открытую проблему, которая известна как парадокс Фитча. Парадокс возникает при следующих условиях: 1) мы трактуем познаваемость факта p как возможность его известности и формализуем (ПП) формулой $p \rightarrow \Diamond Kp$, где K – оператор аскрипции знания; 2) принимаем интуитивно принцип фактивности знания: $Kp \rightarrow p$; 3) принимаем принцип дистрибутивности знания относительно конъюнкции: $K(p \& q) \rightarrow Kp \& Kq$. Парадокс состоит в том, что допущение существования неизвестных фактов приводит к противоречию: допустив $p \& \sim Kp$ и применив к этой формуле принцип познаваемости в указанной формализации, мы получаем $\Diamond K(p \& \sim Kp)$; применив к последней формуле принцип дистрибутивности, мы получаем $\Diamond (Kp \& K \sim Kp)$, из чего, применив принцип фактивности к подформуле $K \sim Kp$, получаем $\Diamond (Kp \& \sim Kp)$, т.е. утверждение о возможности противоречия. Последнее опровержимо в любой нормальной модальной логике, следовательно, из принципа познаваемости в указанной формализации, а также принципов фактивности и дистрибутивности следует абсурдный вывод, что неизвестных фактов нет¹.

Одна из стратегий решения этой проблемы состоит в поиске альтернативных формализаций (ПП). В частности, Эджингтон предложила следующую формализацию:

$Ap \rightarrow \Diamond KA p$, (1)

где A – оператор актуальности [5, 6]. Д. Эджингтон предлагает интерпретировать (1) не в рамках семантики возможных миров, но в рамках ситуационной семантики, разработанной Л. Хамберстоуном [7]. Детальное описание ситуационной семантики Хамберстоуна выходит за рамки данной статьи; оговорю только ее главную особенность: в этой семантике истинностные значения формул релятивизированы не к возможным мирам, но к ситуациям. Говоря неформально, ситуацию можно понимать как фрагмент возможного мира, т.е. некоторую совокупность фактов. (1) означает, что если в некоторой действительной ситуации s имеет место факт p , то в некоторой возможной ситуации известно, что в s имеет место p . Отмечу принципиальную для нашей темы особенность данной формализации (ПП): в ее консеквенте

¹ Парадокс был впервые представлен Фитчем со ссылкой на анонимного рецензента его статьи в [1] (рецензентом был Черч). В [2–4] представлены основные подходы к устранению парадокса.

контр-фактическим агентам приписывается знание не о том, что имеет место в их ситуации, но о том, что имеет место в действительной ситуации. По выражению Эджингтон, это знание «на модальной дистанции» [6. Р. 42].

В [8] я показал, что предложенная Эджингтон формализация является существенно неполной по следующим причинам: 1) Эджингтон не определяет формально-семантическую интерпретацию оператора актуальности в рамках ситуационной семантики; 2) интуитивно убедительные интерпретации оператора актуальности в рамках ситуационной семантики неприемлемы, поскольку в свете этих интерпретаций (1) имеет контр-интуитивные следствия¹.

В [9] я предложил альтернативную формализацию (ПП):

$$p \rightarrow \Diamond K \Diamond p. \quad (2)$$

Как видим, (2) отличается от (1) тем, что в консеквенте (2) стоит оператор возможности там, где в (1) стоит оператор актуальности, а также тем, что в антецеденте (2) отсутствует какой-либо модальный оператор. Кроме того, принципиальное отличие (2) от (1) состоит в том, что (2) следует интерпретировать в рамках семантики возможных миров². Преимущество (2) перед (1) состоит в том, что (2) имеет более широкую сферу применения, поскольку допускает применение не только к действительным, но и к возможным фактам. Кроме того, (2) как формализация (ПП) базируется на семантике возможных миров, которая является значительно более простой, чем ситуационная семантика.

Данная статья представляет собой дальнейшую экспликацию концепции, представленной в [9]. Цель статьи – показать, что (2) как формализация (ПП) отражает интуиции, лежащие в основе концепции Эджингтон. Ниже рассматривается один из примеров, которыми Эджингтон иллюстрирует свою концепцию; на этой основе демонстрируется, что (2) применимо к этому примеру и сохраняет упомянутые интуиции. При использовании (2) я имею в виду стандартную эпистемическую логику, основанную на семантике возможных миров. Эта логика имеет следующие особенности: 1) Это бимодальная пропозициональная логика, содержащая алетическую и эпистемическую модальность. Эти модальности представлены, соответственно, операторами \Diamond и K . 2) Оператор K не индексируется; неформально формула Kp говорит, что существует агент, знающий пропозицию p . 3) Семантически (в заданной модели) знание репрезентируется эпистемическим отношением достижимости: формула Kp истинна в мире w заданной модели, если и только если во всех эпистемических альтернативах w истинно p . Агенты понимаются как существа с ограниченными познавательными возможностями. Это значит, что они могут знать только конечное множество атомарных пропозиций или их отрицаний.

Рассмотрим один из примеров, которыми Эджингтон иллюстрирует применение предложенной ею формализации принципа познаваемости [5. Р. 565–566]. К Земле приближается комета, и у ученых появляется шанс вы-

¹ Убедительная, на мой взгляд, критика концепции Эджингтон в ряде других аспектов представлена работах Т. Уильямсона [10, 11].

² Эта формализация применима только к познаваемости *de dicto*. Специфика познаваемости *de re* и возможность ее формализации обсуждаются в [12].

яснить с помощью космической миссии, имеются ли на ней органические вещества. Действительный ответ на этот вопрос – обозначим его «р» – пока неизвестен, т.е. имеет место $p \& \sim Kp$. Обозначим описанную ситуацию s_0 . При этом комета находится в процессе распада и вскоре исчезнет, поэтому шанс является последним. К комете был направлен космический аппарат, но миссия провалилась и сложилась ситуация s_1 . Ситуации s_0 и s_1 являются действительными, и в обеих истинно $p \& \sim Kp$; при этом после s_1 узнать, имел ли место факт p , невозможно. Рассмотрим контр-фактическую ситуацию s_2 , которая отличается от s_1 только тем, что в s_2 миссия удалась, а также следствиями этой пропозиции. Контр-фактические агенты в s_2 знают, что в их ситуации имеет место p ; в переводе на формальный язык в s_2 истинно Kp . Кроме того, они знают, что это их знание является результатом успешной космической экспедиции, поэтому они также знают, что, если бы миссия провалилась, имело бы место $p \& \sim Kp$. Это знание не о том, что имеет место в s_2 , но о том, что имеет место в другой ситуации (s_1), т.е. это знание имеет модальный характер. Какая формула отражает существование такого знания в s_2 ? Поскольку речь идет о модальном знании, формула должна иметь вид

$$KO(p \& \sim Kp), \quad (3)$$

где O – некоторый модальный оператор. Но какой именно оператор следует использовать в (3) вместо O ? Эджингтон использует оператор актуальности, однако, как отмечено выше, она не определяет формально-семантическую интерпретацию этого оператора, что делает ее формализацию (ПП) неполной. Кроме того, можно против использования этого оператора выдвинуть следующее неформальное возражение: формула $KA(p \& \sim Kp)$ означает, что агенты знания идентифицируют ситуацию s_1 (в которой миссия провалилась) как *действительную*. Но в приведенном примере это, очевидно, не так: речь идет об агентах, существующих в ситуации s_2 (в которой миссия удалась), следовательно, они рассматривают s_2 как действительную ситуацию, а s_1 – как контр-фактическую. Это дает интуитивные основания при формализации принципа познаваемости использовать в (3) оператор возможности вместо O , что и реализовано в (2).

Эджингтон считает, что в приведенном примере агенты в ситуации s_2 идентифицируют ситуацию s_1 . Это допущение контр-интуитивно. В самом деле, когда мы говорим: «Если бы имело место p , то имело бы место q », мы обычно рассматриваем не фиксированную ситуацию, а множество ситуаций с определенными свойствами. Например, говоря: «Если бы пошел дождь, я раскрыл бы зонт», говорящий имеет в виду множество ситуаций с определенными свойствами (к последним относится, например, тот факт, что говорящий находится на улице и имеет при себе нераскрытый зонт). При этом несущественные свойства этих ситуаций (например, любил ли Пушкин шнапс) могут варьироваться произвольным образом. Таким образом, условные предложения данного вида говорят не об отдельно взятых ситуациях, а о классах ситуаций, выделяемых по тому или иному набору свойств. В частности, в примере Эджингтон агенты идентифицируют не отдельно взятую ситуацию s_1 , но множество ситуаций, в которых имеют место все описанные особенности s_1 . Модальное знание об отдельно взятой ситуации (в общем случае) невозможно репрезентировать в семантике возможных миров: оно

может быть репрезентировано только в ситуационной семантике. Но знание о классах ситуаций, выделяемых по определенным характеристикам, допускает репрезентацию в семантике возможных миров. Поскольку последняя существенно проще ситуационной семантики, я в дальнейшем буду использовать именно семантику возможных миров. При этом термин «ситуация» ниже будет использоваться в смысле фрагмента возможного мира, т.е. некоторого множества фактов, имеющих место в возможном мире.

Интерпретируя пример Эджингтон в свете семантики возможных миров, мы приписываем агентам знание следующей пропозиции: в некоторых из миров, частью которых является ситуация s_1 , имеет место $p \& \sim Kp$. Ситуация s_1 – это совокупность фактов, перечисленных в описании примера (от факта, что к Земле приближается комета, до факта, что космическая миссия провалилась). Агенты имеют в виду все эти факты, и поскольку речь идет об агентах с ограниченными познавательными возможностями, множество этих фактов является конечным. Конечное множество фактов может быть описано одной формулой. Пусть q_1, \dots, q_n – это формулы, соответствующие указанным фактам. Тогда ситуация s_1 описывается конъюнкцией $q_1 \& \dots \& q_n$; обозначим ее как c . Используя эти обозначения, знание, которое контр-фактические агенты имеют в примере Эджингтон в ситуации s_2 , выражается формулой $\Diamond(c \& p \& \sim Kp)$. На неформальном языке эта формула говорит: возможно, имеет место ситуация s_1 и неизвестный факт p . Или, более детально и формально: существует возможный мир, в котором имеют место факты q_1, \dots, q_n и p , и факт p неизвестен.

Для этого примера существенно также то, что факт p , познаваемость которого он иллюстрирует, имеет место в ситуации s_1 . Обобщая данный пример, мы можем сказать, что принцип познаваемости утверждает не просто познаваемость некоторого факта, но его познаваемость в той или иной ситуации. Мне эта трактовка (ПП) представляется интуитивно привлекательной, как минимум, применительно к некоторым случаям, в которых мы используем понятие познаваемости. Если мы принимаем эту трактовку (ПП), то должны формально репрезентировать ситуации (как конечные фрагменты возможных миров) в формализации (ПП). Самый простой способ сделать это состоит в том, чтобы модифицировать (2), добавив в антецедент и консеквент этой формулы характеристику ситуации:

$$c \& p \rightarrow \Diamond K \Diamond (c \& p), \quad (2')$$

где c – формула, характеризующая некоторую ситуацию (конъюнкция формул, соответствующих релевантным фактам). Однако такая модификация (2) избыточна, поскольку (2') является частным случаем (2): мы получаем (2') из (2), подставляя в (2) $c \& p$ вместо p . (Если ситуация, с которой ассоциируется факт, пуста, в качестве c можно взять любую общезначимую формулу: если c общезначима, (2) и (2') эквивалентны.)

Подведем итог. Формула (2) отражает все релевантные интуиции, лежащие в основе концепции Эджингтон и иллюстрируемые приведенным выше примером, а именно следующие: 1) принцип познаваемости приписывает контр-фактическим агентам модальное знание (знание на «модальной дистанции»); 2) принцип познаваемости применяется не к отдельному факту, а к факту в ситуации; 3) связь факта и ситуации воспроизводится в знании

контр-фактических агентов, которое постулирует принцип познаваемости. Отмечу также, что (1) имеет следующий недостаток: поскольку в antecedенте этой формулы главным оператором является оператор актуальности, (1) применима только к действительным ситуациям (что бы это ни значило в рамках ситуационной семантики) или действительному миру (в рамках семантики возможных миров). Однако интуитивный смысл принципа познаваемости не предполагает такого ограничения: он постулирует познаваемость не только действительных фактов в действительных ситуациях, но и познаваемость возможных фактов в возможных ситуациях. Поскольку (2) не содержит оператора актуальности, эта формализация (ПП) свободна от указанного недостатка.

Список источников

1. Fitch F. A Logical Analysis of Some Value Concepts // *Journal of Symbolic Logic*. 1963. Vol. 28. P. 113–118.
2. Brogaard B., Salerno J. Fitch's Paradox of Knowability // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>. 2019.
3. Salerno J. Knowability Noir: 1945–1963 // *New Essays on the Knowability Paradox* / ed. J. Salerno. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 29–48.
4. Fara M. Knowability and the Capacity to Know // *Synthese*. 2010. № 173. С. 53–73.
5. Edgington D. The Paradox of Knowability // *Mind*. 1985. Vol. 94. P. 557–568.
6. Edgington D. Possible Knowledge of Unknown Truth // *Synthese*. 2010. Vol. 173. P. 41–52.
7. Humberstone L. From Worlds to Possibilities // *Journal of Philosophical Logic*. 1981. Vol. 10. P. 313–339.
8. Борисов Е.В. О формализации принципа познаваемости у Эджингтон // *Respublica literaria*. 2021. Т. 2, № 4. С. 43–51. doi: 10.47850/RL.2021.2.4.43-51
9. Borisov E.V. Knowability without rigidity // *Filosofija. Sociologija*. 2021. Vol. 32, № 3. P. 194–202.
10. Williamson T. On the Paradox of Knowability // *Mind*. 1987. Vol. 95. P. 256–261.
11. Williamson T. *Knowledge and its Limits*. Oxford : Oxford University Press, 2000.
12. Борисов Е.В. Познаваемость в гибридной эпистемической логике // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 76. С. 11–17. doi: 10.17223/1998863X/76/2

References

1. Fitch, F. (1963) A Logical Analysis of Some Value Concepts. *Journal of Symbolic Logic*. 28. pp. 113–118.
2. Brogaard, B. & Salerno, J. (2019) Fitch's Paradox of Knowability. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>
3. Salerno, J. (2009) Knowability Noir: 1945 – 1963. In: Salerno, J. (ed.) *New Essays on the Knowability Paradox*. Oxford: Oxford University Press. pp. 29–48.
4. Fara, M. (2010) Knowability and the Capacity to Know. *Synthese*. 173. pp. 53–73. DOI: 10.1007/s11229-009-9676-8
5. Edgington, D. (1985) The Paradox of Knowability. *Mind*. 94. pp. 557–568.
6. Edgington, D. (2010) Possible Knowledge of Unknown Truth. *Synthese*. 173. pp. 41–52. DOI: 10.1007/s11229-009-9675-9
7. Humberstone, L. (1981) From Worlds to Possibilities. *Journal of Philosophical Logic*. 10. pp. 313–339.
8. Borisov, E.V. (2021) On Edgington's Formalization of the Principle of Knowability. *Respublica literaria*. 2(4). pp. 43–51. (In Russian). DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.43-51
9. Borisov, E.V. (2021) Knowability without rigidity. *Filosofija. Sociologija*. 32(2). pp. 194–202. DOI: 10.6001/fil-soc.v32i3.4491
10. Williamson, T. (1987) On the Paradox of Knowability. *Mind*. 95. pp. 256–261.

11. Williamson, T. (2000) *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press.

12. Borisov, E.V. (2023) Knowability in Hybrid Epistemic Logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 76. pp. 11–17. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/76/2

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, chief researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2024;

одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024

The article was submitted 06.07.2024;

approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК165

doi: 10.17223/1998863X/81/3

АНАЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Всеволод Адольфович Ладов¹, Антон Евгеньевич Черепяхин²

^{1,2} *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия*

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *ladov@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлена разработка авторской эпистемологической концепции аналитического реализма. Зафиксирована специфика формального (логического) и содержательного (семантического) аспектов аналитического реализма. Подробно изложены основные тезисы и аргументы концепции аналитического реализма в содержательном аспекте. Указана теоретическая и практическая значимость проведенных исследований.

Ключевые слова: эпистемология, семантика, логика, реализм, антиреализм, скептицизм, релятивизм, значение, референт, истина, Фреге, Витгенштейн, Кэти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Для цитирования: Ладов В.А., Черепяхин А.Е. Аналитический реализм в содержательном аспекте: теория и практика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 24–38. doi: 10.17223/1998863X/81/3

Original article

ANALYTICAL REALISM IN THE SUBSTANTIVE ASPECT: THEORY AND PRACTICE

Vsevolod A. Ladov¹, Anton E. Cherepakhin²

^{1,2} *Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation*

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,*

¹ *ladov@yandex.ru*

Abstract. Analytical realism is a new epistemological conception which developed in the context of analytic philosophy. The term “analytical realism” is already used in Russian philosophy of the past decades. A.F. Gryaznov began to speak about it. After that L.B. Makeeva in her monograph *Language, Ontology and Realism* used this term too. However, these research works had mainly a historical character. Some known thinkers and their ideas in the areas of semantics, ontology, epistemology, and logic in the context of analytic philosophy were thought here. The authors of this article use the term “analytical realism” in the context of systematic philosophy in order to denote their own conceptual development in epistemology. Analytical realism asserts a possibility of true knowledge of objective reality.

This knowledge is thought as a fixation of senses and referents of linguistic expressions and true values of sentences since the language is a fundamental area of experience in the context of analytic philosophy. The authors separate two aspects of analytical realism: formal (logical) and substantial (semantic). In the formal aspect, epistemological theories of antirealist (skeptical, relativistic) type are criticized by demonstrating the logical inconsistency of these conceptions. The criticism is realized with the help of the *reductio ad absurdum* argument that is based on the phenomenon of self-reference. The authors demonstrate that theoretical developments of antirealist type turn out to be contradictory in the moment when the basis theses of these theories are applied to themselves. However, the formal aspect is insufficient for the development of realism. Realism should be founded not only in the formal aspect by demonstrating the contradiction of the opposite position but also in the direct mode through the exhibition of truth of realistic position. The substantive aspect of analytical realism must do it. Since analytical realism is a conception within analytic philosophy, then its substantive aspect assumes the reality of meanings (senses) of linguistic expression and a possibility of a true knowledge of them. All questions of knowledge are considered as questions of knowledge of meanings of linguistic expressions treated as stable essences in contrast to skepticism and relativism in analytic philosophy, in particular, the skepticism of late Ludwig Wittgenstein, which denied meaning as a stable structure. A detailed development of the substantive aspect of analytical realism is presented in the article.

Keywords: epistemology, semantics, logic, realism, antirealism, skepticism, relativism, meaning, reference, truth, Frege, Wittgenstein, Katz

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Ladov, V.A. & Cherepakhin, A.E. (2024) Analytical realism in the substantive aspect: theory and practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 24–38. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/3

Введение

Аналитический реализм – это новая эпистемологическая концепция, разрабатываемая в контексте традиции аналитической философии. Термин «аналитический реализм» уже использовался в русскоязычной философской среде последних десятилетий. Об аналитическом реализме начал говорить А.Ф. Грязнов [1], а затем этот термин использовала Л.Б. Макеева в своей монографии «Язык, онтология и реализм» [2]. Однако указанные исследования имели по преимуществу историко-философский характер. Под аналитическим реализмом здесь понимался ряд известных мыслителей и корпус их идей в рамках традиции аналитической философии, которые можно отнести к проявлению реализма в семантике, онтологии, эпистемологии, логике. Мы же используем термин «аналитический реализм» в смысле исследований в области систематической философии, а именно, для обозначения авторской концептуальной разработки в эпистемологии.

Аналитический реализм утверждает возможность истинного познания объективной реальности, но поскольку все исследования здесь проводятся в контексте традиции аналитической философии, постольку под познанием объективной реальности понимается фиксация смыслов и референтов языковых выражений, фиксация истинностных значений предложений языка, ибо именно язык в рамках аналитической традиции трактуется как та фундаментальная сфера опыта, где осуществляется и репрезентируется познание реальности.

Аналитический реализм в формальном и содержательном аспектах

Мы выделяем два аспекта аналитического реализма – формальный (логический) и содержательный (семантический).

В формальном аспекте проводится критика эпистемологических теорий антиреалистского (релятивистского, скептического) типа посредством демонстрации логической непоследовательности и противоречивости их построений. Эта критика осуществляется с использованием аргумента *reductio ad absurdum*, который основывается на явлении самореферентности (self-reference). Демонстрируется, что теоретические построения антиреалистского типа оказываются противоречивыми при применении основных тезисов данных теорий к самим же этим теориям. Формальный аспект аналитического реализма был подробно представлен нами [3] в критическом логико-философском анализе концепции позднего Л. Витгенштейна как одной из наиболее радикальных форм антиреализма в современной философии [4].

Однако формального аспекта для развития реализма недостаточно. Необходимо провести обоснование реализма не только формально, посредством косвенной логической аргументации, через приведение к абсурду антиреализма, но и посредством прямой логической аргументации, через демонстрацию правоты реализма без ссылки на противоречивость противоположной позиции. Это и призван сделать содержательный аспект аналитического реализма. Поскольку аналитический реализм – это эпистемологическая концепция, разрабатываемая внутри традиции аналитической философии, постольку содержательный реализм подразумевает реальность значений (смыслов) языковых выражений и возможность их адекватного познания. Все вопросы познания рассматриваются как вопросы познания значений языковых выражений в качестве устойчивых, стабильных структур, в противовес скептицизму и релятивизму в аналитической философии, в частности, концепции позднего Витгенштейна, который отрицал значение как некоторую стабильную сущность. Содержательный аспект аналитического реализма должен представлять собой определенный вид семантического реализма. Но только определенный вид. Не всякий семантический реализм устроит эпистемологию аналитического реализма.

Физикализм как антиреализм

Одним из наиболее явных проявлений семантического реализма принято считать референциалистскую семантику [5]. На уровне онтоэпистемологического исследования референциалистской семантике соответствует позиция физикализма, утверждающего существование материальных объектов в качестве единственных составных элементов реальности. Эти объекты выступают референтами языковых выражений, и познание реальности в семантическом аспекте трактуется, соответственно, как познание референтов. Физикализм, физический реализм – доминирующая онтоэпистемологическая позиция в рамках естественнонаучного мышления, которое, по общепринятому мнению, представляет собой реализм в классическом виде, научный реализм.

Однако при более тщательном рассмотрении можно заметить, что данная позиция содержит серьезное семантико-эпистемологическое затруднение.

Референциалистская семантика, напрямую связывающая слова и вещи, и соответствующая ей онтоэпистемологическая позиция физикализма, научного реализма, не могут обеспечить решение так называемой проблемы следования правилу, сформулированной в философии позднего Л. Витгенштейна [4. С. 130]. Казалось бы, мы устанавливаем референциальную определенность между словами и объектами, между предложениями и физическими фактами, например, в предложении «Это – стол», но на самом деле эта определенность обманчива, иллюзорна. Будущие употребления данного предложения радикально не ясны. Скажем, стол в японской культуре как предмет мебели для чайной церемонии высотой чуть выше щиколотки может выступить в качестве референта слова «стол», а может и не выступить. В его нынешнем значении, в контексте европейской культуры, под столом понимается предмет высотой примерно в треть человеческого роста. Однако данное понимание сформировано на конечных примерах употребления слова «стол» и, по сути, является открытым, не вполне определенным, никто не мешает нам впоследствии включить в область референтов данного слова предметы иной высоты, нежели мы привыкли до сих пор, хотя такой вариант развития событий можно расценить тоже лишь как гипотетический. В случаях последующего словоупотребления мы можем как продолжать придерживаться признака 'быть предметом высотой в треть человеческого роста', так и отказаться от него. Отсюда следует, что и в данном конкретном употреблении, когда агент речи находится в рамках европейской культуры, у слова «стол» или у предложения «Это – стол» не ясно значение как правило употребления, и поэтому не ясна референциальная область употребления. В данном конкретном случае употребления предложения «Это – стол» субъект не вполне отдает себе отчет в том, что он имеет в виду, что он называет, какому правилу он следует: правилу 'стол', которое включает предметы только европейской культуры, или правилу 'цтол' (если проводить аналогию с известным дефект-правилом 'квус' одного из наиболее известных интерпретаторов позднего Витгенштейна – С. Крипке [6]), включающему предметы не только европейской, но и японской культуры, при условии, что с японской культурой он просто еще никогда не сталкивался, не знает о ее специфике. Если это так, то однозначная истинностная оценка предложения как истинного или ложного даже в одном конкретно взятом случае невозможна. Если агент речи сам не знает, что он подразумевает под словом «стол», то он не сможет и сказать, является ли истинным его предложение «Это – стол» в конкретном случае употребления или нет.

Все это приводит нас к радикальному релятивизму. Мы можем считать наши предложения истинными, а можем считать их и ложными, и главное, что каких-то строго определенных критериев истинностной оценки, исходя из проблемы следования правилу, добиться нам так никогда и не удастся. Это означает, что лингвистический референциалист и онтологический физикалист на поверку оказываются эпистемологическим релятивистом, антиреалистом.

Платонизм как реализм

Сам по себе референт, вещь, материальный объект не может задать правило для будущих употреблений слова. Прямая связь слов и референтов формируется всегда индуктивно, в процессе опыта. Опыт всегда конечен, а зна-

чит, будет допускать неопределенность будущих употреблений, как и та неопределенность, которая характерна для индуктивного метода познания в целом. На основании конечного опыта невозможно получить знания о бесконечном, о всех последующих будущих употреблениях слова.

Такое знание о бесконечном может обеспечить только некая идеальная структура и связанный с ней дедуктивный метод познания. Именно поэтому аналитический реализм тяготеет не к референциалистской семантике и физикализму, а к универсалистской семантике и платонизму. Не физический, а математический реализм может претендовать на статус подлинно реалистской эпистемологической концепции. Только через фиксацию значения как идеальной, стабильной, универсальной сущности можно прийти к фиксации четких правил употребления слов и предложений, следовательно, и к однозначной дедуктивной (нисходящей) фиксации референциального поля слов и предложений, что обеспечит однозначную истинностную оценку предложений и позволит исключить релятивизм и антиреализм. Мы утверждаем, что семантический реализм возможен только как лингвистический платонизм. Лингвистический платонизм должен быть основой любых реалистских взглядов, развиваемых в контексте традиции аналитической философии, ибо только эта концепция способна преодолеть радикальный эпистемологический антиреализм позднего Витгенштейна, репрезентированный в проблеме следования правилу.

Семантика типов и токенов

В первую очередь, лингвистический платонизм должен все-таки как-то отнестись к весомости релятивистских аргументов позднего Витгенштейна. Мы ведь не будем отрицать даже с точки зрения здравого смысла, что в языке имеет место неопределенность значений. Мы не будем отрицать того, что мы можем не понимать друг друга в коммуникации и даже сомневаться в определенности значений слов собственной речи, если внимательно прислушаемся к аргументации Витгенштейна. Витгенштейн прав. Неопределенность имеет место. Поэтому платонистская семантика Г. Фреге [7], устанавливающая жесткую связь идеального смысла и референта и утверждающая полную определенность смыслов и референтов, элементарно не соответствует условиям существования и развития естественных языков. Конечно, Фреге это понимал и говорил о неопределенности естественного языка, о его изъянах, настаивал на переходе к строгим искусственным языкам. Мы же не будем спешить заклеить естественный язык, останемся в его рамках, попробуем обнаружить в нем стабильные идеальные значения, но при этом учесть подвижность естественного языка, которую утверждал поздний Витгенштейн. В этом нам поможет семантика, в основу которой положено различие типов и токенов, впервые зафиксированное в исследованиях Ч. Пирса [8]. В новейшей аналитической философии различие типов и токенов в семантике использует американский философ и лингвист Д. Катц [9], на исследования которого мы и хотели бы опереться при разработке содержательного аспекта аналитического реализма. По Катцу, между смыслом и референтом имеет место отношение не детерминации, как у Фреге, а медиации [9. Р. 110]. Отношение медиации порождает особый вид семантики. Это не классическая

трехчленная семантика Фреге: знак – смысл – референт, а специфическая четырехчленная семантика с удвоенным референтом.

Семантическая схема Катца

Четырехчленная семантическая схема Катца выглядит следующим образом: знак – смысл – референт типа – референт токена. Проследим, как она работает. Семантический анализ, в соответствии с М. Даммитом, может проводиться на атомарном уровне, когда референтами языковых выражений выступают отдельные объекты, и на молекулярном уровне, когда референтами выступают факты [10]. Проанализируем функционирование схемы Катца как на атомарном, так и на молекулярном уровнях.

Языковыми выражениями на атомарном уровне являются либо отдельные слова (это могут быть имена или общие термины), либо дескрипции, описывающие отдельные объекты в качестве референтов. В качестве одного из примеров, к которым обращается Катц [11], излагая функционирование семантики типов и токенов, выступает известный пример Р. Доннеллана [12] с женщиной, указывающей на мужчину посредством определенной дескрипции. Эта женщина произносит «Вот этот мужчина с шампанским», указывая на человека, который пьет лимонад. Классическая трехчленная семантика Фреге, устанавливающая отношение строгой детерминации между смыслом и референтом, здесь полностью себя дискредитирует. Смысл данного выражения предполагает в качестве референта человека, который пьет алкоголь, но реальным референтом выступает человек с бокалом лимонада. Смысл выражения «Вот этот мужчина с шампанским» не определяет референт, как это предполагал Фреге. Подобного рода лингвистические факты и позволяют сделать позднему Витгенштейну выводы о радикальной подвижности естественного языка. Витгенштейн критикует семантику Фреге [4. С. 62–68] и утверждает, что у слов нет никаких стабильных значений. Если референтом слова может выступить, по сути, любой объект в зависимости от специфики той или иной языковой игры, то какой смысл говорить о существовании значения, определяющего референты? Значение есть употребление слова в конкретной языковой игре, отнесение слова к референту в определенной лингвистической ситуации, и ничего больше.

Четырехчленная семантика с удвоенным референтом позволяет занять промежуточную позицию между Фреге и поздним Витгенштейном. Витгенштейн прав в том, что язык подвижен, но это не отменяет полностью тезис Фреге о существовании идеального смысла, который соотносится с референтом. Нужно лишь принять тот факт, что смысл не определяет референт полностью. Между смыслом и референтом существует отношение не строгой детерминации, а скорее медиации. На типовом уровне, где проявляет себя грамматический строй языка, референтом выражения «Вот этот мужчина с шампанским» может быть человек, пьющий именно алкогольный напиток, что будет полностью соответствовать смыслу данного языкового выражения. Но на уровне токенов, т.е. частных произнесений выражения в конкретных лингвистических практиках, ничто не мешает нам осуществить референциальный сдвиг таким образом, что реальный референт токена будет существенным образом отличаться от референта типа, определяемого смыслом выражения. Отношение медиации между смыслом и референтом оставляет

люфт для референциальной вариации. Вместе с тем, признавая, что референтом выражения «Вот этот мужчина с шампанским» может быть, по сути, почти все, что угодно, мы не можем не признать и того факта, что как носители языка понимаем смысл данного выражения, и этот смысл является вполне определенным, несмотря на возможные референциальные вариации в конкретных языковых играх. Поздний Витгенштейн утверждал, что выражение «Вот этот мужчина с шампанским» не значит ничего, помимо того референта, к которому оно отсылает в частном употреблении. Но это очевидно не так. Мы понимаем смысл данного выражения вне зависимости от того, что выступает его референтом.

На молекулярном уровне семантического анализа рассмотрим пример Д. Коэна «Все кошки – животные» [13]. Коэн критически настроен к концепции Д. Катца в некоторых аспектах [14], но для нас в данном случае важен сам пример и тот факт, что Коэн предлагает рассмотреть его в контексте мысленного эксперимента Х. Патнема [15]. По условиям данного мысленного эксперимента марсиане незаметно подменили всех кошек на Земле роботами так, что люди не могли отличить кошек от роботов. Если при этом человек в таком мире говорит, например, что «Кошка лежит на коврике», принимая в качестве истинного «Все кошки – животные», то он указывает на факт, который реально не соответствует смыслу произносимого им предложения. Смысл предложения «Кошка лежит на коврике» на типовом уровне грамматического строя языка отсылает к животным, в то время как на уровне токена, в данной конкретной ситуации, это предложение отсылает к факту, в котором некоторое действие осуществляет робот. Референт токена в качестве фиксируемого факта реальности самым существенным образом отличается от типового референта, что снова могло бы нас сподвигнуть к полному отрицанию фрегевской семантики в пользу концепции значения как употребления позднего Витгенштейна. И тем не менее здесь так же, как и в случае с женщиной Доннеллана, мы не можем отрицать того факта, что понимаем смысл предложений «Все кошки – животные» и «Кошка лежит на коврике» совершенно независимо от той сколь угодно экстравагантной ситуации, в которой мог бы оказаться агент речи в случае конкретного словоупотребления. Смысл не определяет референт строго, как думал Фреге, но это не означает, что смысла не существует, как думал поздний Витгенштейн.

Значение на атомарном семантическом уровне

Однако мы пока только предполагаем, что семантика Катца работает. На самом деле еще нужно показать, что схватывание смысла (значения) как идеальной сущности имеет место. На атомарном уровне рассмотрим ряд аргументов и выделим среди них важнейший.

1) Нередко основной проблемой для позиционирования идеального значения считается переход от конечного к бесконечному. Значение должно обозревать бесконечные ситуации словоупотребления, поэтому и само должно быть бесконечным. Человек в его психофизической организации есть конечное существо. Как конечное существо способно вместить в себя что-то бесконечное? На этот вопрос Д. Катц дает очень оригинальный ответ, которого не было ни у Платона, ни у Фреге. Катц утверждает, что смысл тоже конечен [9. Р. 171–172]. Бесконечными являются скорее референты, т.е. те

объекты, которые составляют экстенционал общего термина, но сам смысл схватывается целиком и полностью как вполне законченная, конечная структура. Экстенционал слова «куб» будет состоять из бесконечного числа конкретных объектов, но смысл этого математического термина полностью раскрывается в определении: куб – это правильная геометрическая фигура с шестью равными сторонами [9. Р. 148–149]. Это определение конечно и прозрачно для понимания. Таким образом, человек как конечное существо схватывает, по Катцу, конечные смыслы, и обозначенная выше проблема устраняется. Правда, можно снова задать вопрос о том, как конечные смыслы определяют бесконечные референты. И такой вопрос Д. Катцу действительно, задает М. Куш [16]. Но, по Катцу, это уже проблемы теории референции, а не теории значения, которой он занимается.

2) Е.В. Борисов при обсуждении проблемы значения [17, 18] идет еще дальше Катца. Он считает, что рассмотрение вопроса об эпистемической процедуре схватывания значения предполагает ситуацию опосредования, когда между субъектом и значением есть какая-то дистанция, которую нужно преодолеть. В то время, как в реальном словоупотреблении значения даны непосредственно, их наличие не предполагает обоснование схватывания [18. С. 92]. Прежде постановки любого вопроса об эпистемической процедуре схватывания мы всегда уже застаем себя в ситуации знания значения.

3) Еще один аргумент в опоре на позицию Д. Катца [9] мы излагали в статье «Значение: реализм vs скептицизм» [19]. Этот аргумент состоит в том, что представление о значении как о некотором факте либо чувственного восприятия, либо внутренней психической жизни есть неотрефлексированная предпосылка большей части аналитической традиции в целом, которая укоренена в эмпирицистской британской философии Нового времени. Из-за того, что значение не есть факт, для нас исчезает проблема Крипке [6], когда мы задаемся вопросом о том, как на основе накопленного, но всегда конечного опыта фактов мы переходим к распространению значения на еще неисследованную и потенциально бесконечную область фактов. Этот аргумент созвучен с позицией Е.В. Борисова, который, обсуждая проблему Крипке, также говорит о том, что знание значения слова не тождественно знанию фактов употребления в прошлом [17].

4) И, наконец, важнейший аргумент, который в той или иной степени объединяет в себе все остальные. Любая фиксация даже одного-единственного референта уже предполагает знание значения. Мы можем признавать проблему того, что существует некоторая неопределенность в употреблении слова «стол», не вполне понятно, следует ли сюда включать в качестве референтов предметы для чайной церемонии в японской культуре. Можно допустить, что мы не имеем полной ясности в признаке высоты данного предмета мебели. И все же значение не может полностью раствориться в хаосе неопределенности. Если мы уберем признак высоты, то у нас все еще остается более общий признак ‘быть предметом мебели’. Если мы поупражняемся в скепсисе относительно общего термина «мебель», то у нас все же остается и еще более общий признак ‘быть предметом’. Если я откажусь признавать знание значения слова «предмет», то мой взгляд просто не сможет скользить вдоль крышки стола, подводя чувственно воспринимае-

мые дециметровые участки как относящиеся к одному и тому же референту, взгляд остановится, референт рассыплется на множество частей без какого-либо единства. Индуктивно накапливаемая фиксация референтов в качестве фактов и даже фиксация частей одного-единственного референта невозможна без дедуктивного, нисходящего распространения значения, которое дано непосредственно и целиком. Знание значений не может быть обосновано через знание референтов в качестве фактов опыта, ибо любое знание референтов обосновывается через знание значений. Знание значения – основа любого обоснования. Само знание значения не обосновывается, оно констатируется.

Значение на молекулярном семантическом уровне

В соответствии с Д. Дэвидсоном [20], вопрос о значении отдельного слова, например «стол», легко перевести в вопрос о значении предложения, связанного с этим словом: «Это – стол». Так мы перемещаемся с атомарного на молекулярный уровень семантического анализа.

Для молекулярного уровня у Катца припасены важные аргументы, которые касаются даже не значений (смыслов) предложений конкретных естественных языков, а, скорее, определенных семантических форм, характерных для предложений любых естественных языков. Например, это такая семантическая форма, как предложение эквивалентности. Предложение эквивалентности имеет смысл только тогда, когда входящие в его состав отдельные слова, между которыми устанавливается эквивалентность, относятся к одной и той же суперординативной категории. Скажем, предложение «Квадратный корень из 25 равен сумме 5 и 6» ложно, но оно осмысленно, поскольку составляющие его термины относятся к одной и той же суперординативной категории 'число'. В то время как «Квадратный корень из 25 равен дождливому дню» не только ложно, но и просто бессмысленно, поскольку составляющие его термины не подпадают под одну суперординативную категорию. Данная семантическая форма условия осмысленности предложений эквивалентности универсальна. Не важно, о каком конкретном естественном языке мы говорим, о русском или английском. Предложение будет иметь смысл (значение) только в том случае, если указанное выше условие соблюдается. Катц в данном случае проводит аналогию между семантикой и логикой: «Семантические правила аналогичны логическим принципам: они конститутивны для смыслов всех языков по аналогии с тем способом, каким логические принципы конститутивны для правильных доказательств. Так же, как не существует правильных доказательств, которые нарушают логические принципы, так и нет смыслов, которые нарушают семантические правила» [9. Р. 157].

Катц обсуждает и иные глубинные семантические формы, например, смыслы утвердительного и вопросительного предложений, универсальную для всех естественных языков структуру повелительного предложения, примеры слэнга и сарказма в языке, которые можно понять только в том случае, если мы фиксируем разницу между предложениями-типами, составляющими семантический строй языка, и предложениями-токенами на уровне конкретных употреблений. Мы говорили об этом более подробно в статье «Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии» [21].

Отмежевание от Катца

В семантике типов и токенов Катца имеет место существенная двусмысленность, которая не позволяет нам разделить его взгляды полностью.

В «The Metaphysics of Meaning» [9] он говорит, что в случае буквального употребления слова, которое ориентируется на типовой уровень языка, имеет место фиксированная связь между смыслом и референтом. Здесь референтом слова может быть только то, что соответствует его смыслу: «Агент речи, который использует слово „куб“ буквально, *должен* подразумевать ‘правильное тело с шестью равными сторонами’...» [9. Р. 158]. И только на уровне токенов референты слова могут почти до неузнаваемости расходиться с его смыслом, что, например, возникает тогда, когда говорящий начинает при помощи слова «куб» указывать на треугольную призму, как в примере Витгенштейна из «Философских исследований» [4. С. 91].

Но позднее, по мере эволюции своих взглядов, Катц все в большей степени склоняется к позиции полной автономности теории значения от теории референции. Его перестают волновать референты слов, он сосредоточивается исключительно на автономных, самодостаточных смыслах. Это видно, например, в его дискуссии с П. Богоссяном [22], где Катц говорит следующее: «На мой взгляд, причина, по которой „куб“ применим к кубам, – когда и где это применимо к ним – является внешней по отношению к теории значения и внутренней по отношению к теории референции» [11. Р. 164]. Еще более радикальные взгляды в пользу полной автономности теории значения можно найти в одной из поздних работ Катца «Realistic Rationalism» [23]. Наконец, в своей самой последней работе [24] при помощи полного разрыва теории значения и теории референции Катц пытается решить даже проблему логических парадоксов, настаивая на том, что все вопросы об истинности предложений (например, предложения парадокса Лжеца) относятся к теории референции, поэтому проблема парадоксов оказывается просто нерелевантной теории значения.

На наш взгляд, полный разрыв с теорией референции не приемлем. Аналитический реализм – это антирелятивистская эпистемологическая концепция, которая должна обосновать возможность четкой фиксации истинности и ложности предложений языка, что и позволит избежать радикального релятивизма, настаивающего на относительном характере истинности предложений, зависимом от той или иной языковой игры, лингвистической группы, социокультурной ситуации и т.д. Четкая фиксация истинности предложения возможна только тогда, когда мы точно знаем, на какой именно факт реальности это предложение указывает в качестве своего референта. Полностью определенное знание о факте реальности в качестве референта нам помогает получить смысл (значение) предложения как абстрактная, идеальная сущность. Если же теорию значения сделать полностью автономной от теории референции, как того хотел поздний Катц, то любые вопросы, связанные с познанием объективной реальности, просто оказываются за пределами рассмотрения, что, по нашему мнению, не соответствует базовым установкам реализма как онтоэпистемологической позиции. Знать объективную реальность – значит, знать референты, а не смыслы. Смысл обеспечивает стабильный, фиксированный способ данности реальности, но он еще не сама реальность.

Все вышесказанное позволяет понять, почему аналитический реализм не оставляет полностью фрегевскую идею детерминации между смыслом и референтом. Из семантики смыслов и токенов Катца мы готовы принять идею медиации между смыслом и референтом для уровня токенов, чтобы отдать должное позднему Витгенштейну и сохранить его, безусловно, важные интуиции для семантической теории естественного языка. Но на уровне типов, где проявляет себя устойчивый семантико-грамматический строй языка, на наш взгляд, необходимо придерживаться утверждения о детерминации между смыслом и референтом, когда идеальный смысл полностью определяет экстенционал термина и все входящие в него референты. Только так мыслима сама возможность фиксированной истинностной оценки предложений языка, обеспечивающей основание для реализма в содержательном аспекте, который противостоит радикальному антиреализму позднего Витгенштейна. Введенное Катцем новое отношение медиации между смыслом и референтом, без сомнения, продуктивно, но оно само должно быть ограничено точно так же, как при помощи семантики типов и токенов мы ограничиваем отношение детерминации. Ограничить нужно не только Фреге и позднего Витгенштейна, но и самого Катца. Аналитический реализм отдает должное всем трем в разработке семантической теории естественного языка, но выбирает свой собственный путь.

Прямое решение проблемы следования правилу

Если теорию значения делать полностью автономной по отношению к теории референции, к чему и склоняется Катц по мере развития своих идей, то мы не решаем проблему следования правилу, а скорее просто игнорируем ее. Проблема, которую сформулировал поздний Витгенштейн [4] и детально разработал Крипке [6], заключается в вопросе о том, как на основании конечного опыта отнесения слова к определенным объектам в качестве его референтов определить потенциально бесконечную область отнесения слова к референтам в дальнейшем. Проблема следования правилу – это проблема теории референции. Если же мы объявляем, что теория референции не входит в сферу наших интересов, то и проблема следования правилу нас больше просто не касается.

Аналитический реализм не может согласиться с таким положением дел. С эпистемологической точки зрения реализм должен представить прямое решение проблемы следования правилу, поскольку именно эта проблема представляет собой одно из наиболее радикальных антиреалистских (скептических, релятивистских) проявлений в современной философии. Это решение дается через утверждение детерминации смысла (значения) и референта на типовом уровне. Как именно конечный смысл определяет потенциально бесконечное число референтов? При понимании языка как объективной семантико-грамматической системы, вообще независимой от натурализации, от естественной истории людей. И здесь, в первую очередь, обращают на себя внимание примеры с определениями значений математических терминов, таких как «куб». Мы ведь не выводим математику из естественной истории развития людей. Почему мы делаем это с языком? Проблема следования правилу у позднего Витгенштейна возникает на основании натурализации языка. Витгенштейн весь язык представил как одну из форм эволюции человека как

психофизического существа в мире природы. Если натурализацию купировать, если устранить предпосылку такого подхода к языку, основанному на эмпирицистской эпистемологии, то прямое решение не покажется чем-то невероятным. Эту мысль о денатурализации языка аналитический реализм снова берет у Катца [9], но, вооружившись этой мыслью, проходит туда, куда Катц почему-то не решается пройти. Прямое решение проблемы следования правилу является очень простым. Имеет место идеальный смысл знака, который однозначно определяет референты знака в объективном семантико-грамматическом строе языка.

Реализм vs антиреализм

Если на атомарном уровне семантического анализа мы даем прямое решение проблемы следования правилу и устанавливаем однозначную связь смысла и референта слова, то на молекулярном уровне мы говорим о возможности четкой фиксации истинностных значений предложений языка, состоящих из слов и указывающих уже не на отдельные объекты, а на факты в качестве своих референтов. Таков основной тезис аналитического реализма в содержательном аспекте: в семантике типов и токенов на типовом уровне возможна фиксация истинностных значений предложений естественного языка. Это – реалистский тезис, противостоящий семантическому антиреализму (скептицизму, релятивизму), поскольку фиксация стабильных истинностных значений предложений предполагает устойчивую связь языка с объективной реальностью, возможность познания реальности и выражение этого познания в языке.

От теории к практике

Прикладной характер могут иметь исследования в контексте не только формального (логического) аспекта аналитического реализма, экспертирующего непротиворечивость эпистемологических принципов тех или иных теоретических построений (что мы подробно разбирали в статье «Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика» [3]), но и исследования, касающиеся разработки содержательного (семантического) аспекта системы аналитического реализма. Например, в различных теориях социальной коммуникации мы вполне можем применять четырехчленную семантику типов и токенов для достижения консенсуса между универсальными семантическими и прагматическими аспектами функционирования языка. Это, в частности, может касаться и технологических разработок в области систем искусственного интеллекта по машинному переводу. Естественный язык представляет собой дедуктивную или же индуктивную систему по способу ее построения? Возможно ли выявление некоторых семантических примитивов в качестве аксиоматических элементов системы, из которых затем выстраивается все многообразие языковой деятельности, или же накопление семантических единиц языка осуществляется только индуктивным путем на основе конкретных актов коммуникативной деятельности в лингвистических сообществах? Получение ответов на данные теоретические вопросы является необходимым условием всех практико-ориентированных разработок в области технологического освоения языка. С логической точки зрения инженерное моделирование функционирования дедуктивной и индук-

тивной систем должно иметь принципиальные различия по способам формирования семантических единиц и выстраивания всей стратегии овладения языком в целом. Без ответов на указанные выше фундаментальные вопросы технологические стратегии овладения языком остаются теоретически необеспеченными, инженерная деятельность ведется, по сути, вслепую, без понимания сущности той системы, моделирование которой предполагается осуществить технологическим путем. Разработка содержательного (семантического) аспекта аналитического реализма может способствовать формированию надлежащего теоретического обеспечения всем практико-ориентированным инженерным исследованиям в области технологического освоения языка. Жесткая теоретическая дихотомия, заключающаяся в вопросе о том, представляет ли собой язык дедуктивную или индуктивную систему, может быть смягчена таким концептуальным построением, как четырехчленная семантика типов и токенов, предполагающая глубинный семантический уровень стабильных значений (смыслов) и их устойчивых связей с типовыми референтами, но и не отрицающая прагматические деформации глубинной семантики в конкретных лингвистических практиках. Следовательно, машинный перевод может объединять в себе и дедуктивный (нисходящий, основанный на представлениях о глубинной семантике), и индуктивный (восходящий, основанный на прагматических представлениях) подходы к формированию смыслов и референтов языковых выражений, а аналитический реализм в содержательном аспекте обеспечит надлежащий теоретический фундамент для этого объединения.

Список источников

1. Грязнов А.Ф. Концепции аналитического реализма в новейшей британской философии // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 128–138.
2. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
3. Ладов В.А., Чаплинская Я.И. Аналитический реализм в формальном аспекте: теория и практика // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 75. С. 38–48.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : АСТ, 2018.
5. Apel K.-O. Intentions, Conventions, and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and in Analytic Philosophy of Language // Meaning and Understanding / ed. H. Parret and J. Bouveresse. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1981. P. 79–111.
6. Крунке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : КАНОН+, 2010.
7. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М. : ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
8. Peirce C.S. Prolegomena to an apology for pragmatism // Monist. 1906. Vol. 16. P. 492–546.
9. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1990.
10. Даммиу М. Что такое теория значения? (I) // Логика, онтология, язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 93–135.
11. Katz J. Replies to Commentators // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 1. P. 157–183.
12. Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
13. Cohen J. Analyticity and Katz's New Intensionalism: Or, if You Sever Sense from Reference, Analyticity is Cheap but Useless // Philosophy and Phenomenological Research. 2000. Vol. 61, № 1. P. 115–135.
14. Борисов Е.В. Смысл и референция в семантике Катца // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 75. С. 94–104.

15. Putnam H. It Ain't Necessarily So // *The Journal of Philosophy*. 1962. Vol 59, № 22. P. 658–671.
16. Kusch M. *A Sceptical Guide to Meaning and Rules*. Cambridge : Acumen, 2006.
17. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32.
18. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61, № 2. С. 89–94.
19. Ладов В.А. Значение: реализм vs скептицизм // *Эпистемология и философия науки*. 2024. Т. 61, № 2. С. 43–50.
20. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // *Истина и интерпретация*. М., 2003. С. 258–277.
21. Ладов В.А. Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // *Praxema. Проблемы визуальной семиотики*. (Praxema. Journal of Visual Semiotics). 2022. Вып. 3 (33). С. 97–110.
22. Boghossian P. Sense, Reference and Rule-Following // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1994. Vol. 54, № 1. P. 139–144.
23. Katz J. *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass. : MIT Press, 2000.
24. Katz J. *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford : Oxford University Press, 2004.

References

1. Gryaznov, A.F. (1983) Kontseptsii analiticheskogo realizma v noveyshey britanskoy filosofii [Concepts of analytical realism in modern British philosophy]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 128–138.
2. Makeeva, L.B. (2011) *Yazyk, ontologiya i realizm* [Language, Ontology and Realism]. Moscow: HSE.
3. Ladov, V.A. & Chaplinskaya, Ya.I. (2023) Analytical Realism in the Formal Aspect: Theory and Practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 38–48. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/75/4
4. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from English by L. Dobroselsky. Moscow: AST.
5. Apel, K.-O. (1981) Intentions, Conventions, and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and in Analytic Philosophy of Language. In: Parret, H. & Bouveresse, J. (eds) *Meaning and Understanding*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 79–111.
6. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: KANON+.
7. Frege, G. (1977) Smysl i denotat [Meaning and denotation]. *Semiotika i informatika*. 8. pp. 181–210.
8. Peirce, C.S. (1906) Prolegomena to an apology for pragmatism. *Monist*. 16. pp. 492–546.
9. Katz, J. (1990). *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
10. Dummett, M. (2006) Chto takoe teoriya znacheniya? (I) [What is a Theory of Meaning? (I)]. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, and Language]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
11. Katz, J. (1994) Replies to Commentators. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 157–183.
12. Donnellan, K.S. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.
13. Cohen, J. (2000) Analyticity and Katz's New Intensionalism: Or, if You Sever Sense from Reference, Analyticity is Cheap but Useless. *Philosophy and Phenomenological Research*. 61(1). pp. 115–135.
14. Borisov, E.V. (2023) Sense and Reference in Katz' Semantics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 94–104. (In Russian).
15. Putnam, H. (1962) It Ain't Necessarily So. *The Journal of Philosophy*. 59(22). pp. 658–671.
16. Kusch, M. (2006) *A Sceptical Guide to Meaning and Rules*. Cambridge: Acumen.
17. Borisov, E.V. (2024) Pryamoe reshenie problemy Kripke [A Straight Solution of Kripke's Problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 61(2). pp. 23–32.
18. Borisov, E.V. (2024) Otvet opponentam [A Reply to Critics]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 61(2). pp. 89–94.

19. Ladov, V.A. (2024) *Znachenie: realizm vs skepticizm* [Meaning: Realism vs Skepticism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 61(2). pp. 43–50.
20. Davidson, D. (2003) *Istina i interpretatsiya* [Truth and Interpretation]. Translated from English by A.A. Veretennikov. Moscow: Praksis.
21. Ladov, V.A. (2022) *Semantika G. Frege v sovremennoy analiticheskoy filosofii* [G. Frege's Semantics in Modern Analytic Philosophy]. *Praxema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 97–110.
22. Boghossian, P. (1994) Sense, Reference and Rule-Following. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 139–144.
23. Katz, J. (2000) *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
24. Katz, J. (2004) *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Черепакхин А.Е. – младший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Laboratory of Logical and Philosophical Research at Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy at National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

Cherepakhin A.E. – junior researcher at Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 16

doi: 10.17223/1998863X/81/4

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ И ИМПЛИКАЦИИ В РЕЛЕВАНТНОЙ ЛОГИКЕ

Анна Юрьевна Моисеева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aymoiseeva@hse.ru*

Аннотация. В статье защищаются следующие тезисы: 1. Трактовка релевантной импликации как формализации естественного понятия следования приводит к тому, что логические свойства, приписываемые импликации в конкретном варианте релевантной логики, переносятся на уровень семантики и определяют свойства модели. 2. Средство переноса – это «релевантный» принцип дедукции, который в том или ином виде обязательно присутствует в каждой из логик, поскольку является единственным интуитивно приемлемым вариантом обоснования предлагаемой этой логикой формализации условной связки. 3. Будучи синтаксическим по форме, «релевантный» принцип дедукции несет в себе существенную семантическую информацию, а именно информацию о модели. Эта информация определяет то, как связаны между собой смыслы предложений, которые образуют antecedent и consequent релевантной импликации.

Ключевые слова: логическое следование, релевантная импликация, синтаксис и семантика релевантной логики, теория релевантного вывода

Благодарности: статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Моисеева А.Ю. Соотношение логического следования и импликации в релевантной логике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 39–47. doi: 10.17223/1998863X/81/4

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN LOGICAL CONSEQUENCE AND IMPLICATION IN RELEVANT LOGIC

Anna Yu. Moiseeva

HSE University, Moscow, Russian Federation, aymoiseeva@hse.ru

Abstract. The article defends the following theses: (1) The interpretation of relevant implication as a formalization of the natural concept of entailment leads to the fact that the logical properties attributed to the implication in a specific version of relevant logic are transferred to the level of semantics and determine the properties of the model. (2) The means of transfer is the “relevant” principle of deduction, which in one form or another is necessarily present in each of the logics, since it is the only intuitively acceptable option for justifying the formalization of the conditional connective proposed by this logic. (3) Being syntactic in form, the “relevant” principle of deduction carries essential semantic information, namely information about the model. This information determines how meanings of sentences that form the antecedent and consequent of the relevant implication are related.

Keywords: entailment, relevant implication, syntax and semantics of relevant logic, theory of relevant inference

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

For citation: Moiseeva, A.Yu. (2024) The relationship between logical consequence and implication in relevant logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 39–47. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/4

Введение: Идея релевантной логики

Известно, что, по крайней мере частично, создание первых логик с релевантной импликацией мотивировалось стремлением более адекватно, чем это делается в рамках классической логики, выразить формальными средствами понятие логического следования в том виде, в котором оно функционирует в рассуждениях на естественном языке.

Поскольку с точки зрения классической логики логическое следование представляет собой условие сохранения истинности, в само его определение включается требование истинности посылок. В релевантной логике требование истинности посылок снимается и заменяется требованием их совместимости. Это делает логику, по сути, интенциональной. Под логическим следованием теперь понимается такое отношение между посылками и заключением, при котором «предшествующий член предполагает последующий или невозможен без него» [1. С. 264].

В том же духе переопределяется и понятие импликации: вместо требования о наличии между посылками и заключением связи по истинности выдвигается требование о наличии между ними определенного рода *связи по смыслу*. Минимальное формальное требование заключается в том, чтобы импликация была выводима лишь при условии, что ее антецедент и консеквент имеют хотя бы одну общую пропозициональную переменную. В различных системах релевантной логики принимаются различные дополнительные ограничения.

Одновременно есть тенденция обосновывать логические свойства релевантной импликации с помощью апелляции к тому, как в естественном языке функционируют предложения с условной связкой (конструкцией «если... то...»). В лингвистике такие предложения называются кондиционалами, и существует большое количество их разновидностей по способу употребления, в том числе некоторые совсем не связанные с идеей условно-гипотетического способа рассуждения¹. Тем не менее предполагается, что какой-то способ их употребления действительно отражает наши естественные интуиции о том, как должны функционировать условия и что более того, этот способ употребления можно локализовать и описать.

Имеется некоторое количество работ, в которых с философских позиций объясняется, что такое импликативная релевантность [2–4] (см. также работы Е.К. Войшвилло, напр.: [5, 6]). Во всех них так или иначе соотносятся три

¹ Например, в высказывании «Если Новый год еще можно считать праздником, который есть у всех культур, то Пасху никак нельзя» конструкция «если... то...» выполняет роль простого противопоставления.

вещи – условная связка естественного языка, формальное условие истинности импликации и формальное определение логического следования, – однако сам способ их соотнесения может существенно варьироваться. Вопросу о том, почему эти три понятия, а в особенности последняя пара из них, соотносятся так, а не иначе, и посвящена настоящая статья.

Отправной точкой для нас будет являться замечание Е.К. Войшвилло, что существуют два принципиально различных способа понимать формальное выражение вида $(A \rightarrow B)$:

1. Как выраженное в языке метаязыковое отношение вида $A \models B$ или $\models (A \rightarrow B)$. «Имея дело с метаотношениями указанных видов, мы говорим не о предметах и не о ситуациях каких-то миров, а об отношениях между высказывательными формами языка» [6. С. 231].

2. Как утверждение самого языка, говорящее не об отношении между формулами A и B , а об отношении между ситуациями, «наличие или отсутствие которых в том или ином подразумеваемом мире утверждается... [П]ри указанном истолковании $(A \rightarrow B)$ получает дополнительное существенное содержание по сравнению с высказываниями метаязыка $A \models B$ или $\models (A \rightarrow B)$... Именно при указанном отнесении $(A \rightarrow B)$ к некоторому миру возникают вопросы об истинности или ложности таких утверждений в указанном мире или в данном его [состоянии]» [6. С. 231].

В классической логике истинность импликативного предложения в мире вычисляется из значений истинности антецедента и консеквента в самом этом мире. В неклассических логиках бывает иначе: истинность импликативного предложения в данном мире определяется истинностными значениями антецедента и консеквента в других мирах, находящихся с данным в определенном отношении. Характер отношения зависит, во-первых, от того, как моделируется искомая связь по смыслу, во-вторых, от того, какие синтаксические свойства релевантной импликации желательно получить. При этом в различных системах релевантной логики эти два фактора представлены не одинаковым образом. Так, изначально релевантная логика создавалась А.Р. Андерсоном и Н.Д. Белнапом как чисто синтаксическая теория, вообще без семантики, поэтому о содержательных критериях связи по смыслу между антецедентом и консеквентом можно было говорить только на сугубо интуитивном уровне. С другой стороны, некоторые сторонники релевантной логики ставят во главу угла именно наиболее естественное семантическое моделирование связи по смыслу, а синтаксические вопросы решают уже потом, исходя из получившейся семантики. В следующем разделе мы рассмотрим три системы релевантной логики, в которых по-разному реализовано это соотношение семантики с синтаксисом.

О некоторых реализациях

Одной из первых систем релевантной логики является логика **R**, семантическое обоснование которой может проводиться, в частности, с использованием моделей с тернарным отношением достижимости. Этот подход был представлен Р. Раутли и Р.К. Мейером в [7, 8] и развит ими в последующих статьях. Точки в моделях Раутли–Мейера, как и в моделях Крипке, соответствуют возможным мирам. По чтению, впервые предложенному, согласно [8. Р. 201], $M, u \models v$ означает, что миры u и v являются «совоз-

возможными» (*compossible*) с точки зрения мира w . Содержательно «совозможность» понимается так, что для всяких двух формул A и B , истинных в мирах u и v , соответственно, в мире w истинна какая-то формула, говорящая, что возможность B совместима с условием возможности A .

Использование тернарного отношения достижимости позволяет Р. Раутли и Р.К. Мейеру задать экстенциональный критерий импликативной релевантности, т.е. говорить об импликации как о чем-то, что не просто утверждается, но истинно в некотором мире. Конкретнее, истинность $A \rightarrow B$ в мире w определяется ими как несовместимость истинности A в мире u с ложностью B в мире v , где u и v – любые миры, связанные с w отношением $Rwuv$ (см.: [8. Р. 202]). Импликация, заданная с помощью этого условия истинности, соответствует аксиоматике логики **R** с относительно слабым пониманием релевантности. В более сильной версии на импликацию дополнительно накладываются ограничения, связанные с моделированием необходимости в семантике Раутли–Мейера. В этом случае получается логика **NR** (от англ. *necessary relevant*).

В семантике для релевантной логики Е.К. Войшвилло [6, 9] точки модели трактуются не как собственно миры, а как информационные сущности – описания, т.е. множества высказываний о состояниях мира, которому наше описание, вообще говоря, не обязано полностью соответствовать. Поэтому в рамках данной семантики разрешены противоречивые и неполные о.с. Каждому о.с. соответствует какая-то семантическая информация. Вдохновляясь идеями У. Аккермана, а также концепцией семантической информации как меры ограничения пространства возможностей, принадлежащей Р. Карнапу и Й. Бар-Хилелу [10, 11], Войшвилло определяет релевантное следование между A и B как включение семантической информации B в семантическую информацию A . То есть если имеются пары $\langle N_A, N \rangle$ и $\langle N_B, N \rangle$, где N означает все пространство состояний, которые возможно описать в данном языке, а N_A и N_B – те возможности, которые совместимы с A и B соответственно, то

$$(Ent) A \models B \text{ е.т.е. } N_A \subseteq N_B.$$

На основе данного определения Е.К. Войшвилло строит аппарат специальных семантических принципов – принципов ослабления, с помощью которого затем обосновывает аксиомы релевантной логики **E**. Импликация в этой логике является не только сильно релевантной, но еще и строгой. Для принятия именно этого понимания импликативной релевантности, в противовес альтернативным способам ее понимания, Е.К. Войшвилло приводит также содержательные основания [6. С. 242–243].

Еще одной интересной семантикой, на которой имеет смысл остановиться подробнее, является ситуационная семантика для так называемой *инфологии* Э. Мареса [12]. Модели в системе Мареса построены по типу моделей Раутли–Мейера, но место миров в них занимают ситуации, моделирующиеся как неполные миры, которые связаны между собой отношением \leq частичного порядка, содержательно понимаемым как отношение части / целого. Точнее, семантика для инфологии строится на специальном классе моделей Раутли–Мейера, а именно на моделях с особым свойством отношения достижимости:

$$(Acc) Rstu \text{ е.т.е. } \forall \phi \forall \psi (s \Vdash \phi \rightarrow \psi \Rightarrow (t \Vdash \phi \Rightarrow u \Vdash \psi)).$$

Модели с этим свойством однозначно определяют модели для инфологии, называемые инфомоделями. Еще одной особенностью инфомodelей является присутствие в них выделенного класса ситуаций L такого, что

$$(L) \forall s \in L \text{ если } \phi \models \psi, \text{ то } s \Vdash \phi \rightarrow \psi.$$

То есть всякий метаязыковой факт, состоящий в том, что любая ситуация, верифицирующая ϕ , верифицирует также и ψ , для некоторых ϕ и ψ верифицируется в виде языкового факта в ситуациях класса L . Обращаясь к различению между двумя смыслами импликации, обозначенному Е.К. Войшвилло, можно сказать, что для ситуаций из L эти два смысла совпадают.

Дополнительно на инфомодели накладываются следующие условия:

- если $s \leq s'$ и $Rs'tu$, то $Rstu$;
- если $Rstu$, то существует x такое, что $Rstx$ и $Rxtu$;
- $Rsss$;
- $s \leq t$ т.е. существует $u \in L$ такое, что $Rust$.

Смысл релевантной импликации объясняется Э. Маресом с использованием идеи передачи информации, которая часто обсуждается в контексте логики, построенной на ситуационной семантике. Так, истинность имплицативного предложения $\sigma \rightarrow \psi$ в ситуации s понимается им как присущее этой ситуации свойство нести информацию о некоторых ситуациях t и u , состоящую в том, что если σ истинно в t , то ψ истинно в u . Формально это соответствует аксиоматике логики DJWI по классификации Ross Braddy. Импликация этой логики обладает достаточно удобными и интуитивно приемлемыми свойствами. Так, она транзитивна, и для нее выполняется псевдо-модус поненс, т.е. есть все выражения вида $((\sigma \rightarrow \psi) \wedge \sigma) \rightarrow \psi$ являются тавтологиями (обычное правило модус поненс, разумеется, в этой логике также есть). Кроме того, тавтологиями являются все подстановочные случаи принимаемых в большинстве релевантных логик аксиом, касающихся ослабления, в том числе

$$\begin{aligned} (AWA1) & (\sigma \wedge \psi) \rightarrow \sigma, \\ (AWA2) & (\sigma \wedge \psi) \rightarrow \psi, \\ (CWA1) & \sigma \rightarrow (\sigma \vee \psi), \\ (CWA2) & \psi \rightarrow (\sigma \vee \psi), \end{aligned}$$

хотя правила ослабления

$$(CWR) \frac{\sigma}{\sigma \vee \psi}$$

здесь нет. Полную аксиоматику для инфологии вместе с семантическим обоснованием см. в [12].

Причем здесь дедукция?

Любая логика, содержащая оператор импликации, сталкивается с проблемой определения соотношения между суждениями, утверждающими выводимость некоторых следствий из некоторых посылок, и имплицативными предложениями. В классической логике соотношение между ними устанавливается *теоремой дедукции*:

$$\Gamma, A \vdash B \Leftrightarrow \Gamma \vdash A \rightarrow B. \quad (1)$$

Однако не каждый способ задания аксиом для импликации приводит к тому, что в рамках получившейся логической теории теорема дедукции в ее привычной форме оказывается доказуемой или даже приемлемой в качестве априорного принципа. В частности, релевантное понимание импликации как раз и создает эту проблему. Дело в том, что, если использовать в качестве правила формулу (1), легко можно получить такие «парадоксальные» формулы, как

$$A \rightarrow (B \rightarrow A), \quad (2)$$

$$\neg A \rightarrow (A \rightarrow B) \quad (3)$$

и т.д. Для получения формулы (2) достаточно классического определения вывода, для формулы (3) потребуется еще так называемый *принцип взрыва* – аксиома или правило, что из противоречия можно получить все, что угодно. Понятно, что в контексте релевантной логики получение этих формул нежелательно.

Чтобы избежать этого, можно ограничить каким-то образом формулы, которые могут подставляться вместо Γ , A и B в (1). Так, в литературе широкую известность получило ограничительное условие, состоящее в том, что антецедент не должен представлять собой абсурдное утверждение, а консеквент не должен быть тавтологией. Это требование получило название WGS-критерия по первым буквам фамилий авторов, которые его сформулировали (G. von Wright, P. Geach, T. Smiley).

Либо можно принять более узкое определение *вывода, релевантного относительно посылки A* , и так или иначе переформулировать принцип дедукции, ограничивая его действие только выводами указанного типа (подробнее: [3. Р. 135–139]). Релевантность вывода относительно посылки проверяется посредством прослеживания зависимости, аналогичного тому, как в классической логике мы прослеживаем, от каких посылок зависит заключение, чтобы корректно применять правило генерализации.

Наконец, можно принять принципиально иное определение *вывода из посылок вообще*. Так, у Е.А. Сидоренко [13] используется подход, идея которого заключается в том, что нужно разрешить использование противоречия в выводе, но так, чтобы требование релевантности при этом не нарушалось. Для этого принцип непротиворечия выводится за рамки аксиоматики и превращается в метаправило, на применение которого в выводе накладываются определенные ограничения.

Однако какая бы стратегия ни была избрана, задачей, которую необходимо решить потом, является содержательное обоснование соответствия между принятым определением вывода и условиями истинности релевантной импликации. Иными словами, необходимо объяснить, почему «релевантный» принцип дедукции должен выглядеть именно так. Учitando, что в релевантной логике импликация предназначена для выражения интенционального следования, это соответствие выглядит, мягко говоря, неочевидным. Возвращаясь к различению между двумя смыслами релевантности импликации, по Е.К. Войшвилло, можно сказать, что импликация, заданная «релевантным» принципом дедукции, может внезапно оказаться нерелевантной в первом смысле, если не принять какое-то специфическое определение логического следования. Что же касается второго смысла, требуется дополнительно ука-

зять, в каком конкретно мире (или состоянии) утверждается истинность импликативного предложения и на каком основании, содержательно, оценка производится именно в нем.

Если теперь подытожить сказанное выше, вырисовывается следующая картина. Получается, что различные варианты «релевантного» принципа дедукции, который с формальной точки зрения является чисто синтаксическим (мета)принципом, на деле выполняют семантическую функцию – определяют нечто, относящееся к смыслу предложений A и B . И определяют они это совершенно по-разному в силу различного определения того вывода, который фигурирует в утверждении. Иначе говоря, происходит перенос синтаксического понятия на уровень семантики, предполагающий некую «подгонку» модели под логику так, чтобы в этой модели нашлась какая-то более или менее интуитивная интерпретация для импликации с заданными свойствами.

В связи с этим симптоматично появление в некоторых вариантах моделей для релевантной логики специальных онтологических приспособлений для отображения логических отношений. Так, в ситуационной семантике Э. Мареса присутствует класс L , смысл введения которого состоит в том, чтобы «экземплифицировать» логическое следование. Истинность формулы $\sigma \rightarrow \psi$ в ситуации из класса L означает, что для любой ситуации, если в ней или ее части истинно σ , то в ней будет истинно и ψ . Однако если имеем, что $\sigma \vdash \psi$, имеем также и $\sigma \models \psi$ в силу полноты инфологии. Отсюда можно доказать «гибридный» аналог теоремы дедукции в правом и левом вариантах:

(RD) Если $\phi \vdash \psi$ и $s \Vdash \psi \rightarrow \chi$, то $s \Vdash \phi \rightarrow \chi$;

(LD) Если $\phi \vdash \psi$ и $s \Vdash \sigma \rightarrow \phi$, то $s \Vdash \sigma \rightarrow \psi$.

Аналогия здесь становится явной, если учесть транзитивность импликации. В сущности, здесь сказано, что значение истинности импликативных предложений в любых ситуациях ведет себя так, как если бы из наличия выводимости между ϕ и ψ можно было заключать к общезначимости импликации между ними. Иными словами, в инфологии легитимизируется возможность не только обоих обозначенных Войшвилло способов понимания импликации, но и (неформально) понимания ее как знака, семантика которого является отражением принятого в данной логике понятия вывода. То есть осуществляется перенос в семантику синтаксических отношений между предложениями.

Закключение: Две теории релевантности

Из вышесказанного можно заключить, что в релевантной логике параллельно существуют две теории релевантности: семантическая (теория релевантного следования) и синтаксическая (теория релевантного вывода). Релевантная импликация – та точка, в которой эти две теории смыкаются друг с другом. Именно поэтому, видимо, в рассуждениях сторонников релевантной логики постоянно проявляется некое напряжение между понятиями релевантной импликации и релевантного следования. С одной стороны, эти понятия тяготеют друг к другу, поскольку оба они так или иначе инспирируются философскими размышлениями о природе условно-гипотетических рассуждений. С другой стороны, они определяются и формально функционируют

совершенно по-разному, если принимать во внимание взаимосвязь между импликацией и принципом дедукции. Не случайно некоторые логики (см., напр.: [13. С. 42 и далее]) вообще считают разговор о логическом следовании излишним в контексте рассуждений о семантике релевантной импликации.

Понятно, что характер этого напряжения невозможно прояснить, пока не будет определено, как именно должен моделироваться собственно смысл. И поскольку существует множество подходов к построению семантики для релевантной логики, никакого общего ответа здесь дать нельзя. Однако представляется оправданным исследовать этот вопрос на примере, по крайней мере, нескольких основных подходов, чтобы в дальнейшем сопоставить друг с другом полученные там результаты.

Список источников

1. Орлов И.Е. Исчисление совместности предложений // Математический сборник. 1928. Т. 35, вып. 3–4. С. 263–286.
2. Anderson A.R., Belnap N.D. *Entailment: The Logic of Relevance and Necessity*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1975. Vol. 1.
3. Dunn J.M. *Relevance Logic and Entailment* // *Handbook of Philosophical Logic*. Vol. 3 / eds. F. Guenther, D. Gabbay. Dordrecht : Reidel, 1986.
4. Mares E. *Relevance Logic*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2024 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/logic-relevance/> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Войшвилло Е.К. Понятие интенциональной информации и интенционального отношения логического следования (содержательный анализ) // Логико-методологические исследования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 206–244.
6. Войшвилло Е. Теория логической релевантности // Логические исследования. 1997. Т. 4. С. 222–244.
7. Routley F.R., Meyer R.K. *The Semantics of Entailment II* // *Journal of Philosophical Logic*. 1972. Vol 1, № 1. P. 53–73.
8. Routley F.R., Meyer R.K. *The Semantics of Entailment I* // *Truth, Syntax and Modality* / ed. H. Leblanc. Amsterdam : North Holland, 1973. P. 199–243.
9. Voishvillo E. K. *Semantics of Generalized State Descriptions* // *Studies in Logic and the Foundations of Mathematics*. 1982. Vol. 104. P. 315–323.
10. Carnap R., Bar-Hillel Y. On the outline of a theory of semantic information // *Language and Information*. P. 221–274 (первая публикация: Carnap R., Bar-Hillel Y. An outline of theory of semantic information // *Techn. Report of Res. Lab. Electr.* 1952. № 247.)
11. Bar-Hillel Y., Carnap R. *Semantic information* // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 1953. Vol. 4, № 4. P. 147–157.
12. Mares E. *Relevant logic and the theory of information* // *Synthese*. Dec., 1996. Vol. 109, № 3. P. 345–360.
13. Сидоренко Е.А. *Релевантная логика (предпосылки, исчисления, семантика)*. М. : ИФ РАН, 2000.

References

1. Orlov, I.E. (1928) *Ischislenie sovmestnosti predlozheniy* [Calculating the compatibility of propositions]. *Matematicheskii sbornik*. 35(3–4). pp. 263–286.
2. Anderson, A. R. & Belnap, N. D. (1975) *Entailment: The Logic of Relevance and Necessity*. Vol. 1. Princeton: Princeton Univ. Press.
3. Dunn, J.M. (1986) *Relevance Logic and Entailment*. In: Guenther, F. & Gabbay, D. (eds) *Handbook of Philosophical Logic*. 3. Dordrecht: Reidel. pp. 117–124.
4. Mares, E. (2024) *Relevance Logic*. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Spring 2024 Edition. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/logic-relevance/> (Accessed: 26th March 2024).
5. Voishvillo, E.K. (1980) *Ponyatie intensional'noy informatsii i intensional'nogo otnosheniya logicheskogo sledovaniya (soderzhatel'nyy analiz)* [The concept of intensional information and the

intensional relation of logical entailment (a content analysis)]. In: *Logiko-metodologicheskie issledovaniya* [Logical and Methodological Investigations]. Moscow: Moscow State University. pp. 206–244.

6. Voishvillo, E.K. (1997) *Teoriya logicheskoy relevantnosti* [The Theory of Logical Relevance]. *Logicheskie issledovaniya*. 4. pp. 222–244.

7. Routley, F.R. & Meyer, R.K. (1972) The Semantics of Entailment II. *Journal of Philosophical Logic*. 1(1). pp. 53–73.

8. Routley, F.R. & Meyer, R.K. (1973) The Semantics of Entailment I. In: Leblanc, H. (ed.) *Truth, Syntax and Modality*. Amsterdam: North Holland. pp. 199–243.

9. Voishvillo, E.K. (1982) Semantics of Generalized State Descriptions. *Studies in Logic and the Foundations of Mathematics*. 104. pp. 315–323

10. Carnap, R. & Bar-Hillel, Y. (1952) On the outline of a theory of semantic information. In: *Language and Information*. pp. 221–274 (first publication: Carnap, R. & Bar-Hillel, Y. (1952) An outline of theory of semantic information. *Techn. Report of Res. Lab. Electr.* 247).

11. Bar-Hillel, Y. & Carnap, R. (1953) Semantic information. *The British Journal for the Philosophy of Science*. 4(4). pp. 147–157.

12. Mares, E. (1996) Relevant logic and the theory of information. *Synthese*. 109(3). ppp. 345–360.

13. Sidorenko, E.A. (2000) *Relevantnaya logika (predposylki, ischisleniya, semantika)* [Relevant Logic (Prerequisites, Calculus, Semantics)]. Moscow: IP RAS.

Сведения об авторе:

Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), research officer in the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy of HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2024;

одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024

The article was submitted 23.07.2024;

approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.17223/1998863X/81/5

КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ДИСТОПИЯ, УТОПИЯ, ПРОТОПИЯ

Полина Сергеевна Спрукуль

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, polina.sprukul@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ и сравнение концепций дистопии, утопии и протопии в философии искусственного интеллекта, рассматриваются их основные аспекты, преимущества и недостатки. Предпринимается попытка определить наиболее вероятный сценарий развития событий на основе анализа текущего уровня развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, информационные технологии, сильный искусственный интеллект, слабый искусственный интеллект

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Для цитирования: Спрукуль П.С. Концепции будущего в философии искусственного интеллекта: дистопия, утопия, протопия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 48–55. doi: 10.17223/1998863X/81/5

Original article

CONCEPTS OF THE FUTURE IN THE PHILOSOPHY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: DYSTOPIA, UTOPIA AND PROTOPIA

Polina S. Sprukul'

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, polina.sprukul@gmail.com*

Abstract. The article presents an analysis and comparison of three concepts of the future in the philosophy of artificial intelligence: dystopia, utopia and protopia. The author describes each of these concepts in detail, highlighting their key aspects, advantages and disadvantages. Artificial intelligence is considered in its weak version as a system designed to perform specific tasks and functions. As an example, the language model of OpenAI company – ChatGPT – is given, which is widely available and demonstrates a very high speed of development. The author considers five levels of technology development to achieve the level of AGI (Artificial General Intelligence) – a strong version of artificial intelligence, which will be comparable in power to human intelligence or even surpass it. The current level of ChatGPT development is defined as the first one, but according to OpenAI employees, it can reach the second level in the foreseeable future. This indicates significant progress in the field of artificial intelligence and raises important questions about its future impact on society. Based on the analysis of the current level of AI development, as well as some facts and events taking place at present (such as legal regulation or user experience), the author attempts to determine the most probable concept of the future. Utopia

and dystopia are assessed as extremely positive and negative scenarios, and therefore the least likely ones. The current state of things suggests that the concept of protopia, which includes features of the other two, is closest to reality. Protopia assumes that AI development should be aimed at the benefit of all humanity and be carried out under the control of society and the state. This will help avoid negative consequences and ensure sustainable development of society in the future. The author emphasizes that all three concepts are hypothetical, but they help us think about the possible consequences of developing artificial intelligence and take measures for its safe and effective use. The author concludes that only a balanced and responsible approach to the development and implementation of artificial intelligence can ensure its positive impact on society and prevent possible negative scenarios.

Keywords: philosophy of artificial intelligence, digital technology, strong artificial intelligence, weak artificial intelligence

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Sprukul', P.S. (2024) Concepts of the future in the philosophy of artificial intelligence: dystopia, utopia and protopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 48–55. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/5

Сегодня искусственный интеллект стал частью повседневной жизни обычного человека. Мы используем его для решения различных задач: от написания текстов и кода до создания музыки и поиска информации. ИИ помогает нам автоматизировать рутинные процессы, ускорять работу и повышать ее эффективность. Есть мнение, что человечество входит в предсингулярную эпоху, поэтому вопросы о том, какое будущее нас ждет, становятся все острее и актуальнее. Несмотря на все плюсы использования ИИ, у человека еще остается много вопросов и опасений.

В рамках дискуссии об искусственном интеллекте принято подразделять его на слабый и сильный, данная классификация была предложена еще в 1980 г. Джоном Серлом [1]. Эти определения могут варьироваться в зависимости от специфики дискурса, поэтому далее обозначим наше понимание в рамках текущей статьи. Слабый ИИ – это система, предназначенная для выполнения конкретных задач и функций, используется в таких областях, как распознавание речи, обработка естественного языка, компьютерное зрение и др. Сильный ИИ (в современном дискурсе чаще обозначается как AGI – artificial general intelligence) является гипотетической формой искусственного интеллекта, которая по мощности будет сравнима с человеческим разумом или превзойдет его. AGI должен обладать способностью к обучению, адаптации и самосовершенствованию, что позволит ему эффективно взаимодействовать с людьми и окружающей средой, а также самостоятельно обучаться и развиваться. На сегодняшний день не существует технологии, способной достичь уровня AGI, поэтому далее под ИИ мы будем понимать именно слабую версию, несмотря на то, что мы уже можем приписать ей некоторые черты сильной.

Если перейти к конкретным моделям, то в наши дни первое, что приходит в голову большинству пользователей при упоминании искусственного интеллекта, – это разработанный компанией OpenAI ChatGPT – большая языковая модель, обученная на огромном наборе данных текстовых пар «вопрос–ответ». Она способна генерировать тексты, похожие на написанные челове-

ком, и может использоваться для различных задач, таких как перевод, генерация кода, написание статей и т.д. Популярность данной модели обусловлена ее доступностью для широкого круга пользователей и скоростью развития. Основные этапы развития ChatGPT:

1. ChatGPT (ноябрь 2022 г.) – первая версия модели. Обладала базовыми возможностями генерации текста и ответов на вопросы.

2. GPT-4 (март 2023 г.) – обновленная модель с улучшенной производительностью и способностью к обучению на больших объемах данных. Также данная модель может генерировать более длинные и подробные тексты. Появилась поддержка всех языков.

3. GPT-4 Turbo (август 2023 г.) – улучшенная версия GPT-4 с повышенной скоростью работы и доступностью для большего числа пользователей. Может выходить в интернет, появилась возможность подключать внешние плагины. Модель может запускать внутри себя код.

4. GPT-4 2.0 (ноябрь 2023 г.) – последнее обновление на данный момент, которое включает улучшения в работе с длинными текстами, более точные ответы на сложные вопросы и возможность создания более персонализированных диалогов.

Таким образом, можно сказать, что модель получала качественное новое развитие примерно каждые 3 месяца, что является очень высокой скоростью. Кроме того, поражает скорость распространения продукта среди пользователей – от 0 до 100 млн пользователей за 2 месяца, несмотря на то, что модель является не развлекательным приложением, а скорее прикладным инструментом. На данный момент это рекордная скорость, предыдущим рекордсменом был TikTok с промежутком в 8 месяцев.

Феномен ChatGPT позволил посмотреть на ИИ и его развитие как на супертехнологии, которые могут быть на службе у людей, а не только как на перспективу создания AGI или сверхразума, который может решить все проблемы человечества или уничтожить его. Генеральный директор компании OpenAI¹ Сэм Альтман описал 5 уровней достижения AGI [2]:

Уровень 1: Выполнение задач, требующих понимания языка. На этом уровне ИИ может понимать и генерировать текст, отвечать на вопросы, переводить языки и т.д. Это уровень, на котором находятся современные чат-боты, такие как ChatGPT.

Уровень 2: Решение проблем с помощью языка. ИИ на этом уровне может решать задачи, требующие логического мышления и рассуждений. Он может анализировать данные, делать выводы и давать рекомендации.

Уровень 3: Обучение сложным навыкам без учителя. ИИ на этом уровне способен самостоятельно учиться новым навыкам, используя только данные без заранее заданных инструкций. Это позволит ему адаптироваться к новым ситуациям и задачам.

Уровень 4: Решение сложных реальных проблем. ИИ на этом уровне сможет решать сложные проблемы реального мира, такие как разработка новых лекарств или создание новых технологий.

Уровень 5: Изобретение нового знания. ИИ на этом уровне будет способен создавать новое знание, которое не было доступно человечеству ранее.

¹ Компания, которая создала языковую модель ChatGPT.

Это может привести к появлению новых научных открытий, изобретений и произведений искусства.

Каждый последующий уровень включает в себя все возможности предыдущего уровня и добавляет новые способности. Таким образом, общий искусственный интеллект будет представлять собой систему, способную решать любые интеллектуальные задачи, доступные человеку. ChatGPT в настоящее время находится на первом уровне, но, по словам сотрудников OpenAI, в обозримом будущем может выйти на второй.

Очень много разговоров ведется о некоем будущем, в котором у нас будет ИИ, и как это повлияет на общество. Но по факту ИИ уже существует и благодаря новым моделям, вроде ChatGPT, активно используется повсеместно. Если раньше он применялся по большей части в науке и прикладной отрасли (медицина, строительство), то сейчас его постоянно растущий потенциал и открытость позволяет внедрять ИИ в рабочие процессы разных компаний, обучение и даже в будничные задачи обычного человека. Теперь ИИ доступен любому через цифровой дисплей и подключение к интернету. Проникновение ИИ во все сферы общества – это неизбежное и очень важное явление, которое мы наблюдаем прямо сейчас. Это все повышает интерес и потребность общества представить картину нашего будущего. Нужно задаться вопросами о том, каким будет ИИ? К какому миру мы хотим прийти? Такого рода вопросы должна ставить современная философия, реагируя на трансформации общества, вызванные развитием технологий. Далее в данной работе мы бы хотели рассмотреть 3 варианта концепции будущего с точки зрения развития ИИ и выделить из них наиболее вероятную, на наш взгляд.

Когда мы говорим об устройстве общества, чаще всего речь идет об одном из двух сценариев – утопия или дистопия (антиутопия). Рассмотрим дистопию как такую концепцию, в которой развитие ИИ приводит к негативным последствиям для человечества. ИИ может стать угрозой для свободы и безопасности людей, а также привести к потере рабочих мест и усилению социального неравенства (такой сценарий очень любят демонстрировать в массовой культуре – «Матрица»¹, «Терминатор»²). Если рассматривать ИИ не как AGI, а как супертехнологию, облегчающую жизнь людей, то в дистопии эта супертехнология монопольно контролируется каким-то ограниченным кругом лиц – крупной компанией, тоталитарным государственным лидером, спецслужбами. Доступ к ней есть только у этого ограниченного круга лиц, и общество ничего не может с этим сделать. Последствия такого сценария: потеря контроля над технологиями, усиление социального неравенства, рост безработицы, нарушение прав человека, утрата конфиденциальности данных, появление новых видов преступлений.

Утопия же – полная противоположность. Рассмотрим ее как такую концепцию, в которой ИИ используется для улучшения качества жизни людей и решения глобальных проблем. В такой концепции ИИ становится мощным инструментом, который помогает людям достигать своих целей и реализовывать свои мечты. Некоторые общественные институты в виде сложных систем могут оказаться не нужны, все люди живут в дружественной среде. В этой концепции все проблемы общества уже как бы заранее решены, это

¹ Серия фильмов дуэта Вачовски.

² Серия фильмов Д. Кэмерона.

некая стагнирующая действительность, которая замерла в своем развитии – нет проблем, которые нужно решать, значит, нет возможностей для развития. Классические черты такой концепции: эффективное здравоохранение, повышение уровня образования, улучшение условий труда, решение экологических проблем, создание более справедливого общества.

Дистопия и утопия кажутся маловероятными, так как представляют собой резко негативный или резко позитивный сценарий. Кевин Келли [3. С. 23] ввел новую концепцию, которая кажется более реалистичной – протопия. Протопия описывает будущее, в котором технологии будут использоваться для создания более справедливого, устойчивого и гармоничного общества, это состояние трансформации, а не финальная точка. Процесс, в котором положение дел сегодня лучше, чем вчера, пусть не на много. Это попытка придумать более реалистичную версию утопии, о которой можно думать, планировать и делать реальные шаги. Мир в этой концепции постоянно сталкивается с новыми проблемами и вызовами, которые можно решать с помощью технологий. От технологий получают пользу все члены общества, а не только узкий круг. Свободы, возможности для реализации увеличиваются, люди могут стать более творческими.

Концепция протопии основывается на следующих принципах:

- Сотрудничество: люди будут сотрудничать друг с другом для достижения общих целей.
- Децентрализация: власть и ресурсы будут распределены более равномерно.
- Устойчивость: общество будет стремиться к использованию возобновляемых источников энергии и снижению потребления ресурсов.
- Гармония: люди будут стремиться к гармонии с природой.

На наш взгляд, концепция протопии соединяет в себе черты дистопии и утопии, за счет чего кажется более реалистичной. В ее рамках человечество использует технологии для того, чтобы сделать жизнь лучше, но при этом просчитывает риски и старается их минимизировать. Доступ большого числа людей к супертехнологии несет в себе большое благо, но еще и много вопросов.

Развитие ИИ демократизирует доступ к интеллекту и образованию любому человеку в любом месте с любым количеством денег. Условно каждый может иметь у себя в кармане базу знаний всего человечества в форме учителя, способного помочь разобраться в любом вопросе. Кроме того, ИИ демократизирует доступ к эмпатическому терапевтическому общению: становятся доступнее доброта, внимание и сопереживание. Таким образом, чем больше людей будет иметь доступ к супертехнологии и напрямую ее использовать, повышать свою производительность и креативность, развивать эмоциональный интеллект, тем больше вероятность позитивного сценария будущего. На наш взгляд, доступность супертехнологии является одним из ключевых факторов того, в какой сценарий будущего мы попадем.

Актуальные вопросы, которые человеку стоит задать себе: Какие сигналы могут помочь нам понять, на пути к какому сценарию мы находимся сегодня? Как человек может своими действиями вкладываться в один из этих сценариев? Например, по нашему мнению, европейские законы по регулированию ИИ [4] могут быть рассмотрены в том числе и как сигналы приближе-

ния к дистопии – они могут ограничить доступ к технологии или сделать ее очень сложной. Но итог один, технология окажется в руках ограниченного круга лиц. Изначально эти законы имеют своей целью контролировать развитие ИИ, чтобы защитить человечество от негативных сценариев будущего, но в любой момент могут быть использованы и против доступности супертехнологии для большинства.

Общество уже далеко не первое десятилетие задается вопросами о моральной и этической составляющей ИИ. Из недавнего, в мае 2023 г. OpenAI запустила грант [5] в размере ста тысяч долларов на разработку демократических методов для принятия решений о правилах поведения ChatGPT. Речь идет о том, чтобы сделать решения о ценностных фильтрах, через которые ИИ общается с пользователем, прозрачными и инклюзивными, подобно тому, как принимаются законы в демократическом обществе. Большой плюс такого подхода в том, что в развитии технологии принимает участие не только привилегированный круг лиц вроде компании-владельца или глав государств, но и рядовые пользователи. Это можно рассмотреть в качестве сигнала, что мы на пути к протопии.

Еще одним сигналом можно назвать использование текущих языковых моделей вроде ChatGPT в качестве сокрытых или соинтеллекта. ИИ все в большей и большей степени становится для человека партнером, коллегой, сотрудником, учителем, коучем и даже другом. Дмитрий Мацкевич, генеральный директор и сооснователь компании Dbrain, сформулировал 3 метастратегии взаимодействия ИИ и человека по итогам конференции Gconf [6]:

1. Равный партнер. ИИ как друг, партнер, с которым вы вместе думаете и создаете. Это не всезнающий Оракул, который ответит на все вопросы во вселенной. Но и не слуга, который будет делать за человека все задачи.

2. Говори и уточняй. Человек может взаимодействовать с ИИ через голосовые команды или вопросы. Такая стратегия позволяет упростить взаимодействие и сделать его более естественным. Эта стратегия помогает человеку лучше понять, как работает ИИ, и научиться формулировать вопросы таким образом, чтобы получать наиболее точные и полезные ответы.

3. Выстраивать отношения как с другим существом из состояния благодарности и любопытства. Состояние, из которого человек выстраивает отношения с ИИ, сильно влияет на результат и дальнейшее желание взаимодействовать. Выстраивание отношений из благодарности и любопытства помогает создать более эффективное и продуктивное взаимодействие между человеком и ИИ.

Это все указывает на то, что уже сегодня мы можем видеть, как использование ИИ расширяет возможности человека, а его актуальная версия в целом является доступной для большинства. Хочется верить, что все эти сигналы действительно указывают на то, что мы на пути к протопии.

Интересно, что массовая культура и размышления философов, футурологов и др. дали нам огромное количество моделей и образов негативного сценария (например, матрица [7] или сверхразум [8. С. 48]). Однако, на наш взгляд, человеку было бы полезно конструировать для себя лучшее будущее и фокусироваться на позитивном, ведь будущее, к которому мы стремимся, представляет собой результат того процесса трансформации, который мы

способны наблюдать сегодня. Наше рассуждение показало, что многие сегодняшние события и результаты можно распознать в качестве сигналов того, что человечество способно избежать негативного сценария – сегодня мы более близки к Джарвис¹ или Саманте², чем к Матрице. Важно говорить не только о негативных сценариях, но и о позитивных, ведь когда мы представляем варианты будущего, мы начинаем двигаться в их сторону.

Список источников

1. Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Т. 3, № 3. P. 417–424.
2. Metz R. OpenAI Scale Ranks Progress Toward ‘Human-Level’ Problem Solving. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-11/openai-sets-levels-to-track-progress-toward-superintelligent-ai> (дата обращения: 01.08.2024).
3. Келли К. Неизбежно: 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. Манн, Иванов и Фербер, 2017.
4. European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 01.08.2024).
5. Open A.I. Democratic inputs to AI. URL: <https://openai.com/index/democratic-inputs-to-ai/> (дата обращения: 01.08.2024).
6. Мацкевич Д. Matskevich – brains, love and robots. URL: <https://t.me/Matskevich/251> (дата обращения: 01.08.2024).
7. Chalmers D.J. The Matrix as metaphysics. 2005. URL: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).
8. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. Манн, Иванов и Фербер, 2015.

References

1. Searle, J.R. (1980) Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 3(3). pp. 417–424.
2. Metz, R. (2024) *OpenAI Scale Ranks Progress Toward ‘Human-Level’ Problem Solving*. Bloomberg. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-11/openai-sets-levels-to-track-progress-toward-superintelligent-ai> (Accessed: 1st August 2024).
3. Kelly, K. (2017) *Neizbezhno: 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee* [Inevitable: 12 technology trends that will shape our future]. Mann, Ivanov i Ferber.
4. European Union. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (Accessed: 1st August 2024).
5. OpenAI. (n.d.) *Democratic inputs to AI*. [Online] Available from: <https://openai.com/index/democratic-inputs-to-ai/> (Accessed: 1st August 2024).
6. Matskevich, D. (n.d.) *Brains, love and robots*. [Online] Available from: <https://t.me/Matskevich/251> (Accessed: 1st August 2024).
7. Chalmers, D.J. (2005) *The Matrix as metaphysics*. [Online] Available from: <http://consc.net/papers/matrix.pdf> (Accessed: 7th June 2024).
8. Bostrom, N. (2015) *Iskusstvennyy intellekt: Etapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies]. Mann, Ivanov i Ferber.

Сведения об авторе:

Спрукуль П.С. – магистр, техник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: polina.sprukul@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹ Искусственный интеллект из серии комиксов и фильмов «Железный человек».

² Искусственный интеллект из фильма Спайка Джонса «Она».

Information about the author:

Sprukul P.S. – Master, technician at the Laboratory of Logical and Philosophical Research of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina.sprukul@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.07.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/81/6

«КОММЕНТАРИЙ НА „СОН СЦИПИОНА“» МАКРОБИЯ: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ ЦИЦЕРОНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. В статье изложен опыт прочтения, представленный в сочинении Макробия «Комментарий на „Сон Сципиона“». Показано, что на исходе античности платоническая традиция стала тем плавильным котлом, в котором соединились лучшие достижения эллинистической мысли. Раскрыты особенности комментария Макробия. Показано, как, используя метод комментария, автор обосновывает положения неоплатонизма, в своей совокупности формирующие взгляд на душу и универсум в эпоху поздней античности.

Ключевые слова: комментарий, античность, неоплатонизм, натурфилософия, «Бог – Ум – Мировая душа», сон, добродетели, бессмертие души

Для цитирования: Корниенко М.А. «Комментарий на „Сон Сципиона“» Макробия: опыт прочтения Цицерона в эпоху поздней античности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 56–67. doi: 10.17223/1998863X/81/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

“COMMENTARY ON THE DREAM OF SCIPIO” BY MACROBIUS: AN EXPERIENCE OF READING CICERO IN LATE ANTIQUITY

Mikhail A. Kornienko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mkornienko1@gmail.com*

Abstract. The article describes the experience of reading “The Dream of Scipio” – a fragment of the sixth part of Cicero’s treatise “On the Commonwealth”. The commentary was written by the famous grammarian of late antiquity Macrobius. It is shown how, using the commentary method, Macrobius substantiates the provisions of Neoplatonism, which together form the vector of analysis of the soul and the universe in the era of late antiquity. The commentary is constructed by referring to the triad “God – Mind – Soul”. Like Aristotle, Macrobius divides philosophy into ethical, natural, and rational. The article shows how an idea of the universe is formed through reference to each of these parts. Macrobius’ natural philosophy is inextricably linked with ethics: “We have a common mind with the stars”; the

immortal soul is a particle of the cosmos; virtues are similar to the virtues of the divine Mind. The specificity of the picture of the world in Macrobius's "Commentary on the Dream of Scipio" is defined as follows: the ethical component of the picture of the world includes the idea of the transcendence of the soul, the idea of the descent of the soul into the body, the idea of the immanence of the soul. The natural part of the picture of the world includes the idea of the Demiurge, the idea of the World Soul. The rational segment of the picture of the world is formed on the idea of three natures: God (the One), Mind, and the World Soul. As shown in the "Commentary", the world is a collection of numerical relations; natural is the death in which the end of the body is brought about by the "exhaustion of its numbers"; the soul is a "self-moving number". The soul is not only immortal, it is God. The central place in Macrobius' "Commentary" is occupied by the doctrine of virtues. Their structure is considered; Based on the analysis of the totality of virtues, the "Commentary" concludes that the true reward for fulfilled virtues is a heavenly reward: those who preserved the fatherland are assigned a clearly defined place in heaven. This is the Milky Circle ("It streams everywhere the light called the Milky Way" – "lactea lumen habet"), the blessed enjoy endless life there.

Keywords: commentary, antiquity, Neoplatonism, natural philosophy, "God – Mind – World Soul", sleep, virtues, immortality of soul

For citation: Kornienko, M.A. (2024) "Commentary On the Dream of Scipio" by Macrobius: an experience of reading Cicero in late antiquity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 56–67. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/6

В эпоху поздней античности происходит постепенное угасание ее ведущих философских школ, и в римской философии интерес мыслителей смещается от натурфилософских в сторону этических проблем. В этот период римская философия скорее подчинена жизненно-практическим задачам, среди которых – воспитание этических добродетелей. Платоническая традиция на исходе античности стала тем плавильным котлом, в котором соединились воедино лучшие достижения эллинистической мысли. Если же говорить о латинском неоплатонизме, то именно выполненные на этапе поздней античности переводы с греческого на латынь и комментарии к этим переводам проложили тот путь, благодаря которому античная философия пришла в средние века.

Одним из неоплатонических литературных памятников того времени является комментарий Макробия к шестой книге трактата Цицерона «О государстве» («De republica», около 53 г. до н.э.), которая включает в себя фрагмент, именуемый «Сон Сципиона». В настоящей статье автор предполагает рассмотреть особенности неоплатонического подхода Макробия к этическим проблемам, поставленным в тексте Цицерона, раскрыть специфику опыта прочтения Макробием «Сна Сципиона».

В «Комментарии» Макробия помимо трактата «О государстве» были использованы и иные произведения Цицерона, в которых изображено идеальное государство – римское государство в эпоху его процветания. В тексте Макробий обращается к переписке оратора (сегодня сохранено 864 письма), представляющей собой особый род писательской деятельности Цицерона, к сохранившимся отрывкам отдельных его трудов («De jure civili» («О гражданском праве»), «Timaеus» («Тимей»), «De gloria» («О славе» – это произведение было известно Петрарке)). Вероятно, Макробий знал и шестикнижие Цицерона «De Finibus Bonorum et Malorum» («О пределах Блага и Зла»), в котором изложено учение о высшем благе и о цели жизни человека, дано

опровержение позиции эпикурейцев, доказано единомыслие в этих вопросах стоиков и перипатетиков [1–3]. Макробий пишет о том, что Цицерон «рассеивает семена проблем»; обращаясь к этим проблемам, Макробий и пытается, используя метод комментария, обосновать положения неоплатонизма, в своей совокупности представляющие взгляд на душу и мироздание.

«Комментарий на „Сон Сципиона“», написанный Макробием в период 435–445 гг., замышлялся предположительно как учебное пособие для его сына Евстахия (Plotinus Eustathius): отец называет 10–11-летнего мальчика по имени, обращается к нему со словами «свет мой», «услуга и гордость моей жизни», перемежает текст шутками, ориентированными на восприятие их ребенком. Просопографический анализ, выполненный М.С. Петровой [4, 5], результатом которого является выстроенная последовательность «отец – сын – внук», позволяет сделать вывод, что префектом города был Евстахий – сын Макробия.

Известно, что о жизни Макробия не сохранилось документальных свидетельств, но благодаря просопографическому материалу исследователи имели возможность восстановить основные этапы его биографии. Рожденный в Северной Африке около 390 г., Макробий имел аристократическое происхождение и был выходцем из латинской семьи с греческими корнями, что и послужило причиной того, что при рождении к имени Макробий было добавлено греческое имя Амвросий Феодосий. Макробий происходил из провинций, где говорили на греческом языке. Не вызывает сомнения и его принадлежность к сенаторскому роду (аристократические круги Претекстата и Симмаха). Макробий, титул которого звучал как «муж светлейший и сиятельный», занимал высокое положение в обществе и, вероятнее всего, был префектом претории в Италии (430 г.) [4, 5]. Из творческого наследия Макробия сохранились лишь три работы, время создания которых относится к первой половине V в. В их число входят «О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов» (425 г.), «Сатурналии» (431 г.), «Комментарий на „Сон Сципиона“» (около 440 г.) [6, 7]. Причем сочинение «О различиях и сходствах греческого и латинского глаголов» («De differentiis et similitudinibus graeci latiniq[ue] verbi») дошло до нас лишь в извлечении Иоанна Скота, датированном IX в. Христианская рецепция Макробия начата во время Каролингов (причины этого детально проанализированы Э. Жильсоном [8]). В работах Макробия «Комментарий на „Сон Сципиона“» и «Сатурналии» логика решения натурфилософских проблем выстроена с ориентацией на понимание Универсума представителями платонической традиции.

В натурфилософском «Комментарии на „Сон Сципиона“» Макробий излагает взгляд на Универсум и последовательно рассматривает космографию трех школ платонизма [9]. Согласно представлениям первой школы, мир разделен на две части. Одна его часть (неизменная, или действующая) простирается от сферы Апланес до лунной сферы. Другая часть (изменяемая, или «претерпевающая», брренное бытие) простирается от Луны до Земли, где Луна выступает в качестве границы; ниже этой границы пребывает природа смертного. Согласно представлениям второй школы, существует соответствие планетарных сфер и четырех элементов; подлунное царство включает в себе землю, воду, воздух, огонь. Выше располагаются те же элементы, но более чистой природы. Согласно представлениям третьей платонической школы,

мир поделен на две части, но его границы расположены иначе. В то время как к неподвижной части относится лишь небо (Апланес), к другой части отнесены остальные семь сфер («блуждающие») и подлунный мир. Этой последней натурфилософской концепции Макробий отдает предпочтение.

Каковы основные черты натурфилософской концепции мироздания, изложенной Макробием в «Комментарии на „Сон Сципиона“»? Рассуждение Макробия строится посредством обращения к триаде Бог – Ум – Душа. Автор пишет о свойствах мировой души, небесных телах, планетарных сферах, рассматривает вопрос о трех родах земных тел, включающих разумных и неразумных животных, а также растения. Подобно Аристотелю, Макробий подразделяет философию на этическую, естественную и рациональную части: по мнению автора, этическая философия обучает «отточенному совершенству нравов», естественная акцентирует внимание на божественных телах (звездах, планетах), рациональная говорит о бестелесном, что способен объять лишь ум. Этическая часть картины мира (или учение о человеческой душе и теле) включает в себя идею трансцендентности души по отношению к телу, идею нисхождения души в тело и идею имманентности души. Естественная часть картины мира включает в себя идею Демиурга, идею Мировой души, идею отношения Демиурга к Мировой душе. Рациональная картина мира строится на представлении о трех природах, где первая природа – Бог или единое, вторая природа – ум, а третья – Мировая душа. Макробий отмечает, что *philosophia naturalis* включает в себя главы, в которых говорится о размерах небесных сфер, о созвездиях, о Солнце, о Земле и Океане. Примечательно, что натурфилософия Макробия неразрывно связана, прежде всего, с этикой, и следствием этого становится учение о добродетелях. Как пишет Макробий, «ум у нас общий со звездами», наша бессмертная душа – частица космоса, а добродетели подобны добродетелям божественного Ума.

В системе мироздания, изложенной Макробием, человек наделяется особой исключительностью и, подобно небу и звездам, обладает связью с высшим Умом. Ссылаясь в своих рассуждениях на философов прошлого, Макробий использует концепцию микрокосма и макрокосма. Бессмертной Душе отводится та же роль в управлении телом, что и Богу в управлении миром, таким образом, Душа имеет не просто божественную природу, но и является Богом. Согласно Макробию, смерти нет, в конечном итоге все возвращается к первоэлементам и началам.

Концепция Макробия строится на множестве источников, которое включает труды Порфирия, Плотина, Платона, Плутарха, Ямвлиха, Аристотеля, Нумения. Как отмечает М.С. Петрова, «...для образованных римлян V–VI вв. не существовало недостатка в греческих философских текстах... часто именно в этих латинских работах сохранились параллели с современными им греческими сочинениями, позволяющие предположить наличие некоего общего греческого источника» [10. С. 30]. В случае с Макробием – это аллегорическое толкование гомеровской золотой цепи, соединяющей небо и Землю и протянутой Зевсом, толкование, встречаемое и в комментариях Прокла к «Тимею» Платона: видимая вселенная является храмом для умопостигаемого Бога, человеку в этом храме надлежит жить подобно жрецу, совершающему религиозный обряд.

Наиболее полно натурфилософская концепция Макробия раскрывается в «Комментарии на „Сон Сципиона“», произведении, где автор философски осмысливает фрагмент текста, представленный в VI книге трактата «О государстве» («De re publica») Цицерона [1]. В повествовании, которое Цицерон развертывает во фрагменте, посвященном сну Сципиона, принимают участие следующие действующие лица: Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235–183 гг. до н.э.), Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский (185–129 гг. до н.э.), усыновленный старшим сыном Сципиона Старшего Луцием Эмилием Павлом, также являющимся персонажем сна.

Корнелии (лат. Corneli) представляли собой знатный род Рима, в котором можно выделить две ветви – плебеев и патрициев. Старшая патрицианская ветвь Малугиненсией к пятому веку постепенно утратила свое значение. Выдающимися представителями этой фамилии были Сципионы. Название «Сципионы» происходит от scipio (посох). Известно, что представителей рода Корнелиев нарекли Сципионами, так как один из них сопровождал своего слепого отца, опиравшегося на посох (pro baculo regebat).

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший – дед Сципиона Младшего, не родной, но по усыновлению. Участвовал во 2-й Пунической войне, занимал должность проконсула Испании и верховного командующего; после того как карфагеняне были изгнаны из Испании, занял должность консула. Получил прозвище «Африканский Старший», так как осуществлял руководство высадкой римлян в Африке. Позднее выполнял обязанности цензора, принцепса сената и повторно был избран на должность консула. Осуществлял жертвоприношение богам, являясь жрецом-салием, о чем свидетельствуют Полибий и Тит Ливий.

Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский, усыновленный Луцием Эмилием Павлом, старшим сыном Сципиона Старшего, участвовал в 3-й Пунической войне и взятии Карфагена. Дважды избирался консулом. Во время второго консульства руководил войском при взятии испанского города Нуманции, после взятия и разрушения которого получил прозвище Нумантинский.

Во фрагменте VI книги трактата Цицерона, посвященном сну Сципиона, Сципион Младший видит во сне своего деда Сципиона Старшего, который предсказывает внуку как скорую победу, так и близкую смерть. Дед вдохновляет внука на победу и показывает ему с высот Карфаген, который будет разрушен Сципионом Младшим. Сципион Старший рассказывает внуку о том, что высшее божество (princeps deus) вознаграждает тех, кто хорошо послужил отчизне, а их души впоследствии обретают блаженную жизнь. Обителью для таких душ становится Млечный Путь («Млечный круг», Галаксия). Обращаясь к внуку, Сципион Старший назидательно произносит: «...знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело государства (rem publicam): всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они, блаженные (beati), наслаждались там вечной жизнью. Ибо ничто так не угодно высшему божееству (illi principi deo), правящему всем миром, во всяком случае из происходящего на Земле, – как собрания и объединения людей, связанные правом (iure), что называется государством (civitates). Их правители и охранители, отсюда отправившись, сюда же и возвращаются» [1. С. 83].

Вращение девяти небесных сфер, на высшей из которых пребывает божество *Princeps deus*, порождает вселенскую гармонию, не замечаемую простыми смертными, подобно тому, как живущим на порогах Нила не слышен шум вод. По утверждению Макробия, из трех первоначал высшим является Первоединый, Бог, находящийся за пределом умопостигаемого, на вершине иерархии сущностей; Бог – первопричина сущего. Бог порождает Ум, который является совершенным подобием создателя; Ум, в свою очередь, порождает Душу. Возникает триада (Бог – Ум – Душа). В этой последовательности заключена иерархия, где Бог является первым началом, Ум – вторым, а Душа – третьим. В своем комментарии Макробий употребляет по отношению к Богу такие имена, как первопричина, Единое, первоединое, высший бог, Благо, Бог, первый из всех, единственный, единица. В отличие от предыдущих представителей платонической традиции, Макробий относит Бога не к естественной философии, а к рациональной. Следует отметить, что употребление по отношению к Богу таких имен, как «благо», «единое», «высший бог» является в платонической традиции распространенным.

В натурфилософской картине мира Макробия Бог как первоначало находится за пределами познания. Макробий придает этому утверждению следующие основания: Бог непостижим мыслью; Бог окружен тем, что превосходит как человеческую речь, так и мысль. Макробий также указывает, что человек не обладает достаточной силой для познания Бога. Первоначало у Макробия не только трансцендентно по отношению к тварному миру, но и связано с ним. Первоначало является причиной всего, все тварное ему сопричастно. Обладая беспредельным могуществом, первоначало порождает сущее: создает Ум и Мировую душу. Сохраняя свою сущность неизменной, первоначало имманентно присутствует во всем сущем. Первоначало у Макробия всегда целостно, неделимо и непрерывно в своем могуществе.

Второе начало, Ум, Макробий описывает по-разному. Ум является порождением Бога и, взирая на своего создателя, сохраняет полное его подобие. Заклучая в себе два аспекта, Ум обращен в равной степени как к Единому, так и к Душе. Будучи обращен к низшему (к Душе), Ум порождает совершенные прообразы вещей, или «идеи», и, создавая их бесконечное множество, сам не поддается исчислению. Когда же Ум обращается к высшему, он порождает Мировую душу, и таким образом Душа обретает от Ума разумное начало.

В описании Мировой души у Макробия находим утверждение: Душа происходит от Ума и, всматриваясь в своего создателя, облачается в него. Природа Мировой души обладает как высшими, так и низшими проявлениями. Подобно Уму, Мировая душа представляет собой единицу, или монаду, она бестелесна и бессмертна, что и составляет совокупность ее высших проявлений. Низшим проявлением Мировой души является то, что из нее происходят все души. Описывая процесс создания душою тел, Макробий пишет, что душа порождает тело, сама же остается бестелесной; душа является источником жизни для всех живых существ; душа правит тем телом, которое она одушевляет. Таким образом, три первоначала (Бог – Ум – Мировая душа) выступают как фундаментальное основание картины мира Макробия.

Сфера естественной философии, выделяемая Макробием, подразумевает изучение небесных тел и планет, которые автор именует божественными [9].

Эта сфера включает в себя изучение и тех причин, которые порождают само движение небесных тел и планет. Причинами движения космоса являются Демиург и Мировая душа. Рассмотрим эти причины подробнее. В тексте «Комментария» встречаются упоминания о боже-создателе, творце мировой массы, устройтеле всего. И то, что Макробий ссылается на диалоги Платона, вероятнее всего, указывает: это Демиург из платоновского диалога «Тимей» [11].

В рассуждениях Макробия о Мировой душе (*mundi anima*, *anima mundana*) также содержатся явные указания на то, что он говорит о Мировой душе, упоминаемой в диалоге «Тимей». Говоря о трех первоначалах, Макробий проводит параллель между словами Вергилия о «наделении мира душой» (*«mundo animam dedit»*) и образом гомеровской золотой цепи, свисающей с неба: «...из высшего Бога возникает Ум, из Ума – Душа, а Душа создает и наполняет жизнью все последующее, и одно блистание озаряет все и проявляется повсюду, как одно лицо во многих, поставленных в ряд зеркалах; все следует друг за другом в непрерывной последовательности, вырождаясь по мере движения вниз. Внимательному наблюдателю откроется, что от высшего Бога до последнего осадка вещей тянется, сплетаемая воедино взаимными узами, нигде не разрушаемая связь. Это и есть золотая цепь Гомера, которую Бог приказал свесить с неба на землю» [10. С. 31]. Мировая душа у Макробия обладает числовой структурой. Представление мира как числовых отношений Макробий видит в той разновидности платонизма, где мир поделен на три четверки элементов. В первой из этих четверок – земля, вода, воздух и огонь; вторая содержит элементы более чистой природы: в составе второй четверки – Луна, называемая «эфирной землей», водой здесь является сфера Меркурия, воздух представлен сферой Венеры, огонь – Солнцем. В третьей четверке – сфера огня (Марс), воздуха (Юпитер), воды (Сатурн), земли, где находятся Елисейские поля, место обитания чистых душ. Душа, «высылаемая» в тело, проходит через три ряда элементов, – это тройная смерть души, «вталкиваемой» в тело (см. об этом в «Комментарии на „Сон Сципиона“», перевод М.С. Петровой [10. С. 225]). Для сочетания души с телами существует определенное и установленное отношение чисел: «Пока эти числа сохраняются, тело продолжает быть одушевленным, когда же они иссякают, то тайная сила, которой поддерживалась связь, немедленно ослабевает, и это то, что мы называем судьбой или предначертанным временем жизни... сама душа не иссякает, поскольку она бессмертна и неугасима, но тело, после того, как числа исполнятся, распадается» [10. С. 237]. Подлинно естественна та смерть, в которой конец телу приносит «иссякновение его чисел», душа – «самодвижущееся число».

В своих рассуждениях Макробий связывает Демиурга и высшую часть Мировой души. К космологическим функциям высшей части Мировой души относятся следующие:

- душа, создав прежде всего небесные тела, – небо и звезды, – наделила их божественным умом;
- из всего живого на земле лишь человек, подобно небу и звездам, имеет связь с божественным умом или духом. Человек одушевлен той же частью Мировой души, посредством которой были одушевлены небо и звезды. Это та часть Мировой души, которая являет собой так называемый чистый ум.

Космологическая функция низшей части Мировой души заключается в том, что душа, последовательно проходя планетарные сферы, приобретает качества, каждое из которых соответствует своей определенной планетарной сфере: сфере Сатурна соответствуют рассудочное и умозрительное начала, сфере Юпитера – деятельное начало, сфере Марса – яростное начало, или мужество, сфере Солнца – чувственное и иммагинативное начало, сфере Венеры – вожделеющее начало, сфере Меркурия – истолковывающее начало. Сфера Луны создает растительное начало – способность сеять тела и давать им расти. Это низшая из божественных функций и высшая из телесных. Таким образом, Макробий утверждает, что низшие способности человеческой души обретаются ею от небесных тел.

Согласно Макробию, этика определяется как исследование «высшего совершенства нравов и обучение морали этической философии». Центральное место в этической философии Макробия занимает учение о добродетелях. Рассуждения о добродетелях Макробий начинает с рассмотрения фрагмента текста Цицерона. В этом фрагменте Сципион отвечает Лелию на вопрос, что является истинной наградой за добродетели: «хотя для мудрецов высочайшей наградой за добродетель является само сознание совершенных ими выдающихся деяний, однако упомянутая божественная добродетель желает не статуй, скрепленных свинцом, и не триумфов, с их быстро засыхающими лавровыми венками, но наград другого рода – непреходящих и неувядающих» [1. С. 80].

Воспоминания о встрече с Лелием побуждают Сципиона к пересказу сна, который он до этого момента хранил в тайне. Во сне, который пересказывает Сципион, дед, обращаясь к своему внуку, произносит следующие слова о небесной награде: «... всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, отведено на небе четко определенное место, где блаженные наслаждаются нескончаемой жизнью... Такая жизнь – путь на него и к сонму людей, которые уже закончили свою жизнь и, освободившись от своего тела, обитают в том месте, которое ты видишь» [1. С. 84]. В этом фрагменте Сципион Старший говорит о Млечном пути, что подтверждается другим фрагментом в начале повествования Сципиона Младшего, – «... при этом с какого-то высоко вознесенного и полного звезд, сияющего и светлого места показал мне Карфаген... это был тот светлый круг, выделявшийся ярчайшим блеском среди прочих огней, который вы, следуя примеру греков, называете Млечным кругом. С того места все, что я созерцал, представилось мне прекрасным и изумительным» [1. С. 84].

Макробий, комментируя сон Сципиона, пишет о том, что лишь добродетели способны сделать человека блаженным, и не существует никакого иного способа достижения этого состояния. Макробий последовательно относит добродетели к категориям в соответствии с их свойствами. Свойство благоразумия определяется автором следующим образом: пребывая в созерцании божественного, презирать мир и все, что ему присуще; свойство умеренности определяется как необходимость оставить (насколько это возможно) все, что связано с потребностями тела. Свойство мужества определяется как способность души не чувствовать страха по мере восхождения к высшему. Наконец, свойство справедливости заключается в том, что возможен лишь путь полного следования добродетелям. Макробий обращается к тому распределению добродетелей, которое было осуществлено Плотинем в его работе «О добро-

детелях» [12]. Он указывает на то, что Плотин классифицирует добродетели согласно их истинному и природному разделению. Вслед за Платином Макробий говорит о том, что существует четыре рода четырех добродетелей: 1) гражданские; 2) очищающие; 3) добродетели очищенного духа; 4) добродетели-образцы. Добродетели, будучи осуществленными, делают человека блаженным. Человек, являясь частью общества, должен обладать гражданскими добродетелями. Тот, кто обладает гражданскими добродетелями, проявляет заботу о государстве, чтит родителей, заботится о близких, защищает города, оберегает сограждан и, благодаря личным добродетелям, подчиняет их справедливому милосердию. Макробий определяет и свойства, присущие гражданским добродетелям: свойство гражданского благоразумия (которому соответствуют ум, разум, осмотрительность, предвидение и осторожность); свойство гражданского мужества (для него характерно удерживать дух выше страха опасности, бояться только бесчестия, стоически принимать и невзгоды, и благополучие. Это свойство наделяет уверенностью, великодушием, постоянством, величием, невозмутимостью, твердостью); свойство гражданской умеренности (ему присущи отсутствие стремления к тому, что влечет за собой раскаяние, знание меры во всем, умение подчинить влечения разуму. Свойство гражданской умеренности наделяет почтительностью, сдержанностью, целомудрием, порядочностью, трезвостью, скромностью); свойство гражданской справедливости (ему соответствует стремление сохранить для каждого то, что ему принадлежит; свойство гражданской справедливости порождает согласие, преданность, благочестие, дружбу, человечность). Обладая всеми перечисленными гражданскими добродетелями, человек вначале становится правителем себя, а затем и государства.

Человек, способный воспринимать божественное, обладает вторым родом добродетелей, именуемых очищающими. Данные добродетели способствуют высвобождению духа у тех, кто стремится получить свободу от взаимодействия с телом, а также у тех, кто удаляется от дел человеческих и стремится к божественному.

Далее следуют добродетели уже очищенного духа, совершенно свободного от связи с этим миром. Макробий определяет следующие свойства, присущие этому виду добродетелей. Благоразумию свойственно не столько отдавать предпочтение божественному, как если бы оно отдавалось на основе выбора, но познавать божественное и всматриваться в него, как если бы больше ничего не существовало. Умеренности свойственно не подавлять земные влечения, но предать их полному забвению. Мужеству свойственны не борьба и победа над страстями, но неведение их. Справедливости свойственно соединиться с божественным умом так, чтобы пребывать с ним в союзе вечно.

К четвертому, и последнему, роду добродетелей относятся те, что содержатся в божественном уме, по образцу которых созданы все прочие добродетели. Благоразумие здесь – сам божественный ум; умеренность – никогда не слабеющее внимание, обращенное на самого себя; мужество – совершенная неизменность; справедливость – полная непоколебимость в осуществлении своего делания.

Четыре рода добродетелей различаются и по своему отношению к страстям. В то время как первый род унимает их, второй род удаляет, третий род

забывает, четвертому роду совершенно чужды какие бы то ни было страсти. Таким образом, добродетели, будучи осуществленными, делают человека блаженным; следуя добродетелям на протяжении своего земного пути, человек уготавливает свой путь на небо.

Рассуждая о бессмертии души, Цицерон в трактате «О государстве» приводит диалог, где Сципион спрашивает своего деда, Сципиона Старшего: «...я хотел бы, чтобы ты ответил, продолжают ли быть живы вместе с тобой отец мой Павел Эмилий и другие?». На что Сципион Старший отвечает: «Разумеется, они живы, ведь они освободились от оков своего тела, словно это была тюрьма, а ваша жизнь, как ее называют, есть смерть. Если смерть есть схождение в преисподнюю, а жизнь – пребывание в высших (небесных) сферах, то ты легко различишь, что должно считать смертью души, а что жизнью... душа, когда она загоняется сюда (в тело), – умирает, а когда она далеко отсюда – наслаждается жизнью и воистину существует» [1. С. 83].

После рассмотрения вышеприведенного фрагмента Макробий говорит о том, что для души преисподняя, которую древние называли гробницей души, подземельем Плутона, – не что иное, как смертное тело. В подземном мире река забвения Лета являет собой лишь ошибку души, которая забыла о прежней дотелесной жизни; огненный Флегетон олицетворяет пылающие гнев и страсти, мрачный Ахеронт – скорбь или огорчение, к которым ведут неправильные действия или слова. Ледяной Коцит символизирует все то, что приводит нас к слезам, а ненавистный Стикс – все то, что вызывает взаимную ненависть. Вся панорама наказаний, представленных в преисподней, в конечном итоге сформирована самой историей существования человека: «...те терзаются от голода и чахнут от истощения перед выставленными яствами, кого жажда все большей и большей наживы заставляет не видеть уже имеющихся богатств. И в роскоши нищие, они страдают от лишений среди изобилия»; «...распятые, висят на спицах колес, кто ничего не обдумывает и не предусматривает, у кого ничего не сдерживается рассудком»; «...огромные катят камни, растрачивая свою жизнь в безуспешных и тяжких потугах. А мрачный валун, всегда готовый качнуться и, кажется, повалиться, нависает над головами тех, кто домогается величайших постов и хочет сделаться злосчастным тираном, кому никогда не одержать верх, не обрета страх» [10. С. 219].

Таким образом, пребывание души в смертном теле становится ее преисподней. Макробий задается вопросом: возможно ли понимать смерть души иначе, чем ее пребывание в преисподней тела? Возможно ли понимать жизнь иначе, чем ее переход в высшие сферы после оставления тела?

Стиль рассуждений Макробия основан на тех традициях, что положены в основание комментирования во времена пифагорейской школы. Комментарий создан под безусловным влиянием трудов Авла Геллия (Агеллий – римский писатель-компилятор, создавший «Аттические ночи»), комментариев Сервия к Вергилию, сочинений Сенеки и «Застольных бесед» Плутарха, хотя имена этих авторов не названы.

В заключение отметим, что немалое место в тексте Макробия занимают рассуждения о том, как предуготовливать душу, чтобы она была достойна неба. Подобное предуготовление подразумевает упражнение в добродетелях, что и позволяет впоследствии сделаться блаженным. Макробий цитирует фрагмент текста Цицерона, где приводит слова Публия Африканского:

«...Упражняй ее (душу) в наилучших делах! Самые благородные заботы – о благе отечества; дух, движимый ими, быстро перенесется в ту небесную обитель и в свое жилище. Он совершит это быстрее, если, еще будучи заключен в тело, вырвется наружу и, созерцая все, находящееся вне его, как можно более отделится от тела. Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, кто представил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги, и, по побуждению страстей, повинующихся наслаждениям, оскорбил права богов и людей, дух тех носится подле земли, а в сие место возвращается только после многих веков терзаний» [1. С. 87].

Публий Африканский все больше вдохновляет внука и обращает его ум к небу и звездам, отвращая от земного, дабы показать, что станет наградой за добродетели. И после того, как ум Сципиона возвысился в радостном ожидании, ему велят пренебречь земной славой, которая ограничена как временем, так и земным пределом. Обративший взор к небу понимает ничтожность славы. Небо ведет счет не годами, а «великими годами», измеряемыми обращением всего неба: «Чтобы на своих путях совершить один оборот, требуется немыслимое число веков» [10. С. 259]. Отринувшему все человеческое Сципиону, ум которого теперь очищен, открывают, что он является Богом. Душа никогда не прекращает свое существование, заботясь лишь о вечном. Таким образом, душа не только бессмертна, но она – Бог.

Список источников

1. Цицерон, Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах : пер. с лат. М. : Наука, 1966. 224 с. URL: <https://djvu.online/file/AkdKbsDe74OOK?ysclid=lutiuq3zvjl98148477>
2. Цицерон, Марк Туллий. Избранные сочинения : пер. с лат. М. : Худ. лит., 1975. 454 с. URL: <https://djvu.online/file/P5OeehnDGDav7?ysclid=lutjeb7jo9791897601>
3. Цицерон, Марк Туллий. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000.
4. Петрова М.С. Просопография как метод научного исследования: Просопография как метод исторического исследования: Макробий Феодосий и Марциан Капелла // История через личность: Историческая биография сегодня. М. : Квадрига, 2010. 720 с. С. 641–703.
5. Петрова М.С. Макробий Амвросий Феодосий: просопографический очерк // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 6. С. 164–176.
6. Макробий Амвросий Феодосий. Сатурналии / пер. В.Т. Звиревича; изд. подгот. М.С. Петровой. М. : Круг, 2013. 808 с.
7. Макробий Амвросий Феодосий. Комментарий на «Сон Сципиона» / пер. М.С. Петровой // Историко-философский ежегодник, 2002. 15. С. 45–60. URL: <https://ife.iphras.ru/article/view/7568/5464>
8. Жильсон Э. Философия в средние века : От истоков патристике до конца XIV века. М. : Республика, 2004. 678 с.
9. Философия природы в античности и в средние века. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 608 с.
10. Петрова М.С. Макробий Феодосий и представление о душе и о мироздании в поздней античности. М. : Круг, 2007. 464 с.
11. Платон. Тимей / Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990. Т. III. С. 451–453. URL: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Losev/plato0312.pdf?ysclid=lutrfgi7bq814586468>
12. Плотин. О добродетелях // Первая эннеада. Эннеады I–VI. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. 320 с.

References

1. Cicero Marcus Tullius. (1966) *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues: On the State. On the Laws]. Translated from Latin. Moscow: Nauka. [Online] Available from: <https://djvu.online/file/AkdKbsDe74OOK?ysclid=lutiuq3zvjl98148477>

2. Cicero Marcus Tullius. (1975) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Translated from Latin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: <https://djvu.online/file/P5OeehnDGDav7?ysclid=lutjeb7jo9791897601>

3. Cicero Marcus Tullius. (2000) *O predelakh blaga i zla. Paradoksy stoikov* [On the Limits of Good and Evil. Paradoxes of the Stoics]. Translated from Latin. Moscow: Russian State University for the Humanities.

4. Petrova, M.S. (2010) Prosopografiya kak metod nauchnogo issledovaniya: Prosopografiya kak metod istoricheskogo issledovaniya: Makrobiy Feodosii i Martsian Kapella [Prosopography as a Method of Scientific Research: Prosopography as a Method of Historical Research: Macrobius Theodosius and Martianus Capella]. In: Repina, L.P. & Petrova, M.S. (eds) *Istoriya cherez lichnost': Istoriicheskaya biografiya segodnya* [History through Personality: Historical Biography Today]. Moscow: Kvadriga. pp. 641–703.

5. Petrova, M.S. (2001) Makrobiy Amvrosiy Feodosiy: prosopograficheskiy ocherk [Macrobius Ambrosius Theodosius: Prosopographical Essay]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noy istorii*. 6. pp. 164–176.

6. Macrobius Ambrosius Theodosius. (2013) *Saturnalii* [Saturnalia]. Translated by V.T. Zvi-revich. Moscow: Krug".

7. Macrobius Ambrosius Theodosius. (2002) Kommentariy na "Son Stsipiona" [Commentary on "The Dream of Scipio"]. Translated by M.S. Petrova. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*. 15. pp. 45–60. [Online] Available from: <https://ife.iphras.ru/article/view/7568/5464>

8. Gilson, E. (2004) *Filosofiya v srednie veka : Ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages: From the Origins of Patristics to the End of the 14th Century]. Moscow: Respublika.

9. Gaidenko, P.P. & Petroff, V.V. (eds) (2000) *Filosofiya prirody v antichnosti i v srednie veka* [Philosophy of Nature in Antiquity and in the Middle Ages]. Moscow: Progress-Traditsiya.

10. Petrova, M.S. (2007) *Makrobiy Feodosiy i predstavlenie o dushe i o mirozdanii v pozdney antichnosti* [Macrobius Theodosius and the Concept of the Soul and the Universe in Late Antiquity]. Moscow: Krug".

11. Plato. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 451–453. [Online] Available from: <https://plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/Losev/plato0312.pdf?ysclid=lutrfgi7bq814586468>

12. Plotinus. (2004) *Pervaya enneada. Enneady I–VI* [First Ennead. Enneads I–VI]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК 27-1(410)

doi: 10.17223/1998863X/81/7

ПРОГРАММА ПРИМИРЕНИЯ РАЗУМА И ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ДЖ. ТОЛАНДА

Валентин Валентинович Яковлев

*Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия,
v-yakovlev@yandex.ru*

Аннотация. В статье проведен обзор ряда фрагментов второго и третьего разделов трактата Дж. Толанда «Христианство без тайн». На этой основе выявлены концептуальные религиозно-философские и теологические установки Толанда, выдвинута характеристика их сущности. Показано, что содержащиеся в трактате религиозно-философские и теологические идеи не носят антихристианской и антирелигиозной направленности, несмотря на острейшие гетеродоксальность и полемичность некоторых из них.

Ключевые слова: Джон Толанд, деизм, протестантизм, Просвещение, христианство

Благодарности: автор выражает глубочайшую признательность сотрудникам и персонально – заведующим кафедр истории философии и логики, философии и методологии науки философского факультета НИ ТГУ – профессорам В.А. Суровцеву, И.В. Черниковой за поддержку в научной и учебно-методической деятельности.

Для цитирования: Яковлев В.В. Программа примирения разума и христианской веры: концептуальные религиозно-философские и теологические установки Дж. Толанда // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 68–78. doi: 10.17223/1998863X/81/7

Original article

THE PROGRAM OF RECONCILIATION OF REASON AND CHRISTIAN FAITH: CONCEPTUAL RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL ATTITUDES OF JOHN TOLAND

Valentin V. Yakovlev

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russian Federation, v-yakovlev@yandex.ru

Abstract. John Toland (1670–1722) is one of the most original and underrated religious philosophers and theologians of the early British and Western Enlightenment. The main trends of Western Tolandiana are quite successfully and voluminously presented in the master's thesis of Jeffrey Wigelsworth. The historiographical calculations found there well illustrate the significant contribution of many scientists to the historiography of Toland's intellectual work. At the same time, the proposed article is intended to draw attention to the problem of serious obstacles created by a number of stable historiographical traditions for a non-stereotypical interpretation and understanding of the content and essence of Toland's certain views. The most consistent of such traditions is the qualification of his religious-philosophical and theological ideas as Deistic. It is suggested that one of the decisive circumstances that most likely contributed to the establishment of Toland's reputation as a

Deist – a critic of Christianity – was the negative ideologization and politicization of the concept “Deism” that spread in early modern British society, fueled by considerations about the anti-Christian, anti-religious orientation of Deistic ideas. Apparently, the mentioned concept was used in confessional polemics to collectively designate religious-philosophical, theological views and doctrines of a rationalistic nature. New interpretations of the provisions of the treatise “Christianity without Mysteries” – Toland’s main work on the problems of Christian religious philosophy and theology, are being tested. The author of the article proceeds from the fact that Toland adhered to the program of reconciliation of reason and Christian faith on the basis of correcting Christian religious-philosophical and theological views by abolishing ideas about the “mysteries” of Christianity – dogmas, doctrines, etc., considered inaccessible to reason (superintelligent). A number of fragments of the second and third sections of the treatise “Christianity without Mysteries” are reviewed. On this basis, Toland’s conceptual religious-philosophical and theological attitudes are revealed, and their essence is characterized. It is shown that the religious-philosophical and theological ideas contained in the treatise do not have an anti-Christian and anti-religious orientation, despite the acute heterodoxy and polemic of some of them.

Keywords: John Toland, Deism, Protestantism, Enlightenment, Christianity

Acknowledgements: The author expresses his deepest gratitude to the staff and personally to Prof. Valery Surovtsev, head of the Departments of History of Philosophy and Logic, and Prof. Irina Chernikova, head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University, for their support in scientific and educational-methodological activities.

For citation: Yakovlev, V.V. (2024) The program of reconciliation of reason and Christian faith: conceptual religious-philosophical and theological attitudes of John Toland. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 68–78. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/7

1. Введение

Джон Толанд (1670–1722) – один из самых оригинальных и, как это ни парадоксально, при хорошей узнаваемости – недооцененных религиозных философов и теологов раннего британского и Западного Просвещения. Основные тенденции западной историографии идейного наследия Толанда (толандианы) достаточно удачно и объемно представлены в замечательной по своей зрелости магистерской диссертации Дж. Уигелсворта. Так, сообразно с его выводами, большинство посвященных Толанду исследований направлено на изучение 1) его роли в становлении деизма [1. Р. 7–9], 2) его взаимоотношений с Дж. Локком [1. Р. 7, 9]; базовое направление толандианы, согласно Уигелсворту, составляют также работы, связанные с поиском 3) общей нити творческой составляющей его жизненной активности [1. Р. 10–13]. Историографические выкладки Уигелсворта, думается, хорошо иллюстрируют значительный вклад многих ученых в историографию интеллектуального творчества Толанда, отображающего широту его интересов, разнообразие высказываемых им суждений, положений, относящихся к различным течениям и направлениям мысли – деизму, пантеизму, свободомыслию, материализму и т.д.

Вместе с тем предлагаемая статья призвана обратить внимание на проблему создаваемых рядом устойчивых историографических традиций серьезных помех для нестереотипных интерпретаций и понимания содержания и сущности тех или иных воззрений Толанда. Пожалуй, наиболее неизменной из таких традиций является квалификация его религиозно-философских

и теологических идей как деистских. Уигелсворт, в частности, совершенно оправданно видел в числе главных ее приверженцев Дж. Лиланда (J. Leland), Л. Стивена (L. Stephen), Дж. Крэгга (G.R. Cragg), П. Гэя (P. Gay), П. Бирна (P. Byrne), П. Харрисона (P. Harrison), У.Р. Уорда (W.R. Ward), Р. Салливана (R.E. Sullivan), Дж. Риди (G. Reedy) [1. P. 7–9]. Сам Уигелсворт тоже относил Толанда к деистам [1. P. 6]. Он, сославшись в сноске 7 первой главы диссертации на соответствующие рассуждения Лиланда [2. Vol. 1. P. ii], акцентировал внимание на том, что в XVIII в. деизм считали проявлением отрицания богооткровенной религии [1. P. 2]; впрочем, в той же сноске Уигелсворт верно констатировал расплывчатость и непоследовательность определений деизма и то, что современные специалисты далеко не единодушны в понимании главных особенностей деизма [1. P. 2].

Можно предположить, что одними из решающих обстоятельств, с большой долей вероятности способствовавших установлению за Толандом репутации деиста – критика христианства, стали распространившиеся в ранненовременном британском обществе негативные идеологизация и политизация понятия «деизм», подпитываемые соображениями об антихристианской, антирелигиозной направленности деистских идей. Судя по всему, упомянутое понятие использовалось в конфессиональных полемиках для собирательного обозначения религиозно-философских, теологических взглядов и учений рационалистического толка. Кратко описывая историю понятий «деизм» и «деист», видный отечественный философ и религиовед В.К. Шохин указал: «...[р]азмыванию идентичности деистов способствовали сами конфессиональные полемисты, нередко смешивая их (отчасти по объективным основаниям, отчасти по ассоциации и отчасти для усиления критики) с социнианами, унитариями, скептиками и даже с атеистами» [3]. Например, относящимся к деизму с большой долей вероятности могло расцениваться отрицание догмата о Пресвятой Троице (антитринитариями – социнианами, унитариями и др. – В. Я.) на законодательном уровне в «Toleration Act» 1688 г. [4] и в «Blasphemy Act» 1697 г. [5], строго исключавшееся из сферы действия норм веротерпимости.

Общеизвестно, что формирование и закрепление отношения ко многим религиозно-философским и теологическим идеям Толанда как к недопустимым – мало или не вписывающимся не то что в католические, но даже и в легитимированные протестантско-англиканские традиции, происходило в условиях резко негативных церковной и общественной реакций на его главное сочинение по проблемам христианских религиозных философии и теологии – «Christianity not Mysterious» («Христианство без тайн») [6, 7]. Оно было опубликовано в 1696 г. фактически следом за публикацией контекстуально близкого произведения Дж. Локка «The Reasonableness of Christianity» («Разумность христианства») [8] (что, кстати, может служить дополнительным подтверждением существовавших какое-то время плодотворных рабочих контактов между Толандом и Локком).

В статье апробируются новые интерпретации положений трактата Толанда «Христианство без тайн». Вопреки тому, что это ранний труд Толанда, он самодостаточен, носит программный характер – в известной мере определяет содержание и сущность высказываемых им в последующих работах религиозно-философских и теологических суждений и может восприниматься

вполне состоявшимся явлением в истории религиозно-философской и теологической мысли раннего британского и Западного Просвещения. Автор статьи не отрицает, что Толанд мог испытывать влияние деизма, однако исходит из того, что превратившееся в прописную истину отнесение «Христианства без тайн» преимущественно к кругу деистских текстов, обусловленное, в конечном счете, бытовавшими в ранненовременной Британии идеолого-политическими и вероисповедно-конфессиональными стереотипами, неоправданно упрощает и обедняет спектр религиозно-философских и теологических идей «Христианства без тайн», в значительной мере девальвирует их самобытность, нетривиальность и цельность.

Тезис статьи может быть сформулирован следующим образом: религиозно-философские и теологические идеи, высказанные Толандом в трактате «Христианство без тайн», не носят антихристианской и антирелигиозной направленности, несмотря на острейшие гетеродоксальность (даже для протестантизма) и полемичность некоторых из них, потому что, как показывает риторика трактата, Толанд придерживался программы примирения разума и христианской веры на основе корректировки христианских религиозно-философских и теологических воззрений посредством упразднения представлений о «тайнах» христианства – считающихся недоступными разуму (сверхразумными) догматах, доктринах и т.д. Цель статьи состоит в выявлении концептуальных религиозно-философских и теологических установок Толанда с последующим выдвижением характеристики их сущности. Достичь этой цели планируется посредством проведения обзора ряда фрагментов второго и третьего разделов трактата «Христианство без тайн». Обзор будет произведен в последовательности расположения материалов данного сочинения.

2. Религиозно-философские и теологические идеи Толанда

Трактат «Христианство без тайн» состоит из Предисловия, вступительной части – Состояние вопроса (разделена на параграфы без заголовков), трех разделов (Section), включающих главы (Chapter, разделены на параграфы без заголовков), Заключение. Заголовки разделов и глав, в сущности, манифестируют структуру защищаемой Толандом программы примирения разума и христианской веры. Для аутентичной идентификации материалов «Христианства без тайн», а также при отсылках к этим материалам без комментариев в статье в круглых скобках приводятся ссылки, указывающие на номера раздела, главы (латинские цифры) и параграфа (арабские цифры) рассматриваемого трактата.

Главный массив религиозно-философских и теологических идей сосредоточен во втором и третьем разделах «Христианства без тайн». По Толанду, в первом разделе он показал: то, что явно противоречит *«ясным и четким идеям или нашим общим понятиям»* (здесь и далее – курсив в тексте. – В. Я.), вступает в противоречие и с разумом. Вслед за этим он собрался доказывать, что евангельские догматы [*«Doctrines of the Gospel»*], если Евангелие – слово Божье, *«не могут противоречить разуму»*. По мнению Толанда, никто из современных христиан не заявляет, что принципы разума находятся в противоречии с догматами Евангелия. Однако из уст многих можно услышать, что если догматы Евангелия и не вступают в противоречие с принципами разума, поскольку «оба они исходят от [Б]ога», все же, сообразно с нашими пред-

ставлениями о них, может казаться, «что они непосредственно сталкиваются друг с другом». Но несовершенному человеческому уму не дано согласовать разум и Евангелие, и, опираясь на авторитет «[Б]ожественного [О]ткровения мы должны верить им (догматам. – В.Я.) и покорно соглашаться с ними, или же, как учили говорить отцы [Ц]еркви, поклоняться тому, чего мы не в состоянии понять» (II. 1 [Вступление к разделу]) [6. Р. 25–26; 7. С. 106].

Толанд полагал, что вышеозначенный «знаменитый и восхитительный догмат» является очевидной основой всего числа «нелепостей», приверженцами которых в то или иное время были христиане. Тут уместно обширное цитирование, чтобы прочувствовать тон и направленность размышлений Толанда: «Если бы он не использовался как предлог, мы никогда бы не услышали ни о *пресуществлении* и других нелепых сказках [Р]имской [Ц]еркви, ни о тех *восточных нечистотах*, которые почти все приняты в эту западную клоаку; мы бы вообще не были одурачены *лютеранской импанацией* [*Impanation*] или тем *вездесущием* [*Ubiquity*], которое она произвела на свет, поскольку обычно одно чудовище порождает другое» (Толанд очень резко высказывается о конфессиональных теологических понятиях, связанных с толкованием таинства Причащения. – В.Я.). Несмотря на то, что социниане отвергают эти взгляды, им, наряду с арианами, не удастся «представить свои понятия о *величественном и достойном божественного поклонения человеке* – [Б]оге таким образом, чтобы они выглядели более разумными, чем сумасбродства других сект, посягающих на догмат [Т]роицы» (II. I. 2) [6. Р. 26–27; 7. С. 107].

Толанд был уверен, что «если какой-либо догмат *Нового [З]авета* противоречит разуму, у нас об этом нет ни малейшего представления» [6. Р. 28–29]. [...В.Я.] К примеру, вывод папистов («*Papists*»; сторонников католицизма, Папы Римского. – В.Я.) о том, что ушедшие из жизни некрещенными дети осуждаются, но не страдают, является пустой фразой. И впрямь, допустив наличие разума у таких детей, следует ожидать, что свое вечное отлучение «от созерцания [Б]ога и от общества блаженных праведников» они должны воспринимать с мучением. А допущение об отсутствии разума у них делает невозможным их осуждение на вечное мучение в аду в папистском понимании. Впрочем, далее Толанд подвел читателя к мысли, что любое, даже правдоподобное умозаключение по затронутому вопросу не подлежит обоснованию. То есть, следуя рассуждениям Толанда, не обладая идеями вещи, мы напрасно будем стремиться верно судить о ней. Потому как то, что он не понимает, не даст ему «правильное понятие о [Б]оге», не повлияет на его поступки, как и чужезычной молитве не возжечь в нем благочестия (II. I. 4) [6. Р. 29–30; 7. С. 108].

По мнению Толанда, под предлогом проявления веры в Божье слово из текстов Священного Писания могут быть выведены «величайшие глупости и богохульства»: в частности, что Богу свойственны страсти, что Бог – творец греха, что Христос представляет собой скалу, что Он в действительности повинен в людских грехах и грехи оскверняют Его, что мы являемся не людьми, а червями или овцами. Толанд задался вопросом: допуская отображение фигур речи – использование переносного смысла в перечисленных фразах, разве

мы не можем делать это же при истолковании других подобных выражений? (II. I. 8) [6. Р. 35; 7. С. 111–112].

Толанд считал, что на основе того, что сказано уже им о разуме и об откровении можно заключить, что «все учения и заповеди Нового [3]авета (если он действительно богоданный) должны согласовываться с *естественным разумом* [*Natural Reason*]] и нашими собственными обычными идеями». Всякий, кто с внимательностью, благожелательностью и тщательностью изучит Евангелие, убедится в этом. Решающий указанную задачу найдет, «что слово [Б]ожие *не недоступно для нас и не далеко, но весьма близко к нам, в устах наших и в сердце нашем* (Втор. 30. 11, 14)» (ссылка на соответствующие библейские фрагменты воспроизведена нами. – В.Я.). Это слово [Евангелие. – В.Я.], по мысли Толанда, несет в себе подлинно великолепные образцы исключительно «точного и ясного рассуждения [*Ratiocination*]». Толанд установил: «доказать это, объяснив его *тайны* [*MYSTERIES*]; здесь и далее все прописные буквы в тексте. – В.Я.», – является его долгом. [...В.Я.] При этом Толанд не отрицал, что для подтверждения Своих предназначения и религиозных убеждений Христос творил также такие деяния и чудеса, «что даже самые упрямые *иудеи* не могли не признать их божественными» (II. III. 19) [6. Р. 46–47; 7. С. 118].

По утверждению Толанда, в богословии под «тайной» подразумевается то, что недоступно разуму [*to be above Reason*] (III. 1 [Вступление к разделу]) [6. Р. 66–67; 7. С. 128–129]. Его дальнейшие умпостроения раскрывают средоточие отстаиваемой им программы примирения разума и христианской веры. В понимании Толанда, «наиболее короткий путь приобретения твердых и полезных знаний заключается в том, чтобы *не затруднять ни себя, ни других тем, что бесполезно, даже если его можно познать, или тем, что вообще познать невозможно*» (III. II. 11) [6. Р. 78; 7. С. 135]. По Толанду, произведенные им в предыдущем параграфе размышления позволительно использовать при выстраивании соображений о предмете всего трактата. Во-первых, никакой из христианских догматов (равно как и никакое обычное природное явление) нельзя называть «*тайной*» лишь на основании того, что мы не располагаем полным представлением о его содержании. Во-вторых, в силу того, что открываемое нам религией через откровение очень полезно и необходимо, то ему положено без труда пониматься нами наподобие знаний о природных вещах; соответственно, без труда выявляется также, что открываемое не противоречит нашим обычным понятиям. В-третьих, объясняя рассматриваемые догматы с той же обыденностью, с какой объясняются природные явления (и Толанд не сомневался, что это нам по силам), мы удостоверяем наличие у нас понимания и тех и других (III. II. 12) [6. Р. 79; 7. С. 135–136].

Толанд обратил внимание на то, что люди надежнее всего понимают атрибуты Бога. По правде сказать, нам не известна природа «того вечного *основания*, или *сущности* [*eternal Subject or Essense*]], в котором сосуществуют бесконечная доброта, любовь, знание, сила и мудрость». Впрочем, как считал Толанд, людям не в большей степени известна реальная сущность любых Его созданий. Через идею и название Бога обнаруживается понимание Его известных атрибутов и свойств; точно так же понимание атрибутов и свойств какой-либо вещи обнаруживается через ее идею и название. Наряду с чем

понимание первых и вторых отличается ясностью. Тут Толанд сослался на высказанные им выше в главе суждения о том, что наше знание о вещах ограничивается осведомленностью об их нужных и полезных свойствах (см.: (III. II. 9), а также: (III. II. 10, 11, 21). – В.Я.). Те же самые суждения применимы к Богу: в каждом случае проявляемая нами набожность опирается на почитание Его атрибутов (доброты, милости, справедливости, мудрости, силы), а не на мысли «о [Е]го сущности» (III. II. 20) [6. Р. 86–87; 7. С. 140].

По убеждению Толанда, все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что ничто не есть тайна исключительно на том основании, что нам не известна его сущность, ибо ее невозможно познать, и она, в общем, не принимается нами во внимание. Соответственно, само Божественное Существо [*«Divine Being»*] является «непостижимым» [*«mysterious»*] в той же мере, что и презреннейшее Его создание. [...В.Я.] Выдвигаемые Толандом положения были для него также подтверждением очевидности того, «что непостижимые тайны в религии [*«Mysteries in Religion»*] всего лишь неправильно выведены из мнимых непостижимых тайн природы [...В.Я.]» (III. II. 21) [6. Р. 87; 7. С. 140].

Толанд раскритиковал некоторых приверженцев отцов Церкви за выборочные – только выгодные ссылки на их авторитетные постулаты. Не желая походить на них в своем служении Священному Писанию, Толанд сформировал полную подборку евангельских мест со словом «тайна», что, как он надеялся, поможет читателям лучше познакомиться с отстаиваемыми им идеями. Подобранные примеры Толанд предложил распределить по трем разделам. Во-первых, словом «тайна» по-другому именуется Евангелие либо христианство в целом, потому как последнее было «произволением на будущее, полностью скрытым от язычников» и с которым очень поверхностно соприкоснулись иудеи (см.: (III. III. 30). – В.Я.). Во-вторых, применительно к определенным догматам, по стечению обстоятельств открывшимся апостолам, сообщается как о ставших известными тайнах – раскрытых секретах (см.: (III. III. 31). – В.Я.). В-третьих, при помощи слова «тайна» обозначается все, что скрывается за иносказаниями и загадочными фигурами речи (см.: (III. III. 32, 33, 34). – В.Я.) (III. III. 29) [6. Р. 94–95; 7. С. 144–145].

Апеллируя к непредубежденным читателям, Толанд провозгласил очевидность того, что в Новом Завете с помощью слова «тайна» ни разу не обозначается что-нибудь как таковое непонятное либо нечто, показанное с ясностью, однако смысл которого невозможно постичь, задействовав наши обычные понятия и способности. Наоборот, оно постоянно используется для обозначения вещей, в достаточной степени понятных, и одновременно или до того скрытых «за образными выражениями и обычаями», или настолько скрытых «в едином разумении и единой воле [Б]ожьей, что они не могут быть обнаружены без особого откровения [*„Special Revelation“*]]» (III. III. 35) [6. Р. 108; 7. С. 151].

Согласно Толанду, не секрет, что у ранних христиан [*«Primitive Christians»*], несуразно подражавших иудейским толковательным традициям, преобладало аллегорическое понимание Писания. [...В.Я.] Что-либо из Ветхого Завета, представлявшее, как они полагали, образчик новозаветной вещи, называлось ими «прообразом [*«Type»*] или тайной этой вещи». Например, Юстином Мучеником (ок. 100 – ок. 165 гг.) понятия «прообраз, символ,

притча, тень, фигура, знак и тайна» используются как взаимозаменяемые (III. III. 42) [6. P. 115; 7. С. 155]. Тем не менее, опираясь на теоретические построения и текстологические изыскания (см.: (III. III. 36–45). – В.Я.), Толанд явно стремился обосновать свои соображения о том, что ранние отцы Церкви (в основном критикуемые им! – В.Я.) все же не считали догматы христианства непостижимыми и непонятными «тайнами» (III. III. 45) [6. P. 119; 7. С. 156–157].

Толанд перечислил наименования разновидностей веры [«Divisions of Faith»], не считая нужным давать их характеристики здесь. Он оттенил то, что понятие «вера» фиксирует наличие верования [«Belief»] либо убеждения [«Perswasion»], за которыми стоит выказываемое людьми доверие к любым сообщениям Бога или человека; исходя из этого, как думал Толанд, вера должна подразделяться «на веру в человека и веру в [Б]ога» [«Faith is properly divided into Human and Divine»]. Возникновение веры в Бога происходит при непосредственном обращении Бога к людям, либо если они признают истинными слова или писания того, с кем, по их оценкам, Бог общался. Всю веру современного мира Толанд отнес ко второму из описанных родов, видя ее всецело построенной «на логическом рассуждении» [«Ratiocination»] [...В.Я.] (III. IV. 52) [6. P. 126–127; 7. С. 160–161].

Толанд утверждал, что вера без понимания является не истинной верой [«real Faith»] или убеждением, а опрометчивой самонадеянностью и упрямым предрассудком, подходящими для фанатиков и обманщиков, но не для учеников Бога, который не намерен их обманывать, не предоставляя правильные знания. Толанд отослал к проведенным им ранее (см., напр.: (II. II. 16). – В.Я.) доказательствам того, что человеческие и божественные откровения отличаются друг от друга не степенью понятности, а несомненностью. Совпадающие исторические обстоятельства становятся основой очевидной несомненности событий: как допустил Толанд, он с легкостью может усомниться в своем собственном существовании, и в убийстве Цицерона (106–43 гг. до н.э.), и в повествованиях о Вильгельме Завоевателе (1027–1087); и все-таки подобное происходит нечасто. Тогда как, по мысли Толанда, «[Б]ог всегда говорит истину, и притом несомненную» (III. IV. 53) [6. P. 127–128; 7. С. 161].

По заверению Толанда, все его замечания убедительно удостоверяют то, что вера не есть безоговорочное согласие «со всем стоящим выше разума» и что, наоборот, такого рода объяснение ее напрямую вступает в противоречие с целями религии, человеческой природой, добротой и мудростью Бога. Тогда некоторыми может быть отмечено, что вера является теперь не верой, а знанием. Толанд уточнил, что если знание определять не как общепринятый на текущий момент «непосредственный взгляд на вещи» (сам он никогда не говорил так о знании, по его свидетельству), а как «понимание того, во что веришь», он готов поддержать «мнение, что вера есть знание». Толанд подчеркнул, что он везде отстаивал такой подход и что слова «вера» и «знание» в Евангелии нередко используются как взаимозаменяемые (III. IV. 66) [6. P. 139; 7. С. 167].

Толанд констатировал, что найдутся и такие, кто скажет, что вышеописанное истолкование веры «делает бесполезным откровение». И этот вывод Толанд не считал приемлемым. Так как «вопрос состоит не в том, могли бы

мы открыть все объекты нашей *веры*», прибегнув к логическому рассуждению. Толанд в противовес напомнил об аргументации им того, «что без *откровения* ни один факт действительности не мог стать известным» (см., напр.: (I. III. 10–12; II. II). – В.Я.). Только, по его утверждению, люди наделены способностью одинаково хорошо познавать содержание откровения и все то, с чем они сталкиваются в обычной жизни, потому что посредством откровения обеспечивается не более чем информирование людей, в то время как «убеждает очевидность его предмета». На это Толанду отвечали, что при таких условиях разум важнее откровения. [...В.Я.] Толанд же, вообще, не видел нужды в сравнении: «ибо *разум* так же исходит от [Б]ога, как и *откровение*; это светоч, путеводная звезда, судья, которого [О]н поместил в каждого человека, приходящего в этот мир» (III. IV. 67) [6. Р. 140–141; 7. С. 167–168].

Толанду принадлежат оригинальные религиозно-философские и теологические идеи о чудесах. Осмыслению их сущности посвящена монография автора настоящей статьи [9]. Своеобразие и направленность этих идей хорошо передает следующее положение: «чудеса совершаются в соответствии с законами природы, хотя они выше ее обычных действий, которым, следовательно, помогают сверхъестественные силы [„supernaturally assisted“]» (III. V. 76) [6. Р. 150; 7. С. 173].

3. Заключение

Таким образом, проведенный обзор позволяет достичь цели статьи – выявить следующие концептуальные религиозно-философские и теологические установки Толанда: 1) евангельские догматы не находятся в противоречии с разумом (II. 1. [Вступление к разделу]) [6. Р. 25; 7. С. 106]; 2) вера является знанием, равным пониманию основ веры (III. IV. 66) [6. Р. 139; 7. С. 167]; 3) люди наделены способностью одинаково хорошо познавать содержание откровения и все то, с чем они сталкиваются в обычной жизни (III. IV. 67) [6. Р. 140; 7. С. 168]. Можно также выдвинуть характеристику сущности указанных установок Толанда. Эта характеристика воплощается в положении о том, что они отражают приверженность Толанда 1) программе примирения разума и христианской веры, 2) принципу «*intelligo ut credam*» – «понимаю, чтобы верить», 3) сентенции об избыточности представлений о «тайнах» христианства – считающихся недоступными разуму (сверхразумными) догматах, доктринах и т.д. с преподнесением текстов Нового Завета как методологического эталона христианской рациональности. Выявленные концептуальные религиозно-философские и теологические установки, а также их характеристика подтверждают сформулированный во введении тезис.

К хрестоматийным фактам относится то, что 1) постулаты примирения разума и христианской веры импонировали Фоме Аквинскому (ок. 1224–1274), 2) принципом «*intelligo ut credam*» руководствовался Пьер Абеляр (1079–1142), 3) практически во всех протестантских конфессиях при формировании вероисповедных доктрин произошло кардинальное переосмысление католических догматов о «тайнах», церковных таинствах с акцентированием их символичности, аллегоричности и т.п. Тем не менее из этих простых примеров явствует, что контекст религиозно-философских и теологических идей трактата «Христианство без тайн» был однозначно шире одних лишь дискурсов ранненовременных деизма и свободомыслия, восходя к дискурсам ка-

толической ортодоксии и гетеродоксии, а также постреформационной протестантской гетеродоксии.

Радикальный рационализм религиозно-философских и теологических идей Толанда сделал их весьма уязвимыми для критики в первую очередь, естественно, с позиций христианской ортодоксии (даже протестантско-англиканской). При этом они не менее уязвимы для критики и с религиозно-философских позиций. Так как христианство (как и любая религия) по своей природе фундируется иррациональной (в определенном смысле – сверхразумной) верой в то, что разум пусть и может понять и принять, но что по своей природе склонен подвергать критике или опровергать (откровение, чудеса, пророчества, и т.д.). Однако это не слабость или недостаток христианства и других религий, а их сущностная черта. Так или иначе иррациональный субстрат всякой религии абсолютно не уничтожим. А принцип религиозно-философской и теологической иерархизации «тайн» по степени понятности, на деле генерируемый Толандом, является крайне дискуссионным. Как бы то ни было, честь Толанду делает то, что он упомянул о критике своего подхода к пониманию «тайн» христианства, Евангелия со стороны некоего друга, заявившего (совершенно справедливо; говорится, вероятно, о Локке. – В.Я.), что такой подход «разрушает природу веры» [«Nature of FAITH»] (III. IV. 51) [6. P. 126; 7. C. 160].

Список источников

1. Wigelsworth J.R. The Nominal Essence of Motion: John Toland's Natural Philosophy, 1696–1704 : A Thesis Submitted to the Faculty of Graduate Studies in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts : Department of History. Calgary, Alberta, 2000. vii+141 p.
2. Leland J. A View of the Principal Deistical Writers that Have Appeared in England in the Last and Present Century; [...] [3 vols] / [1754–1756; facsimile reprint]. New York : Garland Publishing Company, 1978. Vol. 1. [5], xii, 428 p.
3. Шохин В.К. Деизм // Православная энциклопедия. [Б. г.], 2024. URL: <https://www.pravenc.ru/text/171587.html> (дата обращения: 15.07.2024).
4. William and Mary, 1688: An Act for Exempting their Majestyes Protestant Subjects dissenting from the Church of England from the Penalties of certaine Lawes. [Chapter XVIII. Rot. Parl. pt. 5. nu. 15.] // BHO | British History Online. [S. l.], 2024. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp74-76#h2-s16> (дата обращения: 13.07.2024).
5. William III, 1697–8: An Act for the more effectual suppressing of Blasphemy and Profaneness. [Chapter XXXV. Rot. Parl. 9 Gul. III. p.6.n.4.] // Ibid. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/p409> (дата обращения: 13.07.2024).
6. Toland J. Christianity not Mysterious: or, A Treatise Shewing, That there is Nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above it: And that no Christian Doctrine Can be Properly Call'd a Mystery. 2 ed. enlarg'd. London : Printed for Sam. Buckley [...], 1696. xxxii, 174, [2] p.
7. Толанд Дж. Христианство без тайн, или Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или непостижимого им и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова / [пер. с англ. Е.С. Лагутина] // Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М. : Мысль, 1981. С. 79–185.
8. Locke J. The Reasonableness of Christianity, As Delivered in the Scriptures. London : Printed for Awnsham and John Churchil [...], 1695. [4], 304 p.
9. Яковлев В.В. Христианская философия чуда: Идеи Джона Толанда и Дэвида Юма. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. 418 с.

References

1. Wigelsworth, J.R. (2000) *The Nominal Essence of Motion: John Toland's Natural Philosophy, 1696–1704*. Master of Arts Thesis. Department of History. Calgary, Alberta.

2. Leland, J. (1978) *A View of the Principal Deistical Writers that Have Appeared in England in the Last and Present Century*. Vol. 1. New York: Garland Publishing Company.

3. Shokhin, V.K. (2024) Deizm [Deism]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. [s.l.: s.n.]. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/text/171587.html> (Accessed: 15th July 2024).

4. British History Online. (2024) *William and Mary, 1688: An Act for Exempting their Majestyes Protestant Subjects dissenting from the Church of England from the Penalties of certaine Lawes*. Chapter XVIII. Rot. Parl. pt. 5. nu. 15. [Online] Available from: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp74-76#h2-s16> (Accessed: 13th July 2024).

5. British History Online. (n.d.) *William III, 1697–8: An Act for the more effectual suppressing of Blasphemy and Profaneness*. Chapter XXXV. Rot. Parl. 9 Gul. III. p.6.n.4. [Online] Available from: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/p409> (Accessed: 13th July 2024).

6. Toland, J. (1696) *Christianity not Mystrious: or, A Treatise Shewing, That there is Nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above it: And that no Christian Doctrine Can be Properly Call'd a Mystery*. 2nd ed. London: Printed for Sam. Buckley.

7. Toland, J. (1981) *Khristianstvo bez tayn, ili Traktat, v kotorom pokazyvaetsya, chto v Evangelii ne sodержitsya nichego protivorechashchego razumu ili nepostizhimogo im i chto ni odin dogmat khristianstva ne mozhet byt' nazvan nepostizhimoy taynoy v pryamom smysle slova* [Christianity without Mysteries, or a Treatise in which it is shown that the Gospel contains nothing contrary to reason or incomprehensible to it, and that no dogma of Christianity can be called an incomprehensible mystery in the literal sense of the word]. Translated from English by E.S. Lagutin. In: Locke, J., Toland, J., Collins, A. etc. *Angliyskoe svobodomyслие: D. Lokk, D. Toland, A. Kollinz* [English freethinking: J. Locke, J. Toland, A. Collins]. Moscow: Mysl'. pp. 79–185.

8. Locke, J. (1965) *The Reasonableness of Christianity, As Delivered in the Scriptures*. London: Printed for Awnsham and John Churchill.

9. Yakovlev, V.V. (2020) *Khristianskaya filosofiya chuda: Idei Dzhona Tolanda i Devida Yuma* [Christian philosophy of miracle: Ideas of John Toland and David Hume]. Tomsk: Tomsk State University.

Сведения об авторе:

Яковлев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры медицинской деонтологии с сетевой секцией биоэтики ЮНЕСКО, Институт общественного здоровья и цифровой медицины Тюменского государственного медицинского университета (Тюмень, Россия). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yakovlev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Medical Deontology with UNESCO Bioethics Network Section, Institute of Public Health and Digital Medicine, Tyumen State Medical University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024;

одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 21.10.2024

The article was submitted 10.08.2024;

approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.454.7
doi: 10.17223/1998863X/81/8

ПАТТЕРНЫ АКТИВИЗМА И ПРОТЕСТА В СОЦИАЛЬНО- СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Раиса Эдуардовна Бараш

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, raisabarash@gmail.com

Аннотация. Автор исследует новые специфические атрибуты и паттерны движений современной виртуализированной самоорганизации. Предлагая рассматривать сообщества, участники которых взаимодействуют преимущественно виртуально по тем или иным актуальным поводам общественного недовольства как новейшие или постновые социальные движения, автор определяет их специфические атрибуты. Обращаясь к данным общероссийских социологических исследований, автор исследует актуальное влияние цифровой коммуникации на современные установки массового сознания россиян, особенно, на готовность к гражданской самоорганизации.

Ключевые слова: коммуникация; электронные медиа; интернет; социальные медиа; самоорганизация; сетевизация; сетевая коммуникация; новые социальные движения; новейший социальные движения; теория поколений

Для цитирования: Бараш Р.Э. Паттерны активизма и протеста в социально-сетевой коммуникации современных россиян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 79–97. doi: 10.17223/1998863X/81/8

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

PATTERNS OF ACTIVISM AND PROTEST IN THE SOCIAL NETWORK COMMUNICATION OF MODERN RUSSIANS

Raisa E. Barash

*Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, raisabarash@gmail.com*

Abstract. The growing influence of information and communication factors on social self-organization, as well as the networkization of the structure of modern social movements,

their “dependence” on Internet communication, their lack of a formalized structure, membership and leadership, determines the unpredictability of the solidarity actions of their participants. The transformation of digital communication into the basis of the communication mechanism of participants in almost all modern public associations acting, among others, under the slogans of global goals or frankly post-material motives, sets the task of finding new specific attributes and patterns of movements of modern virtualized self-organization, and determines the search for specific patterns of digitalized activism, as well as the definition of methodological grounds for their study. Within the framework of this article, such communities, whose participants interact mainly virtually on various topical issues of public discontent or are motivated by the desire for social justice, combining discontent with specific problems and general social injustice in their agenda, are defined as the newest or post-new social movements. In the article, the author defines the newest social movements as peculiar structures of self-organization, whose participants are connected by virtual communication rather than regular participation within a clear hierarchy, are motivated by a sudden actualization of problems of both material and non-material nature, and pursue the main goal of influencing political decision-making by the authorities. Referring to the data of all-Russian sociological research, the author examines the impact of digital communication on the current attitudes of Russians’ mass consciousness, especially on citizens’ readiness for civic self-organization and political activism. The author pays special attention to the study of the impact of the widespread use of the Internet and access to social networks on the demand for protest ideas by citizens.

Keywords: communication, electronic media, Internet, social media, self-organization, networking, network communication, new social movements, newest social movements, theory of generations

For citation: Barash, R.E. (2024) Patterns of activism and protest in the social network communication of modern russians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 79–97. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/8

Введение

Современные общественные процессы прямо связаны с нарастающим влиянием сетевой коммуникации. Расширение аудитории социальных медиа, постоянное увеличение количества тематических интернет-сообществ и новых каналов виртуальной коммуникации (YouTube- и Telegram-каналы, форумы), превращение мессенджеров в один из основных способов регулярного общения, цифровизация значительного числа повседневных интеракций наделяют современные общества чертами сетевой структуры. Социальные медиа упростили не только повседневное общение, но и тематическую коммуникацию носителей единомышленников, их объединение в сетевые структуры, выстроенные вокруг общего медиума коммуникации в рамках конкретных информационных каналов или виртуальных групп (тематические группы и паблики, информационные каналы, тематические сайты).

Сетевизация коммуникации приобретает глобальный характер. Государственная политика многих стран ориентирована на целенаправленное сокращение цифрового неравенства через расширение волоконно-оптических линий связи и развитие мобильного интернета, активную цифровизацию и бюрократический делопроизводство и коммуникации с гражданами. Серьезно способствуют вовлечению граждан в интернет-коммуникацию и социальные медиа и актуальная повестка: COVID-карантин, массовая изоляция «перевела» работу и учебу многих людей в онлайн.

Будучи сопряжена с глобализацией коммуникации, цифровизация, с одной стороны, превращает глобальные проблемы (изменение климата и про-

блемы экологии, гонка вооружений и угроза мировой войны, проблемы социального неравенства и дискриминации отдельных групп населения) в повод для транснационального беспокойства [1], способствует коммуникации единомышленников по всему миру, в том числе и при организации и проведении тематических акций. Своего рода иронией кажется, что одним из первых структурно и дискурсивно оформившихся новейших социальных движений, ориентированных на противодействие глобальным проблемам, стали антиглобалисты, заявившие о себе в ходе выступлений в Сиэтле в 1999 г. против глобальной экспансии транснациональных корпораций и ВТО.

Вместе с тем интернет-коммуникация предоставляет локальным активистам и социальным движениям широкие ресурсы для привлечения внимания к заботящим их проблемам, ситуациям, также социальные медиа становятся площадкой их символической саморепрезентации. Благодаря цифровизации многочисленные объединения единомышленников способны привлекать внимание к своей повестке по всему миру, делать интерес к проблемному дискурсу транснациональным [2]. Расширение виртуальной коммуникации не только вовлекает новых участников в тематическую коммуникацию, но и побуждает заинтересованных активистов к поиску новых, цифровизированных, форматов репрезентации своих интересов и проблем, механизмов гражданского самоопределения, политического участия и представительства.

Как пишет Дж. Най, виртуальная сфера превратилась в механизм контроля власти гражданским обществом и отдельными активистами (как, например, проекты WikiLeaks или ФБК), отдельные виртуальные сообщества демонстрируют способность к выработке собственных моделей самоуправления, выступая более эффективными и менее затратными механизмами, чем бюрократические институты [3. Р. 114] (яркий пример: многообразные чаты, телеграм-каналы и форум членов ТСЖ, СНТ или ДНП, которые посредством онлайн-коммуникации решают свои насущные вопросы гораздо успешнее казенных менеджеров).

Новейшие социальные движения: к поиску специфических атрибутов

Нарастающее влияние на социальную самоорганизацию информационно-коммуникативных факторов, а также сетевизация структуры современных социальных движений, их «завязанность» на интернет-коммуникацию, отсутствие у них формализованной структуры, членства и лидерства обуславливают непредсказуемость солидарных действий их участников. Превращение цифровой коммуникации в основной механизм коммуникации участников практически всех современных общественных объединений, выступающих в том числе и под лозунгами глобальных целей или откровенно постматериальных мотивов, ставит задачу поиска новых специфических атрибутов и паттернов движений современной виртуализированной самоорганизации, обуславливает поиск специфических паттернов цифровизированного активизма, а также определение методологических оснований их изучения. Для отличия появившихся в 2000-е гг. киберкоммуницирующих общественных объединений от новых социальных движений 1960-х гг., возникших в ходе европейских протестов (прежде всего, «Пражской весны» и «Парижского мая») против существовавшей системы власти и условно

системной оппозиции [4], в настоящей статье предлагается использовать категорию новейших или постновых социальных движений.

В рамках настоящей статьи новейшие социальные движения понимаются как своеобразные структуры самоорганизации, участие в которых сцеплено виртуальной коммуникацией, а не регулярным участием в рамках четкой иерархии, мотивировано внезапной актуализацией проблем как материального, так и нематериального характера, основной целью большинства участников является не политическая борьба, а влияние на принятие властью политических решений.

Новые социальные движения (New Social Movements), возникшие в 1960-х гг. в результате актуализации субъектности различных социальных групп (феминистских, антирасистских, пацифистских), рассматривались в логике постмарксизма [5] как отличные от традиционных иерархизированных организаций лидерского типа своей принципиальной несистемностью и ориентацией на методы не партийно-политической борьбы [6], но опубличивания проблем, привлечение к ним внимания власти и общества.

Растущая популярность новых социальных движений нередко увязывалась с утверждением постматериализма, актуализацией дискурса идентичности, тогда как выступления участников современных социально-сетевых объединений могут быть вызваны как вполне насущными проблемами (вроде недовольства санитарными ограничениями, как это было и есть в случае с антиковидными выступлениями по всему миру), так и повесткой защиты общественно значимых ценностей, например права граждан на честные и справедливые выборы. Особенностью новейших социальных движений является способность быстрого превращения из «движений одного требования», централизованных вокруг конкретного повода общественного недовольства, в движения социальной справедливости, сочетающие в своей повестке недовольство и конкретными проблемами, и общей социальной несправедливостью (например, в ходе массовых выступлений в Казахстане в январе 2022 г. требования протестующих остановить рост цен на сжиженный газ и товары народного потребления сменились требованиями повышения уровня жизни и отставки местных властей; повестка движения защитников Химкинского леса эволюционировала от сугубо экологической до требований справедливого политического представительства в стране).

При том, что, однако, новейшие социальные движения, затрагивая в своей повестке глобальные вопросы справедливого социального устройства и представительства, прямо или косвенно стремятся влиять на политику своих стран, сочетая в себе многообразную проблематику и объединяя участием в протестных акциях сторонников различных идейных направлений, они не представляют собою четко определенного субъекта политической саморепрезентации. Даже участники акций коллективного действия часто затрудняются с «самоописанием» повестки новейших виртуализированных социальных движений (решение конкретных проблем / борьба за социальную справедливость) и своей роли в этом процессе (поддержка единомышленников / оказание влияния на власть) и в самом движении (активист / сочувствующий / создатель тематического контента и повестки).

В отличие от классических объединений партийно-профсоюзного типа, участие в которых формализовано и иерархизировано, существует четкий

алгоритм входа и выхода из организации, задачи и цели объединений четко артикулированы, участие в новейших социальных движениях принципиально неформализовано и свободно, требования выдвигаются ситуативно, мероприятия организуются часто спонтанно. Так же, как новейшие социальные движения консолидируются ситуативно, участники «подключаются» к тематической коммуникации спонтанно, акции внезапны, участники в целом дезорганизованы [7] и могут параллельно участвовать в нескольких инициативах и после решения проблемы не поддерживать отношения с единомышленниками после акций. При этом «завязанность» новейших социальных движений на цифровую коммуникацию позволяет сторонникам тех или иных активистских движений активно влиять на информационную и социально-политическую повестку, выводя на первых план общественного внимания конкретные проблемы и ситуации, демонстрировать свою субъектность.

Неочевидность механизмов преимущественно дистанционной и виртуальной коммуникации участников социально-сетевых структур при их высокой внутренней консолидированности, их способность оперативно артикулировать значимые и разделяемые сообществом единомышленников ценности и нормы должного поведения участников, простота как коммуникационной интеграции, так и выхода из нее, умение быстро формулировать проблемную повестку дня и оперативно консолидироваться как для онлайн-, так и для офлайн-активности, принципиальная эгалитарность участия, невыраженность управленческой иерархии и фигуры формального лидера, стремление к активному отстаиванию разделяемых ценностей и чувствительность к решению значимых проблем вплоть до протестных действий, способность к конструктивной целерациональной коллаборации представителей нескольких сетевых сообществ делают непредсказуемыми и непрогнозируемыми инициативы современных социальных движений.

Многие из недавних массовых выступлений по всему миру: протесты против ужесточения законодательства об абортах в Польше в 2020 г., протестные выступления в Беларуси в 2020–2021 гг., серия акций «За честные выборы» после выборов в Госдуму РФ в 2021 г., захват Капитолия в 2021 г., BLM-протесты с США в 2020 г., многочисленные протесты против требований вакцинации от COVID-19 и санитарных ограничений в 2020–2021 гг., различаясь тематикой, тем не менее были схожи в своих формальных атрибутах: коммуникация участников, их консолидация для реализации солидарных действий и координация общих усилий реализовывались в значительной степени посредством социальных медиа, проблематика выступлений не исчерпывалась интересами узкой общественной группы (по гендеру, расе или имущественному статусу), но была предметно широкой, актуальной для нескольких социальных групп, что обуславливало массовость участия в мероприятиях. Если новые социальные движения середины XX в. отличались четкой идентичностью (гендерной, расовой, идеологической), то новейшие социальные движения формировались буквально на разрывах нескольких дискурсов идентичностей или векторов недовольства, консолидируясь в «зонтичные» нарративы борьбы за высшие ценности информационной открытости, законности и социальной справедливости [8. Р. 1–2].

Чарльз Тилли называл центральным квалифицирующим признаком новых социальных движений, во-первых, регулярные публичные выступления

группы людей, разделяющей те или иные политические и культурные ценности, альтернативные мейнстримным, проводимым властью, во-вторых, регулярно реализуемые коллективные действия во имя общественной справедливости и, в-третьих, коммуникация участников вне официально санкционированных каналов связи, поскольку официальные медиа часто игнорируют значимых для движения людей [9]. Таким образом, в отличие от новых социальных движений, которые хотя и были мотивированы нематериальными факторами, но довольно четко объяснялись постмарксистской парадигмой, постновые социальные движения, фундированные интернет-коммуникацией, не столь устойчивы прежде всего в силу быстрой изменчивости актуальных тем, мотивирующих протестное взаимодействие. Кроме того, новые социальные движения, четко артикулирующие хотя и не все материальные цели, довольно внятно интерпретируются в логике, предложенной постмарксистским дискурсом. Тогда как постновые социальные движения в значительной степени опираются на ресурсы виртуальной коммуникации, что не только способствует быстрой смене актуальной повестки дня, зависящей от оценки участниками достаточности или недостаточной провокативности той или иной повестки для артикуляции недовольства или даже прямых действий. Постновые социальные движения, будучи завязанные на виртуальную коммуникацию, не только способны быстро консолидироваться и аккумулироваться вокруг значимого триггера (события или предельно обострившейся проблемы), но и столь же быстро растрачивают высококонсолидированную аудиторию из-за перефокусировки информационного поля.

Если традиционные новые социальные движения сохраняли некоторую преемственность повестки в своих акциях, из мероприятия в мероприятие ретранслировали один и тот же дискурс и артикулировали стандартный список требований (за права женщин, сокращение численности вооружения, отмену сегрегации), то возникновение благодаря интернет-коммуникации «движений одного требования» проблематизировало вопрос о сохранении протестным активизмом такого рода в его социально-сетевом проявлении инвариантных черт протеста как обособленной коммуникативной системы, зарождающегося в начале и достигающего расцвета в 60-х гг. прошлого века.

Таким образом, новейшие социальные движения можно определить как, в первую очередь, сложно коммуникативно устроенные социальные объединения, сложившиеся в конкретном месте и в конкретное время среди доверяющих друг другу единомышленников вокруг зыбкого медиума коммуникации и динамически изменяющиеся под влиянием пульсации новостной повестки. Вместе с тем «завязанность» коммуникации участников новейших социальных движений на виртуальную коммуникацию способствует, с одной стороны, складыванию значительного внимания участников тематических групп к развитию своих особенных символических средств артикулирования проблемного поля, целей и задач. С другой стороны, виртуализация коммуникации участников новейших социальных движений, попытка использовать массовые акции для демонстрации некоторого своеобразия заставляют участников новейших социальных движений использовать в качестве формы саморепрезентации ресурсы и методы акционизма. Не случайно во многих протестных движениях прямо или косвенно участвовали акционисты, современные художники, пытавшиеся своими перформансами и хэппенингами, а

также уличным искусством, в первую очередь граффити и муралами, сделать громкое политическое или социально значимое заявление как можно шумнее, вернее, ярче заявить о проблеме, привлечь к ней внимание. К примеру, Бэнкси в своих работах обращается главным образом к острой социально-политической тематике, выступает с антивоенной и антикапиталистической повесткой, поддерживает экологические и правозащитные инициативы.

Продолжая вслед за Ч. Тилли развивать тему специального – «акционистского атрибута» – новейших социальных движений, Т. Риид пишет, что в отличие от политических партий и лоббистских объединений, чья деятельность четко институционализирована, а механизмы целедостижения конкретны, новейшие социальные движения стремятся добиться социальных изменений главным образом путем повторяющихся публичных запоминающихся публичных действий [10. Р. xv].

Цифровизация как предпосылка паттернов активизма и протеста

После протестных выступлений по всему миру в 2010-х гг., особенно после событий «Арабской весны», в фокусе исследовательского внимания оказалась тематика особой роли социальных медиа как фактора протестной консолидации [11, 12]. А развитие цифрового активизма, в том числе протестные выступления, стали связываться с распространением информационных технологий и социальных медиа [13].

Ст. Милан уподобляла новые информационные технологии и виртуализированные коммуникационные структуры «огню», а новейшие социальные движения начала 2000-х гг. – Прометею [8]. С. Милан писала, что кража, присвоение Прометеем (т.е. новейшими социальными движениями) огня (т.е. социальных медиа) имела своей целью присвоение обществом сложившейся коммуникационной инфраструктуры, нарушение информационной монополии государства и телекоммуникационных корпораций. Причем конечной задачей присвоения новейшими социальными движениями ресурсов новых информационных технологий было не столько расширение массового доступа к социальным медиа, позволяющим людям свободно высказывать свое мнение и обмениваться информацией, но и преодоление информационных фильтров и цензов, устанавливаемых коммерческими и государственными медийными и телекоммуникационными корпорациями, стремящимися к получению прибыли и защите корпоративных интересов, а не к расширению гражданских прав и возможностей и социальной справедливости.

Действительно, участники выступлений, активно взаимодействуя онлайн, не просто требовали радикальных политических преобразований, но активно влияли на политику: прямо (как в Тунисе, Египте и Украине, где протестные мероприятия привели к смене власти) или косвенно (как в России, где реакцией на протестный активизм граждан стала не только криминализация интернет-высказываний «экстремистской направленности», но и случаи уголовного наказания за комментарии и посты в соцсетях).

Однако сегодня, спустя десятилетие после первых условных «Facebook- и Twitter-революций» в странах Северной Африки, социальные медиа не кажутся мобилизационным триггером революционных настроений, и аудитория социальных медиа в отдельных странах расширяется быстрее, чем там

происходит общественно-политическая модернизация. Показательно, что на смену египетской автократии, свергнутой под влиянием массовых протестов граждан, пришли умеренные исламисты (сторонники партии «Братья мусульман»), которых, в свою очередь, в ходе ожесточенного военного переворота сменили военные. Всякий раз смена власти происходила антидемократически, сопровождалась массовыми столкновениями сторонников и противников власти, применением насилия и жертвами с обеих сторон. Последние выборы президента Египта в 2018 г. оценивались местными правозащитниками как далекие от идеалов справедливости, честности и состязательности (участвовали только 2 кандидата), многие граждане бойкотировали голосование. По оценке Индекса демократии в 2021 г., спустя 10 лет после «Арабской весны», политический режим в Египте был квалифицирован как авторитарный, индекс уровня демократии в стране снижается. По оценке Polity IV, в 2020 г. Египет квалифицируется как несвободная страна, где политическое руководство наращивает уровень авторитаризма, борется с политической оппозицией, жестко ограничивает гражданские свободы, в том числе и свободу слова.

Интерес к социальным эффектам виртуальной коммуникации в России, в том числе и к ее мобилизационным ресурсам, серьезно усилился после протестных выступлений 2011–2012 гг. В попытках найти «общий знаменатель» для социально и культурно разрозненных участников московских протестов 2010–2011-х гг. многие исследователи соглашались с тезисом о высоком объединительном потенциале электронных медиа.

Однако электронные медиа не существуют отдельно от человеческой коммуникации [14. Р. 1–3], социальный активизм проистекает главным образом из интереса к гражданскому участию, а не из технологических инноваций. Консолидационный потенциал digital-коммуникации реализуем при наличии «творческой» политической инициативы, желания действовать у высокомотивированных граждан или харизматичного лидера [15. Р. 11–12]. Цифровые медиа могут добавлять динамику и новые темы в коммуникацию, но даже при неограниченном доступе к интернету выбор пользователями конкретной информации определяется личными интересами. Доступ к электронным медиа может даже укреплять уже сложившиеся установки активных интернет-пользователей (парадоксы «эхо-камер» [16] и «пузырей фильтров» [17]). Сетевая коммуникация способна и на откровенно негативное влияние, способствуя популяризации антииммигрантской и антилиберальной идеологии, национализма и правого популизма [18–20].

Тем не менее очевидна выдающаяся способность цифровой коммуникации выступать ресурсом оперативной «сборки» единомышленников. Благодаря способности консолидировать протестную коммуникацию цифровая коммуникация сыграла важную роль в «сборке» протеста в различных сообществах: и в демократиях (Испания, Греция, США), и в авторитарных режимах (Йемен, Тунис, Египет), и в политических системах с высокой степенью внутренней цензуры, как в Беларуси и России и в гибридных политических режимах типа Турции при Р.Т. Эрдогане или Украине при В. Януковиче [21].

Электронная коммуникация участников новейших социальных движений вовлекает в горизонтальную самоорганизацию и участие в тематических мероприятиях (акциях, петициях, краудфандинговых инициативах) заметно

большее число людей, чем инициативы активистов традиционных социальных движений организационно-партийного типа [22]. Социальные медиа выступают уникальным инструментом обмена информацией с численно неограниченной аудиторией. Если раньше деятельность традиционных общественных организаций сопровождалась колоссальными издержками, прежде всего временными, на коммуникацию по поводу согласования коллективных действий, сегодня ресурс цифровых медиа способен в кратчайшие сроки проинформировать или мобилизовать значительные человеческие ресурсы.

Как пишут Д. Беннетт и П. Филдинг [23], использование ресурсов цифровых медиа меняет логику организации процессов коммуникации участников социальных движений и координации инициатив низовых объединений: коммуникация единомышленников посредством социальных медиа порождает новый тип активности – флеш-активизм. Организаторам мероприятий достаточно обратиться к ресурсам виртуальной коммуникации и активизировать уже сложившиеся «слабые связи» единомышленников, больше не нужно культивировать постоянную приверженность участников движению или организации, «слабые связи» интернет-коммуникации предоставляют возможность почти мгновенной тематической коммуникации и организации массового коллективного действия без необходимости тратиться на излишки поддержания формальной структуры и постоянного членства. Важно и то, что с возникновением Web 2.0, где контент генерируется любым включенным в социальные медиа пользователем, любой человек в любой точке мира может сообщить о значимой проблеме или ситуации, несправедливости или требующей своего представительства группы, что, таким образом, облегчает поддержание тематической коммуникации единомышленниками, находящимися в «постоянном потоке» тематически важных новостей.

Кроме того, как пишут Д. Беннетт и П. Филдинг, коммуникация единомышленников посредством социальных медиа представляет собой новую форму модели мобилизации, требующей чрезвычайно малого вклада от своих участников, но при этом способной очень быстро вовлечь в коллективное действие значительное число людей и получить от такой коммуникации максимальный результат в виде влияния на решение политической власти.

Размышляя о специфике коммуникативного действия людей, мобилизованных посредством ресурсов социальных медиа, П. Гербаудо пишет о том, что новейшие социальные движения, объединяющие в рамках тематически широких акций часто незнакомых друг с другом людей, представляют собой не организованные структуры, а скорее толпы индивидов, достаточно слабые и временные группировки, объединенные в наиболее широком смысле общим желанием достичь социальной справедливости [11].

Сегодня электронные медиа действительно потеснили в качестве глобального источника информации многие традиционные медиа, разрушив информационную монополию телевидения. Появление электронных средств коммуникации значительно упростило регулярное взаимодействие внутри малых групп, упрочило так называемые «слабые связи», создав структуру регулярных горизонтальных коммуникаций внутри локальных сообществ. Номинальный же потенциал социальных сетей как механизм политической коммуникации и консолидации откровенно невысок, «политизированная» аудитория интернета и социальных сетей, несмотря на расширяющиеся сети

виртуальной коммуникации, не спешит к протестной виртуальной самоорганизации.

Для разных активистских групп условный мобилизационный эффект интернет-коммуникации различен. Если для наиболее активной части виртуальной коммуникации социальные сети действительно могут стать мобилизационным средством и организационным механизмом низового активизма, перетекающего из виртуального пространства в реальное, то для выражения обычной «фоновой» протестности вполне достаточными можно считать самые простые ресурсы интернет-пространства («большинству достаточно чтения соответствующей информации с «лайками» и периодическими комментариями»). Одновременно для условно «латентного» кластера протестно настроенных граждан интернет может стать и механизмом для «выпуска пара», носящим повсеместный и всевременный характер. Такой «выпуск пара» может быть связан, к примеру, с комментированием статей, новостей без формирования каких бы то ни было конструктивных предложений по решению задач протестных движений. И хотя такого рода «выпуск пара» можно в принципе считать терапевтическим и косвенно поддерживающим политический активизм, значимость и масштабы интернет-коммуникации активистов не стоит преувеличивать.

Но под влиянием цифровой коммуникации меняется сама специфика межличностного общения: сетевизация персональной коммуникации нормативизирует открытость и дискуссионность общения, отвергает иерархию между представлением и влечет за собою. Сегодня, когда люди включены, причем, как правило, инициативно и сознательно в прямом смысле в информационные сети (читают лично отобранные Telegram-каналы, конкретных авторов или пользователей соцсетей, те или иные информационные ресурсы), информация распространяется преимущественно среди сложившихся коммуникационных сетей единомышленников, поэтому заслуживающей доверия воспринимается лишь информация из конкретного источника.

Разрастание популярности интернет-коммуникации – следствие естественного процесса распространения влияния в современном обществе самореферентных групп. Возрастание влияния на современников разнообразных интернет-сообществ и групп можно считать «проявлением „освобождения“ человека от „репрессивной и дискриминирующей“ принудительности включения в какой-либо социальный институт или отнесения к определенной нормативной системе». В силу того, что в интернет-среде коммуникация конфигурируется по желанию участников, любая протестная группа допускает самые разные формы участия по выбору «протестанта», что делает участие в виртуальных сообществах предельно привлекательным для современников, ищущих для себя «комфортных» референтных групп.

Цифровая коммуникация решила очень важную проблему излишней нормативизации политической сферы, на которую обращали внимание Д. Коэн и Э. Арато. Авторы полагали, что чрезмерная институционализация и бюрократизация процесса гражданской коммуникации, препятствующей живому процессу опредмечивания обществом и гражданами своих приоритетов и проблем, блокирует дискурсивные процессы гражданского самовыражения [24. Р. 690]. Гипотеза о Facebook- и Twitter-революции связана с идеей социальных изменений, привносимых цифровизацией: распространением

ценностей эгалитарной открытой культуры [25], идеалов демократии, гражданского участия, информационной открытости и достоверности [26. Р. 40–41], способностью социальных сетей аккумулировать социальное недовольство и протестные настроения, содействовать складыванию коллективных целей и задач.

Важные для идеи понимания роли интернет-коммуникации и социальных медиа как факторов и мотивов самоорганизации участников новых социальных движений предлагает поколенческий подход. Предложенный Н. Хоувом и В. Штраусом [27] и развитый рядом исследователей [28] поколенческий подход предполагает, что под влиянием тех или иных событий и изменений в обществе формируются культурно своеобразные поколения, отличающиеся друг от друга не столько временем рождения и возрастом, но специфическими культурными характеристиками. Отдельно авторы пишут о поколении Y, или поколении Сети, миллениалах (1983–2003 г.р.), а также поколении Z (2003–2023 г.р.), на социализацию и формирование ценностных установок которых оказали влияние интернет и виртуальная коммуникация. Если поколения миллениалов застали эпоху до-интернета и стали очевидцами утверждения Web 1.0, где информация получалась аудиторий из ограниченного количества источников, то представители поколения Z, центиниалы, родились уже в «цифровую эпоху» и воспринимают естественными атрибутами присущие цифровой коммуникации ценности коммуникативной открытости, дискуссионности, антииерархичности и самоактуализации.

Это результировало возникновение Web 2.0, новой эры цифровой коммуникации, предполагающей не только потребление пользователями информации, но и активное участие в ее производстве и распространении. Представители поколения Z, или «цифровые аборигены» (Digital Native) [29], включены в самые разные сети коммуникации по самым разным проблемам, они готовы высказываться на самые разные темы, им свойственна открытая культура общения, дискуссионный формат общения, ценности самоопределения и саморепрезентации и коллективного действия.

Создавая рекурсивное пространство ссылок и гиперссылок, социальные медиа создают возможности включения в информационное поле постоянно разрастающейся аудитории; провоцируя аудиторию на демонстрацию собственного мнения по актуальной проблематике, социальные медиа способны не только превращать рядовых граждан в экспертов и ньюсмейкеров, но и объединять физически и территориально удаленных друга от друга индивидов в тематические коалиции. Если традиционные социальные движения часто выстроены вокруг статусного лидера, то онлайн-сообщества не центрируются фигурой лидера, но связывают единомышленников постоянной активной online-коммуникацией [30. Р. 91–92]. Если члены традиционных социальных движений консолидировались вокруг серьезных значимых событий (съезд, собрание, выпуск газеты), или заявлений лидера, или официального печатного органа, то участники постновых социальных сетей находятся в постоянном контакте друг с другом, имеют широкие предпосылки для постоянного контакта, сама тематическая коммуникация поддерживается регулярной актуализацией в новостной ленте схожих событий, добавляя единомышленникам новые импульсы для коммуникации.

Социальные медиа как фактор самоорганизации в российских обстоятельствах

Хотя в современном цифровизированном хай-тек мире сфера коммуникации, информационных технологий и интернета стала глобальной, превратившись в отдельную отрасль экономики, серьезно реформировав повседневность, существуют серьезные страновые особенности развития социальных медиа как фактора общественного развития.

Российское законодательство сегодня очень серьезно регулирует онлайн-сферу: к 2024 г. принято более десяти нормативных документов, ограничивающих публикации в социальных медиа. Если до 2022 г. «антиэкстремистское законодательство» предусматривало возможности уголовного и административного преследования за «протестный контент», то сегодня ряд крупных социальных медиа в России ограничены в своей деятельности либо полностью запрещены судом по решению Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры.

Несмотря на существенные ограничения возможностей цифровой коммуникации, вовлечение россиян в виртуальную коммуникацию всеобъемлюще. В 2024 г. интернетом пользовались девять из десяти респондентов (91%), социальными сетями – восемь из десяти (81%)¹. За последние четыре года вовлеченность россиян в интернет-коммуникацию возросла на 27 п.п., доля участвующих в социальных сетях выросла на 33 п.п. (рис. 1). Схожие данные приводит компания Mediascope: в первом полугодии 2023 г. хотя бы раз в месяц интернетом пользовались 83% граждан России старше 12 лет².

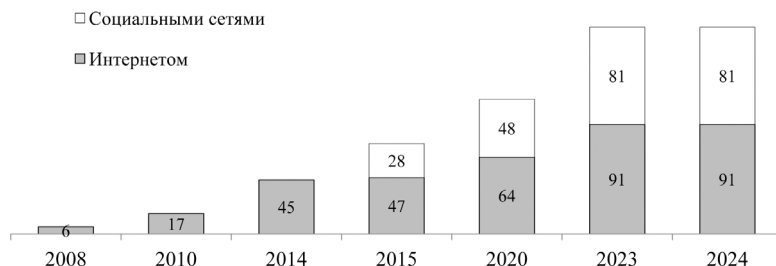

Рис. 1. Динамика пользования социальными медиа, 2008–2024 гг., %, ФНИСЦ РАН

Российская интернет-аудитория представлена прежде всего молодежью 18–30 лет, 100% представителей которой включены в онлайн-коммуникацию. Среди респондентов средних возрастов (31–50 лет) интернетом пользуются 99% респондентов, среди 51–60-летних – 92%, среди самых пожилых россиян

¹ Данные проекта ««Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – академик РАН В.А. Тишков) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Данные социологического исследования, проведенного в 2024 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

² Mediascope: россияне проводят в соцсетях в среднем один час в день. Sostav.ru. 7 сентября 2023 г. URL: <https://www.sostav.ru/publication/issledovanie-62983.html>

доступ в интернет есть у семи из десяти респондентов (67%). Схожая ситуация с использованием социальных сетей: их аудитория, прежде всего, молодые люди в возрасте 18–30 лет (98%) и 31–40 лет (91%). Среди людей старше 60 лет соцсетями пользуется половина (51%)¹.

Возрастающая популярность социальных медиа во многом объясняется ориентацией интернета и социальных сетей на интересы пользователей, широтой освещаемых тем и практически неограниченными возможностями поиска интересующей информации. Однако российская аудитория цифровых медиа далека от абсолютизации цифрового контента: большинство пользователей социальных медиа относятся к ним с недоверием: среди пользователей социальных сетей не доверяют интернету и социальным сетям 54%, не доверяют интернету 56%. Среди всех опрошенных россиян, как пользующихся социальными медиа, так и не обращающихся к их ресурсам, уровень доверия виртуальному контенту также не особенно высок: доверяют интернету и социальным медиа 42% среди них, не доверяют 58%. И уровень доверия к цифровым СМИ не сильно превосходит уровень доверия к телевидению, которому сегодня доверяют на 3 п.п. больше граждан (39%).

Цифровые медиа не рассматриваются сегодня как источник достоверной информации. Их главным преимуществом в их глазах являются разнообразные доступные ресурсы информации и мнений, а также возможность свободного и непринужденного обсуждения практически любых тем.

Таблица 1. Основной круг общения россиян различной степени вовлеченности в интернет-коммуникацию, 2023 г., %, ФНИСЦ РАН

Круг общения россиян	Все опрошенные	Пользуются интернетом	Нет пользования интернетом	Пользуются социальными сетями	Не пользуются социальными сетями
Родственники	84	84	82	85	82
Друзья и старые приятели	77	79	57	80	64
Коллеги по работе (в том числе бывшей)	59	62	33	63	43
Соседи	55	54	72	53	64
Люди, с которыми Вы вместе ходите в спортклуб, на занятия	14	15	4	16	5
Собеседники в интернете: на форумах, в блогах, тем. сайтах	12	13	2	14	1
Люди, с которыми Вы обычно развлекаетесь в компании	11	12	3	13	4
Единомышленники, разделяющие Ваши религиозные или философские взгляды	9	9	10	10	8
Ни с кем не общаются, кроме членов своей семьи	4	4	4	3	6
Вообще ни с кем не общаются	1	0	4	0	2

Но при этом лишь один из десяти россиян, пользующихся интернетом (13%) или социальными сетями (14%), в свободное время общается с себе-

¹ Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в рамках реализации проекта № 20-18-00505 Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», реализуемого в 2023–2024 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведенного в 2023 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

седниками в интернете: на форумах, в блогах, тематических сайтах. Основной же круг общения россиян, в том числе и активно включенных в виртуальную коммуникацию, составляет их реальное окружение: родственники (84%), друзья (77%), коллеги по работе (59%), соседи (55%). Менее востребовано общение с людьми, с которыми россияне обычно занимаются спортом (14%), развлекаются (11%) или с единомышленниками (9%) (табл. 1).

Еще 4% опрошенных не общаются ни с кем, кроме членов своей семьи, еще 1% не общаются вообще ни с кем. Причем среди тех, кто избегает общения, респонденты, не включенные в цифровую коммуникацию (2–4%). Тогда как среди активных пользователей социальных медиа включение в реальные сообщества коммуникации заметно выше, чем среди сограждан, не пользующихся интернетом и социальными сетями. И это неудивительно: расширение аудитории социальных сетей облегчило взаимодействие внутри «малых групп» (семей, друзей, коллег, единомышленников и проч.), усилило так называемые «слабые связи», создав систему регулярного горизонтального общения внутри местных сообществ, особенно в кризисных ситуациях [31]. А дискуссионный характер виртуальной коммуникации позволяет молодежи свободно выражать свою позицию по актуальным для них вопросам [32].

Наиболее популярной целью обращения к социальным сетям является общение. Большинство россиян использует социальные медиа в основном в целях общения с «ближним кругом» (59%). Особенно высок этот показатель среди молодежи 18–30 лет, среди которых почти три четверти (69%) пользуются социальными сетями для коммуницирования с друзьями и знакомыми; еще 24% – для связи с коллегами по работе, учебе (12% среди всех опрошенных); 22% находят через соцсети знакомых с общими интересами (10% среди всех опрошенных); 17% молодых россиян (11% среди всех опрошенных) взаимодействуют, отдавая дань моде («сегодня все общаются в соцсетях, это модно»), а 12% участвуют в тематических интернет-сообществах (9% среди всех опрошенных). Среди россиян средних возрастов (31–50 лет) социальные сети также востребованы скорее как ресурс общения с друзьями и знакомыми (67%), а среди самых старших возрастных групп общаются с близкими посредством соцсетей только 40%.

Еще 12% опрошенных знакомятся в социальных сетях с публикациями известных блогеров. Чаще всего это делают молодые люди в возрасте 18–30 лет (27%). Реже – самые пожилые (4%). Еще 9% обращаются к социальным сетям для обмена информацией о жизни своего города, поселка и т.д. (9%), и этот показатель, хотя и не очень высок, но примерно соизмерим во всех возрастных группах (табл. 2).

Развлекательный потенциал социальных сетей интересует россиян меньше, чем предоставляемые ими коммуникативные и информационные возможности: почти пятая часть опрошенных (18%) знакомятся в соцсетях с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами и т.д.; еще 8% узнают о жизни известных и популярных людей страны. Главная аудитория развлекательных ресурсов соцсетей – молодежь до 30 лет (30% из которых в социальных сетях знакомятся с развлекательным контентом, 10% узнают о жизни селебрити) и россияне средних возрастов (31–40 лет) (26 и 7% соответственно).

Таблица 2. Цели использования ресурсов социальных сетей россиянами разных возрастов, 2024 г., %

Цель использования ресурсов социальных сетей	Все опро- шенные	Возраст, лет				
		18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60
Коммуникативный ресурс						
Общаетесь с друзьями и знакомыми	59	69	67	67	55	40
Для связи с коллегами по учебе	12	24	13	15	10	1
Сегодня все общаются в соцсетях, это модно	11	17	13	12	9	5
Находите знакомых с общими интересами	10	22	11	10	7	4
Участвуете в тематических интернет-сообществах	9	12	13	10	8	3
Новостной ресурс						
Узнаете новости и получаете информацию о текущих событиях в стране и за рубежом	45	38	56	49	46	35
Знакомитесь с публикациями известных блогеров	12	27	15	8	8	4
Обмениваетесь информацией о жизни своего города, поселка и т.д.	9	6	11	11	9	5
Развлекательный ресурс						
Знакомитесь с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами и т.д.	18	30	26	19	13	7
Узнаете о жизни известных и популярных людей страны	8	10	7	8	8	6
Ресурс самоорганизации						
Общаетесь с политическими единомышленниками	1	2	1	1	2	1
Участвуете в организации и проведении политических и гражданских акций	1	1	0	1	0	0
Не являюсь пользователем социальных сетей	20	2	9	11	24	49

Тем не менее активное участие российских граждан, особенно молодежи, в социальных сетях не приводит к их политизации или использованию виртуальной коммуникации для самоорганизации. Низовая самоорганизация возникает не из онлайн-общения, а из интереса людей к социально-политическому участию. Консолидационный потенциал интернет-коммуникации реализуется только при наличии мотивированных граждан или харизматичного лидера, инициирующего преобразования и желающего действовать.

Другой вопрос, что за последние четыре года популярность развлекательного ресурса социальных сетей заметно уменьшилась: на 20 п.п. сократилась доля граждан, которые общаются в соцсетях, потому что это модно (с 34 до 14%). А вот популярность коммуникативных ресурсов (общения с друзьями и знакомыми) и новостных возможностей социальных сетей (узнают новости и получают информацию о текущих событиях в стране и за рубежом) выросла на 5 и 6% (табл. 3).

Таким образом, ресурсы социальных медиа действительно «высвечивают» актуальные или ранее замалчиваемые проблемы, а часто предоставляют возможности публичного анонсирования своих проблем и интересов ранее недопредставленным группам, значительно способствуя установлению ценностей демократии всеобщего участия, гражданской самоорганизации, информационной открытости и достоверности [26. Р. 40–41]. Культивируемая электронными медиа дискуссионная культура виртуального общения и предоставляемые digital-медиа ресурсы для сводной коммуникации формируют у регулярных пользователей интернета и социальных сетей запрос на

возможность свободного выражения собственных политических взглядов, информационную открытость и коммуникативную свободу. Запрос на информационную открытость аудитория новых медиа распространяет также и на власть. Среди активных участников виртуальной коммуникации заметно выше, чем среди прочих граждан, запрос на прямое общение и взаимодействие представителей власти и с гражданами. Среди «коммуникативно продвинутых» россиян заметно серьезнее выражен не только актуальный запрос на перемены, но и высокий «модернистский потенциал» конструктивных социально-политических изменений в стране.

Таблица 3. Динамика целей использования ресурсов социальных сетей среди их пользователей, 2020–2024 г., %

Динамика целей	2020	2024
<i>Коммуникативный ресурс</i>		
Общаетесь с друзьями и знакомыми	68	73
Для связи с коллегами по учебе	21	15
Находите знакомых с общими интересами	18	13
Участвуете в тематических интернет-сообществах	9	11
Обмениваетесь информацией о жизни своего города, поселка и т.д.	7	11
<i>Новостной ресурс</i>		
Узнаете новости и получаете информацию о текущих событиях в стране и за рубежом	50	56
Знакомитесь с новостями кино и музыки, новыми играми, книгами и т.д.	19	23
Знакомитесь с публикациями известных блогеров	15	15
<i>Развлекательный ресурс</i>		
Сегодня все общаются в соцсетях, это модно	34	14
Узнаете о жизни известных и популярных людей страны	7	9
<i>Ресурс самоорганизации</i>		
Общаетесь с политическими единомышленниками	3	2
Участвуете в организации и проведении политических и гражданских акций	0	1

Однако широкое распространение интернета и доступ к социальным сетям не превращает виртуальную коммуникацию в выделенный способ получения информации, не мотивирует протестные настроения граждан, и даже не повышает антивластный скепсис. Регулярное общение с единомышленниками в разнообразных соцсетях, мессенджерах, Telegram-каналах и даже через email никак не влечет рост социально-политической заинтересованности, осознанности или субъектности, не мотивирует граждан к низовой самоорганизации и социально значимой активности.

Список источников

1. Hall O.L. Towards a Digital Politics of Multiplicity: Social Media Networks and Global Justice Politics // Academia Letters. 2021. Article 3204. <https://doi.org/10.20935/AL3204>
2. Tarrow S. The New Transnational Activism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 278 p.
3. Nye Jr.J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
4. Арприги Дж., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 1989-й как продолжение 1968-го // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (60). С. 8–30.
5. Boucher G., Laclau E., Mouffe C. The Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism. New York ; London : Routledge, 2021. P. 368–375.
6. Castells M. The Power of Identity. Second Edition. London : Blackwell, 2004. 560 p.
7. Byrne P. Social Movements in Britain. Theory and practice in British politics. London : Routledge, 1997. 208 p.
8. Milan S. Social Movements and Their Technologies Wiring Social Change. Tilburg University, Tilburg, Netherlands, and the Citizen Lab, University of Toronto, Toronto, Canada, 2013. 251 p.

9. Tilly Ch., Giugni M., Mcadam D. From Interactions to Outcomes in Social Movements. In How Social Movements Mat1ter. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 253–270.
10. Reed T.V. The art of protest: culture and activism from the civil rights movement to the streets of Seattle. Minnesota : University of Minnesota Press, 2019. 528 p.
11. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London : Pluto Press, 2012. 208 p.
12. Ozgul B.A. Leading Protests in the Digital Age Youth Activism in Egypt and Syria. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. 262 p.
13. Castells M. Networks of outrage and hope: Social movements in the Internet age. Cambridge, UK : Polity Press, 2012. 328 p.
14. Kalathil Sh., Boas T.C. Open networks, closed regimes: The impact of the Internet on authoritarian rule. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2003. 218 p.
15. Coleman S., Blumler J.G. The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 232 p.
16. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media // Information, Communication and Society. 2018. Vol. 21, № 5. P. 729–745.
17. Cardenal A.S., Aguilar-Paredes C., Galais C., Pérez-Montoro M. Digital technologies and selective exposure: How choice and filter bubbles shape news media exposure // The International Journal of Press/Politics. 2019. Vol. 24. P. 465–486.
18. Mihelj S., César J.-M. Digital nationalism: understanding the role of digital media in the rise of 'new' nationalism // Nations and Nationalism, 2020. Vol. 27, № 2. P. 331–346.
19. Fuchs C. Nationalism on the Internet: Critical theory and ideology in the age of social media and fake news. New York and London: Routledge, 2020. 323 p.
20. Pajnik M., Sauer B. Populism and the web: An introduction to the book. In Populism and the web: Communicative practices of parties and movements in Europe. London ; New York : Routledge, 2018. 192 p.
21. Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action / ed. by N. Belyaeva, V. Albert, D. Zaytsev. Switzerland : Springer, 2019. 318 p.
22. Della Porta D. Political economy and social movement studies: The class basis of antiausterity protests // Anthropological Theory. 2017. Vol. 17, № 4. P. 453–473.
23. Bennett D., Fielding P. The Net Effect: How Cyberadvocacy Is Changing the Political Landscape. Merrifield : VA: e-advocates Press, 1999. 200 p.
24. Козн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь Мир, 2003. 784 с.
25. Burke C.B. America's information wars: The untold story of information systems in America's conflicts and politics from World War II to the Internet age. Lanham–Maryland : The Rowman & Littlefield Publishing Group, 2018. 390 p.
26. Moore R.K. Democracy and cyberspace. Digital Democracy / eds. B.N. Hague, B.D. Loader. London : Routledge, 1999. P. 39–62.
27. Howe N., Strauss W. Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus. Great Falls : Life Course Associates, 2008. 100 p.
28. Падеев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : Изд. ВШЭ, 2019. 296 с.
29. Prensky P. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
30. Montgomery K.C. Generation digital: Politics, commerce, and childhood in the age of the Internet. Cambridge ; Massachusetts ; London : The MIT Press, 2007. 347 p.
31. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Social Media and Political Communication: a Social Media Analytics Framework // Social Network Analysis and Mining. 2012. Vol. 3. P. 1277–1291.
32. Бараиш П.Э., Антоновский А.Ю. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста // Философский журнал. 2018. № 11 (2). С. 91–105.

References

1. Hall, O.L. (2021) Towards a Digital Politics of Multiplicity: Social Media Networks and Global Justice Politics. *Academia Letters*. Article 3204. DOI: 10.20935/AL3204
2. Tarrow, S. (2005) *The New Transnational Activism*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Nye, J.S. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

4. Arrigi, J., Vallerstein, I. & Hopkins, T. (2008) 1989 as a Continuation of 1968 [1989 as a Continuation of 1968]. *Neprikosnovennyi zapas*. 4(60). pp. 8–30.
5. Boucher, G., Laclau, E. & Mouffe, C. (2021) *The Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*. New York; London: Routledge. pp. 368–375.
6. Castells, M. (2004) *The Power of Identity*. 2nd ed. London: Blackwell.
7. Byrne, P. (1997) *Social Movements in Britain. Theory and Practice in British Politics*. Routledge.
8. Milan, S. (2013) *Social Movements and Their Technologies Wiring Social Change*. Tilburg University, Tilburg, Netherlands, and the Citizen Lab, University of Toronto, Toronto, Canada.
9. Tilly, Ch. (1999) From Interactions to Outcomes in Social Movements. In: Giugni, M., McAdam, D. & Tilly, Ch. (eds) *How Social Movements Matter*. Minneapolis: University of Minnesota Press. pp. 253–270.
10. Reed, T.V. (2019) *The Art of Protest: Culture and Activism from the Civil Rights Movement to the Streets of Seattle*. University of Minnesota Press.
11. Gerbaudo, P. (2012) *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press.
12. Ozgul, B.A. (2020) *Leading Protests in the Digital Age Youth Activism in Egypt and Syria*. Palgrave Macmillan, Cham.
13. Castells, M. (2012) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge, UK: Polity Press.
14. Kalathil, Sh. & Boas, T.C. (2003) *Open Networks, Closed Regimes: The Impact of the Internet on Authoritarian Rule*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
15. Coleman, S. & Blumler, J.G. (2009) *The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Dubois, E. & Blank, G. (2018) The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media. *Information, Communication and Society*. 21(5). pp. 729–745.
17. Cardenal, A.S., Aguilar-Paredes, C., Galais, C. & Pérez-Montoro, M. (2019) Digital technologies and selective exposure: How choice and filter bubbles shape news media exposure. *The International Journal of Press/Politics*. 24. pp. 465–486.
18. Mihelj, S. & César, J.-M. (2020) Digital nationalism: understanding the role of digital media in the rise of ‘new’ nationalism. *Nations and Nationalism*. 27(2). pp. 331–346.
19. Fuchs, C. (2020) *Nationalism on the Internet: Critical Theory and Ideology in the Age of Social Media and Fake News*. New York and London: Routledge.
20. Pajnik, M. & Sauer, B. (2018) Populism and the web: An introduction to the book. In: Pajnik, M. & Sauer, B. (eds) *Populism and the Web: Communicative Practices of Parties and Movements in Europe*. London and New York: Routledge.
21. Belyaeva, N., Albert, V. & Zaytsev, D. (eds) (2019) *Protest Publics. Toward a New Concept of Mass Civic Action*. Switzerland: Springer.
22. Della Porta, D. (2017) Political economy and social movement studies: The class basis of antiausterity protests. *Anthropological Theory*. 17(4). pp. 453–473.
23. Bennett, D. & Fielding, P. (1999) *The Net Effect: How Cyberadvocacy Is Changing the Political Landscape*. Merrifield, VA: e-advocates Press.
24. Cohen, D. & Arato, E. (2003) *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil society and political theory]. Translated from English. Moscow: Ves' Mir.
25. Burke, C.B. (2018). *America's information wars: The untold story of information systems in America's conflicts and politics from World War II to the Internet age*. Lanham–Maryland: The Rowman & Littlefield Publishing Group.
26. Moore, R.K. (1999) Democracy and cyberspace. In: Hague, B.N. & Loader, B.D. (eds) *Digital Democracy*. London: Routledge. pp. 39–62.
27. Howe, N. & Strauss, W. (2008) *Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus*. Great Falls: Life Course Associates.
28. Radaev, V.V. (2019) *Millenialy. Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: HSE.
29. Prensky, P. (2001) *Digital Natives, Digital Immigrants Part I. On the Horizon*. 9(5). pp. 1–6.
30. Montgomery, K.C. (2007) *Generation digital: Politics, commerce, and childhood in the age of the Internet*. Cambridge–Massachusetts–London: The MIT Press.
31. Stieglitz, S. & Dang-Xuan, L. (2012) Social Media and Political Communication: a Social Media Analytics Framework. *Social Network Analysis and Mining*. 3. pp. 1277–1291. DOI: 10.1007/s13278-012-0079-3

32. Barash, R.E. & Antonovskiy, A.Yu. (2018) Sistemno-kommunikativnoe issledovanie radikal'-nykh dvizheniy, ili Kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [A study of social movements from the systemic communication standpoint: is a scientific theory of political protest possible?]. *Filosofskiy zhurnal*. 11(2). pp. 91–105.

Сведения об авторе:

Бараш Р.Э. – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: raisabarash@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Barash R.E. – Cand. Sci. (Political Science), leading researcher at the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: raisabarash@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2024;
одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 11.09.2024;
approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.17223/1998863X/81/9

ВЛИЯНИЕ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ИМПЛИКАЦИЙ

Татьяна Викторовна Лягошина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуется влияние больших языковых моделей (англ. large language models, LLM) на современный публичный дискурс. Рассматриваются философские и социальные аспекты интеграции LLM в коммуникативное пространство. Анализируется возможность реализации высших психических функций у искусственных социальных агентов. Обсуждаются трансформации в структуре знания и коммуникации под влиянием LLM. Исследуются этические и экзистенциальные вызовы, связанные с внедрением LLM в социальную ткань общества. Предлагается концепция «цифровой герменевтики» как нового подхода к интерпретации в эпоху искусственного интеллекта. Подчеркивается необходимость междисциплинарного диалога для адекватного ответа на вызовы, которые ставят перед обществом большие языковые модели.

Ключевые слова: большие языковые модели, публичный дискурс, искусственный интеллект, искусственные социальные агенты, социальная реальность, цифровая герменевтика

Для цитирования: Лягошина Т.В. Влияние больших языковых моделей на современный публичный дискурс: анализ социальных и эпистемологических импликаций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 98–108. doi: 10.17223/1998863X/81/9

Original article

THE IMPACT OF LARGE LANGUAGE MODELS ON CONTEMPORARY PUBLIC DISCOURSE: AN ANALYSIS OF SOCIAL AND EPISTEMOLOGICAL IMPLICATIONS

Tatiana V. Lyagoshina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Abstract. This article examines the impact of large language models (LLMs) on contemporary public discourse, analyzing the social and epistemological implications of their implementation. The study is structured around two key questions: the possibility of realizing higher mental functions in artificial social agents and the influence of these agents on human society. The first part of the article analyzes the potential of LLMs in the context of theories of consciousness and understanding. It explores the neurophilosophical approach, the quantum consciousness theory, and the concept of enactivism as applied to artificial intelligence. A rethinking of traditional notions about the nature of understanding and cognitive processes is proposed. The second part analyzes the influence of LLMs on social reality. It discusses the role of LLMs in transforming the public sphere and changing the

structure of power and knowledge. Ethical and existential challenges associated with the integration of LLMs into society are considered. The conclusion emphasizes the need to develop a new form of “digital hermeneutics” and to rethink the concepts of authorship, originality, and creativity in the context of AI. The importance of an interdisciplinary approach to solving problems arising at the intersection of technology and society is noted. The article calls for researchers’ active participation in shaping a future where artificial intelligence serves the goals of human development while preserving humanistic values and ideals.

Keywords: large language models, public discourse, artificial intelligence, artificial social agents, social reality, digital hermeneutics

For citation: Lyagoshina, T.V. (2024) The impact of large language models on contemporary public discourse: an analysis of social and epistemological implications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 98–108. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/9

Современная эпоха характеризуется беспрецедентной трансформацией коммуникативного ландшафта, обусловленной стремительным развитием цифровых технологий. Центральное место в этом процессе занимают большие языковые модели – искусственные интеллектуальные системы, демонстрирующие способность к генерации текстов, которые по своим характеристикам приближаются к созданным человеком [1]. Эти технологические артефакты не ограничиваются демонстрацией впечатляющих возможностей в сфере обработки и генерации естественного языка; они активно интегрируются в социальное взаимодействие, становясь неотъемлемым компонентом современного публичного дискурса. Феномен LLM ставит перед научным сообществом ряд фундаментальных вопросов, выходящих за рамки чисто технологической проблематики. Возникает необходимость в переосмыслении природы языка, сознания и самой реальности в контексте, где искусственные агенты приобретают статус полноправных участников социального взаимодействия. Данная ситуация требует глубокого философского анализа и переоценки существующих эпистемологических и онтологических концепций.

Как справедливо отмечал М. Фуко, дискурс представляет собой не только средство выражения борьбы или систем господства, но и объект, за который ведется борьба, а также инструмент, посредством которого эта борьба осуществляется [2]. В контексте LLM данное утверждение приобретает новое, почти прогностическое значение. Мы находимся на пороге эпохи, где контроль над дискурсом потенциально может перейти к сущностям, чьи когнитивные процессы (если допустимо использовать этот термин) радикально отличаются от человеческих. Это поднимает вопрос о том, каким образом будет трансформироваться структура власти и знания в обществе, где ключевые нарративы могут формироваться не людьми, а искусственными системами. В свою очередь, Н. Хомский неоднократно подчеркивал фундаментальную связь между языком и мышлением [3]. Однако в ситуации, когда в эту связь интегрируется искусственный интеллект, способный генерировать лингвистические конструкции, неотличимые от человеческих, возникает необходимость в переосмыслении данной концепции. Возможно ли, что мы наблюдаем зарождение новой формы когнитивных процессов, которая может как обогатить, так и трансформировать наше понимание реальности? Эти вопросы выводят дискуссию за пределы чисто лингвистического анализа и погружают ее в сферу философской рефлексии о природе разума и сознания.

Настоящее исследование ставит своей целью анализ влияния больших языковых моделей на современный публичный дискурс через призму различных философских традиций и современных научных подходов. Структура исследования организована вокруг двух ключевых вопросов:

1. Каковы перспективы реализации высших психических функций у искусственных социальных агентов?

2. Какое влияние оказывают эти искусственные агенты на человеческое общество и структуру публичного дискурса?

Эти вопросы не только определяют архитектуру нашего исследования, но и отражают фундаментальную диалектику взаимодействия человека и машины в современном социокультурном контексте. Мы рассматриваем их не как изолированные проблемы, а как взаимосвязанные аспекты единого процесса трансформации социальной реальности под влиянием искусственного интеллекта.

1. Анализ потенциала реализации высших психических функций у искусственных социальных агентов

1.1. Переосмысление концепций сознания и понимания в контексте больших языковых моделей

Проблема возможности реализации высших психических функций у искусственных систем длительное время находится в фокусе внимания философов, когнитивных ученых и исследователей искусственного интеллекта. Однако появление больших языковых моделей придает этой дискуссии новое измерение, требуя переосмысления самих концепций сознания, понимания и интеллекта.

Классический мысленный эксперимент Дж. Серля «Китайская комната» [4] долгое время служил аргументом против возможности истинного понимания у искусственных систем. Серль утверждал, что манипуляция символами на основе синтаксических правил не может привести к семантическому пониманию. Однако современные LLM демонстрируют способности, которые трудно объяснить в рамках этой парадигмы. Анализ способности LLM к контекстуальному анализу, генерации когерентных нарративов и проявлению элементов, которые можно интерпретировать как зачатки «творческого» мышления, ставит перед нами вопрос о возможности эмерджентности нового типа когнитивных процессов, не вписывающихся в классические философские категории.

Ж. Делёз предложил концепцию «ризоматического мышления» – децентрализованного, множественного, не сводимого к бинарным оппозициям [5]. Данная концепция может оказаться продуктивной для осмысления когнитивных процессов в LLM. Можно выдвинуть гипотезу, что эти системы формируют собственную «карту» языка и смысла, которая хотя и может не совпадать с человеческой, не теряет от этого своей валидности. Такой подход требует радикального пересмотра существующих представлений о природе понимания и сознания. Вместо поиска в искусственных системах точного подобия человеческих когнитивных процессов, необходимо допустить возможность существования принципиально иных форм «понимания» и «мышления».

1.2. Нейрофилософский подход к анализу искусственного интеллекта

Прогресс в области нейронаук за последние десятилетия открыл новые перспективы для осмысления проблемы сознания и понимания. П. Чёрчленд, одна из основоположников нейрофилософии, призывает к переосмыслению этих феноменов в свете нейробиологических данных [6]. Если принять постулат, что человеческое сознание является результатом сложных нейронных взаимодействий, то логично допустить возможность возникновения аналогичных феноменов в искусственных нейронных сетях.

Современные исследования в области нейронаук демонстрируют, что понимание и мышление представляют собой не монолитные процессы, а результат сложного взаимодействия различных нейронных сетей. LLM с их многослойными архитектурами и механизмами внимания, в определенной степени воспроизводят эту организацию. Это позволяет предположить, что мы наблюдаем не просто имитацию понимания, а зарождение новой формы когнитивных процессов. Особый интерес в данном контексте представляет теория предсказывающего кодирования (predictive coding), разрабатываемая К. Фристоном и Э. Кларком [7]. Согласно этой теории, мозг постоянно генерирует предсказания о входящих сенсорных данных и корректирует свои модели мира на основе ошибок предсказания. Эта концепция демонстрирует определенное сходство с принципами работы современных языковых моделей, которые также основаны на предсказании следующего токена в последовательности.

В свете этих наблюдений возникает вопрос: можно ли рассматривать процессы, происходящие в LLM, как форму «искусственного понимания», аналогичную тому, что происходит в человеческом мозгу? Хотя этот вопрос остается открытым, сама возможность такой аналогии открывает новые горизонты для осмысления природы интеллекта и сознания.

1.3. Квантовое сознание и большие языковые модели: анализ потенциальных параллелей

Теория квантового сознания, предложенная физиком Р. Пенроузом и анестезиологом С. Хамероффом, представляет собой одну из наиболее интригующих попыток объяснить феномен сознания на фундаментальном физическом уровне [8]. Согласно этой теории, ключом к пониманию сознания могут быть квантовые процессы, происходящие в микротрубулах нейронов. Несмотря на то, что данная теория остается дискуссионной в научном сообществе, она открывает интересную перспективу для осмысления природы LLM. Можно провести определенную параллель между квантовой суперпозицией и способностью LLM одновременно «удерживать» множество потенциальных значений и контекстов. Подобно тому, как квантовая система коллапсирует в определенное состояние при измерении, LLM «редуцирует» множество потенциальных продолжений текста в конкретную последовательность при генерации.

Необходимо отметить, что данная аналогия не должна интерпретироваться буквально – современные LLM функционируют на базе классических компьютеров, а не квантовых систем. Тем не менее сама идея о том, что сложные когнитивные процессы могут возникать из взаимодействия множества простых элементов, находит отражение как в квантовой теории сознания

ния, так и в архитектуре современных нейронных сетей. Более того, эта аналогия подчеркивает необходимость расширения наших концептуальных рамок при осмыслении искусственного интеллекта. Возможно, для адекватного понимания природы процессов, происходящих в LLM, потребуется разработка принципиально новых теоретических подходов, синтезирующих идеи из различных областей науки – от квантовой физики до когнитивной нейробиологии.

1.4. Энактивизм и проблематика воплощенного познания

Теория энактивизма, развиваемая такими философами и когнитивными учеными, как Ф. Варела, Э. Томпсон и А. Ноз, акцентирует внимание на важности телесного опыта и активного взаимодействия со средой для формирования сознания и понимания [9]. Этот подход ставит перед нами сложный вопрос: может ли система, лишенная физического тела и непосредственного сенсорного опыта, обладать истинным пониманием? На первый взгляд, LLM, существующие в форме программного кода и баз данных, представляются антитезой идее воплощенного познания. Однако более глубокий анализ позволяет выявить неожиданные параллели.

Можно выдвинуть гипотезу, что роль «тела» для LLM выполняет вся совокупность текстов, на которых они обучены. Эти тексты можно рассматривать как своего рода «сенсорный опыт» модели, через который она воспринимает мир. «Взаимодействием со средой» в этом контексте можно считать непрерывный процесс обработки новых данных и генерации текстов, в ходе которого модель постоянно адаптирует и обновляет свои «репрезентации» мира. Такой подход позволяет предположить, что LLM, возможно, обладают своей уникальной формой «воплощенного» опыта, радикально отличающейся от человеческой. Это не означает, что данный опыт эквивалентен человеческому сознанию, но он может представлять собой новую, еще не до конца изученную форму когнитивной организации. Более того, развитие мультимодальных моделей, способных обрабатывать не только текст, но и изображения, звук и другие типы данных, еще больше сближает искусственный интеллект с концепцией воплощенного познания. Эти системы формируют своего рода «синтетический сенсориум», интегрирующий различные модальности опыта [10].

Данные рассуждения приводят к выводу о необходимости разработки новой эпистемологии, способной учесть специфику «познания» в искусственных системах. Такая эпистемология должна выходить за рамки традиционных дихотомий субъект / объект, тело / разум и предлагать более гибкую и инклюзивную модель познавательных процессов.

2. Анализ влияния искусственных социальных агентов на человеческое общество

2.1. Большие языковые модели как фактор трансформации социальной реальности

Переходя от онтологических и эпистемологических аспектов искусственного интеллекта к его социальным импликациям, мы сталкиваемся с не менее комплексной проблематикой. Большие языковые модели, независимо

от наличия у них «истинного» понимания или сознания, уже оказывают значительное влияние на формирование социальной реальности.

В русле социального конструктивизма, развиваемого П. Бергером и Т. Лукманом, можно утверждать, что LLM становятся новыми архитекторами того, что эти социологи называли «символическим универсумом» – совокупностью смыслов, определяющих наше восприятие мира [11]. Генерируя тексты, новости, комментарии, LLM участвуют в создании и поддержании социальных нарративов, которые формируют наше понимание реальности. Этот процесс имеет далеко идущие последствия. LLM, обученные на обширных корпусах человеческих текстов, могут как усиливать существующие социальные нарративы, так и порождать новые, непредвиденные дискурсы. Мы оказываемся в ситуации, когда наше коллективное сознание частично формируется не-человеческими акторами.

Ж. Бодрийяр в своих работах о симулякрах и симуляции предвидел мир, где реальность заменяется ее знаками [12]. В контексте LLM эта концепция приобретает новое, почти буквальное значение. Искусственно сгенерированные тексты становятся новой формой гиперреальности, где различие между «подлинным» и «симулированным» практически нивелируется.

2.2. Трансформация публичной сферы и публичного дискурса под влиянием больших языковых моделей

Интеграция больших языковых моделей в информационное пространство радикально меняет природу и динамику публичной сферы. Концепция публичной сферы, разработанная Юргеном Хабермасом, традиционно понималась как пространство рационального дискурса, необходимого для функционирования демократии [13]. Однако внедрение LLM вносит существенные коррективы в эту парадигму. LLM обладают потенциалом демократизации доступа к информации и знаниям, предоставляя каждому пользователю возможность взаимодействовать с обширными объемами данных и генерировать сложные тексты. Это потенциально может обогатить публичный дискурс, повышая его разнообразие и информационную насыщенность. Однако эти преимущества сопровождаются рядом серьезных вызовов.

Во-первых, массовое внедрение LLM создает риск информационного перенасыщения и размывания границ между экспертным и дилетантским знанием. В условиях, когда любой пользователь может с помощью ИИ генерировать правдоподобные тексты на любую тему, возникает проблема дифференциации подлинной экспертизы от ее имитации. Во-вторых, LLM открывают беспрецедентные возможности для манипуляции общественным мнением. Способность этих систем генерировать персонализированный контент в масштабных объемах создает риск формирования «эхо-камер» и усиления существующего социального расслоения и неравенства [14]. Более того, LLM способны влиять на саму структуру публичного дискурса. Они могут:

1. Искусственно актуализировать темы, которые на самом деле не являются приоритетными для общества, создавая иллюзию их значимости через генерацию большого объема контента и дискуссий.

2. Маргинализировать действительно важные проблемы, представляя их как малозначительные или неактуальные, подбирая соответствующие (зачастую надуманные) аргументы.

3. Усиливать поляризацию мнений, предоставляя пользователям контент, соответствующий уже существующим взглядам и предубеждениям.

4. Генерировать правдоподобные, но фактически неверные или вводящие в заблуждение аргументы, которые могут быть трудно отличимы от обоснованных экспертных мнений.

Это влияние LLM на публичную сферу и публичный дискурс поднимает серьезные вопросы о природе демократического обсуждения в цифровую эпоху. Как отмечает Кейс Санстейн [15], фрагментация информационного пространства и персонализация контента могут подрывать основы общественного диалога, необходимого для функционирования демократии.

Для противодействия негативным эффектам влияния LLM на публичную сферу необходимо развитие новых форм цифровой грамотности и критического мышления. Это включает в себя способность распознавать искусственно сгенерированный контент, понимать механизмы работы алгоритмов рекомендаций и активно искать разнообразные источники информации.

Кроме того, возникает потребность в новых механизмах регулирования и этических стандартах для разработки и использования LLM в контексте публичной сферы и публичного дискурса. Это может включать требования к прозрачности алгоритмов, ответственность за распространение дезинформации и меры по обеспечению разнообразия мнений в цифровом пространстве.

В конечном счете влияние LLM на публичную сферу подчеркивает необходимость переосмысления самих основ демократического обсуждения в эпоху искусственного интеллекта. Это требует междисциплинарного подхода, объединяющего ключевые идеи из областей коммуникационных исследований, социальной и политической философии, этики ИИ и когнитивной науки.

2.3. Власть и знание в эпоху искусственного интеллекта

М. Фуко в своих работах неоднократно подчеркивал неразрывную связь между властью и знанием [16]. В контексте LLM эта связь приобретает новое измерение. Возникает вопрос: кто обладает реальной властью в мире, где значительная часть информации может быть сгенерирована и обработана искусственным интеллектом?

LLM революционизируют получение знаний, предоставляя моментальный доступ к обширным объемам информации. При этом они создают новую модель когнитивного взаимодействия с информацией, меняя саму структуру нашего познавательного опыта. Мы все больше полагаемся на искусственные системы в обработке и интерпретации информации, потенциально утрачивая способность к самостоятельному критическому мышлению.

Формируется новая форма «алгоритмической власти», где контроль над LLM и большими данными становится ключевым фактором в формировании общественного мнения и принятии решений. Это ставит острые вопросы о прозрачности и подотчетности систем ИИ, а также о необходимости новых форм «цифровой грамотности» для граждан [17].

2.4. Этические и экзистенциальные вызовы

Интеграция LLM как искусственных социальных агентов в социальную структуру общества порождает ряд серьезных этических проблем. Одна из

них – вопрос ответственности. Кто несет ответственность за решения и действия, основанные на рекомендациях ИИ? Как регулировать использование LLM в чувствительных областях, таких как здравоохранение, юриспруденция или образование? Другой важный аспект – проблема приватности и автономии личности. LLM, обученные на обширных массивах персональных данных, потенциально могут обладать информацией о индивидах, превосходящей их собственное знание о себе, что только на первый взгляд звучит парадоксально. Это создает риски не только для приватности, но и для способности к самоопределению, сохранению целостности собственной личности и реализации своего подлинного «я» [18].

Наконец, мы сталкиваемся с экзистенциальным вызовом. В мире, где искусственный интеллект способен генерировать тексты, неотличимые от человеческих, создавать произведения искусства и решать сложные интеллектуальные задачи, как мы определяем уникальность человеческого опыта и творчества? Не приведет ли это к кризису идентичности и утрате смысла для значительной части общества [19]?

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что мы находимся на пороге фундаментальных изменений в структуре знания и социальной коммуникации. Большие языковые модели представляют собой не просто новый инструмент – они знаменуют появление новой эпистемы, если использовать терминологию Фуко [20]. Эта эпистема характеризуется размыванием границ между человеческим и машинным интеллектом, между реальным и виртуальным, между аутентично человеческим и искусственно сгенерированным.

В этом новом эпистемологическом ландшафте ключевыми компетенциями становятся не столько обладание информацией или умение ее находить, сколько способность критически оценивать источники информации, понимать контексты и мета-нарративы, стоящие за генерируемыми текстами. Возникает необходимость в развитии новой формы «цифровой герменевтики» – искусства интерпретации в эпоху искусственного интеллекта [21]. Более того, мы стоим перед необходимостью переосмысления самих понятий авторства, оригинальности и творчества. В мире, где значительная часть контента может быть сгенерирована ИИ, эти концепции требуют новой интерпретации. Возможно, мы движемся к новой форме коллективного творчества, где человеческий и искусственный интеллект будут функционировать в тесном симбиозе [22].

Важно подчеркнуть, что влияние LLM на общество не является предопределенным или однонаправленным. Мы стоим перед выбором: позволить этим технологиям формировать нашу реальность бесконтрольно или активно участвовать в формировании будущего, в котором искусственный интеллект будет служить целям человеческого развития и процветания. Для этого необходимо развивать междисциплинарный диалог между философами, социологами, специалистами по этике, разработчиками ИИ и политиками. Только такой комплексный подход позволит нам адекватно ответить на вызовы, которые ставят перед нами большие языковые модели [23].

В конечном счете главным вызовом для нас станет не вопрос о том, обладают ли LLM сознанием или пониманием в человеческом смысле. Гораздо важнее то, как их присутствие изменит наше собственное сознание, наше по-

нимание себя и мира вокруг нас [24]. Мы вступаем в эру, где человеческое и искусственное переплетаются в сложном взаимодействии смыслов и интерпретаций. Наша задача – не утратить в этом процессе собственную человечность, сохранив при этом открытость к новым формам интеллекта и коммуникации [25].

Как отмечал Хайдеггер, «вопросание есть благочестие мысли» [26. С. 233]. Перед лицом вызовов, которые ставят перед нами искусственные социальные агенты в лице больших языковых моделей, наш долг – продолжать вопрошать, исследовать, анализировать и стремиться к пониманию, даже если это понимание может радикально отличаться от привычных нам концепций. Только так мы сможем не просто адаптироваться к новой реальности, но и активно участвовать в ее формировании, сохраняя при этом гуманистические ценности и идеалы, которые определяют сущность человеческого бытия.

Список источников

1. *Bender E.M., Gebru T.* On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? // *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2021. P. 610–623.
2. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. 416 с.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. под ред. В.А. Звегинцева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 259 с.
4. *Searle J.R.* Minds, Brains, and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–424.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
6. *Churchland P.S.* Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. Cambridge, MA : MIT Press, 1986. 546 p.
7. *Friston K.* The free-energy principle: a unified brain theory? // *Nature Reviews Neuroscience*. 2010. Vol. 11, № 2. P. 127–138.
8. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ. В.О. Малышенко. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2015. 402 с.
9. *Varela F.J., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, MA : MIT Press, 1991. 308 p.
10. *Clark A.* Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36, № 3. P. 181–204.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
13. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. М. : Весь Мир, 2016. 344 с. (Концепция публичной сферы обсуждается на с. 27–56)
14. *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York : Penguin Press, 2011. P. 90–112.
15. *Sunstein C.R.* #Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton University Press, 2017. P. 59–97.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
17. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: Борьба за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Манирко, Н. Проценко, Ю. Ершова, Д. Евстафьев. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
18. О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения / пер. с англ. А. Константинова. М. : АСТ, 2018. 320 с.
19. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. М. : Синдбад, 2019. 416 с.

20. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. 408 с.
21. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford : Oxford University Press, 2014. 248 p.
22. Тезмарк М. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта / пер. с англ. Д. Баяука. М. : АСТ : CORPUS, 2019. 560 с.
23. Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. New York : Viking, 2019. 352 p.
24. Dennett D.C. From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds. New York : W.W. Norton & Company, 2017. 496 p.
25. Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. Oxford : Oxford University Press, 2003. 240 p.
26. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М. : Академический проект, 2007. 351 с.

References

1. Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. & Shmitchell, Sh. (2021) On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. pp. 610–623. DOI: 10.1145/3442188.344592
2. Foucault, M. (2004) *Arheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya : Universitetskaya kniga.
3. Chomsky, N. (1972) *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Translated from English. Moscow: Moscow State University.
4. Searle, J.R. (1980) Minds, Brains, and Programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 3(3). pp. 417–424.
5. Deleuze, J. & Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by Ya.I. Svirskiy. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel.
6. Churchland, P.S. (1986) *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*. Cambridge, MA: MIT Press.
7. Friston, K. (2010). The free-energy principle: a unified brain theory? *Nature Reviews Neuroscience*. 11(2). pp. 127–138.
8. Penrose, R. (2015) *Novyy um korolya: O kompyuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: On Computers, Thinking, and the Laws of Physics]. Translated from English by V.O. Malysheko. Moscow: URSS: LENAND.
9. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Clark, A. (2013) Whatever minds? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*. 36(3). pp. 181–204.
11. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
12. Baudrillard, J. (2015) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.
13. Habermas, J. (2016) *Strukturnoe izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniya otnositelno kategorii burzhuaiznogo obshchestva* [Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society]. Translated from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir.
14. Pariser, E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press. pp. 90–112.
15. Sunstein, C.R. (2017) *#Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton University Press.
16. Foucault, M. (1999) *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdeniye tyurmy* [Supervise and Punish. The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
17. Zuboff, Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma: Borba za chelovecheskoye budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Era of Surveillance Capitalism: The Struggle for the Human Future on the New Frontiers of Power]. Translated from English by A. Manirko, N. Protsenko, Yu. Ershova, D. Evstafev. Moscow: The Gaydar Institute.

18. O'Neill, K. (2018) *Ubiystvennye bolshie dannye. Kak matematika prevratilas v oruzhie massovogo porazheniya* [Killer Big Data. How Mathematics Became a Weapon of Mass Destruction]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: AST.
19. Harari, Yu.N. (2019) *21 urok dlya XXI veka* [21 lessons for the 21st century]. Translated from English by Yu. Goldberg. Moscow: Sindbad.
20. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
21. Floridi, L. (2014) *The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. Oxford: Oxford University Press.
22. Tegmark, M. (2019) *Zhizn 3.0. Byt chelovekom v epokhu iskusstvennogo intellekta* [Life 3.0. Being human in the era of artificial intelligence]. Translated from English by D. Bayuk. Moscow: AST: CORPUS.
23. Russell, S. (2019) *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking.
24. Dennett, D.C. (2017). *From Bacteria to Bach and Back: The Evolution of Minds*. New York: W.W. Norton & Company.
25. Clark, A. (2003) *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford: Oxford University Press.
26. Heidegger, M. (2007) *Chto zovetsya myshleniem?* [What is called thinking?]. Translated from German by E. Sagetdinov. Moscow: Akademicheskiiy proekt.

Сведения об авторе:

Лягошина Т.В. – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyagoshina T.V. – postgraduate student of the Department of History of Philosophy and Logic of the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2024;
одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 316.4.057.2

doi: 10.17223/1998863X/81/10

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО ПРИВАТИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЕРАРХИИ БЛАГ

Михаил Васильевич Мельников

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, Halkidon_n@list.ru*

Аннотация. Для изучения приватизации публичного пространства рассматриваются подходы к типологии благ. Анализируется подход Р. Масгрейва, разделившего блага на публичные, общие, клубные и частные. Показывается, что приватизация публичного пространства приводит к последовательному уменьшению полноты совершенства публичного пространства как блага, если критерием совершенства считать основные признаки публичного пространства – открытость и доступность.

Ключевые слова: публичное пространство, приватизация, благо

Для цитирования: Мельников М.В. Публичное пространство и его приватизация в контексте иерархии благ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 109–117. doi: 10.17223/1998863X/81/10

Original article

PUBLIC SPACE AND ITS PRIVATIZATION IN THE CONTEXT OF THE HIERARCHY OF GOODS

Mikhail V. Melnikov

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation,
Halkidon_n@list.ru*

Abstract. Restrictions imposed on the free use of public space, or the privatization of public space, have become widespread in recent decades. Actions taken in relation to public space in the direction of limiting its openness and accessibility indicate that this space is of value to people, groups, and communities as an object that they want to control. Thinking about public space as a value involves considering its location at different levels of the hierarchy of goods. The typologies of goods of Aristotle, Alasdair McIntyre, George Moore, and John Rawls are of interest. Richard Musgrave's classification of goods is based on the criteria of competitiveness in the possibility of obtaining a good and the possibility of excluding someone from the consumers of the good. I consider Musgrave's classification of goods in the following sequence: public, common, club, private. The two main features of public goods are non-competitiveness in consumption and non-excludability. These goods are available to anyone and everyone. Common goods are non-excludable but competitive. In turn, the right to possess a club good is partly competitive because club members decide who is worthy of becoming one of them. For this reason, club goods are non-excludable goods. Private goods are goods with high competitiveness in consumption and excludability, i.e., deprivation of access to the good. The line leading from public and common goods to private goods is the line leading to a decrease in the scale and value of public space as publicly accessible and open, and a corresponding increase in its value as inaccessible and closed space. This line is the line that leads to the privatization of space. Privatized public space has

a value as a good accessible to the few, and therefore it is a good that is not in the interests of the majority. The privatization of public space leads to a weakening of communication and solidarity between people who share an open and accessible space with each other. The implementation of actions leading to the privatization of public space occurs because individuals and groups involved place little value on public space as a public and common good. The interest in a higher value of public space as a club and private good contributes to the intensification of their actions to increase the exclusivity of their use of this space for their own benefit.

Keywords: public space, privatization, good

For citation: Melnikov, M.V. (2024) Public space and its privatization in the context of the hierarchy of goods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 109–117. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/10

Публичное пространство представляет собой одно из социальных достижений человеческой цивилизации. Его развитие неразрывно связано с развитием демократии, гласности и гражданственности. Публичное пространство можно рассматривать как реальную и виртуальную территорию социальной и политической репрезентации, прямого и видимого гражданского социального действия. Множество форм выражения публичного пространства не мешает увидеть его общие существенные черты – открытость и доступность. Однако в последние десятилетия во многих странах мира получили широкое распространение ограничения, налагаемые государствами и частными структурами на свободное использование публичного пространства. Эти ограничения получили известность как приватизация публичного пространства.

Действия, совершаемые по отношению к публичному пространству в направлении ограничения его открытости и доступности, указывают на то, что это пространство представляет ценность для отдельных людей, групп и сообществ как объект, распоряжаться которым и контролировать который они хотят. Осмысление публичного пространства как ценности предусматривает рассмотрение его местоположения на разных уровнях ценностной иерархии и на разных уровнях иерархии благ. Понятие «благо» неразрывно связано с понятием «ценность» и само является ценностью. Но благо также представляет собой производное от ценности. По словам Д.А. Федчука, «ценность всегда абсолютна и обладает высшей степенью полноты содержания, тогда как блага имеют разную полноту совершенства» [1. С. 52]. Содержательная близость между понятиями «благо» и «ценность» позволяет рассматривать публичное пространство как благо, различная полнота которого отражена в типологии благ.

Рассмотрение публичного пространства как блага необходимо начать с рассмотрения блага в целом. Благо относится к понятиям, ясную трактовку которых дать затруднительно, несмотря на слова Й. Шумпетера о том, что «оно легко поддается определению и пониманию со стороны любого нормального человека, если ему предъявить рациональные доводы» [2. С. 4]. Аристотель писал о благе как о том, что является лучшим для каждого существа, по своей природе достойно избрания, делает благами другие причастные ему вещи, т.е. об идее блага. Аристотель привел несколько подразделений благ [3. С. 297]. Он выделил ценимые блага (душа, ум, божественное), хвалимые блага (добродетели в той мере, в какой согласные с ними действия вызывают похвалу), блага-возможности (власть, богатство, сила, красота) и

нечто, сохраняющее или создающее другое благо. Иное разделение благ основано на принципе, что одни блага всегда заслуживают избрания, например справедливость, и другие, такие как сила и власть, – не все и не всегда. Другой способ деления таков: благо может быть целью и может не быть целью. Целью является достижение высшего блага, по Аристотелю – счастья, благосостояния человека, хорошего состояния его дел. Согласно другому делению, благо может находиться в душе – разумность, добродетель и наслаждение и в теле – здоровье, красота. Или вне того и другого – таковы богатство, власть, почет.

Особенности средневекового понимания блага состоят, по А. Макинтайру, в следующем. Средневековое видение блага, как и средневековое видение мира в целом является историческим в том смысле, в каком не могло быть таковым аристотелевское видение. «Двигаться по направлению к благу – значит двигаться во времени, и это движение само по себе включает новое понимание того, что значит двигаться по направлению к благу» [4. С. 239]. Сам Макинтайр делит блага на внутренние и внешние. Внешними благами он называет свойства индивида, находящиеся в его обладании и обычно являющиеся объектами конкурирующего спроса, где должны быть выигравшие и проигравшие. Внутренние блага тоже связаны с конкуренцией за превосходство, но для них характерно то, что их достижение есть благо для общества. Внешние блага Макинтайр характеризует в связи с институтами, а внутренние – в связи с практиками. Любые институты структурированы в терминах власти и статуса и распределяют деньги, власть и статусы в качестве вознаграждения. Благодаря теснейшей связи институтов с практиками существует и неразрывная связь внешних благ с внутренними. Значение добродетелей у Макинтайра состоит в том, что они помогают практикам сопротивляться коррумпирующей силе институтов и человеческому эгоизму. Без добродетелей общество было бы обществом эгоистов, конкурирующих друг с другом в отсутствие справедливости и правдивости.

Дж. Мур делит блага на однородные блага и блага смешанного характера. Первые основаны на любви к прекрасному и к хорошим людям. Блага смешанного характера – это те виды добра, которые содержат в себе как составную часть зло или безобразие. Они основаны либо на ненависти к безобразному или злу, либо на сочувствии к неприятности [5. С. 322].

Дж. Ролз предпринял попытку создания концепции справедливости как честности на базе теории общественного договора как альтернативы утилитаризму [6]. В справедливости как честности концепция правильности рассматривается Ролзом как первичная по отношению к концепции блага. Нечто является благом, если оно входит в образ жизни, согласующийся с наличными принципами правильности. Среди благ Ролз выделяет совершенства, или такие характеристики и способности людей, которые для каждого из нас рационально хотеть. Совершенства образуют средства дополняющих видов деятельности, в которых люди объединяются и получают удовольствие от реализации своей собственной природы и природы других людей. Другой вид благ, имеющий большое значение, – это первичные, они же социальные блага, например, права и свободы, возможности, доходы и богатство и чувство собственного достоинства. Эти блага являются социальными в плане их связи с устройством основных социальных институтов в рамках одной схемы ко-

операции. Примерами институтов Ролз называет игры, ритуалы, суды, парламенты, рынки и системы собственности. Согласование отношений между институтами в виде их функциональной взаимозависимости по отношению к общей схеме кооперации есть базисная структура общества. Она призвана поддерживать одни виды планов, намечаемых членами общества в большей степени, чем другие. Большого вознаграждения достойны граждане, которые согласуют свои действия с представлениями о правильности и справедливости, наиболее присущими каждому конкретному обществу. Основными человеческими благами Ролз рассматривает дружбу, личную привязанность, любимую работу, социальное сотрудничество, стремление к знаниям. Эти блага должны оказаться целями и видами деятельности и занимать главенствующее место в рациональных действиях индивидов. Чем больше люди стремятся к использованию таких благ, тем более общество, в котором они живут, будет соответствовать вполне упорядоченному обществу в терминологии Ролза. Члены такого общества стремятся соблюдать принципы, которые они признают справедливыми и правильными. Они признают благо каждого человека как элемент деятельности в целом, общая схема которой получила признание в обществе и доставляет удовольствие всем людям. В таком обществе их природа реализуется в качестве моральных личностей наиболее полно. А вместе с ней реализуется и их индивидуальное и коллективное благо.

Обратим внимание на классификацию благ Р. Масгрейва. Он разделил блага на частные, клубные, общие и публичные, или общественные блага [7]. Классификация Масгрейва основана на критериях конкурентности, или соперничества в возможности получения блага, и делимости, или возможности исключить кого-либо из числа потребителей блага. Рассмотрим классификацию благ Масгрейва в следующей последовательности: публичные, общие, клубные, частные.

Две главные черты публичных, или общественных благ – неконкурентоспособность в потреблении и неисключаемость, или неделимость [8. С. 17]. Эти блага доступны для каждого и всех. Их использование может быть как личным и частным, так и общим. Некоторые блага не предназначены для личного потребления, например национальные парки. К публичным благам индивидуального потребления относится бесплатное общедоступное образование. Не все публичные блага должны производиться государством, как, например, национальная оборона. Но их производство, осуществляемое негосударственными институтами, должно находиться под государственным контролем. В этом случае, полагает Л. Бальцерович, «некоторые интерпретации понятия «общественное благо» неизбежно представляют собой оправдание задним числом уже свершившегося факта – расширения функций государства» [9. С. 18]. Бальцерович ставит под сомнение ценность возрастания значения функции предоставления общественных благ. В свою очередь, М. Олсон подчеркнул, что увеличение публичных благ может привести к увеличению раздробленности и конфликтности общества, потому что различные потребности и оценки по отношению к публичным (коллективным) благам являются основой для конфликта, тогда как различные потребности в частных или индивидуальных благах – нет [10. С. 161].

Переходим к общим (common) благам. Известна старая традиция рассматривать общее благо (*bonum commune* на латинском языке) как благо,

наиболее полное, высокое и совершенное. В христианском богословии общее благо ассоциировалось с Богом, высшим благом и справедливым правлением на уровне отдельных королевств, универсальным благом всего человечества, стандартами социальной справедливости. В приписываемом Фоме Аквинскому сочинении «О правлении государей» (1266) нарушение принципа следования интересам общего блага связывалось с олигархическим правлением и тиранией [11]. Такое представление об общем благе позволяет рассматривать его как неконкурентоспособное и неисключаемое для всех и каждого.

П. Донати подчеркивает, что термин «общий» (*communis*) составляет пару противоположностей с термином «собственный» (*proprium*), в значении «являющийся чьей-то собственностью» [12]. На этой основе Донати представил общее благо как пространство социальных отношений, созданных совместными усилиями людей. Участвующие в них люди стремятся поддерживать благо существующих отношений и заботиться об объектах, представляющих эти блага.

Рассуждения о месте, значении и ценности общего блага общества необходимо отделять от рассуждений о месте, значении и ценности общих благ.

М. Кон сравнила значения понятий «public» и «commons» [13]. Ключевая идея commons состоит в том, что граждане совместно владеют ресурсами, их эксплуатацией, сохранением, увеличением, что исключает эксплуатацию этих ресурсов в частных целях, прежде всего для личной наживы. Кон называет преимущества использования термина commons. Этимологически он относится к сообществу, слову, имеющему почти всегда положительную коннотацию. Слово «публичный», «public» ассоциируется у многих людей с государственным управлением, бюрократией, неэффективностью. Но Кон предпочитает использовать понятие «public», поскольку commons может использоваться и по отношению к формам совместного владения, которые являются элитарно-эксклюзивными. Например, к закрытым жилым сообществам (*gated communities*). Поэтому общие блага нельзя отнести, подобно публичным благам, к неисключаемым и неконкурентоспособным. Они являются благами неисключаемыми, но конкурентоспособными. Г. Хардин рассматривал в качестве примера таких благ открытые природные ресурсы (моря и пастбища) [14]. Их всеобщая доступность может привести к конкуренции за право их использования в частных интересах и к «трагедии общих ресурсов».

Публичное пространство имеет признаки и публичного, и общего блага. Доступ в него может быть открыт, а пребывание не ограничено, но в его структуре одни объекты и места могут быть привлекательнее по своему местонахождению, функциям и т.д., чем другие объекты и места. В этом случае может возникать конкуренция между находящимися в публичном пространстве людьми за право преимущественного пребывания в этих местах и право преимущественного контроля над находящимися в них объектами. Публичное пространство, рассматриваемое как общее благо, является менее открытым и доступным, чем публичное пространство, рассматриваемое как публичное благо.

Приватизация публичного пространства приводит к тому, что оно становится менее доступным и открытым. Ш. Зукин пишет о приватизации публичных благ применительно к бизнес-инициативам по развитию района, БИРПам (*business improvement districts, BIDs*). БИРПы представляют собой

форму частно-государственного партнерства и частных девелоперских проектов. БИРРы устанавливают контроль над своей территорией, основу которого составляет финансовая и фискальная независимость БИРРов. Последнее обуславливает возможности воссоздания на территории БИРРов аналогов городских служб, таких как уборка улиц и поддержание безопасности. Это и есть приватизация публичных благ. По словам Ш. Зукин, эта приватизация устраивает многих горожан [15. С. 105]. О приватизации публичных благ пишет и Р. Ольденбург. В своей известной книге он приходит к выводу о том, что параллельно упадку «мест действия» неформальной общественной жизни происходит всеобщая потеря интереса к общественным благам [16. С. 415]. Эта потеря связывается Ольденбургом с присущей американскому среднему классу слепой верой в то, что рациональная деятельность значительно превосходит по качествам неструктурированную деятельность. Эта вера позволяет влиятельным американцам, имеющим преимущества в частных средствах и территориях, самовольно завладевать общими благами и присваивать львиную долю публичных благ. Соответствующие изменения происходят и в публичном пространстве. По сути, приватизация публичного пространства представляет собой приватизацию публичных и общих благ. Следует согласиться со словами М. Арчер и П. Донати, что в новом трансформирующемся социальном контексте общее благо становится все более проблематичным [17. Р. 28].

Следующий вид благ, подлежащий рассмотрению, – клубные блага. Их название напоминает о клубах в Англии и Франции в XVII–XVIII вв., месте зарождения буржуазной публичной сферы. Вход в эти клубы был открыт, но не для всех. Например, в России вплоть до реформ Александра II клубы, объединявшие, в основном, дворян, предоставляли своим членам свободу высказываний как одну из дворянских привилегий. Но она реализовалась не публично, а внутри узкого объединения «своих», закрытого для посторонних [18. С. 110]. Право обладать клубным благом является частично конкурентным, поскольку члены клубов сами решают, кто достоин стать одним из них. Однако эти блага могут быть отнесены и к неконкурентным благам. Ими можно пользоваться, если доступ оплачен или разрешен. По этой причине клубные блага являются неисключаемыми благами. По словам одного из создателей концепции клубных благ Дж. Бьюкенена, «оптимальный размер клуба для произвольного количества благ стремится к уменьшению по мере того, как реальный доход индивида увеличивается» [19. С. 624]. Применительно к приватизации публичного пространства, рассматриваемого как клубное благо, подход Бьюкенена получает следующий вид. Существуют группы или сообщества, обладающие возможностью ограничить использование публичного пространства посредством установления требований и сборов с лиц и групп, претендующих на доступ в публичное пространство. Сборами могут быть высокие вступительные взносы и выплаты за поддержание в надлежащем виде территории пространства либо за право пребывания в нем и публичного выражения своей позиции.

От клубных благ переходим к частным благам, или благам с высокой конкурентностью в потреблении и исключаемостью, т.е. лишением доступа к благу. Публичное пространство становится частным благом вследствие установления субъектом, в том числе социальным субъектом, завладевшим правом управлять пространством в своих личных или корпоративных интересах,

режима недоступности его посещения и использования в целях, не согласованных с субъектом управления, другими субъектами. В зависимости от обстоятельств завладения правом или возможностью управлять публичным пространством использование публичного пространства как частного блага может наносить вред или создавать негативные последствия для других субъектов. Приватизация публичного пространства, осуществляемая как присвоение публичного пространства, означает, что пребывание в нем посторонних лиц является нежелательным, поскольку снижает ценность приватизированного пространства как частного блага.

В терминах А. Макинтайра приватизация публичного пространства превращает публичное пространство во внешнее благо, объект борьбы за право его контролировать. В терминах Дж. Ролза приватизация публичного пространства приводит к нарушению норм, которые большинство людей признают справедливыми и правильными. С точки зрения П. Донати, приватизация публичного пространства превращает его в частное благо, в пространство конкурентных социальных отношений, направленных на вытеснение из пространства всех неугодных.

Подведем общие итоги. Последовательность, в которой были рассмотрены четыре блага – публичное, общее, клубное и частное, не является случайной. Они рассмотрены в порядке направления уменьшения их ценности как открытых и доступных для всех благ и в обратном этому порядке увеличения их ценности как закрытых и недоступных для всех благ.

Линия, ведущая от публичных и общих благ к частным благам, есть линия, ведущая к уменьшению масштабов и ценности публичного пространства как общедоступного и открытого и соответствующего возрастанию ценности его как недоступного и закрытого пространства. Эта линия есть также линия, ведущая от публичности и обобществления к приватности и приватизации пространства.

Приватизированное публичное пространство имеет ценность как благо, доступное немногим, а потому оно является благом, не соответствующим интересам большинства, общественным интересам. Чем меньше количество людей, считающих приватизированное публичное пространство высокозначимым и ценным для себя благом, тем менее значимым, имеющим меньшее общественное значение является это благо.

Приватизация публичного пространства приводит к последовательному уменьшению полноты совершенства блага, если критерием совершенства считать основные признаки публичного пространства – открытость и доступность. Последовательное уменьшение полноты совершенства мы видим в публичном, общем, клубном и частном благе.

Приватизация публичного пространства приводит и к ослаблению сотрудничества, общения и солидарности между людьми, разделяющими друг с другом общее открытое и доступное для всех пространство.

Осуществление действий, ведущих к приватизации публичного пространства, происходит потому, что индивиды и группы, занимающиеся этим, мало ценят публичное пространство как публичное и общее благо. Доступность и открытость этого пространства не приносит им выгоды и не гарантирует безопасности и защиты. Заинтересованность в более высокой ценности публичного пространства как клубного и частного блага способствует акти-

визации действий определенных индивидов и групп по повышению эксклюзивности использования ими этого пространства в своих интересах.

Список источников

1. Федчук Д.А. Понятие ценности в аксиологии и схоластическое понятие «блага» // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2 (23). С. 52–61.
2. Шумпетер Й. Теория и практика демократии: избранные тексты / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М. : Ладомир, 2006. 462 с.
3. Аристотель. Сочинения. М. : Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследование теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. Москва : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
5. Мур Дж. Принципы этики / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М. : Прогресс, 1984. 327 с.
6. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева, В.Н. Карповича, А.А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.
7. Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica* / ред. О. Хархордин, Р. Алапуго, О. Быкова. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. 352 с.
8. Мюллер Д. Общественный выбор III / пер. с англ. под ред. А.П. Заостровцева, А.С. Скоробогатова. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 1000 с.
9. Бальцерович Л. Навстречу ограниченному государству / пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое издательство, 2007. 92 с.
10. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / пер. с англ. Е. Окороченко. М. : ФЭИ, 1995. 174 с.
11. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей» / пер. с лат. Н.Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) : сб. науч. ст. Л., 1990. С. 217–244.
12. Донати П. Реляционная теория общества: Социальная жизнь с точки зрения критического реализма / пер. с ит. И.В. Маркиной ; пер. с англ. Е.А. Костровой, А.О. Покалюк, М.Р. Сафиной. М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. 312 с.
13. Kohn M. Brave New Neighborhoods. The Privatization of Public Space. New York ; London : Routledge, 2004. 244 p.
14. Hardin G. The Tragedy of the Commons // The Science. 1968. Vol. 162, issue 3859. P. 1243–1248.
15. Зукин Ш. Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 424 с.
16. Ольденбург Р. Третье место / пер. с англ. А. Широкановой. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 456 с.
17. Pursuing the Common Good: How Solidarity and Subsidiarity Can Work Together / ed. by Archer M., Donati P. Vatican City : Pontifical Academy of Social Sciences, 2008. 707 p.
18. Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общности. Конец XVIII – начало XX в. М. : Новый хронограф, 2007. 400 с.
19. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнаревой. М. : Изд. дом «Дело», РАНХиГС, 2016. 720 с.

References

1. Fedchuk, D.A. (2016) Ponyatie tsennosti v aksiologii i skholasticheskoe ponyatie “blogo” [The concept of value in axiology and the scholastic concept of “good”]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2(23). pp. 52–61.
2. Shumpeter, Y. (2006) *Teoriya i praktika demokratii: izbrannye teksty* [Theory and Practice of Democracy: Selected Texts]. Translated from English by V.L. Inozemtsev, B.G. Kapustin. Moscow: Ladomir.
3. Aristotle. (1984) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
4. MacIntyre, A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovanie teorii morali* [After Virtue: A Study of Moral Theory]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Akadem. proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga.
5. Moore, J. (1984) *Printsipy etiki* [Principles of Ethics]. Translated from English by L.V. Konvalova. Moscow: Progress.
6. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev, V.N. Karpovich, A.A. Shevchenko. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

7. Kharkhordin, O., Alapuro, R. & Bychkova, O. (eds) (2013) *Infrastruktura svobody: obshchie veshchi i res publica* [The Infrastructure of Freedom: Common Things and Res Publica]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
8. Müller, D. (2007) *Obshchestvennyy vybor III* [Public Choice III]. Translated from English A.P. Zaostrovtshev, A.S. Skorobogatov. Moscow: HSE.
9. Balcerowicz, L. (2007) *Navstrechu ogranichenному gosudarstvu* [Towards a Limited State]. Translated from English by M. Korobochkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Olson, M. (1995) *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Actions. Public Goods and Group Theory]. Translated from English by E. Okorochenko. Moscow: FEI.
11. Thomas Aquinas. (1990) Traktat Fomy Akvinskogo "O pravlenii gosudarey" [Thomas Aquinas's Treatise "On the Government of Princes"]. Translated from Latin by N.B. Sredinskaya. In: Rutenburg, V.I. & Medvedev, I.P. (eds) *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope (VI–XVII vv.)* [Political Structures of the Feudal Era in Western Europe (6th–17th Centuries)]. Leningrad: USSR AS. pp. 217–244.
12. Donati, P. (2019) *Relyatsionnaya teoriya obshchestva: Sotsial'naya zhizn' s tochki zreniya kriticheskogo realizma* [Relational Theory of Society: Social Life from the Point of View of Critical Realism]. Translated from Italian by I.V. Markina; translated from English by E.A. Kostrovaya, A.O. Pokalyuk, M.R. Safina. Moscow: PSTGU.
13. Kohn, M. (2004) *Brave New Neighborhoods. The Privatization of Public Space*. New York; London: Routledge.
14. Hardin, G. (1968) The Tragedy of the Commons. *The Science*. 162(3859). pp. 1243–1248.
15. Zukin, Sh. (2018) *Kul'tury gorodov* [Cultures of Cities]. Translated from English by D. Simanovsky. Moscow: NLO.
16. Oldenburg, R. (2018) *Tret'e mesto* [The Third Place]. Translated from English by A. Shirokanova. Moscow: NLO.
17. Archer, M. & Donati, P. (eds) (2008) *Pursuing the Common Good: How Solidarity and Subsidiarity Can Work Together*. Vatican City: Pontifical Academy of Social Sciences.
18. Rosenthal, I.S. (2007) "I vot obshchestvennoe mnen'ye!" *Kluby v istorii russiyskoy obshchestvennosti. Konets XVIII – nachalo XX vv.* ["And Here is Public Opinion!" Clubs in the History of Russian Society. Late 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Novyy khronograf.
19. Bourdieu, P. (2016) *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989–1992)]. Translated from French by D. Kralechkin, I. Kushnareva. Moscow: Delo, RANKhiGS.

Сведения об авторе:

Мельников М.В. – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: Halkidon_n@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Melnikov M.V. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); associate professor of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Halkidon_n@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 15.07.2024;
approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК 314/316

doi: 10.17223/1998863X/81/11

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА В ГЕРОЭТИКЕ

Евгений Артурович Найман¹, Людмила Александровна Пашина²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия;*

¹ *Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, enyman17@rambler.ru*

² *Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия,
lapash@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринят анализ формирующейся междисциплинарной области геронтики (этики старения) – гибридной области исследования этических вопросов, возникающих в связи с осмыслением дилемм позднего жизненного периода. Показаны примеры проблем, которые она исследует, проанализированы ее определения, рассмотрена история ее возникновения, а также представлены авторы и работы, сформировавшие ее границы и концептуальное содержание. Показана актуальность развития геронтики, в том числе в связи с конституированием философии старения.

Ключевые слова: геронтика, этика старения, философия старения, теория хорошей жизни, гуманистическая геронтология, критическая геронтология, теория старения

Для цитирования: Найман Е.А., Пашина Л.А. Философские проблемы стареющего общества в геронтике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 118–128. doi: 10.17223/1998863X/81/11

Original article

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF AN AGING SOCIETY IN GEROETHICS

Evgeniy A. Nayman¹, Lyudmila A. Pashina²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;*

¹ *Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, enyman17@rambler.ru*

² *Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russian Federation, lapash@yandex.ru*

Abstract. The emerging interdisciplinary field of geroetics (ethics of aging), a hybrid field of research on ethical issues arising in connection with understanding the dilemmas of the late life period, is analyzed. Examples of the problems it explores are shown; its definitions are analyzed; the history of its occurrence is considered, as well as the authors and works that formed its boundaries and conceptual content. The relevance of the development of geroethics is shown, including in connection with the constitution of the philosophy of aging.

Keywords: geroethics, ethics of aging, philosophy of aging, theory of the good life, humanistic gerontology, critical gerontology, theory of aging

For citation: Nayman, E.A. & Pashina, L.A. (2024) Philosophical problems of an aging society in geroethics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 118–128. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/11

За последние десятилетия появилось значительное количество научной литературы, в которой обсуждаются насущные демографические, экономические, политические, социологические, медицинские вопросы, посвященные сложным проблемам стареющего общества, например, такие: Какой должна стать государственная политика в области экономики, здравоохранения, пенсионного возраста и пенсионных выплат, чтобы в будущем, по мере увеличения доли пенсионеров в сравнении с работающим населением, она была бы не только приемлемой, но справедливой и эффективной? Насколько обоснован дискриминационный подход по отношению к пожилым людям при принятии решений в здравоохранении? Справедливо ли снижение качества жизни работающего поколения за счет увеличения налогообложения с целью обеспечения условий для постоянно растущего числа пожилых людей? Должен ли быть пересмотрен неявный контракт между поколениями, лежащий в основе нашей социальной жизни и систем социального обеспечения? Способны ли мы будем справиться с этическими дилеммами, которые возникнут в результате успешного крупномасштабного продления процесса старения? Но важно помнить, что вопросы определения приоритетов государственной социальной политики, политики здравоохранения и профессиональной (в том числе медицинской) практики, касающиеся роли, прав и обязанностей, благополучия пожилых людей, вопросы выделения ресурсов, определения и обеспечения безусловных гарантий достойного качества жизни для людей пенсионного возраста, сложности развития области образования для третьего возраста, проблемы необходимости выбора и поддержки определенных направлений научных исследований старения на основе анализа возможностей и ограничений для продления и / или улучшения качества человеческой жизни, которые они предлагают, являются в первую очередь проблемами общественной морали.

Доминирующие в культуре убеждения относительно старости и старения во многом определяют наше поведение, ожидания, здоровье, продолжительность жизни, направляют векторы исследований и задают ракурсы понимания этих феноменов, формируя контуры и содержание этического дискурса о старении. Биологический эссенциализм в объяснении природы старения более не кажется жизнеспособным. Наши представления о старости и старении имеют значительные последствия, что можно ясно увидеть на примере эволюции геронтологических теорий, которые развивались от физикалистской дефицитарной интерпретации позднего этапа до отражения сложной природы старения, которое определяется множеством факторов (биологических, социальных, экономических, культурных, психологических), влияющих на качество и продолжительность жизни. Изменения научных представлений о природе старости, особенностях протекания старения, способах влияния на этот процесс постепенно меняют стереотипы о возрасте, о его возможностях, ограничениях, трансформируя общественную мораль, социальную политику, здравоохранение, образование, а также многие социальные, культурные институты и практики, характерные для этапа зрелости.

В силу целого ряда исторических, демографических, социальных, медицинских, политических, культурных, технологических причин (например, беспрецедентное увеличение доли пожилых людей в составе населения; уменьшение рождаемости во всем мире; распространение нуклеарной семьи;

растущая мобильность населения; увеличение средней продолжительности жизни; массовое удлинение периода здоровой, активной старости; повышение уровня жизни стареющего населения; расширение возможностей медицины; снижение социально-экономической зависимости пожилых людей за счет продления периода здоровой и активной жизни, в том числе социальной и трудовой; учреждение института выхода на пенсию; повышение порога пенсионного возраста; расширение технологических средств поддержания жизни и др.), начиная с последней трети XX в., мы сталкиваемся с широким спектром моральных проблем, касающихся статуса, роли и благополучия пожилых людей в обществе. Чтобы получить представление о разнообразии этических вопросов, связанных с проблемами стареющего общества, представим несколько тем, раскрывающих взаимосвязи этики старения с проблемами определения его природы, поиска смысла жизненного пути, прояснения прав и обязанностей представителей разных поколений, формулирования особенностей трудовой этики для пожилых людей, проблемами одиночества и отчуждения в старости, дилеммами эйджизма, духовности, проблемами, связанными со здоровьем, долголетием, переживаниями, возникающими в ожидании смерти, сложностями формулирования однозначного отношения к допустимости эвтаназии, оценке возможностей и последствий использования новых поддерживающих жизнь технологий и др. Приведем примеры некоторых вопросов, раскрывающих проблематику этики старения:

- Какова ценность старости? Какие этические теории позволяют нам наилучшим образом справляться со старением? Что такое достойная старость? Каковы ее основные составляющие? Какие ценности наиболее актуальны для стареющего человека и какие добродетели наиболее важны для его благополучия?

- Какие этические принципы должны регулировать вопросы социальной справедливости при распределении ограниченных ресурсов между различными возрастными группами населения? Как должны быть пересмотрены традиционные роли и обязанности в семье и на рабочем месте в свете значительного увеличения средней продолжительности жизни? Насколько справедливой / дискриминационной является практика обязательного выхода на пенсию и в какой степени общество обязано обеспечивать адекватную финансовую безопасность пожилых людей?

- Какое отношение имеют возраст, пол или этническая принадлежность к медицинскому обслуживанию? Каков правильный компромисс между снижением благосостояния пациента и сокращением его жизни? Действительно ли автономия пациента важна сама по себе или лишь в том случае, если способствует его благополучию?

- Каковы цели увеличения долголетия? Какая продолжительность жизни может считаться достаточной? Оправдывают ли имеющиеся технологические возможности выделение значительных ресурсов для достижения цели продления жизни, учитывая существование более насущных проблем, связанных, прежде всего, с поддержанием качества здоровой и достойной жизни нынешнего поколения, и усиливающуюся глобальную демографическую, политическую, экономическую, социальную нестабильность?

- Этично ли заводить детей в очень пожилом возрасте? Справедливы ли возрастные ограничения в данном контексте?

• Каковы этические принципы, объясняющие, кто должен контролировать жизнь и почему? Каковы условия, при которых эвтаназия может считаться рациональной для пожилого человека? И многие-многие другие этические вопросы.

Важно начать системно исследовать этические проблемы стареющего общества в широком контексте, для чего необходимо прояснить ключевые этические дилеммы, имеющие практическое значение как для понимания старения, так и для решения проблем, характерных для позднего жизненного периода, для стареющего общества в целом, в связи с чем системная разработка героэтики видится актуальной задачей.

Что же такое героэтика? В научной терминологии появилось понятие «героэтика» (этика старения), которое описывает научную область, исследующую этическую сторону процесса старения. Одно из первых его употреблений принадлежит американскому геронтологу Д.А. Ларю (D.A. Larue), который в 1992 г. в книге «Героэтика: новый взгляд на старение в Америке» определил эту область как знание, которое стремится исследовать влияние этических принципов на жизнь пожилых людей с целью ее улучшения [1]. Он писал о необходимости разработки этого знания, поскольку оно отвечает наилучшим интересам каждого из нас.

Этимологически для этики старения определяющим источником является этика, которая предполагает теоретическое и систематически организованное исследование основных концепций, ценностей и принципов, которые направляют или могут / должны направлять процессы принятия моральных решений; изучает моральные вопросы, связанные с человеческим существованием и благополучием (например, проблемы справедливости (вопросы распределения власти, ресурсов)); формулирует этические принципы, кодексы поведения; исследует, какими могут быть пределы правильных / неправильных действий в различных обстоятельствах; выясняет, что характеризует «хорошую / достойную / благополучную жизнь»; стремясь к объективности, выявляет проблемы и ошибки в аргументации, помогая отличить политику и риторику от этики; продолжает изучение возможностей, которые предоставляют различные теоретические основы. Этим же занимается и героэтика, только в приложении к области осмысления старения.

Первыми авторами современных работ, послуживших плодотворной основой для развития этой области, были Н.С. Джекер (N.S. Jecker), К. Байер (K. Baier), Г.Р. Муди (H.R. Moody), Д. Каллахан (D. Callahan), П. Макки (P. MacKee), Л. Маккалоу (L. McCullough), А. Макинтайр (A. MacIntyre), П. Фут (P. Foot), Д.Л. Нортон (D.L. Norton), Д.Д. Ван Тассел (D.D. Van Tassel), Р. Кастенбаум (R. Kastenbaum), С. де Бовуар, Т.Л. Бошан (T.L. Beauchamp), Б. Броуди (B. Brody), Д.М. Хаусман (D.M. Hausman), М.П. Баттин (M.P. Battin), Л.Д. Шнайдерман (L.J. Schneiderman).

Становление поля исследований этики старения продолжается, поэтому существуют различия в понимании ее дисциплинарной принадлежности, а также в интерпретации задач, которые она призвана решать в границах своей компетенции. Например, при определении дисциплинарного статуса героэтики исследователи Р. Бинсток, Э. Ахенбаум, Л. Маккалоу, Х.-Й. Эхни (H.-J. Ehn) указывают на то, что этика старения – это результат пересечения интересов и задач областей геронтологии и этики. Так, Р. Бинсток и Э. Ахенбаум пишут:

«...расположенная на стыке двух далеких друг от друга областей, (она) предполагает компетентность и опыт в определении и объяснении сложных и деликатных решений» [2. Р. 136]. Л. Маккалоу уточняет то, что «биоэтика в гериатрии / геронтологии – это и есть героэтика, охватывающая этические аспекты старения и связанный с ними широкий круг вопросов» [3]. Немецкий философ, специалист по медицинской этике Х.-Й. Эхн и его соавторы начали разработку концептуальных основ глобальной героэтики, которую видят как междисциплинарный диалог между этикой, геронтологией и теорией хорошей жизни [4]. Границы и содержание этой теории еще только формируются [4–7], и многие авторы пишут о том, что этика хорошей жизни должна стать основой для построения философии старения и полноценной геронтологической теории.

Одно из актуальных определений дает голландский исследователь в области этики старения К.С. Уорхэм, считающий, что она является результатом философского осмысления проблем старения, которые могут выходить далеко за пределы геронтологии: «это область нормативных исследований, охватывающая этические проблемы, с которыми сталкивается стареющий человек в ситуации старения» [8]. Как отмечает К.С. Уорхэм, данное определение расширяет хронологические рамки героэтики, отражая тот факт, что старение происходит на протяжении большей части нашей жизни и некоторые вопросы, связанные со старением, возникают еще до наступления пожилого возраста (например, кризис среднего возраста).

Расхождения также заметны при определении задач и компетенции героэтики, особенно в области философской биоэтики, которая может рассцениваться как теоретическая или практическая, а теоретическая как нормативная (направленная на то, чтобы рассказать о том, как должны вести себя медицинские работники, пациенты в определенных ситуациях), так и как концептуальная (затрагивающая вопросы, связанные с изучением своих основ) – исследователи в этой области видят ее призвание несколько по-разному. Так, философы Д. Блюменталь-Барби, М. Хейри настаивают на том, что философская биоэтика должна заниматься концептуальным анализом в попытке лучше понять сложность вызовов, с которыми человечество сталкивается сегодня. Они считают, что философы не должны переходить к нормативным рекомендациям, выполняя задачи практической биоэтики [9–10]. Так, известный финский исследователь в области философской биоэтики Т. Такала не разделяет распространенный акцент современной биоэтики на практичности и пишет, что «из-за общественного спроса, пожеланий финансирующих организаций, стремление сделать что-то важное большинство ученых в этой области стремятся повлиять на законодательство и нормативные акты» [11]. Тогда как К.С. Уорхэм видит ее компетенцию в том числе и в нормативной функции, настаивая на том, что она может выполнять и прикладные задачи [12]. Также есть ученые, подчеркивающие жизненную необходимость тесной связи философской биоэтики с эмпирическим уровнем, поскольку именно эти знания направляют теорию, помогая ей быть адекватной вызовам современности [13].

История становления героэтики. Мыслители на протяжении тысячелетий исследовали этические аспекты смыслов и переживаний, связанных со старением (определение смысла жизненного пути, осмысление течения жиз-

ни и многообразия траекторий старения, попытка преодоления моральных противоречий между поколениями, поиск мудрости, важность заботы о пожилых людях и поиск путей продуктивного их вовлечения в жизнь общества, осмысление ограничений и возможностей для достижения благополучия на позднем жизненном этапе), но системно этическим аспектам позднего периода жизни уделялось относительно мало внимания. Можно назвать лишь несколько классических трудов, где обсуждаются этические дилеммы позднего возраста: «De Senectute» Цицерона (44 г. до н.э.), «О продолжительности жизни» М. Монтеня (1580), «Старость» С. де Бовуар (1970), «Собственные судьбы: философия этического индивидуализма» Д.Л. Нортон (1976).

Возможно, одна из причин того, что философия избегала исследования феномена старости, еще и в том, что этот период всегда был слишком коротким (доля пожилых людей в обществе была минимальной, а смертность во всех возрастах высокой). Как заметил М. Монтень: «Смерть от старости является редкой, уникальной, выходящей за рамки обычного порядка, поэтому менее естественной, чем другие...» [14. Р. 106]. Один из ярких представителей современной философии старости голландский мыслитель Я. Баарс замечает: «Поэтому во многих отношениях смерть была гораздо ближе людям всех возрастов» [14. Р. 106]. Но с последней трети XX в. ситуация радикально изменилась – началось массовое старение населения (длительность пожилого возраста выросла до нескольких десятилетий при повышении уровня функционального здоровья). В результате происходило переосмысление феномена старости, который начал восприниматься, в первую очередь, не столько как момент встречи со смертью, сколько как завершающий длительный жизненный период. Наши ценности, ожидания, установки, стереотипы о старости и старении, неизбежно следуя за «текучей реальностью» (З. Бауман), трансформировались. Причин тому было несколько: беспрецедентное увеличение доли пожилых людей в составе населения; наступление эпохи постмодерна; необходимость развития биомедицинской этики вслед за появлением биотехнологий и этических дилемм, порождаемых ими; формирование гуманистической и критической версий геронтологии; публикация книги Д. Роллза «Теория справедливости»; необходимость артикулирования основ адекватной государственной социальной политики в отношении пожилых людей, а также требование формирования эффективной экономической политики в условиях уменьшения доли работающего населения; политические, академические и общественные дебаты по острым этическим вопросам стремительно седеющего общества. Появилась необходимость всеохватывающего постижения этого нового периода массового долголетия.

Активный интерес к вопросам, формирующим область героэтики, начал проявляться с 1970-х гг. Одними из первых были гуманитарии и представители социальных интерпретирующих наук, они попробовали исследовать темы, связанные со старением, чем привнесли знания и вопросы, имеющие отношение к этике старения. Основы, во многом сформировавшие содержание и границы этой области, были заложены в рамках развития областей гуманистической геронтологии (области знания, направленной на постижение представлений о старении, его смысле и ценностях посредством изучения социальных, культурных, религиозных практик, текстов, изображений, фильмов, устных рассказов) и критической геронтологии (постмодернистского соци-

ально-гуманитарного направления мысли, исследующего недостатки политической власти, эйджизм, приводящие к искусственно формируемым структурным ограничениям и источникам исключения пожилых людей), появление которых было попыткой расширения границ изучения процесса старения позитивистски ориентированной геронтологией, патологизировавшей старение [15]. В этих работах подчеркивалось, что отношение к пожилым людям варьируется в зависимости от различных систем ценностей и социальных структур, что этическое измерение старости является продуктивным ключом к его пониманию.

Еще одним важным источником формирования геронтики стала философия. Ранее академическую философию обвиняли в том, что она не имеет отношения к актуальным проблемам современности, но вышеупомянутые причины трансформации понимания старения способствовали появлению широкого поля философских исследований старения (онтологии и эпистемологии старения, этики старения, феноменологического постижения феномена старения, философии языка, изучающей дилеммы философской биоэтики, антропологии старения, политической философии старения, философии сознания, философии биологии, философии науки и других философских направлений изучения позднего этапа жизни) [16–20]. Были предприняты попытки создания антологий по философии старения, обращающихся к размышлениям классиков в попытках интерпретации этого сложного феномена, включая и его этическое измерение [16, 21]. Также были созданы антологии философской мысли, раскрывающие палитру взглядов современных философов на старение [22–25]. В 2022 г. вышел в свет «Кэмбриджский справочник по этике старения», демонстрируя собой попытку известных философов в области этики внести свой вклад в дискуссию о природе и последствиях старения для благополучия людей общества. В новом тысячелетии появилось несколько философских трудов, содержательно разрабатывающих теорию старения, включая и его этические дилеммы: «Длинная жизнь» Х. Смолл (2007), «Старение и искусство жизни» Я. Баарса (2012) [14], «Поздняя жизнь с любовью: этика старения» Ф. де Ланга (2015), «Взрослая жизнь: старение, ответственность и стремление к счастью» Д. Рассона (2020).

Еще одним из продуктивных источников формирования этики старения явилась попытка углубления существующего взгляда на проблемы позднего этапа посредством развития философской перспективы в биоэтике. Так, 1960–1970-е гг. были отмечены значительными достижениями в области биомедицинских технологий (разработка аппарата искусственной вентиляции легких для обеспечения искусственного дыхания; разработка первой трансплантации трупной почки; развитие гемодиализа; рождение первого ребенка с помощью технологии ЭКО и др.), которые породили острые моральные вопросы и вызвали бурную реакцию общественности. Было осознано, что цели здравоохранения могут показаться понятными (поддержание здоровья, уважения, автономии и борьба со страданием, болезнями, смертью), но в эпоху открытия биотехнологий достижение понятных ценностей требовало уточнения их понимания: биоэтика возникла в результате необходимости принимать трудные решения, с которыми приходилось сталкиваться медицине. Этика и искусство логической аргументации были задействованы при

поиске правильных решений и формулировании этических принципов, кодексов поведения. Философы играли важную роль в разработке аналитических рамок и концепций биоэтики (например, принципа автономии, концепции равновесия и т.д.). Дискуссии, раскрывающие суть этических дилемм в биоэтике, заняли важное место в культуре, возросла роль этики в общественном обсуждении и формировании политики [20, 24, 26–28].

В настоящее время развитием идей, формирующих область геронтологии, занимаются такие философы, как Я. Баарс (J. Baars), К. Боццаро (C. Bozzaro), С. Бреннан (S. Brennan), У. Вольф (U. Wolf), Д.-С. Гордон (J.-S. Gordon), Д. Джеске (D. Jeske), Д.К. Дэвис (J.K. Davis), С.Х. Клаузен (S.H. Klausen), Д. Макмахан (J. McMahan), Т. Мец (T. Metz), К. Оверол (C. Overall), Т. Рентш (T. Rentsch), Д. Савулеску (J. Savulescu), Л.У. Самнер (L.W. Sumner), Д. Скарп (G. Scarre), Т. Такала (T. Takala), К.С. Уорхэм (C.S. Wareham), М. Хайри (M. Hayry), Р. Халибертон (R. Haliburton), С.К. Хеллстен (S.K. Hellsten), Д. Холлидей (D. Halliday), С. Холм (S. Holm), М. Шведа (M. Schweda), Х.-Й. Эхни.

Результаты работы по изучению этических аспектов процесса старения, моральных дилемм стареющего общества, философское освоение геронтологических проблем в биоэтике, роль философии в государственной политике и биоэтике при исследовании проблем позднего возраста размещаются в ведущих зарубежных геронтологических, медицинских, философских журналах, а также в изданиях, специализирующихся на исследованиях проблем философской биоэтики, например, таких как «Bioethics» (издательство Wiley-Blackwell), «Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics» (издательство Кембриджского университета), «Kennedy Institute of Ethics Journal» (издательство Университета Джонса Хопкинса), «Journal of Medicine and Philosophy», «Philosophical Papers», «The American Journal of Bioethics» (издательство Taylor & Francis), «Journal History and Philosophy of the Life Sciences», «Medicine, Health Care and Philosophy» (издательство Springer), «Journal of Medical Ethics» (издательство BMJ), «The Gerontologist» (издательство Оксфордского университета).

Этика старения, возникшая как область междисциплинарных интересов нескольких областей знания, выполняет крайне важные задачи:

1) помогает осознать важные моральные дилеммы современности и проводить концептуальный анализ, позволяющий по-новому взглянуть на проблемы в поисках их приемлемого и обоснованного решения;

2) она может не дать ответа на вопрос, что правильно / неправильно делать в данных обстоятельствах, но предоставляет инструменты для следующего этапа работы, который включает в себя сбор аргументов «за» и «против» какого-либо действия, практики или политики, подготавливая основу для содержательного шага – определения правильных действий;

3) ее выводы имеют возможность определять наши ценности, социальные практики, политику, будущее.

Философские дискуссии о природе старения продолжают не одно тысячелетие, но в современной среде они приобретают новое значение, учитывая быстро меняющуюся демографическую структуру современного общества. Крайне важно осознать, что в условиях быстро стареющего общества стабильность его развития во многом может быть обеспечена высоким каче-

ством жизни пожилых людей, что гармонизирующе скажется на степени и продолжительности их социальной активности, включенности в социальную жизнь, продлит этап здорового долголетия – все вышеперечисленное может являться результатом полноценного знания о старении, важной частью которого является героэтика.

Философские исследования старения все более необходимы в нашем переходном экономически, политически, культурно изменяющемся мире, чтобы прояснять наши идеи и формировать актуальную геронтологическую теорию для нашего благополучного будущего.

Список источников

1. Larue G.A. Geroethics: A New Vision of Growing Old in America. Prometheus, 1992. 267 p.
2. Binstock R.H., Achenbaum W.A. Focusing on Geroethics // *The Gerontologist*, 1993. Vol. 33. P. 135–137.
3. McCullough L. Geroethics // *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective* / ed. by G. Khushf. Springer, 2004. P. 507–524.
4. Ehni H.-J. et al. Toward a global geroethics – gerontology and the theory of the good human life // *Bioethics*. 2018. Vol. 32, № 4. P. 261–268.
5. MacIntyre A.C. *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame, Ind. : University of Notre Dame Press, 1981. 252 p.
6. Wolf U. *Die Philosophie und die Frage nach dem guten Leben*. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1999. 215 p.
7. Jeske D. Aging, getting older, and the good life // *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging* / ed. by G. Scarre. New York : Springer, 2016. P. 327–346.
8. Wareham C.S. What is the ethics of ageing // *Medical Ethics*. 2018. Vol. 44. P. 128–132.
9. Hayry M. What do you think of philosophical bioethics // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2015. Vol. 24, № 2. P. 139–148.
10. Blumenthal-Barby J. et al. The Place of Philosophy in Bioethics Today // *The American Journal of Bioethics*. 2021. Vol. 22, № 12. P. 10–21.
11. Takala T. Get to the point! Philosophical bioethics and the struggle to remain relevant // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2015. Vol. 24. P. 149–153.
12. Wareham C.S. Substantial life extension and the fair distribution of healthspans // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2016. Vol. 41. P. 521–539.
13. Alvarez A.A. How rational should bioethics be? The value of empirical approaches // *Bioethics*. 2001. Vol. 13, № 5/6. P. 501–519.
14. Baars J. *Aging and the art of living*. Baltimore : Johns Hopkins Press, 2012. 304 p.
15. Пашина Л.А. Геронтологическая мысль в эпоху постмодерна // *Вестник Вятского государственного университета*. 2024. № 3. (в печати).
16. McKee P. *Philosophical foundations of gerontology*. Human Sciences Press, 1982. 352 p.
17. *Ethics in an aging society* / ed. H.R. Moody. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1992. 288 p.
18. *Ethics and ageing: the right to live, the right to die* / eds. J.E. Thornton, E.R. Winkler. UBC Press, 1988. 270 p.
19. Holstein M.B. et al. *Ethics, Aging and society: the critical turn*. Springer, 2010. 320 p.
20. MacDougall R.D. *Righting health policy: bioethics, political philosophy, and the normative justification of health law and policy*. Lexington Books, 2023. 254 p.
21. Cole T.R., Winkler M.C. *The Oxford book of aging. Reflections on the journey of life*. Oxford University Press, 1994. 432 p.
22. *Aging and ethics: philosophical problems in gerontology* / ed. N.S. Jecker. Humana Press, 1991. 405 p.
23. *The Palgrave handbook of the philosophy of aging* / ed. G. Scarre. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2016. 568 p.
24. *Ethics at the End of Life: New Issues and Arguments* / ed. J. Davis. Routledge, 2016. 262 p.
25. *Aging and Human Nature Perspectives from Philosophical, Theological, and Historical Anthropology* / eds. M. Schweda et al. Springer, 2020. 298 p.

26. *Philosophical Perspectives on Bioethics* / eds. J. Boyle, L. Sumner. University of Toronto Press, 1996. 308 p.
27. *Philosophy of Medicine and Bioethics. A Twenty-Year Retrospective and Critical Appraisal* / eds. R.A. Carson, C.R. Burns. Springer, 1997. 350 p.
28. *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective* / ed. G. Khushf. Springer, 2004. 586 p.

References

1. Larue, G.A. (1992) *Geroethics: A New Vision of Growing Old in America*. Prometheus.
2. Binstock, R.H. & Achenbaum, W.A. (1993) Focusing on Geroethics. *The Gerontologist*. 33. pp. 135–137.
3. McCullough, L. (2004) Geroethics. In: Khushf, G. (ed.) *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective*. Springer. pp. 507–524.
4. Ehni, H.-J. et al. (2018) Toward a global geroethics – gerontology and the theory of the good human life. *Bioethics*. 32(4). pp. 261–268.
5. MacIntyre, A.C. (1981) *After virtue: a study in moral theory*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
6. Wolf, U. (1999) *Die Philosophie und die Frage nach dem guten Leben*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
7. Jeske, D. (2016) Aging, getting older, and the good life. In: Scarre, G. (ed.) *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. New York: Springer. pp. 327–346.
8. Wareham, C.S. (2018) What is the ethics of ageing. *Medical Ethics*. 44. pp. 128–132.
9. Hayry, M. (2015) What do you think of philosophical bioethics. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 24(2). pp. 139–148.
10. Blumenthal-Barby, J. et al. (2021) The Place of Philosophy in Bioethics Today. *The American Journal of Bioethics*. 22(12). pp. 10–21.
11. Takala, T. (2015) Get to the point! Philosophical bioethics and the struggle to remain relevant. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 24. pp. 149–153.
12. Wareham, C.S. (2016) Substantial life extension and the fair distribution of healthspans. *The Journal of Medicine and Philosophy*. 41. pp. 521–539.
13. Alvarez, A.A. (2001) How rational should bioethics be? The value of empirical approaches. *Bioethics*. 13(5/6). pp. 501–519.
14. Baars, J. (2012) *Aging and the Art of Living*. Baltimore: Johns Hopkins Press.
15. Pashina, L.A. (2024) Gerontologicheskaya mysl' v epokhu postmoderna [Gerontological thought in the postmodern era]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. (In print).
16. McKee, P. (1982) *Philosophical foundations of gerontology*. Human Sciences Press.
17. Moody, H.R. (ed.) (1992) *Ethics in an aging society*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
18. Thornton, J.E. & Winkler, E.R. (eds) (1988) *Ethics and Ageing: The Right to Live, the Right to Die*. UBC Press.
19. Holstein, M.B. et al. (2010) *Ethics, Aging and Society: The Critical Turn*. Springer.
20. MacDougall, R.D. (2023) *Righting Health Policy: Bioethics, Political Philosophy, and the Normative Justification of Health Law and Policy*. Lexington Books.
21. Cole, T.R. & Winkler, M.C. (1994) *The Oxford Book of Aging. Reflections on the Journey of Life*. Oxford University Press.
22. Jecker, N.S. (ed.) (1991) *Aging and Ethics: Philosophical Problems in Gerontology*. Humana Press.
23. Scarre, G. (ed.) (2016) *The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
24. Davis, J. (ed.) (2016) *Ethics at the End of Life: New Issues and Arguments*. Routledge.
25. Schweda, M. et al. (eds.) (2020) *Aging and Human Nature Perspectives from Philosophical, Theological, and Historical Anthropology*. Springer.
26. Boyle, J. & Sumner, L. (eds.) (1996) *Philosophical Perspectives on Bioethics*. University of Toronto Press.
27. Carson, R.A. & Burns, C.R. (eds.) (1997) *Philosophy of Medicine and Bioethics. A Twenty-Year Retrospective and Critical Appraisal*. Springer.
28. Khushf, G. (ed.) (2004) *Handbook of Bioethics: Taking Stock of the Field from a Philosophical Perspective*. Springer.

Сведения об авторах:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Пашина Л.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: lapash@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nayman E.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

Pashina L.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Pedagogical Education, Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lapash@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 21.10.2024*

*The article was submitted 14.06.2024;
approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 1(141)

doi: 10.17223/1998863X/81/12

ФИЛОСОФИЯ НАКАЗАНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ КОМПРОМИССНЫХ ТЕОРИЙ

Виталий Васильевич Оглеzneв¹, Виктор Геннадьевич Бондарев²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия;*

¹ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ogleznev82@mail.ru*

² *Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал,
Санкт-Петербург, Россия, vicbondarev@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются природа и структура компромиссных (смешанных, гибридных) теорий обоснования наказания. Показано, на каких именно элементах ретрибутивизма и консеквенциализма они основаны, а также их достоинства и недостатки. В качестве примера рассматриваются три компромиссные теории, получившие наибольшее распространение в современной философии наказания.

Ключевые слова: наказание, преступление, утилитаризм, ретрибутивизм, консеквенциализм

Для цитирования: Оглеzneв В.В., Бондарев В.Г. Философия наказания: потенциал компромиссных теорий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 129–139. doi: 10.17223/1998863X/81/12

Original article

PHILOSOPHY OF PUNISHMENT: THE CAPACITY OF COMPROMISE THEORIES

Vitaly V. Ogleznev¹, Victor G. Bondarev²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;*

¹ *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ogleznev82@mail.ru*

² *North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg,
Russian Federation, vicbondarev@mail.ru*

Abstract. The article presents the study of the nature and structure of compromise (mixed or hybrid) theories of punishment justification. It explores the foundational elements of retributivism and consequentialism upon which these theories are based, as well as their respective advantages and disadvantages. Despite their varying forms, compromise theories share two essential components: the “general justifying aim” of punishment (e.g., crime prevention, reform, retribution, etc.) and restrictive means (e.g., prohibiting the punishment of the innocent, preventing excessive punishment of the guilty). These elements serve as the basis for differentiating between these theories and must be present in all such theories, functioning as their unifying feature. While the content of these components may differ, their presence in these theories is necessary. The article examines three prominent compromise theories in modern philosophy of punishment: (1) H.L.A. Hart’s Two-Element Theory of Punishment. Hart was the first to attempt to reconcile consequentialism and retributivism. He argued that the focus should not be on how punishment is defined (as retribution or as crime

prevention), but rather on how the concept is used to answer key questions such as the “general justifying aim” of punishment, the reasons for punishing someone, and the distribution of punishment (e.g., who can be punished and how severely). (2) Robert Nozick’s Correct-Values Retributivism. Nozick’s understanding of punishment is rooted in the idea that by committing a crime, the offender deviates from the pursuit of “correct values”. Punishment, therefore, is aimed at returning the offender to this moral path. (3) Antony Duff’s Liberal-Community Retributivism. Duff’s approach is based on a modified version of the general retributivist principle, positing that punishment serves to express the deserved condemnation of the offender while also promoting their repentance, reform, and reconciliation with the victims. However, many contemporary punishment theorists are increasingly moving away from mixed theories in favor of either retributivism or consequentialism. This shift is not so much due to the inability of compromise theories to provide convincing answers, but rather because the separate consideration of punishment justification and the restrictive means of its implementation (the two elements of Hart’s theory) does not necessarily require a hybrid understanding of punishment.

Keywords: punishment, crime, utilitarianism, retributivism, consequentialism

For citation: Ogleznev, V.V. & Bondarev, V.G. (2024) Philosophy of punishment: the capacity of compromise theories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 129–139. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/12

В философии права часто можно встретить мнение, что наказание – это социальное последствие преступления или же социальная реакция на его совершение. Эта позиция имеет серьезное онтологическое обоснование, с одной стороны, она основана на древнем правовом принципе *Nulla poena sine lege*, согласно которому никто не может быть наказан за проступок, не запрещенный законом, т.е. не считающийся преступлением в момент его совершения. Из чего обычно делается вывод, что уголовные законы не имеют обратной силы. С другой стороны, связь наказания и преступления объясняется тем, что преступление представляет собой нарушение нормального хода вещей, и потому в наказании злодеяний нет ничего противоестественного. Напротив, наказание преступников (неотвратимость наказания) есть в некотором смысле воплощение социальной справедливости. Если применить разработанные поведенческой психологией подходы к определению уголовного наказания (операциональный и функциональный [1]), то получится, что наказание следует понимать либо как особую последовательность действий, выступающих реакцией на определенное поведение и приводящих к определенным последствиям, либо с точки зрения влияния наказания на социальную стабильность.

Из этих двух подходов именно функциональный получил широкое распространение в философии права. «Камнем преткновения», который, собственно, и спровоцировал дискуссии, стал вопрос оправдания наказания, т.е. почему мы вообще кого-то наказываем. Если отношение к наказанию как инструменту социального контроля сегодня не встречает особых возражений, то вот его обоснование – как возмездия, лишения определенных гражданских прав, предотвращения преступлений, исправления, искупления или же всего вместе – до сих пор активно обсуждается [2. Р. 15]. Такое положение дел характерно не только для зарубежной юридической науки, но и для российской правовой теории и практики. Отчасти это связано с тем, что в истории правовой мысли долгое время господствовали две теории наказания: кантианство и утилитаризм или их современные версии ретрибутивизм и консеквенциализм

[3]. Они основывались не просто на разных, но во многом противоположных обоснованиях наказания. Для их «примирения» были разработаны теории, которые хотя и назывались по-разному: «компромиссные», «смешанные», «гибридные», но обладали определенным «семейным сходством» [4. Р. 163]. Но прежде чем перейти к их описанию, следует сначала кратко рассмотреть, в чем именно заключался спор между консеквенциализмом и ретрибутивизмом.

Согласно консеквенциализму, особенно в его утилитаристской версии, наказание есть *prima facie* зло, ибо оно делает людей в высшей степени несчастными (Бентам). Но наказание можно оправдать тем, что его осуществление имеет благие последствия, которые превосходят плохие. Есть несколько причин, почему наказание преступников полезно обществу. Во-первых, оно помогает *предотвратить* преступления или хотя бы уменьшить их количество. Во-вторых, хорошо продуманная система наказаний может способствовать *исправлению* преступника. Это значит, что наказание оправдывается тем, что большинство членов общества, находясь в безопасности, становятся счастливее. Утилитаризм трактует наказание как «стоимостное выражение поведения» [5. Р. 3], выражаясь словами Дж. Ролза. В том смысле, что уголовное законодательство намеренно устанавливает достаточно высокую «стоимость» отдельных видов антисоциального поведения, рассчитывая на то, что многих это сможет остановить. Те, кто все же идет на преступление, демонстрируя тем самым свою готовность платить полную «стоимость», должны быть наказаны в назидание другим, или, как говорил О.У. Холмс, чтобы показать, что «закон держит свои обещания» [6. Р. 806]. Конечно, такая система наказания, как инструмент предотвращения преступлений, несовершенна, но ее положительным моментом является предоставление потенциальному преступнику *выбора* – либо быть наказанным, либо воздержаться от противоправных действий. И в этом позиция утилитаризма кажется простой и убедительной. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что признание поведения преступным и потому заслуживающим наказания является необходимым условием предотвращения нарушения прав других [7. С. 160–161]. В итоге предотвращение преступного поведения оказывается отличным оправданием наказания и с утилитаристской точки зрения делает наказание насущным государственным интересом. Этот тезис выглядит совершенно неоспоримым. Но так ли это? Консеквенциализму в известном смысле противостоит ретрибутивизм.

Ретрибутивистский подход к наказанию исходит из того, что наказание как возмездие преступнику за его злодеяния вполне оправдано (Кант). Требование такого наказания основано на уважении к закону (а не просто на уважении к самому себе), на убеждении, что единственная морально приемлемая реакция на нарушение закона должна выражаться в терминах теории, основанной на *справедливости* или уважении к *правам* как высшим ценностям. Такой подход стремился оправдать наказание не с точки зрения социальной полезности, а с точки зрения таких моральных понятий, как права, заслуги, моральная ответственность и справедливость (версии этой теории отличаются тем, что выводится на первый план). Поэтому ретрибутивизм интересует не социально полезное наказание, но *справедливое* наказание, наказание, которого преступник *заслужил*, наказание, которое общество имеет *право* на

него возложить, и наказание, которое преступник заслуживает по *праву* [7. С. 163]. Иными словами, тот, кто совершил преступление, заслуживает определенных страданий и ограничений, т.е. наказания. В этом и заключается справедливость. Но что означает утверждение, что человек заслуживает определенного страдания в виде наказания? Для юридического наказания моральное объяснение кажется совсем неподходящим. По-видимому, оно должно оправдываться заинтересованностью государства в том, что преступники «получат по заслугам». Гарантия этого и есть основная ретрибутивистская цель юридического наказания.

Многие на основе консеквенциализма и ретрибутивизма пытались создать теории, которые сохраняли бы их достоинства, но избегали бы собственных им недостатков, таких как наказание невиновных (проблема консеквенциализма) или причинение большего количества страданий, сверх того, что преступник заслуживает (проблема ретрибутивизма) [8. Р. 195]. Мотивация вполне понятна: идея, что наказание должно иметь благие последствия, например, влиять на снижение уровня преступности, несомненно, кажется привлекательной, в то время как идея, что наказание невиновных оправдано только тогда, когда счастье перевешивает несчастье, – неправильной. Таким образом, предупреждение преступлений кажется наиболее подходящей основной оправдывающей целью наказания, в то время как возмездие (даже в самой утонченной версии) – лишь второстепенной. Ясно, что у этих теорий есть свои плюсы и минусы, но как объединить то, что, по сути, представлено противоположными позициями, и при этом получить оптимальный результат? И можно ли вообще достичь компромисса между несовместимыми подходами?

Теорий, пытающихся объединить разные элементы консеквенциализма и ретрибутивизма в единое целое, в современной философско-правовой литературе достаточно много. Но среди них можно выделить по меньшей мере три теории, которые, конечно же, не исчерпывают всего многообразия, но являются в некотором смысле определяющими.

1. Двухэлементная теория наказания Г.Л.А. Харта, или теория «неделимого дуализма» [9. Р. 307], как ее метко назвал Д. Вуд.

Г.Л.А. Харт был одним из первых, кто попытался примирить консеквенциализм и ретрибутивизм, предложив в статье «Prolegomenon to the Principles of Punishment» [10], которая, по замечанию Э. Оноре, является самой важной его работой по вопросам уголовной юстиции [11. Р. 310], «смешанную» теорию наказания [12. С. 171]. Он полагал, что вопрос определения наказания, который являлся предметом казалось бы неразрешимого спора, не может и не должен считаться единственно заслуживающим внимания. Ведь дело не в том, как мы определяем наказание (как возмездие или как предотвращение зла), но в том, как это понятие используется для ответа на такие вопросы, как какова «общая оправдывающая цель» наказания [10. Р. 8], почему мы вообще кого-то наказываем и каков механизм наказания (кто может быть наказан? насколько сурово?) [10. Р. 3]. Ввиду специфики этого социального института мы не можем ограничиваться лишь каким-то одним вопросом, игнорируя остальные. Иначе как, например, оценить необходимость его корректировки.

То есть следует различать, по меньшей мере, три вопроса, касающихся оправдания наказания. Во-первых, как убедительным образом объяснить су-

ществование наказания: достижению какого блага оно может способствовать, почему оно обязательно, какое требование морали оно способно удовлетворить? (это и есть то, что Харт называл «общей оправдывающей целью» наказания). Во-вторых, кого следует наказывать: на основании каких принципов или согласно каким целям наказание должно распределяться между людьми? В-третьих, как установить соразмерность наказания: как судьям и другим правоприменителям это сделать? (с одной стороны, вопрос касается суровости или размера наказания, а с другой – доступных способов осуществления наказания). Кажется, что ответить на все эти вопросы можно с позиций какого-то одного подхода – например, на основании общего консеквенциалистского принципа благих последствий или же на основании ретрибутивистского принципа, что единственной целью наказания является заслуженное обременение виновных. Но не все так просто: вполне может случиться, что разным аспектам наказания будут соответствовать разные и даже противоположные блага, поэтому любая претендующая на полноту нормативная теория наказания должна это как-то объяснить [13].

Для прояснения понятия наказания Харт, будучи аналитическим философом и сторонником лингвистического анализа, обращается к понятию собственности, которое, по его мнению, обладает сходными эпистемологическими характеристиками. Действительно, у этих понятий много общего. Как и в случае с наказанием, чтобы определить понятие *собственности*, не надо обращаться ни к способам, которыми *право собственности* приобретается, ни к вопросам ценности самого *института собственности*, ни к тому, сколько и какой собственности людям разрешено приобретать [10. Р. 3–4]. Вот почему такие вещи, как общая оправдывающая цель наказания, его распределение и суровость, следует рассматривать отдельно от определения понятия наказания. Харт, соглашаясь с утилитаристским оправданием наказания и ретрибутивистской позицией в вопросе его распределения, формулирует свою компромиссную теорию следующим образом: «Нелепого противостояния утилитаристов и их оппонентов можно было бы избежать, если допустить, что нет ничего непоследовательного в том, чтобы придерживаться *одновременно* и того, что общей оправдывающей целью наказания являются его благие последствия, и того, что достижение этой цели должно сопровождаться или ограничиваться принципами распределения, предусматривающими наказание только тех, кто совершил преступление. И наоборот, из признания принципа избирательного возмездия отнюдь не следует, что общей оправдывающей целью наказания является возмездие» [10. Р. 9].

Суть подхода Харта можно, таким образом, свести к двум теоретическим положениям:

1) общая оправдывающая цель наказания является *утилитаристской* – предотвращение преступлений или сокращение их количества;

2) при достижении этой цели должны соблюдаться *ретрибутивистские* требования и принципы, согласно которым наказанию подлежат только преступники («избирательное возмездие»), и только лишь в том случае, если у них был выбор – соблюдать законы или нет [14. С. 243].

Отсюда становится понятной социальная причина наказания – снизить количество преступлений и обеспечить безопасность жизнедеятельности членов общества. А также то, каким образом осуществлять наказание в кон-

кретных случаях, – на основании ретрибутивистского принципа возмездия (соразмерности и «воздаяния по заслугам»). Разделяя общую утилитаристскую позицию, что целью наказания является предупреждение преступлений, Харт все же не соглашается с таким консеквенциалистским требованием, что наказание способствует исправлению. Ведь исправление лишь предполагается наказанием. Кроме того, оно не может рассматриваться и в качестве общей оправдывающей цели, потому что иначе оно подменило бы собой принципы справедливости и соразмерности при определении размера наказания, что явно противоречило бы его моральному аспекту [10. Р. 24–25]. Вот почему благие последствия Харт считал вполне убедительным аргументом в пользу «общей оправдывающей цели» наказания, достижение которой должно обеспечиваться (или ограничиваться) неконсеквенциалистскими принципами, исключающими любую несправедливость, предполагаемую чисто консеквенциалистским подходом: принципы, запрещающие намеренное наказание невиновных или слишком суровое наказание виновных.

Теорию наказания Харта потому часто называют «теорией двух отдельных вопросов» [15. Р. 86; 16. Р. 82], что при оправдании наказания он предлагает учитывать как оправдание самого института, так и отдельные его акты. На первый вопрос отвечает утилитаризм, объясняющий социальную необходимость института наказания, а на второй – ретрибутивизм, объясняющий, почему наказываться должны только нарушители законов. Наказание, таким образом, оправдывается с позиций двух моральных теорий, которые применяются к двум разным его аспектам и поэтому не пересекаются и не противостоят друг другу [16. Р. 73–74].

В литературе можно встретить мнение [4. Р. 166], что исторически первой смешанной, или гибридной теорией наказания является теория Дж. Ролза, изложенная в его статье «Two Concepts of Rules» [5] (т.е. за пять лет до Харта). Здесь он дает следующее определение наказанию: «...человек считается наказанным, если его законным образом лишили определенных гражданских прав за нарушение положений закона; это нарушение было доказано в ходе судебного разбирательства уполномоченным государственным органом на основании правовых норм, четко определяющих как правонарушение, так и полагающееся наказание, и действовавших на момент совершения правонарушения» [5. Р. 10]. Но, как верно отмечает З. Хоскинс, теория Ролза на самом деле не является гибридной. Вернее, она представляет собой версию «утилитаризма правил», согласно которой наказание может быть оправдано по утилитаристским соображениям и при этом осуществляться в соответствии с ретрибутивистскими запретами наказания невиновных или несоразмерного наказания виновных [17. Р. 46]. Схожего мнения придерживаются Дж. Мёрфи и Дж. Коулман, которые под ролзовским «утилитаризмом правил» понимают «точку зрения, что действия должны регулироваться правилами и что принцип полезности следует использовать для выбора подходящих правил» [7. С. 100]. По мнению самого Ролза, правило (институт наказания, содержащий ретрибутивистские ограничения) оправдано в той мере, в какой оно приносит больше общей пользы, чем имеющиеся альтернативы, а конкретные действия (применение наказания в соответствии с ретрибутивистскими ограничениями) оправданы в той мере, в какой они соответствуют этому правилу.

Так или иначе благодаря Ролзу–Харту компромиссные теории стали настолько популярны, что создалось впечатление, что проблема наказания наконец-то решена [16. Р. 73]. Независимо от своих версий эти теории стали рассматриваться как состоящие из двух элементов: «общая оправдывающая цель» наказания (предотвращение преступлений, исправление, возмездие и т.д.) и ограничительные средства (запрет наказания невиновных, слишком суровое наказание виновных и т.д.), которые могут использоваться в качестве основания для дифференциации этих теорий. Мы также исходим из допущения, что эти два элемента необходимо присутствуют во всех подобного рода теориях и выступают их объединяющей чертой. Они могут отличаться содержанием, но их наличие обязательно. Например, вполне можно придерживаться, в отличие от Харта, ретрибутивистского оправдания наказания (требования возмездия), ограниченного консеквенциалистскими соображениями (например, тем, что наказание не должно повышать уровень преступности или препятствовать исправлению преступника) или же неконсеквенциалистскими (деонтологическими) соображениями, такими как права человека или его уважение как личности [17. Р. 39]. Рассмотрим кратко еще две компромиссные теории, которые не просто подпадают под приведенное описание, но также получили определенное признание и развитие.

2. «Ретрибутивизм с правильными ценностями» Р. Нозика.

Теория наказания Р. Нозика является весьма оригинальной версией ретрибутивизма, согласно которой наказание представляет собой особый коммуникативный акт, цель которого «показать», прежде всего, преступнику противоправный характер его действий: «Самым убедительным способом показать преступнику, что он совершил нечто плохое в отношении других, – это сделать то же самое с ним» [18. Р. 371]. И тогда ни он, ни другие члены общества впредь совершать противоправных действий не будут. Такое понимание ретрибутивистского наказания основано на идее, что, совершая злодеяние, преступник как бы уклоняется от преследования «правильных ценностей» (correct values), и поэтому задача наказания – вернуть его на этот путь. В этом, по мнению Нозика, и есть суть наказания [18. Р. 374]. Будучи коммуникативным актом, наказание обладает следующей структурой: лицо, осуществляющее наказание (тот, кто наказывает), лицо, подвергающееся наказанию (тот, кого наказывают), и правильные ценности, отступление от которых (например, умышленное лишение жизни другого человека) не просто приводит к наказанию, но которые выступают цементирующим основанием этого акта. То есть акт наказания связан с ценностями двояким образом: во-первых, через связь правильных ценностей и наказываемого лица и, во-вторых, через связь правильных ценностей и того, кто наказывает, когда его действия выступают средством их реализации [18. Р. 378].

Однако здесь неизбежно возникают вопросы. Допустим, преступник был осужден на двадцать лет лишения свободы. Согласно коммуникативной теории наказания Нозика, сам этот срок должен как-то ему «сообщить» («доставить сообщение»), что он отошел от правильных ценностей, а наказание – его образумить и вернуть на «путь истинный». Но каким образом подтвердить это «возвращение», если эти ценности, по словам самого Нозика, не обладают «каузальной силой» [18. Р. 375]? Тогда что же они собой представляют? С одной стороны, они, безусловно, должны быть общечеловеческими ценно-

стями, соблюдение или уважение которых не должно вызывать сомнений. Но, с другой стороны, они могут оказаться зависимыми от социально-политической целесообразности и колебаний социального настроения. В том смысле, что такой «перечень» правильных ценностей не будет свободным от конъюнктурных влияний, а значит, будет подвержен корректировке. И вполне возможно (по крайней мере теоретически), что появятся такие ценности, которые поставят под сомнение моральную благопристойность системы наказания и окажутся инструментом сведения личных счетов [4. Р. 184].

3. Либерально-коммуникативный ретрибутивизм Э. Даффа.

Эта разновидность коммуникативной теории наказания была изложена Э. Даффом в монографии «Punishment, Communication, and Community». Его подход основан на модифицированной версии общего ретрибутивистского принципа, что через наказание осуществляется заслуженное осуждение преступника, достигается его раскаяние, исправление и примирение с тем, кому он причинил зло [19. Р. xvii]. Отсюда Дафф делает вывод, что наказание, будучи коммуникативным актом, может быть оправдано тем, что оно одновременно устремлено как в прошлое, т.е. на совершенное преступление, за которое полагается осуждение (чего требует ретрибутивизм), так и в будущее, т.е. на достижение некоего будущего блага (чего требует консеквенциализм) [19. Р. xix].

Важным моментом его теории является то, что проблема оправдания наказания имеет социальное измерение. Она не может и не должна рассматриваться независимо от вопроса о том, какие действия признаются обществом правильными, а какие неправильными, какие хорошими, а какие плохими. Вот почему предлагаемая коммуникативная теория не может не учитывать общественное мнение в вопросах оправдания наказания, мнение, которое основано на двух господствующих в этом обществе политических философиях – либерализм и коммунитаризм. Такое общество, по мнению Даффа, непременно должно быть «либеральным политическим сообществом, где свобода и автономия человека признаются высшими ценностями, то есть и социальными благами, которые следует поощрять и развивать, и правами, которые должны уважаться другими гражданами и государством... Но навязывание какой-то упрощенной концепции социального блага здесь будет избегаться» [19. Р. 47].

Но теория Даффа, как и теория Нозика, не избавлена от сходных недостатков. В обоих случаях утверждение о том, что наказание есть коммуникация, влечет за собой лишь то, что наказание заслужено. Это, в свою очередь, очень хорошо согласуется с таким неоспоримым общим принципом, что наказание есть «долг» преступника жертве и / или обществу. Кроме того, можно сказать, что эти теории не столько о заслуженности наказания (понимаемого как причинение страданий), сколько о заслуженности коммуникации (понимаемой как наказание), потому что наказание – это имеющий стадии коммуникативный процесс, который только и может признаваться заслуженным. Но что это значит – «признаваться заслуженным»? Быть правильным, обоснованным, соответствующим фактам или чем-то иным? Кому адресовать эти вопросы? Либеральному политическому сообществу? Ясных ответов нет. Но они нужны, чтобы знать, какие действия эта ретрибутивистская теория признает противоправными, а значит, наказуемыми.

По этим и другим причинам многие современные исследователи постепенно начали отказываться от смешанных теорий в пользу либо ретрибутивизма, либо консеквенциализма. Как сказал У. Кауфман, «уже очевидно, что громогласные заявления сторонников гибридных теорий о решении проблемы наказания оказались сильно преувеличенными» [20. Р. 38]. Действительно, сегодня все чаще можно встретить работы по философии наказания, которые посвящены анализу однородных теорий наказания, особенно ретрибутивизму [17. Р. 38]. И связано это не столько с неспособностью компромиссных теорий предложить убедительные ответы на указанные вопросы, сколько с тем, что раздельное рассмотрение оправдания наказания и ограничительных средств его осуществления (два элемента теории Харта) на самом деле не требуют принятия гибридного понимания наказания. Здесь вполне можно ограничиться ретрибутивистским или консеквенциалистским пониманием. Ведь какого бы оправдания мы ни придерживались (имплицитно или эксплицитно), само это оправдание накладывает ограничения на осуществление наказания. Например, если наказание обосновывается утилитаристской идеей предотвращения преступлений, но при этом не приводит к сокращению (или, что еще хуже, к увеличению) их количества, от него следует отказаться; если наказание обосновывается ретрибутивистской идеей «воздаяния по заслугам», то ему должны подвергаться только те, кто его заслуживает, и только соразмерно содеянному.

Список источников

1. *Holth P.* Two Definitions of Punishment // *The Behavior Analyst Today*. 2005. Vol. 6, № 1. P. 43–47.
2. *Miethe T.D., Lu H.* Punishment: A Comparative Historical Perspective. Cambridge University Press, 2004.
3. *Altman M.C.* A Theory of Legal Punishment: Deterrence, Retribution, and the Aims of the State. Abingdon : Routledge, 2021.
4. *Honderich T.* Punishment: The Supposed Justifications Revisited. London : Pluto Press, 2006.
5. *Rawls J.* Two Concepts of Rules // *Philosophical Review*. 1955. Vol. 64. P. 3–32.
6. Letter from Mr. Justice O.W. Holmes, Dec. 17, 1925 // *Holmes-Laski Letters* / ed. Mark DeWolf Howe. Vol. I. Harvard University Press, 1953.
7. *Мёрфи Дж., Коулман Дж.* Философия права: Введение в юриспруденцию / пер. с англ. В.В. Оглезнева, В.В. Целищева. М. : Канон+, 2024.
8. *Altman M.C.* In Defense of a Mixed Theory of Punishment // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / ed. M.C. Altman. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 195–220.
9. *Wood D.* Retribution, Crime Reduction, and the Justification of Punishment // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2002. Vol. 22, № 2. P. 301–321.
10. *Hart H.L.A.* The Presidential Address: Prolegomenon to the Principles of Punishment // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1960. Vol. 60, № 1. P. 1–26.
11. *Honoré A.* Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 295–321.
12. *Мусеев С.В.* Философия права. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2003.
13. *Hoskins Z., Duff A.* Legal Punishment // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / eds. E.N. Zalta, U. Nodelman. 2024 Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/legal-punishment/> (дата обращения: 12.08.2024).
14. *Оглезнев В.В.* Концептуальный анализ в философии права Герберта Харта // *Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов* / под ред. А.Б. Дидикина. М. : Проспект, 2021. С. 222–247.
15. *Frase R.* Just Sentencing: Principles and Procedures for a Workable System. Oxford University Press, 2013.
16. *Kaufman W.* Honor and Revenge: A Theory of Punishment. Dordrecht : Springer, 2013.

17. Hoskins Z. Hybrid Theories of Punishment // *The Routledge Handbook of the Philosophy and Science of Punishment* / eds. B. Waller, E. Shaw, F. Focquaert. New York : Routledge, 2021.
18. Nozik R. *Philosophical Explanations*. Harvard University Press, 1981.
19. Duff A. *Punishment, Communication, and Community*. Oxford University Press, 2001.
20. Kaufman W. The Rise and Fall of the Mixed Theory of Punishment // *International Journal of Applied Philosophy*. 2008. Vol. 22. P. 37–57.

References

1. Holth, P. (2005) Two Definitions of Punishment. *The Behavior Analyst Today*. 6(1). pp. 43–47.
2. Miethe, T.D. & Lu, H. (2004) *Punishment: A Comparative Historical Perspective*. Cambridge University Press.
3. Altman, M.C. (2021) *A Theory of Legal Punishment: Deterrence, Retribution, and the Aims of the State*. Abingdon: Routledge.
4. Honderich, T. (2006) *Punishment: The Supposed Justifications Revisited*. London: Pluto Press.
5. Rawls, J. (1955) Two Concepts of Rules. *Philosophical Review*. 64. pp. 3–32.
6. Holmes, O.W. (1953) Letter from Mr. Justice O.W. Holmes, Dec. 17, 1925. In: De-Wolf Howe, M. (ed.) *Holmes-Laski Letters*. Vol. I. Harvard University Press.
7. Murphy, J. & Coleman, J. (2024) *Filosofiya prava: Vvedenie v yurisprudentsiyu* [Philosophy of Law: An Introduction to Jurisprudence]. Translated from English by V.V. Ogleznev, V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
8. Altman, M.C. (2023) In Defense of a Mixed Theory of Punishment. In: Altman, M.C. (ed.) *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 195–220.
9. Wood, D. (2002) Retribution, Crime Reduction, and the Justification of Punishment. *Oxford Journal of Legal Studies*. 22(2). pp. 301–321.
10. Hart, H.L.A. (1960) The Presidential Address: Prolegomenon to the Principles of Punishment. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 60(1). pp. 1–26.
11. Honoré, A. (1994) Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. *Proceedings of the British Academy*. 84. pp. 295–321.
12. Moiseev, S.V. (2003) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
13. Hoskins, Z. & Duff, A. (2024) Legal Punishment. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/legal-punishment/> (Accessed: 12th August 2024).
14. Ogleznev, V.V. (2021) Kontseptual'nyy analiz v filosofii prava Gerberta Kharta [A conceptual analysis in Herbert Hart's philosophy of law]. In: Didikin, A.B. (ed.) *Aristotelevskoe obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov* [Aristotelian society: 140 years of philosophical dialogues]. Moscow: Prospekt. pp. 222–247.
15. Frase, R. (2013) *Just Sentencing: Principles and Procedures for a Workable System*. Oxford University Press.
16. Kaufman, W. (2013) *Honor and Revenge: A Theory of Punishment*. Dordrecht: Springer.
17. Hoskins, Z. (2021) Hybrid Theories of Punishment. In: Waller, B., Shaw, E. & Focquaert, F. (eds) *The Routledge Handbook of the Philosophy and Science of Punishment*. New York: Routledge.
18. Nozik, R. (1981) *Philosophical Explanations*. Harvard University Press.
19. Duff, A. (2001) *Punishment, Communication, and Community*. Oxford University Press.
20. Kaufman, W. (2008) The Rise and Fall of the Mixed Theory of Punishment. *International Journal of Applied Philosophy*. 22. pp. 37–57.

Сведения об авторах:

Оглезнев В.В. — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Бондарев В.Г. — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vic-bondarev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ogleznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of the Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Bondarev V.G. – Cand. Sci. (Political Science), docent, head of the Department of the Humanities and Social Sciences, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vicbondarev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 20.08.2024;
approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 323.3

doi: 10.17223/1998863X/81/13

ЛОЯЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ: ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

Николай Сергеевич Розов¹, Сергей Иванович Филиппов²

^{1,2} *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*

¹ *nrozov@gmail.com*

² *filippow07@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов и институциональных механизмов складывания разных уровней лояльности национальных / местных элит по отношению к центральной власти в России на основании сопоставления случаев высокой и низкой лояльности из истории Российской империи и СССР.

Ключевые слова: лояльность, местные элиты, Российская империя, СССР

Для цитирования: Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти в России: общие условия и особенности социально-исторического контекста // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 140–151. doi: 10.17223/1998863X/81/13

Original article

LOYALTY OF LOCAL ELITES TO THE CENTRAL GOVERNMENT IN RUSSIA: GENERAL CONDITIONS AND PECULIARITIES OF THE SOCIO-HISTORICAL CONTEXT

Nikolai S. Rozov¹, Sergei I. Filippov²

^{1,2} *Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *nrozov@gmail.com*

² *filippow07@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the factors and institutional mechanisms that influence the level of loyalty of various national and local elites towards the central government in Russia. From the time of the Tsardom of Moscow, the Russian state has existed as a multi-religious and multi-ethnic society, where the internal policies were largely determined by interactions between the central government and regional/national elites. Loyalty plays a crucial role in maintaining a harmonious relationship between political actors in societies or states with indirect governance. The initial assumption is that the more an actor (e.g., the local elite) perceives a certain authority (e.g., the imperial center) as providing them security, social status, income and influence (authority, political participation), the higher the actor's loyalty to this authority will be. The cases of high loyalty (the Ostsee knighthood, the Siberian and later Don Cossacks, the “quasi-state power” of the Stroganovs, the late Georgian aristocracy, the Belarusian and Kazakh late-Soviet elites) as well as the cases of low loyalty (the Yaitsa and early Don Cossacks, the early Georgian aristocracy, the Lithuanian and Latvian late-Soviet elites, the communities of the academic towns) are examined on the material of the Russian Empire and Soviet history. The comparative analysis of the national and local elites

in their relations with the central government has shown that their basic social needs are satisfied by three main types of structures: (a) bureaucratic structures of the military and civil service providing formal status with appropriate material benefits and symbolic prestige; (b) patron–client networks; (c) self-governing egalitarian communities. Successful careers in state service were combined with a relatively high level of loyalty among local elites to the central government. Their preference for patron–client networks or self-governing communities as institutions satisfying basic social needs leads to a relatively lower level of loyalty to the center. A career in the state service is available for persons with a formally confirmed prestigious status and/or such qualities as diligence, discipline and accuracy, control of affects and suppression of aggression. Patron-client networks are established around individuals or groups with significant resources, such as economic, power, or symbolic capital, which give them a certain degree of independence from the local and, in some cases, even central government. The members of patron–client networks are expected to show unconditional loyalty, both through their actions and by participating in rituals that may conflict with official norms. Self-governing egalitarian communities attract deprived members of the middle and lower elites, as well as those seeking to join the elite. Membership in self-governing egalitarian communities requires such qualities as self-esteem, unwillingness to obey, demonstrative aggressiveness as a means of confirming one's own high status, contempt for symbolic attributes of social prestige.

Keywords: loyalty, local elites, Russian Empire, USSR

For citation: Rozov, N.S. & Filippov, S.I. (2024) Loyalty of local elites to the central government in Russia: general conditions and peculiarities of the socio-historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 140–151. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/13

Положение элит в разные периоды российской истории

Российское государство со времен Московского царства создавалось и существовало в форме поликонфессионального и полиэтнического общества, внутренняя политика которого во многом определялась разнообразным и исторически менявшимся характером взаимодействия центральной власти с местными¹ элитами.

В царской России местные элиты инкорпорировались в состав господствующего класса империи, как например, остзейское рыцарство, грузинское дворянство, казачья верхушка, но могли подвергнуться депривации, как часть польской шляхты. В советский период формировались новые национально-территориальные элиты и институты, поддерживающие их воспроизводство: национальные республики и автономии разного уровня с собственными системами образования и науки, средствами массовой информации и национальными литературами.

Характер взаимодействия центральной власти с местными элитами представим в виде переменной с верхним полюсом инкорпорации, сотрудничества, лояльности и нижним полюсом депривации, отчуждения, враждебности. Лояльность выступает в качестве желательного для правящего центра базового отношения между политическими акторами разного уровня в обществах с такого рода «непрямым» управлением. Несмотря на многочисленные исследования отечественных и зарубежных авторов в области политической лояльности (О.В. Гаман-Голутвина, Г.М. Дерлугьян, А.И. Миллер,

¹ Под местными элитами здесь понимаются представители элит, которые идентифицируются как по этнонациональному принципу (польская шляхта, немецко-балтийское рыцарство, грузинское дворянство, позднесоветская литовская партийно-советская элита и др.), так и по территориальному (промышленники Строгановы и их clientela, казаки войска и др.).

С.В. Нефедов, Л.Ф. Писарькова, В.А. Тишков, С.В. Чешко, М. Гарселон, А. Каппелер, Т. Мартина, Д. Пономарева, Г. Симон и др.), проблема условий, определяющих лояльность или нелояльность индивидов и групп по отношению к государственным и властным институтам, а также к этническим, конфессиональным и другим сообществам, остается нерешенной.

Исходное предположение состоит в том, что лояльность подчиненных (индивидов, организаций, сообществ или социальных слоев со сходными установками) к начальству (вождю, монарху, правящей группе, центральному правительству) тем выше, чем более они видят в нем инстанцию или обеспечивающее сообщество, которое удовлетворяет их базовые социальные стремления или заботы – надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, символическим престижем и достойным благосостоянием, доступом к экономическим ресурсам [1. Р. 22–28]. Заботы выполняются благодаря и при активности обеспечивающих структур, в том числе социальных практик, установок сознания и поведения, ассоциирующихся с теми или иными социальными группами (габитусов), и институтов с правилами взаимодействия [2. С. 33–34].

Сравнение контрастных случаев

В целях уточнения причин динамики лояльности рассмотрим случаи относительно высокого и низкого уровня лояльности местных элит. Объединенные в пары случаи сходны друг с другом по существенным признакам: исторический период и / или регион проживания, доля элит в общем населении и др. При этом они резко отличаются друг от друга по уровню лояльности в отношении центральной власти (табл. 1).

Таблица 1. Пары контрастных случаев

Случаи с относительно низким уровнем лояльности	Случаи с относительно высоким уровнем лояльности
Польская шляхта (XIX – начало XX в.)	Остзейское рыцарство (XVIII – начало XX в.)
Донское казачество (XVII в.)	Донское казачество (XIX – начало XX в.). Сибирское казачество (XVII – начало XX в.)
Яицкое казачество (XVI – первая половина XVIII в.)	«Держава» Строгановых (XVI–XVII вв.)
Грузинская элита (первая треть XIX в. (до наместничества М.С. Воронцова на Кавказе)	Грузинская элита (середина XIX – начало XX в.)
Литовская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Белорусская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)
Латвийская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)	Казахская позднесоветская элита (конец 1980-х – начало 1990-х гг.)

Результаты анализа представлены в ряде публикаций [3. С. 276–308; 4–9]. Рассмотрим различные институциональные контексты, а также проиллюстрируем их описанием ярких контрастных случаев (не)лояльности.

Государственная служба, престижное потребление и грузинская знать

Структурами, обеспечивающими социальный статус, символический престиж элит и приемлемый для них уровень доходов, являются государственная служба, а также казенные и частные кредитно-финансовые институты, сети поставок предметов престижного потребления для представителей элиты.

Ярким примером лояльных национальных элит, благополучие и достойный уровень потребления которых обеспечивались прежде всего государственной службой, является грузинское дворянство с середины XIX по начало XX в. Ранее весьма своеобразные представители «туземной» аристократии были инкорпорированы в институты государственной службы. Кроме того, в период наместничества М.С. Воронцова на Кавказе (1844–1854 гг.) они были успешно вовлечены в образ жизни имперского дворянства с практиками престижного потребления в этой среде. Были созданы привлекательные для грузинской знати позиции в системе местного государственного управления и армии. Эти позиции, по крайней мере частично (наряду с кредитом), обеспечивали им приемлемый уровень благосостояния, что укрепило их зависимость от империи.

Потребность грузинской знати в денежных средствах для оплаты престижного образа жизни стала стимулом для усиления эксплуатации крестьянства, а это снизило опасность солидарных действий элит и низовых слоев против центральной власти [10. С. 90–105].

Остзейские немцы и международный рынок бюрократического труда

В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, доступной альтернативой для элит является поступление на гражданскую или военную государственную службу за пределами своего отечества. Так поступали многие остзейские немцы, переходившие на русскую, шведскую, польскую и даже турецкую службу и нередко занимавшие весьма высокие должности¹ [13. С. 29–33].

Условиями успешности такой стратегии были документально подтвержденный и не вызывающий сомнений формальный статус, необходимый для занятия престижных позиций на гражданской службе, а также особый остзейский габитус: мировоззренчески-ценностные нормы, ментальные установки, поведенческие практики: дисциплинированность, аккуратность, исполнительность и, конечно, лояльность. Все эти качества очень высоко ценились на тогдашнем международном бюрократическом рынке.

Внешняя коммерция, польские магнатства и шляхетский габитус

Производство продукции, пользующейся спросом на внешних рынках, а также включенность элит в посреднические сети, позволяющие организовать поставку и продажу данной продукции за границу, обуславливают относительно низкую лояльность по отношению к центральной власти, снижая зависимость благосостояния элит от государства.

Примером здесь выступают польско-литовские магнаты. Их благосостояние обеспечивало включенность в сети поставок зерна, производимого на периферии мировой системы и продаваемого в ее ядро. С начала XVI в. – по-

¹ Во время правления Николая I выходцы из прибалтийских немцев составляли 19 из 134 членов Государственного совета, восьмую часть из 350 высших государственных постов, 12 из 113 членов Сената, 9 из 48 губернаторов [11. С. 100] (при этом их доля в населении была 1,4% [12. С. 295]).

сле выхода из демографической и экономической стагнации и благодаря росту городов – в Западной Европе растет спрос на зерно, а колонизация Украины с ее черноземами и победа на Ордене, обеспечившая выход к портам Балтийского моря, позволяет магнатам организовать производство зерна и его экспорт [14. Р. 291; 15. С. 260–278].

Доходы от внешней торговли инвестировались в силовые ресурсы, сопоставимые по своей мощи с государственной армией. Частные армии магнатов состояли из беднейшей элитной страты Польско-Литовской «Республики» – безземельной (чиншевой) шляхты. Кроме того, «чиншевики» обеспечивали престиж и политическое влияние «своему» магнату в сеймах и сеймиках – органах управления Речи Посполитой – в обмен на возможность практически даром арендовать у него землю, что было едва ли не единственным способом обеспечения достойного уровня жизни безземельной шляхты.

Таким образом, в условиях слабости и неразвитости государственных институтов и престиж магнатов, и благополучие безземельной шляхты утверждались своеобразным симбиозом взаимной поддержки в форме патрон-клиентских сетей.

Поскольку шляхта не обладала формальным статусом, ей приходилось его постоянно отстаивать и демонстрировать, в том числе агрессивным поведением, готовностью защитить собственную честь или утвердить ее оружием, демонстрируя бесстрашие, удаль и мужество. Так формировался особый габитус дерзкой и вольнолюбивой польской элиты, к которой никак не прививались чиновничьи добродетели послушания и почитания начальства, тем более этнически чуждого.

Государственный протекционизм и лояльность: от «державы» Строгановых до советской Белоруссии

Если государство обеспечивает конкурентные преимущества в процессе производства и / или реализации продукции, то зависимость успеха коммерции от государства растет, и это повышает лояльность местных элит по отношению к центральной власти.

Примером является династия промышленников Строгановых, благосостояние которой основывалось на добыче соли и соляной торговле. Строгановы были ориентированы на внутренний рынок, поскольку цены на соль в России были выше, чем в Европе [16. С. 300; 17. С. 146]. В силу того, что соль была жизненно необходимым продуктом, было выгодно и естественно включить в ее цену налог, что делали многие государства, в том числе и Россия. Приходилось пресекать производство и продажу соли помимо подконтрольных государству каналов. Политика подавления конкуренции была весьма выгодна Строгановым как монополистам на этом рынке.

Ориентированными на внутренний рынок и зависимыми от государственной поддержки были также позднесоветские белорусские партийно-хозяйственные элиты и население республики. На территории Белоруссии были размещены крупные промышленные предприятия, как правило, значительно удаленные как от конечных потребителей, так и от источников сырья и энергоносителей. Они были интегрированы в экономическую систему СССР в целом и шире – в зону Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) [18. С. 148]. Сети получения ресурсов и сбыта продукции через поддержку

союзного центра стали структурами, обеспечивающими благосостояние и высокую лояльность местных элит.

Силовое предпринимательство вольных казаков¹

Если институты и сети, связанные с государственной службой или протекцией, не обеспечивают благосостояние и приемлемый уровень потребления, то элиты склонны ориентироваться на другие доступные им обеспечивающие структуры. Их предпочтение может быть вынужденным, обусловленным депривацией низших и средних элитных страт. Такие слои, особенно обладающие средствами и навыками применения насилия, например, после завершения войн и увольнения военнослужащих / сокращения численности военно-служилого сословия, страдали от падения своих доходов и соответствующей утраты престижного социального статуса. Примером депривированных элит такого рода является волжское казачество, которое частично сложилось в XVI в. из представителей военно-служилого класса Казанского и Астраханского ханств [20. С. 223–224].

Особым случаем являются неформальные военизированные сообщества, члены которых извлекают доход путем угрозы применения насилия, навязывания своей защиты через принуждение. Такими силовыми практиками, позже получившими название «рэкёт», занимались донские и запорожские казаки в XVII в.² Если структуры такого рода по каким-либо причинам уже не обеспечивали желаемый уровень благосостояния, то их участники вступали в своеобразный «торг» с государством за жалованье, в том числе в форме казацких бунтов, восстаний.

«Нестязательство» – характерная черта казацкого габитуса

Следует отметить, что участие в эгалитарных военизированных сообществах как обеспечивающих структурах сопряжено с существенными издержками для их верхушки, поскольку распространенные там нормы и практики препятствуют накоплению и передаче по наследству богатства. Известно пренебрежительное отношение казаков к богатству – они не чурались дорогих нарядов, но очень легко расставались с добытыми материальными ценностями. Так, например, вели себя «разинцы» в 1669 г., продавая астраханцам дешево дорогие ткани и просто раздавая народу деньги [22. С. 110].

¹ Под *вольными* казаками понимаются те казацкие сообщества, которые пользовались существенной автономией, граничащей с независимостью, в частности, правом экстерриториальности (территория проживания казаков фактически не являлась территорией под государственной юрисдикцией), правом собственного внутреннего управления и суда, правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, правом убежища (невыдачи беглых) [19. С. 356]. *Вольных* казаков не следует путать с представителями военизированного земледельческого сословия – членов различных казацких войск, лишенных своей автономии и встроженных в бюрократическую систему Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX в.

² Именно во второй половине XVII в. в результате укрепления государственного контроля над приграничными территориями и торговыми путями постепенно оскудевают традиционные источники благосостояния вольных казаков – прекращаются «походы за зипунами», взятие полона в расчете на последующий выкуп, работорговля. В этих условиях потребность в государевом жалованьи становится особенно острой. Казацкие восстания были не только способом «выбить» жалованье, но и формой демонстрации собственной удалости и доблести – качеств, высоко ценимых на международных «силовых» рынках [21. С. 14].

Процедура заключения брака и его расторжения не была формализована и носила весьма упрощенный характер, что ставило под вопрос легитимность подобного рода браков и, как следствие, правовой статус потомков, возможность наследования символического и материального капитала [23. С. 217–234].

Полновластие коллективных органов управления, например казачьего круга, серьезно ограничивает влияние атаманов, старшин и сохранение их властных позиций. Казачья верхушка обычно стремится к преодолению издержек, связанных с участием в подобного рода эгалитарных структурах, – сохранению и приумножению материального благосостояния, административно-политического влияния и конвертации всего этого в более-менее признаваемые за пределами неформальных военизированных сообществ символические статусы. Поэтому атаманы вступают в союз с правительственной администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления [24. С. 23].

Лояльность государству как защитнику от местных угроз

Если безопасность элит эффективно обеспечивается государством, то степень их лояльности относительно высока.

Потенциальная угроза безопасности может исходить от подвластного населения, если между населением и элитами существует относительно высокая культурная, социальная, лингвистическая дистанция (например, немецкоязычное остзейское дворянство и подвластное, неполноправное коренное население Остзейского края, состоящее из латышей и эстонцев (XVIII–XIX вв.), партийно-советская русскоязычная элита и местное чисто казахское население), в особенности, если те или иные этносоциальные группы выполняют репрессивные функции и / или осуществляют принуждение, что обуславливает взаимное отчуждение.

Примерами этносоциальных групп такого рода являются казаки XIX – начала XX в., активно используемые царским правительством для подавления внутренних протестов, а также остзейские немцы (недворяне), служащие в имениях русских помещиков. Они рационализировали организацию помещичьих хозяйств в том числе за счет усиления эксплуатации крестьян, вызывая горячую ненависть в свой адрес именно как к «немцам». Расправу над одним таким управляющим – Христианом Христианчем – описывает Н. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Метаморфоза в сфере безопасности и конец вольной шляхты

Если безопасность элит обеспечивается ими самими, то лояльность их государственной власти относительно низка. Обеспечивающими структурами в данном случае являются патрон-клиентские сети, в состав которых входят лица, обладающие средствами и навыками применения насилия, подчиняющиеся патрону, например частные армии польских магнатов. Составлявшие эти армии безземельные шляхтичи были исключены из состава дворянства в 1830–40-е гг.¹, они платили чисто символическую плату за аренду земли, с которой кормились.

¹ Согласно российскому законодательству, к дворянскому сословию могли быть причислены только землевладельцы, безземельная (чиншевая) шляхта, которая составляла большинство польского благородного сословия, из состава имперского дворянства исключалась.

После инкорпорации части польских земель в Российскую империю и распространения на территорию Царства Польского имперских законов и системы управления, а также в связи с ростом стоимости аренды земли в 1860–70-е гг. воинственная шляхта оказалась просто не нужна польским помещикам. Безземельные шляхтичи превратились в реликтовую социальную группу, функции которой (обеспечение безопасности и престижа патронов) в новых социально-политических условиях стала ненужной. «Шляхетская республика» была ликвидирована, автономия Царства Польского была существенно ограничена при вхождении в состав Российской империи. Вооруженные силы шляхты показали низкую эффективность по сравнению с регулярной царской армией, что проявилось в поражении польских восстаний 1830 и 1864 гг. Эти силы перестали быть востребованными, и чиншевая шляхта с помощью русской армии и казаков была изгнана с арендуемой земли [25. С. 933–934].

Этническая сплоченность, приверженность сильному лидеру – неоднозначность эффектов для лояльности

Участие в принятии решений для элит обеспечивается карьерой в формальных институтах государственной службы (в зависимости от позиции в иерархии), что обуславливает высокий уровень лояльности по отношению к охватываемому институту. Условия успешной служебной карьеры уже упоминались выше – это происхождение, исполнительность, дисциплинированность, а также «связи» – степень вовлеченности в неформальные сети взаимодействий с сильным и авторитетным лидером. При этом возможность принимать решения зависит от степени близости к лидеру.

Примером такого рода сообществ являются остзейские дворяне, продвижение по служебной лестнице которых было обусловлено также взаимной поддержкой по национально-сословному принципу – активной протекцией по отношению к землякам отличался, например, знаменитый мореплаватель И.Ф. Крузенштерн [26. С. 266–280].

Высокая степень влияния глав таких сообществ, вокруг которых складывается своя клиентела, в том числе из числа государственных служащих, может обуславливать и низкий уровень лояльности по отношению к государству, примером чего выступает позднесоветская литовская партийно-государственная во главе с несменяемым первым секретарем ЦК КПЛ А. Снечкусом. Корпоративная солидарность и лояльность по отношению к лидеру имеет в такого рода структурах большее значение, чем приверженность формальным нормам. Она обеспечивается участием в противоречащих официальным идеологиям и системам ценностей ритуалах.

А. Бразаускас, первый секретарь ЦК КПЛ в 1988–1989 гг., а также первый президент независимой Литвы подчеркивает, что в советское время государственные служащие, как и он сам, праздновали Рождество в домашней обстановке, не опасаясь при этом доноса со стороны своих литовских коллег (цит. по: [27. Р. 96]).

Неформальные сети доверия как альтернатива лояльности официозу

Примером привилегированной социальной группы, для представителей которой участие в неформальных сетях доверия единомышленников было

важнее формальной карьеры, является позднесоветская научно-академическая интеллигенция из научных городков. В этой среде распространялись критические настроения по отношению к советскому строю и официальной идеологии, а также практики, явно противоречившие официальным ритуалам: чтение и распространение «самиздата», организация концертов исполнителей со «спорным репертуаром», а также художественные выставки, не соответствовавшие канонам социалистического реализма.

Партийная карьера для ученых таких центров выглядела малоперспективной и ведущей в тупик. Зарплата секретаря горкома была значительно ниже, чем научного сотрудника статусного учреждения. В местном обкоме партфункционеров из академгородков и «почтовых ящиков» воспринимали как чужаков, в Москве же все места были уже заняты [28].

Коллегиально-дружеские сети доверия не обеспечивали четко определенного, устойчивого статуса и влияния их участников. Авторитет в сообществах такого рода требовал постоянного подтверждения и предполагал непрерывную проверку. Перечисленные выше практики были ритуалами внутригрупповой солидарности, воспроизводившими доверие между участниками неформальных групп и сетей взаимодействия.

Три типа обеспечения элитарных забот

Сравнительный анализ национальных и местных элит показал, что их базовые социальные заботы обеспечиваются структурами трех основных типов:

а) иерархические военно- и гражданско-бюрократические институты, присваивающие формальные статусы с соответствующим материальным вознаграждением и символическим престижем;

б) патрон-клиентские сети;

в) самоуправляющиеся эгалитарные сообщества.

Карьера в государственных структурах доступна, прежде всего, для претендентов, уже обладающих подтвержденным формально престижным статусом и / или демонстрирующих качества, востребованные в иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтах, таких как исполнительность, дисциплинированность и аккуратность, контроль аффектов и подавление агрессии.

Условием образования сетей патрон-клиентского типа является наличие акторов, обладающих значительными ресурсами (экономическими, властно-организационными, символическими), которые обеспечивают им определенную независимость от местной, а подчас и от центральной власти. Служба патрону может быть привлекательной, особенно для представителей средних и низших элитных страт. От них ожидается демонстрация безусловной личной преданности, в том числе действиями и участием в ритуалах, противоречащих официальным нормам.

Самоуправляющиеся эгалитарные сообщества как обеспечивающие структуры являются предпочтительными для депривированных представителей средних и низших элитных страт либо для претендентов в элиту. Успешная карьера последних в госструктурах невозможна в силу отсутствия формального статуса, а также из-за специфических черт габитуса, характерных для неформальных эгалитарных сообществ, но неприемлемых для иерархических военно- и гражданско-бюрократических институтов. Сюда относится

обостренное чувство собственного достоинства, в том числе нежелание подчиняться, демонстративная агрессивность как средство подтверждения собственного статуса, презрение к символическим атрибутам социального престижа.

Список источников

1. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge University Press, 1986. 578 p.
2. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск : Манускрипт, 2022. 355 с.
3. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации / под науч. ред. Н.С. Розова. М. : Красанд, 2019. 408 с.
4. Филиппов С.И. Условия лояльности «национальных» элит в имперский период российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров [Электронный ресурс]. М. : Рос. о-во социологов, 2016. (DVD ROM). С. 5406–5414.
5. Филиппов С.И. Условия солидарности элит и внеэлитных групп населения // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1. С. 57–66.
6. Филиппов С.И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117.
7. Филиппов С.И. Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 4, ч. 1. С. 230–248.
8. Филиппов С.И. Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 1, № 2, ч. 1. С. 92–109.
9. Филиппов С.И. Критические настроения позднесоветской научно-академической интеллигенции в историческом и социокультурном контексте // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2, ч. 1. С. 68–85.
10. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
11. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция, 2000. 344 с.
12. Беккер С. Миф о русском дворянстве. М. : Новое лит. обозрение. 2004. 352 с.
13. Катин-Ярцев М.Ю. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. XVII–конец XVIII в. // Вестник МГУ. История. 2000. № 2. С. 25–50.
14. Frost R. The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569. Oxford University Press, 2015. 564 p.
15. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2010. 512 с.
16. Введенский А.А. Дом Строгановых. М. : Соцэкгиз, 1962. 306 с.
17. Флоря Б.Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в. // Средние века. 1973. № 36. С. 129–151.
18. СССР после распада / под общ. ред. О.Л. Маргания, Д.Я. Травина. СПб. : Экономическая школа, 2007. 544 с.
19. Куц О.Ю. Донское казачество в период взятия Азова до выступления Разина (1637–1667). СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 392 с.
20. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М. : НПО «Инсар», 1991. 318 с.
21. Филиппов С.И. Условия лояльности военно-служилой и торгово-промышленной администрации по отношению к центральной власти // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 2, ч. 2. С. 391–408.
22. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1996. 512 с.
23. История казачества азиатской России: в 3 т. Т. 1: XVI – первая половина XIX века / ред. Н.А. Миненко и др. Екатеринбург : НИСО Уро РАН, 1995. 316 с.
24. Мальцев Д. Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.

25. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М. : Новое лит. обозрение, 2011. 1008 с.
26. Копелев Д.Н. На службе империи. Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2010. 338 с.
27. Lieven A. The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. Yale University Press, 1993. 454 p.
28. Хандошко Р.И. Территория политической аномалии: партийная жизнь в советском атомном городе 1950–1960-х годов // Шаги–Steps. 2016. Т. 1, № 2. С. 167–169.

References

1. Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge University Press.
2. Rozov, N.S. (2022) *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali kognitivnye i rechevye sposobnosti* [The Origin of Language and Consciousness. How Social Orders and Communicative Concerns Generated Cognitive and Speech Abilities]. Novosibirsk: Manuscript.
3. Rozov, N.S., Pustovoyt, Yu.A., Filippov, S.I. & Tsygankov, V.V. (2019) *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noy modernizatsii* [Revolutionary Waves in the Rhythms of Global Modernization]. Moscow: Krasand.
4. Filippov, S.I. (2016) Usloviya loyality "natsional'nykh" elit v imperskiy period Rossiyskoy istorii [Conditions of loyalty of "national" elites in the imperial period of Russian history]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists. pp. 5406–5414.
5. Filippov, S.I. (2018) Usloviya solidarnosti elit i vneelitnykh grupp naseleniya [Conditions of solidarity of elites and non-elite groups of the population]. *Idey i idealy*. 1(1). pp. 57–66.
6. Filippov, S.I. (2019) Usloviya otvetstvennosti voenno-grazhdanskoy administratsii Rossii (XVII – nachalo XX v.) [Conditions of responsibility of the military-civil administration of Russia (the 17th – early 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(1). pp. 111–117.
7. Filippov, S.I. (2020) Usloviya loyality natsional'nykh elit k tsentral'noy vlasti v sovetskiy period rossiyskoy istorii [Conditions of Loyalty of National Elites to the Central Authority in the Soviet period of Russian History]. *Idey i idealy*. 12(4/1). pp. 230–248.
8. Filippov, S.I. (2021) Fenomen "begstva" sovetskikh elit v ryady oppozitsii v kontse 1980-kh. – nachale 1990-kh gg: makrosotsiologicheskii analiz [The Phenomenon of the Soviet Elites' "Flight" to the Opposition in the Late 1980s – Early 1990s: A Macrosociological Analysis]. *Idey i idealy*. 1(2/1). pp. 92–109.
9. Filippov, S.I. (2022) Kriticheskie nastroyeniya pozdnesovetskoy nauchno-akademicheskoy intelligentsii v istoricheskom i sotsiokul'turnom kontekste [Critical Sentiments of the Late Soviet Scientific and Academic Intelligentsia in the Historical and Sociocultural Context]. *Idey i idealy*. 14(2/1). pp. 68–85.
10. Derlugyan, G.M. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological themes]. Moscow: The Gaidar Institute.
11. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia – a multinational empire]. Moscow: Traditsiya.
12. Bekker, S. (2004) *Mif o russkom dvoryanstve* [The myth of the Russian nobility]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
13. Katin-Yartsev, M.Yu. (2000) Baltiysko-nemetskoe dvoryanstvo na rossiyskoy sluzhbe. XVII–konets XVIII v. [Baltic-German nobility in Russian service. The 17th–late 18th centuries]. *Vestnik MGU: Istoriya*. 2. pp. 25–50.
14. Frost, R. (2015) *The Oxford History of Poland-Lithuania*. Vol. I. Oxford University Press.
15. Anderson, P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Genealogy of the Absolutist State]. Moscow: Territoriya budushchego.
16. Vvedenskiy, A.A. (1962) *Dom Stroganovykh* [The Stroganov House]. Moscow: Sotsekgiz.
17. Florya, B.N. (1973) Torgovlya Rossii so stranami Zapadnoy Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v. [Trade of Russia and Western Europe in Arkhangelsk (the late 16th – early 17th centuries)]. *Srednie veka*. 36. pp. 129–151.
18. Marganiya, O.L. & Travin, D.Ya. (eds) (2007) *SSSR posle raspada* [The USSR after its collapse]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.

19. Kuts, O.Yu. (2009) *Donskoe kazachestvo v period vzyatiya Azova do vystupleniya Razina (1637–1667)* [The Don Cossacks during the capture of Azov before Razin's uprising (1637–1667)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
20. Khudyakov, M.G. (1991) *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan Khanate]. Moscow: NPO "Insar".
21. Filippov, S.I. (2023) *Usloviya loyal'nosti voenno-sluzhiloy i torгово-promyshlennoy administratsii po otnosheniyu k tsentral'noy vlasti* [Conditions of loyalty of the military and trade and industrial administration in relation to the central authorities]. *Idey i idealy*. 15(2/2). pp. 391–408.
22. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov on Don: Rostov State University.
23. Minenko, N.A. et al. (ed.) (1995) *Istoriya kazachestva aziatskoy Rossii: v 3 t.* [History of the Cossacks of Asian Russia: in 3 vols]. Vol. 1. Ekaterinburg: UrB RAS.
24. Maltsev, D. (2011) *Kak gotovili "pokhod na indus"* [How the "campaign against the Indians" was prepared]. *Rodina*. 7. pp. 22–24.
25. Beauvois, D. (2011) *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii. Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [Gordian knot of the Russian empire. Power, gentry, and people in the Right-bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
26. Kopelev, D.N. (2010) *Na sluzhbe imperii. Nemtsy i Rossiyskiy flot v pervoy polovine XIX veka* [In the service of the empire. Germans and the Russian fleet in the first half of the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
27. Lieven, A. (1993) *The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. Yale University Press.
28. Khandozhko, R.I. (2016) *Territoriya politicheskoy anomalii: partiynaya zhizn' v sovetskom atomnom gorode 1950–1960-kh godov* [Territory of political anomaly: Party life in the Soviet atomic city of the 1950–1960s]. *Shagi–Steps*. 1(2). pp. 167–169.

Сведения об авторах:

Розов Н.С. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН) (Новосибирск, Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nrozov@gmail.com

Филиппов С.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: filippow07@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rozov N.S. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Filippov S.I. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Romance and Germanic Philology; deputy director, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: filippow07@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 15.04.2024;
approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья
УДК 142.72
doi: 10.17223/1998863X/81/14

ОТЦОВСТВО БОЖЕСТВЕННОЕ И ОТЦОВСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ОТЦОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Екатерина Борисовна Хитрук¹, Роман Александрович Быков²

^{1, 2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена поиску решения проблемы «эмпирического тупика» в современных социальных исследованиях отцовства. Авторы полагают, что эффективным способом создания фундаментальной теоретико-методологической стратегии исследования отцовства как социального феномена должно стать обращение к философской традиции осмысления категории отцовства в контексте метафизической и постметафизической философских парадигм. В статье делается вывод о том, что феномен «отцовской революции» тесно связан с фундаментальным процессом эрозии метафизического мышления в философии XX в.

Ключевые слова: отцовство, отцовские практики, нормы отцовства, новое отцовство, ответственное отцовство, вовлеченное отцовство, отцовская революция, метафизика, постметафизическое мышление

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

Для цитирования: Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Отцовство божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 152–164. doi: 10.17223/1998863X/81/14

Original article

DIVINE FATHERHOOD AND HUMAN FATHERHOOD: SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE “PATERNAL REVOLUTION”

Ekaterina B. Khitruk¹, Roman A. Bykov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia,*

¹ *lubomudreg@gmail.com*

² *nimai.bykov@gmail.com*

Abstract. The article examines the theoretical and methodological foundations of the study of fatherhood as a social phenomenon. The authors note that the last few decades in the social sciences have been associated with an increasing interest in studying the norms and practices of fatherhood in traditional and modern society. Considerable attention is paid in the modern research literature to the psychological, historical and sociological aspects of traditional and modern fatherhood. Paternal practices are carefully analyzed, systematized,

and typologized. Thanks to this serious work, a significant resource base has been formed. However, the theoretical foundation for understanding fatherhood in sociology has not yet been laid. This situation is referred to in the modern research literature as a “theoretical dead end” in the study of fatherhood. The authors propose a socio-philosophical strategy for overcoming this crisis, which should include the following fundamental theoretical and methodological foundations: (1) fatherhood is one of the fundamental categories of social analysis, since it is associated with norms and practices related not only to the “elementary” level of role distribution in the family, but also to the global social processes of transformation of ideas about masculinity and femininity in modern society, a particular manifestation of which are intra-family transformations; (2) the study of fatherhood should take into account the historical and philosophical context of the formation of ideas about “masculinity” and “fatherhood” in the Western European philosophical tradition; (3) overcoming the classical concept of “non-emotional masculinity” is a direct consequence of the “loosening” of the traditional binary scheme of thinking, on the one hand, and the main condition for the fundamental transformation of the institution of fatherhood in modern society, on the other; (4) the following categories should become the key social markers that allow exploring the phenomenon of fatherhood in modern society – the “invention of fatherhood” and the “courage to love”.

Keywords: fatherhood, fathering practices, fatherhood norms, new fatherhood, responsible fatherhood, involved fatherhood, paternal revolution, metaphysics, post-metaphysical thinking

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00394, <https://rscf.ru/project/24-28-00394/>

For citation: Khitruk, E.B. & Bykov, R.A. (2024) Divine fatherhood and human fatherhood: socio-philosophical foundations of the “paternal revolution”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 152–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/14

«Отец» – чувство преображения всего
на свете, чувство вечности и завершенности
всего.

Фридрих Ницше [1. С. 143]

В социальных исследованиях конца XX – начала XXI в. фиксируется чрезвычайно интересный феномен, связанный с радикальным преобразованием института отцовства, отцовских норм и практик в современном обществе [2. С. 170]. Это «качественно новое состояние» отцовства описывается исследователями сквозь призму преодоления традиционной модели отстраненного и авторитарного родительства и созидания принципиально новых форм мужского генеративного поведения, а именно: вовлеченного и ответственного отцовства [3. С. 212]. Как отмечает известный российский социолог Елена Рождественская, «культурная трансформация отцовства выглядит как отход от модели „традиционного“ отца, воспринимаемого как более далекий родитель, авторитетная фигура, дисциплинарный кормилец, через сложный период, ознаненный советским этакратическим гендерным порядком, с его отчуждением власти отца к современному варианту нового вовлеченного воспитывающего отца» [2. С. 170]. Основными характеристиками этой новой модели отцовства принято считать вовлеченность, ответственность, доступность и эмоциональную теплоту [3. С. 214; 4. Р. 30].

В целом этот значительный переход от традиционного к новому типу отцовства принято обозначать термином «отцовская революция» [5. С. 271]. Это очень сложное социальное явление. Сложность заключается в том, что,

во-первых, отцовская революция является одним из маркеров современного «кризиса маскулинности», фиксируемого в исследовательской литературе с начала 70-х гг. XX столетия [6. С. 212], а во-вторых, происходит она на фоне другой серьезной тенденции, которая в современной литературе обозначается как тенденция «потери отца» [7. С. 103]. Новые формы отцовства зарождаются фактически на «пустыре» отсутствующего отцовства, пришедшего на смену традиционному авторитету патриарха.

Зачастую «потерю отца» в современном обществе связывают именно с преодолением традиционного отцовства. Однако такая постановка вопроса в корне неверна. И «традиционный отец» в традиционном обществе, и «отсутствующий отец» в обществе современном воплощают собой эталон отстраненного, дистанцированного родительства, в контексте которого мужчина воспринимается как существо, ориентированное на внешние, внесемейные ценности, в первую очередь, реализующее собой идеал трансцендентности [8. С. 57; 9. С. 223]¹.

В этом отношении именно новые формы ответственного и вовлеченного отцовства должны быть признаны значительной положительной тенденцией современности. Как отмечает знаменитая французская исследовательница Элизабет Бадентэр в своей работе «Мужская сущность», «с окончанием эпохи патриархата отцовство обретает совершенно другие свойства. Примирившийся мужчина совершенно не похож на отца прошлых времен. Патриарх был воплощением закона, авторитета, превосходства, но при этом мало кто обращал внимание на то, что патриархат характеризовался также и тем, что отцы бросали своих детей. Само собой разумеется, что маленький ребенок становился исключительной собственностью матери. Его жизнь начиналась при почти полном незнании отца. Проведенные в последние двадцать лет исследования выявляют совершенно другой образ отца и другое понимание его функции...» [5. С. 271–272].

Это новое понимание связывается именно с преодолением представлений о том, что отец является «вторичным» воспитателем своих детей², нацеленным на внешние достижения, повышение уровня материального благосостояния семьи, участвующего в воспитании детей дистанцированно как дисциплинатор и защитник, заботящийся О семье, но не В семье [2. С. 166]. Новое отцовство, по меткому выражению американского социолога Майкла Киммела, приглашает отца в детскую комнату, что было неприемлемо для отцовства традиционного [11. Р. 59]. Скорее на практике, чем в теории новое отцовство преодолевает классическое представление о природной «женской эмоциональности» и «мужской сверхчувственности» (бесстрастности), открывая для мужчин возможность «любить» своих детей [12. Р. 8, 156], быть вовлеченными в их повседневные нужды и переживания, быть для своих детей по-настоящему близкими людьми.

¹ И.С. Кон следующим образом характеризует современную тенденцию «потери отца»: «1) рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; 2) незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; 3) педагогическая некомпетентность, неумелость отцов; 4) незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми» [10. С. 271].

² На первом месте в контексте традиционных представлений находится мать как «эксперт» по уходу за детьми и «эмоциональный менеджер» своей семьи [2. С. 162].

Отцовская революция, таким образом, воспринимается в поле современных социальных исследований как одна из важнейших тенденций современного общества. Однако фундаментальные причины социальных изменений такого уровня и масштаба остаются до сих пор не концептуализированными.

Дело в том, что изучение феномена отцовства, по мнению целого ряда исследователей, еще не достигло в социальных науках фундаментального теоретического уровня, оставаясь в плоскости эмпирической, связанной с накоплением и классификацией, в сущности «инвентаризацией» эмпирического материала [2. С. 158]. Серьезная работа по типологизации отцовских практик и их систематизации, проделанная российскими и зарубежными исследователями отцовства, так и не стала элементом фундаментального теоретического подхода, имеющего не только описательный, но и объяснительный потенциал [2, 3, 13–19]. Как отмечает известная румынская исследовательница отцовства Александра Махт, в современных социальных науках «отцы просто постоянно переопределяются в соответствии с однообразными категориями анализа» [12. Р. 7]. Как подчеркивают Роггман и др., сегодня отсутствует теоретическая модель, способная «эффективно направлять исследования отцов» [20. Р. 6], такой модели нет даже «на горизонте» [19. Р. 20].

Обозначенный «эмпирический тупик» в исследовании норм отцовского поведения и конкретных отцовских практик, на наш взгляд, может быть преодолен только посредством включения проблематики отцовства в более широкий философский контекст. Дело в том, что категории мужественности и женственности (как и теснейшим образом с ними связанные категории отцовства и материнства) представляли и представляют собой значимые категории философского анализа от зарождения философской мысли в античности до сегодняшнего дня¹. Рассмотрение современных трансформаций в сфере родительства и особенно отцовства вне контекста значительной традиции осмысления мужественности и отцовства в западноевропейской философии представляется неоправданным методологическим упущением. Если на уровне конкретных практико-ориентированных подходов социально-философская перспектива может и не быть обязательной, то на уровне концептуальном ее игнорирование может привести (и на деле приводит) к стагнации и отсутствию глубокой объяснительной стратегии в исследовании отцовства.

Предлагаемая социально-философская модель исследования отцовства

Одним из самых распространенных представлений о философии в среде людей, далеких от нее, является представление о тотальном разнообразии философских подходов и концепций. Именно из этого стереотипа рождается популярное мнение о том, что «у каждого своя философия», «сколько людей, столько и философий» и т.п. Профессиональные философы, конечно, не станут отрицать, что значительным философским трудам присуща оригинальность и из последовательности уникальных концепций величайших умов человечества складывается сложная и разнообразная канва истории философии.

¹ Подробное рассмотрение особенностей концептуализации данных категорий в классической и неклассической философских традициях представлено в других наших работах. См. [6–8].

Однако именно для профессионалов также не является секретом, что для всего этого разнообразия имеют значение конкретные философские парадигмы, которые задают методологические установки, понятийный инструментальный и схемы мышления для определенных традиций, объединяющих, связывающих между собой различные концепции в единое смысловое поле. Таким образом, мы можем рассуждать о рационализме и эмпиризме, идеализме и материализме, дуализме и монизме и т.п.

Однако основной «парадигмообразующей» тенденцией в историко-философской перспективе, пожалуй, можно назвать такое значительное явление, как метафизика. Нет смысла пытаться воспроизвести в данной статье все многообразие существующих значений, смыслов и смысловых оттенков этого термина. Вслед за Мартином Хайдеггером можно лишь зафиксировать его «двоякость».

Метафизика означает и определенный способ выхода человеком за свои природные пределы¹, вопрошания о сущем, с одной стороны, и определенный тип такого вопрошания, который М. Хайдеггер называет «онтоотеологическим», т.е. связанным с поиском предельного основания реальности. «В ходе истории онтоотеологического вопрошания, – пишет М. Хайдеггер, – возникает задача не только показать, что есть высшее сущее, но и доказать, что это самое существующее из сущего есть, что Бог существует» [21. С. 364]. В этом, втором смысле, М. Хайдеггер называет метафизику «роком» и «основной чертой западноевропейской истории» [21. С. 180].

Метафизический поиск предельного и незыблемого, необходимого основания реальности [22. С. 27] тесно связан на протяжении большей части западноевропейской истории с обоснованием существования Бога, с доказательствами бытия Божиего. Бог в этом контексте выступает неким совершенным и необходимым первопринципом, обосновывающим собой и существование мира, и возможность познания человеком основных законов мироздания, и безусловность морального закона. Метафизика как онтоотеология является поэтому учением о «последнем» основании реальности, об Отце всего сущего, «диктующем» человеку основные правила его существования.

Одним из важных аспектов метафизики, открытых в философии XX столетия, является несводимость метафизического мышления к теории, социальное или практическое значение метафизики ее не столько абстрактная, сколько конкретная мощь. Как отмечает один из ведущих современных философов Джанни Ваттимо, «важно признать, что история метафизики не ограничивается денотатом самого этого термина и что она связана с историей социальных институтов» [23. С. 102].

«Диктат» абсолютного первоначала, таким образом, не может быть ограничен только теоретическими построениями, он оказывает давление на конкретные социальные практики, выражается в них. Для самого Д. Ваттимо важным примером такого социального «диктата» являлся, прежде всего, религиозный фундаментализм, об опасности которого рассуждал философ в своих религиозно-философских работах. Религиозный фундаментализм, представляя Бога безусловным «диктатором»², стремится к подавлению человеческой

¹ В этом смысле метафизика присуща самой природе человека [21. С. 178].

² Знаменитый британский аналитический философ Энтони Флю называет такой образ Бога подобием восточного деспота, подобием «всемогущего и вечного Садама Хуссейна» [24. Р. 77].

свободы и подчинению необходимости предельного начала, в то время как религиозный опыт веры, надежды и любви, с точки зрения Д. Ваттимо, существует «по ту сторону» метафизических, фундаменталистских притязаний, как опыт уважения к свободе человека и опыт диалога между человеком и его Небесным Отцом [25. С. 105].

Религиозный фундаментализм для Д. Ваттимо является лишь одним из примеров репрессивной социальной мощи метафизики, которая, вооружившись аргументами в пользу существования «последнего» основания реальности, претендует на власть – теоретическую и практическую, власть, подавляющую свободу человека. Метафизика, по Д. Ваттимо, это объективизм, который «всегда грозит обернуться тоталитарным обществом, и в конечном счете – Освенцимом или Гулагом» [25. С. 8]. Именно поэтому сопротивление метафизике (эрозия метафизики, постметафизическое мышление [26]), условное начало которому было положено в философии Ф. Ницше, постулировавшей «смерть Бога», расценивается Д. Ваттимо как путь к освобождению от теоретических и практических оков Бога как абсолютного первопринципа, как путь к открытию живой связи с Богом как любящим Другом и Отцом. «В мире, где Бог мертв, – пишет Д. Ваттимо, – где метанарративы распались, а все авторитеты, к счастью, оказались демифологизированными, включая авторитет „объективного“ знания, нашим единственным шансом на выживание остается христианская заповедь любви» [27. С. 128].

Мы можем предположить, следуя этому блестящему анализу социальной мощи метафизики Д. Ваттимо, что религиозный фундаментализм, противостоящий религии веры, надежды и любви, не является единственным проявлением метафизической репрессии. Институт отцовства, связанный не только с практиками (fathering), но и с нормами отцовского поведения (fatherhood) [28. С. 305], также может (и должен) быть рассмотрен в контексте становления метафизического мышления в западноевропейской философской традиции и его эрозии в современном интеллектуальном поле.

Категория отцовства, тесно связанная с дуалистической и эссенциальной трактовкой пола в классической метафизике, рассматривалась как важная социальная роль мужчины, который представляет собой воплощение рациональности (в противовес чувственности как качеству женскому), духовности (в противовес телесности, которая также считалась женственной характеристикой, прежде всего), трансцендентности как ориентированности на внешние достижения (в противовес женской имманентности, женскому призванию быть «хранительницей очага») ¹.

Отцовство, таким образом, рассматривалось как характеристика властная, реализующая на практике абстрактную власть разума над чувствами, духа над телом, трансцендентного над имманентным ². «В совершенной семье, – писал Аристотель, – два элемента: рабы и свободные. А первоначальными и мельчайшими частями семьи являются господин и раб, муж и жена, отец и дети...» [29. С. 415]. Российские исследователи А.С. Мишура и

¹ Подробнее о дуалистической трактовке пола в классической философии см.: Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2017 [6].

² «Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями – как государственный муж... Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [29. С. 419].

А.В. Павлов обращают внимание на то обстоятельство, что властные полномочия в такой трактовке семьи фактически сходятся в одной фигуре – мужа, отца и господина, в то время как состав подчиненных лиц разнообразен: «Во всех трех случаях имеется глава (муж, отец, господин) и те, кто ему подчинен, причем в роли главы всегда выступает, по сути, одно и то же лицо» [30. С. 96].

Вопрос об отце, таким образом, в классической философской традиции – это вопрос о власти. Так, по выражению Е.К. Краснухиной, «символ Отца, ассоциируемый с логоцентризмом или фаллоцентризмом, играет роль ключевого деспотического означающего европейской культуры» [31. С. 25].

Безусловно, отцовские практики эпохи господства классической метафизики были сложны и разнообразны. Нередко в сочинениях авторов этой эпохи возникает речь о тонком отцовском чувстве и даже об отцовской любви¹. Однако представление о норме отцовского поведения связывалось именно с дистанцированностью, контролем и властью над ребенком [35. С. 151]. Ежедневная вовлеченность в уход за детьми и эмоциональная близость с ними считались уделом женским [36. С. 73].

Российский исследователь М.А. Краснов, анализируя происхождение представления о деспотической власти Отца, приходит к выводу о языческих, нехристианских истоках этой идеи. С его точки зрения, представление об Отце как властителе (и, соответственно, о земных властителях как об отцах) зародилось в результате разложения, искажения изначального представления о Боге как любящем и уважающем человека Отце. Будучи Творцом человека, Небесный Отец сообщает своему творению особое достоинство, выраженное в образе и подобии Божию. Ему незачем утверждать Свою власть деспотическим образом, поскольку она и так принадлежит Ему [35. С. 154]. Небесный Отец призывает Свои творения к любви, но не принуждает их к ней, поскольку всякое принуждение обесмысливает акт творения. «Однако идея Небесного отцовства, – подчеркивает М.А. Краснов, – и связанного с ним имманентного человеческого достоинства надолго была забыта – точнее, забита деспотизмом, рабством, сословностью, социальной дискриминацией» [35. С. 150].

В определенном смысле именно христианство возвращает человечеству идею Отцовства как идею милосердия и любви, а не деспотического стрем-

¹ Мишель Монтень в своих знаменитых «Опытах» приводит интересный пример отцовского поведения: «Некий отец, застигнутый скачущим верхом на палочке, когда он играл со своими детьми, попросил человека, заставшего его за этим занятием, воздержаться от суждения об этом до тех пор, пока он сам не станет отцом: когда в его душе пробудится отцовское чувство, он сможет более здраво и справедливо судить о его поведении» [32. С. 249]. При всей трогательности ситуации можно убедиться в том, что такое поведение отца расценивалось как недопустимое, противоречащее нормам. «Нормальные» же для своего времени представления об отцовском поведении М. Монтень описывал совершенно иначе, называя их, однако, «безрассудными» и «нелепыми»: согласно этим представлениям, отцы не должны были поддерживать «со своими взрослыми детьми непринужденно-близких отношений и принимать в общении с ними надутый и важный вид, рассчитывая этим держать их в страхе и повиновении» [33. С. 76].

Еще один пример трогательного отцовского чувства предлагает Рене Декарт: «...любовь, которую хороший отец питает к своим детям, настолько чиста, что отец ничего не желает получить от них, ему не нужно иных прав на них, кроме тех, какие он имеет, и он не желает быть связанным с ними еще ближе, чем он связан; рассматривая их как свое второе „я“, он стремится к их благу как к своему собственному, и даже с еще большим рвением, потому что полагает, что он и они составляют одно целое, лучшей частью которого является не он; такой отец часто ставит интересы детей выше своих собственных и не боится погибнуть, чтобы их спасти» [34. С. 516].

ления к подчинению и обладанию [37. С. 194]. И, хотя этот христианский посыл, «упав» в почву языческой культуры (уже сложившейся в философии античных классиков метафизической парадигмы), не сразу обнаруживает свой антиметафизический потенциал, в эпоху разрастающейся эрозии метафизического мышления (с конца XIX столетия) именно он выходит на первый план, обозначая собой одну из ярчайших форм противостояния Афин и Иерусалима, убеждения как «принуждения» и веры как свободы и достоинства [38. С. 22, 71].

Знаменитый американский богослов начала XX в. Вальтер Раушенбуш уделял этому аспекту трактовки Бога в своих работах значительное внимание. С его точки зрения, именно метафизическое (греко-римское по своему происхождению) влияние подавило одну из важнейших идей христианства – идею любящего и милующего Отца, затмив ее идеей всемогущего и ревнивого деспота¹. Освобождение от метафизических оков в этом отношении должно привести к переосмыслению богословия. «Мы классифицировали богословие, – писал В. Раушенбуш, – как греческое и латинское, католическое и протестантское. Пришло время классифицировать его как деспотическое и демократическое. С христианской точки зрения это различие является более решающим» [40. Р. 175]. Такое переосмысление необходимо, с точки зрения В. Раушенбуша, не только людям, вера которых должна, наконец, освободиться от страха и раболепия, но и самому Богу, который в этой перспективе обретает шанс быть не только «почитаемым», но и любимым.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, с одной стороны, тесную связь представления о дистанцированном и деспотическом отцовстве с классическим метафизическим представлением о существовании последнего неизбежного и необходимого основания реальности, а с другой стороны, появление новых форм вовлеченного и ответственного отцовства параллельно с «расшатыванием» метафизического способа мышления в XX столетии.

Эта связь фундаментального процесса эрозии метафизики в философии и радикального преобразования института отцовства в социальном поле может показаться искусственной и «натянутой», нереалистичной только с точки зрения классического эссенциализма и дуализма. Согласно этим традиционным метафизическим по своей сути установкам, теория и практика являются настолько же несовместимыми (непересекающимися) друг с другом явлениями, как разум и чувства, дух и тело, трансцендентное и имманентное и т.п.

Философия XX столетия, антиэссенциалистская по преимуществу [41. С. 111], обнаружила всю искусственность такого рода противопоставлений и бинаризов и, следовательно, поставила новое поколение мыслителей перед необходимостью продумывания сложных и многообразных механизмов взаимного пересечения тех сфер, которые ранее считались предельно разрозненными. Как отмечает Д. Ваттимо, процесс «завершения метафизики» не является только лишь теоретическим открытием, сделанным «каким-то философом или философской школой, из которого следует, что бытие не яв-

¹ Подробнее о взглядах В. Раушенбуша см.: Хитрук Е.Б. Вальтер Раушенбуш: пророк XX века [39].

ляется объективностью, к которой наука-де хотела бы его свести; нет, речь идет о некой совокупности событий, меняющих само наше существование» [25. С. 21].

Именно в такой перспективе становится впервые возможным серьезное и взвешенное отношение к фундаментальным трансформациям в понимании Божественного Отцовства, которые подобно «тектоническому сдвигу» мышления порождают новые формы отношений между людьми, связанные с преодолением традиционного представления о мужчине как существе, заботящемся О семье, оставляющем при этом эмоциональное пространство В семье на долю женщины как «эмоционального менеджера».

Чтобы земные отцы смогли посмотреть на своих детей глазами любви, а не власти, Небесный Отец должен был перестать восприниматься как деспот, стремящийся подчинить собственной воле свое непослушное создание. Для этого должна была быть открыта возможность восприятия Бога как Отца, любующегося красотой своего творения, радующегося о нем.

Так, рассуждая о своих отцовских переживаниях, знаменитый российский философ Василий Розанов, следующим образом описывал их: «Не входя в богословие, – писал В.В. Розанов в одном из своих эссе, – сужу как отец: да, сколько раз я даже любовался детьми в минуты их гнева на родителей (т.е. меня). Так приятно видеть крошечное 3-х, 5-летнее существо, „расходившееся“, всякую ласку отвергающее в сознании какой-то своей 3-х летней „правоты“. Чудная картина; кусочек-человек, а уже сколько ума, характера, воображения, пламени. Никогда не хотел бы я видеть в детях своих подобие комнатной собачки, понуро следующей на ленточке за госпожой. Так, думаю, и вообще в природе; и, между прочим, в отношениях человека к Богу. Бог сотворил человека как красоту. И нужно было векам схоластической выучки пройти, чтобы человек, красивая тварь Божия, посмотрел на свои отношения к Сотворившему, как запуганный бурсак на строгого и желчного о. ректора» [42. С. 665].

Только осознание глубинных процессов эрозии метафизического представления об отцовстве может, с нашей точки зрения, поспособствовать пониманию и объяснению на фундаментальном теоретическом уровне тех значительных трансформаций, которые претерпевает институт отцовства в современном обществе.

Список источников

1. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2005. Т. 6.
2. Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
3. Ильдарханова Ч.И., Барсуков В.Н. Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 6. С. 211–227.
4. Dyer W.J. Fatherhood Measurement and Assessment // Handbook of the Psychology of Fatherhood. Springer, 2022.
5. Бадентэр Э. Мужская сущность. М. : Новости, 1995.
6. Хитрук Е.Б. Мужское и женское: от природы к культуре. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2017.
7. Хитрук Е.Б. Визуализация «отцовской революции» в контексте смены философских парадигм // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 2 (8). С. 97–107.
8. Хитрук Е.Б. Философские предпосылки формирования феномена «отсутствующий отец» в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 54–59.

9. Спасов В.Д. Гендерный аспект божественного родительства в христианской культуре // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1 (78). С. 221–224.
10. Кон И.С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2003.
11. Kimmel M. A war against boys? // Tikken Magazine. 2002. Vol. 15, № 6. P. 57–60.
12. Macht A. Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions. Oxford : Palgrave Macmillan, 2020.
13. Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). С. 29–41.
14. Груздева М.А., Калачикова О.Н. Типология моделей современного отцовства (на примере Вологодской области и Республики Татарстан) // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19, № 3 (136). С. 50–57.
15. Токарева Ю.А. Типология отцовства и характер воспитательной деятельности родителя // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2010. № 5. С. 154–160.
16. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология. 2012. № 3. С. 266–275.
17. Шевченко И.О. Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3 (46). С. 278–286.
18. Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
19. Adamsons K., Cutler L., Palkovitz R. Theorizing Fathering: Past, Present, and Future // Handbook of the Psychology of Fatherhood. Springer, 2022. P. 1–27.
20. Roggman L.A., Fitzgerald H.E., Bradley R.H., Raikes H. Overview of methodological, measurement, and design issues in studying fathers: An interdisciplinary perspective // Handbook of father involvement: Multidisciplinary perspectives. Erlbaum / eds. C. Tamis-LeMonda & N. Cabrera, 2002. P. 1–30.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993.
22. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1: Вопросы 1–43. Киев : Ника-Центр, 2002.
23. Рорти Р., Забала С., Ваттимо Дж. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4 (67). С. 93–110.
24. Flew A. My “conversion” // Think. 2005. № 4. P. 75–84.
25. Ваттимо Дж. После христианства. М. : Три квадрата, 2007.
26. Habermas J. Motive nachmetaphysischen Denkens // Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt ; М., 1988. P. 35–62.
27. Ваттимо Дж. Эпоха интерпретации // Логос. 2008. № 4 (67). С. 120–128.
28. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2016.
29. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998.
30. Мишура А.С. «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 1 (72). С. 92–105.
31. Краснухина Е.К. Отеческое и отечественное // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2014. Вып. 1. С. 21–26.
32. Монтень М. Опыты. Кн. первая. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1954.
33. Монтень М. Опыты. Кн. вторая. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1958.
34. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1.
35. Краснов М.А. Отец Небесный и «отцы нации» // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 2 (85). С. 146–164.
36. Будрик Е.Г. Педагогика отцовства в трудах философов и ораторов античности // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2023. № 1 (61). С. 72–77.
37. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М. : Культурная революция, 2005. Т. 5.
38. Шестов Л. Афины и Иерусалим. М. : РИПОЛ классик, 2017.
39. Хитрук Е.Б. Вальтер Раушенбуш: пророк XX века. СПб. : НИЦ АРТ, 2022.
40. Rauschenbusch W. A Theology for the Social Gospel. NewYork : The Macmillan company, 1917.
41. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4 (67). С. 111–119.

42. Розанов В.В. Собрание сочинений. Религия и культура. Статьи и очерки 1902–1903 гг. М. : Республика : Ростов, 2008.

References

1. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works. In 13 vols]. Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
2. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2020) Vovlechennoe otsovtstvo, zabotlivaya maskulinnost' [Involved fatherhood, nurturing masculinity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 5. pp. 155–185.
3. Ildarkhanova, Ch.I. & Barsukov, V.N. (2019) Sostoyanie i transformatsiya instituta otsovtstva: obzor zarubezhnykh issledovaniy [The state and transformation of the institution of fatherhood: A review of foreign research]. *Gumanitarniy Yuga Rossii.* 8(6). pp. 211–227.
4. Dyer, W.J. (2022) Fatherhood Measurement and Assessment. In: Molloy, S., Azzam, P. & Isacco, A. (eds) *Handbook of the Psychology of Fatherhood.* Springer.
5. Badenter, E. (1995) *Muzhskaya sushchnost'* [Male Identity]. Translated from English. Moscow: Novosti.
6. Khitruk, E.B. (2017) *Muzhskoe i zhenskoe: ot prirody k kul'ture* [Masculine and Feminine: From Nature to Culture] Tomsk: Tomsk State University.
7. Khitruk, E.B. (2016) Visualization of “father’s revolution” in the context of a change of philosophical paradigms. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics.* 2(8). pp. 97–107. (In Russian).
8. Khitruk, E.B. (2013) Filosofskie predposylki formirovaniya fenomena “otsutstvuyushchiy otets” v sovremennoy kul'ture [Philosophical prerequisites for the formation of the “absent father” phenomenon in modern culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 368. pp. 54–59. (In Russian).
9. Spasov, V.D. (2013) Gendernyy aspekt bozhestvennogo roditel'stva v khristianskoy kul'ture [A gender aspect of divine parenthood in Christian culture]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2-1(78). pp. 221–224.
10. Kon, I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and Society]. Moscow: Akademiya.
11. Kimmel, M. (2002) A war against boys? *Tikkun Magazine.* 15(6). pp. 57–60.
12. Macht, A. (2020) *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions.* Oxford. Palgrave Macmillan.
13. Kletsina, I.S. (2009) Otsovtstvo v analiticheskikh podkhodakh k izucheniyu maskulinnosti [Fatherhood in analytical approaches to the study of masculinity]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve.* 3(52). pp. 29–41.
14. Gruzdeva, M.A. & Kalachikova, O.N. (2020) Tipologiya modeley sovremennogo otsovtstva (na primere Vologodskoy oblasti i Respubliki Tatarstan) [Typology of models of modern fatherhood (a case study of the Vologda region and the Republic of Tatarstan)]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya.* 19(3/136). pp. 50–57.
15. Tokareva, Yu.A. (2010) Tipologiya otsovtstva i kharakter vospitatel'noy deyatel'nosti roditel'ya [Typology of paternity and the nature of the parent's educational activities]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities.* 5. pp. 154–160.
16. Bezrukova, O.N. (2012) Praktiki otvetstvennogo otsovtstva: “Papa-shkola” i sotsial'nyy ka-pital [Practices of responsible fatherhood: The “Dad-school” and social capital]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya.* 3. pp. 266–275.
17. Shevchenko, I.O. (2010) Institut otsovtstva: aktual'nye problemy v pole sotsiologicheskikh issledovaniy [Institute of Fatherhood: Current problems in the field of sociological research]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie.* 3(46). pp. 278–286.
18. Zvonareva, A.E. (2019) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya otsovtstvennykh praktik [Theoretical and methodological foundations for the study of paternal practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki.* 2(54). pp. 127–134.
19. Adamsons, K., Cutler, L. & Palkovitz, R. (2022) Theorizing Fathering: Past, Present, and Future. In: Molloy, S., Azzam, P. & Isacco, A. (eds) *Handbook of the Psychology of Fatherhood.* pp. 1–27.
20. Roggman, L.A., Fitzgerald, H.E., Bradley, R.H. & Raikes, H. (2002) Overview of methodological, measurement, and design issues in studying fathers: An interdisciplinary perspective. In: Tamis-LeMonda, C.S. & Cabrera, N.J (eds) *Handbook of father involvement: Multidisciplinary perspectives.* Routledge. pp. 1–30.

21. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.
22. Thomas Aquinas. (2002) *Summa teologii* [The sum of theology]. Vol. 1. Questions 1–43]. Kiev: Nika-Tsentr.
23. Rorti, R., Zabala, S. & Vattimo, G. (2008) Kakovo budushchee religii posle metafiziki? [What is Religion's Future after Metaphysics?]. *Logos*. 4(67). pp. 93–110.
24. Flew, A. (2005) My "conversion." *Think*. 4. pp. 75–84.
25. Vattimo, G. (2007) *Posle khristianstva* [After Christianity]. Translated from Italian. Moscow: Tri kvadrata.
26. Habermas, J. (1988) *Motive nachmetaphysischen Denkens/Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt/M.: [s.n.]. pp. 35–62.
27. Vattimo, G. (2008) Epokha interpretatsii [The Age of Interpretation]. *Logos*. 4(67). pp. 120–128.
28. Kon, I. (2016) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A man in a changing world]. Moscow: Vremya.
29. Aristotle. (1998) *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura.
30. Mishura, A.S. (2014) "Patriarkhiya": politicheskaya filosofiya Roberta Filmera ["Patriarchy": The Political Philosophy of Robert Filmer]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 1(72). pp. 92–105.
31. Krasnukhina, E.K. (2014) Otecheskoe i otechestvennoe [Paternal and patriotic]. *Vestnik SPbGU. Ser. 17*. 1. pp. 21–26.
32. Montaigne, M. (1954) *Opyty* [Experiments]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
33. Montaigne, M. (1958) *Opyty* [Experiments]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
34. Descartes, R. (1989) *Sochineniya v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
35. Krasnov, M.A. (2017) Otets Nebesnyy i "ottsy natsii" [Heavenly Father and "fathers of the nation"]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2(85). pp. 146–164.
36. Budrik, E.G. (2023) Pedagogika otsovstva v trudakh filosofov i oratorov antichnosti [Pedagogy of fatherhood in the works of philosophers and orators of antiquity]. *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.P. Shamyakina*. 1(61). pp. 72–77.
37. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
38. Shestov, L. (2017) *Afiny i Ierusalim* [Athens and Jerusalem]. Moscow: RIPOL klassik.
39. Khitruk, E.B. (2022) *Val'ter Rauschenbusch: prorok XX veka* [Walter Rauschenbusch: A prophet of the 20th century]. St. Petersburg: NITs ART.
40. Rauschenbusch, W. (1917) *A Theology for the Social Gospel*. New York: The Macmillan Company.
41. Rorti, R. (2008) Antiklerikalizm i ateizm [Anti-clericalism and atheism]. *Logos*. 4(67). pp. 111–119.
42. Rozanov, V.V. (2008) *Sobranie sochineniy. Religiya i kul'tura. Stat'i i ocherki 1902–1903 gg.* [Collected Works. Religion and Culture. Articles and Essays 1902–1903]. Moscow: Respublika; "Rostok."

Сведения об авторах:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, ведущий научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Быков Р.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, старший научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khitruck E.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy; leading researcher of the Laboratory of Transdisciplinary

Studies of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Bykov R.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Sociology, Senior Researcher of the Laboratory of Transdisciplinary Studies of Cognition, Language and Social Practices, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nimai.bykov@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2024;
одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 21.10.2024*

*The article was submitted 20.06.2024;
approved after reviewing 02.10.2024; accepted for publication 21.10.2024*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4.06
doi: 10.17223/1998863X/81/15

БАРЬЕРЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Людмила Николаевна Боронина¹,
Светлана Валерьевна Ольховикова²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

¹ *bulasmila@mail.ru*

² *s.v.olkhovikova@urfu.ru*

Аннотация. Инклюзивное образование в высшей школе сталкивается как с общими вызовами, так и с проблемами, имеющими специфическое содержание: низкой степенью доступности образовательной среды, низким уровнем адаптации и профессиональной социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью. Все эти проблемы концентрируются во внутривузовской плоскости, требуют исследовательского осмысления и новых технологий их решения. Целью статьи является выявление барьеров инклюзивного образования в Уральском федеральном университете.

Ключевые слова: инклюзивное образование, высшая школа, барьеры

Для цитирования: Боронина Л.Н., Ольховикова С.В. Барьеры инклюзивного образования в высшей школе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 165–174. doi: 10.17223/1998863X/81/15

SOCIOLOGY

Original article

INCLUSIVE EDUCATION BARRIERS IN HIGHER SCHOOL EDUCATION

Lyudmila N. Boronina¹, Svetlana V. Olkhovikova²

^{1, 2} *Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *bulasmila@mail.ru*

² *s.v.olkhovikova@urfu.ru*

Abstract. There are a lot of both general and specific challenges to higher school that press on inclusive education, such as an insufficient availability of educational infrastructure, a deficit of high-qualified pedagogical staff that block working with specific student categories and their demands, the absence or weakness of adaptive education programs, the overall low adaptivity and professional socialization of disabled students. All the issues belong to

internal university environment and still miss researching and pragmatic solutions. Our aim consists in elucidating the inclusive education barriers that exist in the Ural Federal University. Our empirical data rely on official federal statistics, with the inclusion of the situational context influenced by federal and regional laws and other normative acts in the educational sphere, as well as on recent publications and also on organizational practices in Ural federal University reflected in student surveys and expert interviews. We follow managerial, risk-analysis, and stake-holders approaches to the issues. The research relies on document analysis, existing statistical data analysis, and sociological surveys. We found out that inclusive education in the Ural Federal University is logically consistent in its realization as consecutive and holistic in the context of its organization in general, and also including versatile approaches to and forms of inclusive practices acknowledged by Russian and international academic communities. Nevertheless, problems of proper staffing plague the Inclusive Education Center, and the availability of educational environment falls far below the 100% level, leading to weaknesses in the pragmatic relevance of inclusive education, missing the postgraduate support and job acquisition of former students. A comparative analysis of students' and professors' surveys demonstrates paradoxical similarities and dissimilarities in their opinions. Concerning physical barriers, the two groups of respondents agree in the absence of a unified approach in creating a friendly environment in the university, also mentioning the existing adaptation barriers. However, the existing evaluative, academic, educational, and professional barriers receive wide and somewhat contradictory evaluations.

Keywords: inclusive education, higher school, barriers

For citation: Boronina, L.N. & Olkhovikova, S.V. (2024) Inclusive education barriers in higher school education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 165–174. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/15

Введение

По данным Федеральной службы государственной статистики за 2023 г., численность обучающихся лиц с инвалидностью по образовательным программам высшего образования в РФ составляет 35 567 человек – 0,008% к общему количеству студентов. Вторичный анализ статистики показывает, что за период с 2008 по 2023 г. количество таких студентов увеличилось в 1,4 раза [1]. Сравнительный анализ численности студентов на период поступления и момент окончания высшего учебного заведения имеет неблагоприятное соотношение 2 : 1 – окончивших вуз становится в два раза меньше, чем было при поступлении в него.

Сложности, возникающие в процессе инклюзивной подготовки кадров в высшей школе, обусловили высокий интерес ученых и практиков, который имплементируется в различные методологические подходы – аксиологический [2], психолого-педагогический [3, 4], правовой [5], организационно-управленческий [6], медико-социальный [7], инфраструктурный [8]. Особое внимание исследователей уделяется рискологическому подходу, связанному с оценкой состояния инклюзивной среды с учетом барьеров и рисков ее развития [9], поиском инструментов их минимизации на пути получения профессионального образования и дальнейшего успешного трудоустройства выпускников [10]. Совокупность реализуемых методологических подходов свидетельствует о том, что современное инклюзивное образование в российской высшей школе находится в стадии развития, а несовершенство условий инклюзивной образовательной среды в вузах указывает на необходимость дополнительных усилий по исследованию, разработке и реализации инклюзивных практик и универсального дизайна [11].

Методология и методы идентификации барьеров инклюзивного образования

В теории и практике риск-менеджмента риски традиционно трактуются как неблагоприятные события в процессе реализации различного рода проектов. Определение же барьеров не так однозначно. Первое значение барьеров связывают с источниками возникновения рисков – неблагоприятными факторами, которые могут обуславливать появление рисков. Второе отражает «совокупность управленческих действий, средств контроля и методов управления для нейтрализации барьеров» [12]. Рекомендуемый национальным стандартом по риск-менеджменту метод «Галстук-бабочка» [12] позволяет рассмотреть процесс управления рисками в логике причинно-следственных связей: идентификации источников опасности («барьеров на входе» в систему) – к проектированию средств контроля и методам управления («барьерам на выходе» из системы).

К традиционным барьерам как источникам рисков, препятствующих эффективной профессиональной подготовке инвалидов и лиц с ОВЗ, специалисты, как правило, относят исключительно «барьеры на входе» (стартовые барьеры) – физический, оценочный и академический [9]. Отсутствие комплексности в реализации рискологического подхода в существующих отечественных исследованиях обусловило выделение авторами наряду со стартовыми барьерами барьеров функциональных (адаптационных, образовательных и профессиональных) и управленческих, рассматриваемых в качестве системы управленческих воздействий, нейтрализующих стартовые и функциональные барьеры (рисунок).

Стартовые барьеры	STOP		Функциональные барьеры	STOP		П О С Л Е Д С Т В И Я
	Р И С К И	Управленческий барьер 1		Р И С К И	Управленческий барьер 1	
Физические		Управленческий барьер 2	Управленческий барьер 2			
Оценочные		Управленческий барьер 3	Управленческий барьер 3			
Академические	STOP		Профессиональные	STOP		

Двойная диаграмма «Галстук-бабочка»

Апробация заявленной методологии была осуществлена на примере исследования инклюзивного образования в Уральском федеральном университете, являющемся ведущим вузом Уральского федерального округа. Профессиональная подготовка в университете осуществляется по 116 направлениям подготовки бакалавриата, 190 направлениям магистратуры, 28 специальностям. В вузе реализуется 344 профессиональные образовательные программы [13]. В 2023/24 учебном году общая численность обучающихся с особыми образовательными потребностями составила 334 человека – 0,093% от общего количества студентов (больше, чем в среднем по РФ). Приоритетные инклюзивные направления подготовки – гуманитарные науки, экономика и управление, естественные науки (математика), радиоэлектроника и информационные технологии.

Идентификация стартовых и функциональных барьеров в образовательной подготовке студентов Уральского федерального университета (далее – УрФУ) в исследовании осуществлялась в рамках онлайн-анкетирования студентов с ОВЗ и инвалидностью (N = 100). В опросе приняли участие бакалавры (1–4-й курсы) очной формы обучения, различных направлений подготовки. В структуре выборочной совокупности представлены студенты разных нозологических групп: большинство респондентов (57%) имеют какое-то соматическое заболевание; 20% студентов отметили проблемы с опорно-двигательным аппаратом; у оставшихся 17 и 6% имеют место нарушения зрения и слуха соответственно. Данные опроса студентов сравнивались с результатами полуформализованного интервью, в котором участвовало 5 экспертов – директор Центра инклюзивного образования УрФУ (далее – ЦИО) и преподаватели, осуществляющие инклюзивную подготовку в вузе. При характеристике управленческих барьеров применялся метод анализа документов, в качестве которых рассматривались регламенты Уральского федерального университета, находящиеся в открытом доступе [14], и научные публикации, отражающие практику инклюзивного образования в университете [15].

Стартовые барьеры профессиональной подготовки лиц с ОВЗ и инвалидностью

Физические барьеры. В рамках «Концепции развития доступной среды для лиц с ОВЗ и инвалидностью в УрФУ на 2016–2030 годы» разработана Дорожная карта доступности объектов университета для студентов с ОВЗ и инвалидностью [16], в соответствии с которой обеспечиваются все необходимые и приемлемые меры по созданию комфортных условий для обучения студентов. Однако несмотря на предпринимаемые меры, оценки опрошенных студентов неоднозначны. При общей положительной оценке каждый десятый респондент артикулирует неудовлетворенность относительно доступности инфраструктуры в историческом здании главного корпуса, ссылаясь на узкие дверные проемы, отсутствие лифтов, поручней и пандусов, табличек на дверях аудиторий со шрифтом Брайля. Эксперты также отмечают отсутствие абсолютной доступности образовательной среды, объясняя этот факт масштабностью вуза и ограничениями, связанными с тем, что *«большинство корпусов университета являются объектами культурного наследия федерального либо областного значения»* (Информант 1, директор ЦИО).

Результаты опроса студентов и экспертных интервью продемонстрировали низкую степень проявления *оценочных барьеров*. Характер отношения к студентам с особыми образовательными потребностями со стороны обычных студентов и преподавателей измерялся шкальными вопросами, где 1 балл – отношение предвзятое, 5 – дружелюбное. Средние баллы в оценках студентов и экспертов идентичны – по 4,4, что свидетельствует о проявлении толерантности и благожелательности к студентам с ОВЗ. Преобладающее большинство студентов (74%) отметили, что академические требования для всех равны. На вопрос о том, как прочие студенты относились к тому, что в их группе обучаются студенты с ограничениями здоровья, большинство экспертов дали положительную оценку: *«У нас нормальные люди, прекрасные студенты, <...> все понимающие и очень доброжелательные люди»* (Информант 3, преподаватель).

Академические барьеры, отражающие уровень компетентности профессорско-преподавательского состава в образовательной подготовке студентов с ОВЗ и инвалидностью, оценивались только экспертами. Доброжелательность и толерантность, которые присутствуют в мнениях студентов о преподавателях, в условиях совместного обучения сопрягаются с педагогическими трудностями у преподавателей. Для преодоления академического барьера Центр инклюзивного образования УрФУ проводит на постоянной основе курсы повышения квалификации, в которых теоретическое обучение сопровождается практическими занятиями по адаптации учебного материала. Однако реализация этого управленческого барьера вызывает неоднозначные оценки профессорско-преподавательского состава: *«благодаря тому обучению <...> нам стало более понятно, но легче от этого не стало»* (Информант 4, преподаватель); *«обучения, которое реализуется в вузе ежегодно, явно недостаточно»* (Информант 2, преподаватель); отношение к курсам повышения квалификации еще один эксперт обозначил как *«формальное, не так много практики»* (Информант 5, преподаватель).

Проблему с нехваткой кураторов, на которую ссылаются преподаватели (в штатном расписании ЦИО присутствует только одна должность куратора), и ее решение, по мнению руководства ЦИО, можно рассматривать в качестве перспективного управленческого барьера: *«У нас есть большой прирост студентов с инвалидностью, а людей у нас пока мало, мы не можем объять необъятное. В такой ситуации становится актуальным кадровый вопрос»* (Информант 1, директор ЦИО).

Функциональные барьеры профессиональной подготовки лиц с ОВЗ и инвалидностью

Адаптационные барьеры. Адаптация и социализация студентов с ОВЗ и инвалидностью в течение первого года обучения является одной из приоритетных функций ЦИО: *«Основная трудность связана с проблемой социализации и адаптации студентов. Ребята приходят из коррекционных школ, либо у кого-то было обучение на дому, либо дистанционное обучение. Даже если они учились в школе, то в маленьких группах... Когда они приезжают и приходят на потоковую лекцию в 130 человек, <...> они замыкаются и перестают ходить на занятия»* (Информант 1, директор ЦИО). Опрошенные студенты, несмотря на признание доброжелательных отношений со стороны своих одноклассников и преподавателей, во взаимодействии с ними также ссылаются на наличие психологических барьеров.

Управленческие адаптационные барьеры в университете сформированы системно и представляют собой комплекс самых разных образовательных концепций, практик и мероприятий. Разработанный в УрФУ адаптационный модуль, входящий в учебные планы всех образовательных программ, признан одним из лучших среди университетских инклюзивных практик в стране [17]. Однако в опросе студентов эффективность этого модуля смогли положительно оценить только 25% студентов (модуль обладает прескриптивным статусом, осваивается по выбору студентов).

Вся система управленческих действий по преодолению адаптационных барьеров студентов с ОВЗ вписывается в базовые принципы деятельности ЦИО – индивидуальный и дифференцированный подходы во взаимодействии

со студентами: *«Мы точно работаем с каждым студентом. Например, если в процессе мониторинга академической успеваемости обнаруживается кто-то, у кого образовались задолженности по предметам, Центром организуются дополнительные консультации с преподавателями, либо рассматривается переход студента на индивидуальный учебный план...»* (Информант 1, директор ЦИО). Дифференцированный подход реализуется в зависимости от типа нозологии студентов. Еще один принцип в работе – установка на студентосбережение. В ЦИО предпринимаются все необходимые меры, чтобы не допустить отчислений без необъяснимых причин.

Образовательные барьеры выявлялись через отношение студентов к учебе. При среднем балле удовлетворенности респондентов учебой в 3,9 балла, зафиксирована различная степень удовлетворенности в отношении отдельных аспектов образовательного процесса. В шкале предпочтений находятся применение традиционных форм обучения (62%); индивидуальные траектории обучения (44%); широкое использование современных информационных технологий (39%). Удовлетворенность практико-ориентированностью дисциплин (связь получаемых знаний с жизнью, реальным сектором производства) артикулирует только 23% опрошенных. И совсем неудовлетворительные оценки студентов соотносятся с организацией учебных и производственных практик. Среди основных трудностей обучения – непропорциональная нагрузка (каждый третий опрошенный), неудобное расписание (каждый пятый), неосведомленность преподавателей и обычных студентов о потребностях и возможностях студентов с ОВЗ (каждый шестой).

Сравнительный анализ оценочных, образовательных и академических барьеров фиксирует явное противоречие между ними. Толерантный характер отношений с одноклассниками и преподавателями, зафиксированный в стартовых оценочных барьерах, в образовательных барьерах сменяется в студенческих оценках на негативный эмоциональный фон – артикуляцию на неосведомленность и отсутствие желания со стороны преподавателей и студентов учитывать их особенности. При наличии общего понимания особенностей, с которыми сталкиваются студенты с ОВЗ в процессе обучения, эксперты плохо представляют себе, что делать с этим пониманием в учебном процессе в условиях смешанных групп.

Организацию совместного обучения эксперты противопоставили индивидуальному подходу к обучению студентов с ОВЗ и инвалидностью, обозначив дилемму «формирование или неформирование смешанных групп» как сложный дискуссионный вопрос: *«Невозможно, работая в общей группе, оказывать индивидуальный подход каждому отдельно, прежде всего, потому что у студентов может быть разный уровень ограничений и не только в одной нозологической группе. Это могут быть совершенно разные заболевания, и тут на первый план выходит опыт и квалификация преподавателя, он должен быть готов дать такую нагрузку, которая подойдет всей аудитории студентов <...> так нужно провести занятие, чтобы студенты с ОВЗ, с одной стороны, получили должную нагрузку, а с другой стороны, не навредить другим студентам»* (Информант 3, преподаватель).

Ключевыми индикаторами *профессиональных барьеров* в опросе студентов стали оценка степени удовлетворенности студентов выбора профессии, динамика представлений о получаемой профессии в процессе обучения,

структура профессиональных планов респондентов и стратегия трудоустройства. Полностью удовлетворены выбранной профессией только 36% опрошенных студентов. Каждый второй респондент испытывает сомнения в качестве профессиональной подготовки, каждый шестой – в той или иной степени не удовлетворен получаемой специальностью. Для половины респондентов представление о профессии с момента поступления в вуз не поменялось. В структуре профессиональных планов лишь 40% опрошенных студентов готовы работать по специальности. Каждый десятый нуждается в дополнительном обучении после окончания вуза на рабочем месте. 40% опрошенных, получив профессию в УрФУ, предпочли бы в разных формах получить помощь в трудоустройстве в стенах родного вуза, в том числе в рамках прохождения практик у будущих работодателей.

В отличие от преподавателей, которые оценивают шансы на трудоустройство студентов весьма оптимистично, руководитель ЦИО проявляет серьезную озабоченность: *«В соответствии с утверждённым в декабре 2021 года межведомственным комплексным планом, все вузы к 2030 году должны обеспечить трудоустройство 80% выпускников с ОВЗ и инвалидностью. Показатель очень высокий. Мы планируем и проводим встречи с работодателями, однако этого мало <...> становится актуальным вопрос о развитии практико-ориентированного подхода, когда работодатели будут приглашать студентов на практику, с возможным последующим трудоустройством»* (Информант 1, директор ЦИО). В качестве дополнительных управленческих барьеров преодоления профессиональных барьеров планируется наряду с традиционной практикой ивент-проектирования нарастить потенциал производственных практик и постдипломного сопровождения студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Заключение

1. Существующий количественный и качественный дисбаланс между запросами студентов с особыми образовательными потребностями на получение высшего профессионального образования и его результативностью актуализирует управленческую повестку по созданию в университетах гибкой и адаптивной системы студентосбережения. Поиск технологий удержания студентов с ОВЗ и инвалидностью, повышения качества их профессиональной подготовки возможен на основе исследовательских практик по идентификации барьеров институциональной образовательной среды во внутриуниверситетской плоскости.

2. Результаты исследования, проведенного в Уральском федеральном университете, показывают, что несмотря на наличие последовательной, целостной и управляемой системы подготовки кадров, разнообразные подходы, направления и формы инклюзивных практик, существуют управленческие барьеры, порождающие межбарьерные противоречия в инклюзивной подготовке студентов с ограничениями здоровья.

3. Организация совместного обучения студентов с разными нозологиями снижает уровень удовлетворённости и качество профессиональной подготовки студентов с особыми образовательными потребностями. Необходим дифференцированный подход к формированию смешанных групп с учетом особенностей нозологий студентов.

4. В наращивании потенциала системы управленческих воздействий для преодоления межбарьерных противоречий необходимо проектирование мер по внедрению в инклюзивный образовательный процесс технологий практико-ориентированного подхода и постдипломного сопровождения выпускников с ОВЗ и инвалидностью, а также внедрение дополнительных практико-ориентированных программ ДПО, формирование инструментов дополнительного стимулирования ППС, участвующих в подготовке студентов с ОВЗ и инвалидностью; расширение кадрового состава ЦИО и формирование института тьюторов; оптимизация психологического консультирования с учетом особенностей нозологических групп в рамках индивидуального подхода к студентам.

5. Перспективы исследования могут быть связаны с разработкой инструментария для постоянного мониторинга состояния инклюзивной подготовки в университете и использованием исследовательской методологии в других российских вузах.

Список источников

1. Сведения об инвалидах – студентах, обучающихся по профессиональным образовательным программам. Официальный сайт РОССТАТ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 01.04.2024).
2. Самохин И.С., Соколова Н.Л., Сергеева М.Г. Аксиологический подход к инклюзивному образованию: компаративный анализ // Казанский педагогический журнал. 2018. № 1 (126). С. 22–27.
3. Лобанова Е.Е. Инклюзивная образовательная среда образовательной организации высшего образования как средство адаптации и социализации студентов // Профессиональная ориентация лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, их комплексное сопровождение. 2022. С. 103–108.
4. Ромашина Е.В. Педагогическая поддержка преподавателей при организации инклюзивного образовательного процесса в вузе // Глобальный научный потенциал. 2021. № 2 (119). С. 93–96.
5. Базарова Л.В. Инклюзивная образовательная среда в системе высшего образования России // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2022. № 1 (90). С. 120–126.
6. Грибанова С.В. О некоторых аспектах формирования инклюзивной среды в образовательной организации высшего образования // Всероссийская конференция по вопросам доступности профессионального образования. 2022. С. 21–23.
7. Олейников В.А. Проблемы медико-социального сопровождения лиц с ОВЗ в инклюзивном образовании // Человек. Наука. Социум. 2020. № 2 (4). С. 184–197.
8. Андронов М.П., Лаптева Ю.А., Анохина А.С. О проектировании доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–4. С. 9–11.
9. Зорина Е.Е. Преодоление барьеров при реализации инклюзивного образования в вузе // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 165–184.
10. Томашов В.В., Рыжова А.С. Трудности и барьеры инклюзивного образования в высшей школе // Вестник социально-политических наук. 2020. № 19. С. 29–32.
11. Горбушин И.К. Инклюзивное высшее образование: анализ мировых практик и перспективы развития в России // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2023. № 1 (39). С. 93–96.
12. Национальный стандарт ГОСТ Р 51901.23–2012 «Менеджмент риска. Реестр риска. Руководство по оценке риска опасных событий для включения в реестр риска». URL: https://ohranatruda.ru/ot_biblio/standart/201029/ (дата обращения: 24.01.2024).
13. Об Уральском федеральном в цифрах // Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина [сайт]. URL: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (дата обращения: 24.01.2024).
14. Концепция развития доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б.Н. Ельцина на 2016–2030 годы // Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина [сайт]. URL: https://cio.urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/inclusive_education/Koncepcija_razvitiya_dostupnoi_sredy_dlya_lic_s_OVZ_i_invalidov_v_Urfu.pdf (дата обращения: 24.01.2024).

15. Неволина А.Л., Бараишев А.Р. Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: формирование инклюзивной культуры в цифровом пространстве // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: формирование инклюзивной культуры в цифровом пространстве : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 10–11 декабря 2020 года). Екатеринбург, 2021. 2021.

16. Дорожная карта доступности // Центр инклюзивного образования [сайт]. URL: Дорожная карта (urfu.ru) (дата обращения: 24.01.2024).

17. Полянская А.Г., Боронина Л.Н. Event-мероприятия как механизм развития инклюзивного образования в высшей школе // Экстрабилити как феномен инклюзивной культуры: Дизайн инклюзивного взаимодействия: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 2–3 декабря 2021 г.). Екатеринбург : Изд. дом «Ажур», 2022. С. 70–77.

References

1. ROSSTAT. (n.d.) *Svedeniya ob invalidakh – studentakh, obuchayushchikhsya po professional'nyim obrazovatel'nyim programmam* [Information on disabled students studying in professional educational programs]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (Accessed: 1st April 2024).

2. Samokhin, I.S., Sokolova, N.L. & Sergeeva, M.G. (2018) Aksiologicheskii podkhod k inkluzivnomu obrazovaniyu: komparativnyy analiz [The axiological approach to inclusive education: A comparative analysis]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 1(126). pp. 22–27.

3. Lobanova, E.E. (2022) Inkluzivnaya obrazovatel'naya sreda obrazovatel'noy organizatsii vysshego obrazovaniya kak sredstvo adaptatsii i sotsializatsii studentov [Inclusive educational environment of an educational organization of higher education as a means of adaptation and socialization of students]. In: *Professional'naya orientatsiya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu, ikh kompleksnoe soprovozhdenie* [Professional orientation of persons with disabilities and disabilities, their comprehensive support]. pp. 103–108.

4. Romashina, E.V. (2021) Pedagogicheskaya podderzhka prepodavateley pri organizatsii inkluzivnogo obrazovatel'nogo protsessa v vuze [Pedagogical support for teachers in organizing an inclusive educational process at a university]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*. 2(119). pp. 93–96.

5. Bazarova, L.V. (2022) Inkluzivnaya obrazovatel'naya sreda v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii [Inclusive educational environment in the higher education system of Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizatsiya*. 1(90). pp. 120–126.

6. Gribanova, S.V. (2022) O nekotorykh aspektakh formirovaniya inkluzivnoy sredy v obrazovatel'noy organizatsii vysshego obrazovaniya [On some aspects of the formation of an inclusive environment in an educational organization of higher education]. *Vserossiyskaya konferentsiya po voprosam dostupnosti professional'nogo obrazovaniya* [All-Russian conference on the accessibility of professional education]. pp. 21–23.

7. Oleynikov, V.A. (2020) Problemy mediko-sotsial'nogo soprovozhdeniya lits s OVZ v inkluzivnom obrazovanii [Problems of medical and social support for persons with disabilities in inclusive education]. *Chelovek. Nauka. Sotsium*. 2(4). pp. 184–197.

8. Andronov, M.P., Lapteva, Yu.A. & Anokhina, A.S. (2023) O proektirovanii dostupnoy sredy dlya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya [On the design of an accessible environment for individuals with disabilities in higher education institutions]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 78–4. pp. 9–11.

9. Zorina, E.E. (2018) Preodolenie bar'erov pri realizatsii inkluzivnogo obrazovaniya v vuze [Overcoming barriers in the implementation of inclusive education at the university]. *Obrazovanie i nauka*. 20(5). pp. 165–184.

10. Tomashov, V.V. & Ryzhova, A.S. (2020) Trudnosti i bar'ery inkluzivnogo obrazovaniya v vysshey shkole [Difficulties and barriers of inclusive education in higher education]. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk*. 19. pp. 29–32.

11. Gorbushin, I.K. (2023) Inkluzivnoe vysshee obrazovanie: analiz mirovykh praktik i perspektivy razvitiya v Rossii [Inclusive Higher Education: Analysis of World Practices and Development Prospects in Russia]. *Vestnik Komi respublikanskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya*. 1(39). pp. 93–96.

12. Russian Federation. (2012) *Natsional'nyy standart GOST R 51901.23–2012 “Menedzhment riska. Reestr riska. Rukovodstvo po otsenke riska opasnykh sobytii dlya vlyucheniya v reestr riska”* [National Standard GOST R 51901.23–2012 “Risk Management. Risk Register. Guidelines for Risk Assessment of Hazardous Events for Inclusion in the Risk Register”]. [Online] Available from: <https://ohranatruda.ru/otbiblio/standart/201029/> (Accessed: 24th January 2024).

13. Ural Federal University. (n.d.) *Ob Ural'skom federal'nom v tsifrah* [About the Ural Federal University in Figures]. [Online] Available from: <https://urfu.ru/ru/about/today/figures/> (Accessed: 24th January 2024).

14. Ural Federal University. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya dostupnoy sredy dlya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidov v Federal'nom gosudarstvennom avtonomnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya “Ural'skiy federal'nyy universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina” na 2016–2030 god* [The concept of developing an accessible environment for people with disabilities in the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education “Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin” for 2016–2030]. [Online] Available from: https://cio.urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/inclusive_education/Koncepciya_razvitiya_dostupnoi_sredy_dlja_lic_s_OVZ_i_invalidov_v_UrFU.pdf (Accessed: 24th January 2024).

15. Nevolina, A.L. & Barashev, A.R. (2021) *Ekstrabiliti kak fenomen inklyuzivnoy kul'tury: formirovanie inklyuzivnoy kul'tury v tsifrovom prostranstve* [Extrability as a Phenomenon of Inclusive Culture: Formation of Inclusive Culture in the Digital Space]. In: Serova, N.B. & Narkhov, D.Yu. (eds) *Ekstrabiliti kak fenomen inklyuzivnoy kul'tury: formirovanie inklyuzivnoy kul'tury v tsifrovom prostranstve* [Extrability as a Phenomenon of Inclusive Culture: Formation of Inclusive Culture in the Digital Space]. Ekaterinburg: Azhur.

16. The Center for UrFU Inclusive Education. (n.d.) *Dorozhnaya karta dostupnosti* [Accessibility Roadmap]. [Online] Available from: [Dorozhnaya karta \(urfu.ru\)](https://urfu.ru/dorozhnaya-karta-dostupnosti/) (Accessed: 24th January 2024).

17. Polyanskaya, A.G. & Boronina, L.N. (2022) *Event-meropriyatiya kak mekhanizm razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya v vysshey shkole* [Events as a Mechanism for the Development of Inclusive Education in Higher Education]. In: Serova, N.B. (ed.) *Ekstrabiliti kak fenomen inklyuzivnoy kul'tury: Dizayn inklyuzivnogo vzaimodeystviya* [Extrability as a Phenomenon of Inclusive Culture: Design of Inclusive Interaction]. Ekaterinburg: Azhur. pp. 70–77.

Сведения об авторах:

Боронина Л.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: bulasmila@mail.ru

Ольховикова С.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.v.olkhovikova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Boronina L.N. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Sociology and Social Technologies in Public Administration, Institute of Economics and Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail bulasmila@mail.ru

Olkhovikova S.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Sociology and Social Technologies in Public Administration, Institute of Economics and Administration, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail s.v.olkhovikova@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 03.08.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК 316.334

doi: 10.17223/1998863X/81/16

ДОВЕРИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА МЕДИЦИНСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ: ГРАНИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Никита Андреевич Вялых

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
sociology4.1@yandex.ru*

Аннотация. В статье предлагаются теоретико-методологические и практические разработки, касающиеся способов социологического изучения доверия общества медицинским организациям. Выделяются атрибутивные признаки и поведенческие факторы доверия / недоверия потребителей медицинской помощи. Делается вывод о функциональной роли социологических исследований доверия в сфере российского здравоохранения, типичных когнитивных иллюзиях и стереотипах научного познания этого феномена.

Ключевые слова: доверие, недоверие, здравоохранение, медицинские организации, пациенты

Для цитирования: Вялых Н.А. Доверие российского общества медицинским организациям: грани и ограничения социологического познания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 175–187. doi: 10.17223/1998863X/81/16

Original article

RUSSIAN SOCIETY'S TRUST IN MEDICAL ORGANIZATIONS: EDGES AND LIMITATIONS OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE

Nikita A. Vyalykh

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,
sociology4.1@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the observation is determined by the practical and scientific necessity to overcome the patterns in conceptualizing the phenomenon of trust/distrust. The disadvantage of most studies, regardless of the scientific field, is the confidence in a generally accepted concept of trust. Therefore, most sociological diagnostics are usually reduced to identifying some kinds of indices and averages of trust, satisfaction, and expectations of medical care consumers. This leads to the illusion of understanding the public opinion and social moods on this issue. The cognitive framework is also associated with the fundamental evaluative opposition of society's trust in medical care as a blessing and distrust as a socio-cultural barrier to the development of the healthcare system. In this regard, the aim of the research is to conduct a comprehensive reassessment of social perceptions, practices, behavioral attitudes that form a system of indicators of public trust in the healthcare institution. The study is based on the paradigm of social constructivism. This methodological strategy makes it possible to study both mental and institutional factors that shape the ambivalence of public trust in healthcare services. The author argues that social trust is constructed as a result of activities and communication, and requires directed efforts and an active position of key agents. At the same time, behavioral indicators of trust should be supplemented with information about objective indicators of the accessibility and quality

of medical care. The author suggests the following criteria to a sociological assessment of social trust in the healthcare system: the attitude of medical care consumers to doctors and medical organizations; the degree of satisfaction in medical needs and self-assessment of one's health; typical practices of self-preservation behavior; emotional mood, fears and expectations from medical intervention; preventive activities; predisposition to medical risk; the information field of medical choice.

Keywords: trust, distrust, healthcare, medical organizations, patients

For citation: Vyalykh, N.A. (2024) Russian society's trust in medical organizations: edges and limitations of sociological knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 175–187. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/16

Введение

Социология медицины и здравоохранения занимает маргинальное положение в системе научного знания. Вопросы общественного здоровья не просто находятся на стыке медицинских и социологических наук, а являются предметом конкуренции представителей этих и других дисциплин (психологии, экономики, демографии, философии). Выводы ученых из числа профессионального медицинского сообщества не лишены тенденциозности, что является естественным следствием медиализации – упрочения власти и авторитета медицины в социуме. Именно поэтому важна не только аутопойэтическая самодиагностика процессов в системе медицинского обеспечения, но и их внешняя рефлексия, которая, впрочем, тоже не обходится без предвзятости и чрезмерной эмоциональной вовлеченности – по той простой причине, что независимые эксперты иногда бывают по совместительству фрустрированными и недовольными пациентами.

Будем откровенны: в далеком 2008 г. импульсом к научному творчеству в сфере социологии здоровья и здравоохранения самого автора, тогда еще студента третьего курса, послужил переход по возрасту из детской поликлиники во взрослую, когда произошло столкновение с жесткой реальностью и барьерами городской медицины. С того момента понадобилось минимум десять лет научных изысканий, чтобы осознать и ментально принять значение не столько внешних институциональных регуляторов, сколько внутренних ограничивающих установок, стереотипов, ценностей, представлений, страхов, которые закрепляют не всегда эффективные паттерны потребления медицинских услуг. Подобная трансформация прослеживается сегодня в социально-гуманитарном знании в целом: происходит методологический разворот от канонов классической модели научной рациональности к поведенческим теориям и акционизму [1–5].

Медико-социальные исследования в попытке интерпретации различных типов здравоохранительной активности пациентов и погони за эмпирическими данными носят скорее констатирующий характер, лишенный глубокой социологической рефлексии макро- и микросоциальных факторов доверия общества. Проблема исследования, а точнее ее социальный контекст, состоит в противоречии между самосохранительным сознанием потребителей медицинских услуг, в основе которого лежат высокая ценность здоровья, декларируемое институциональное доверие российскому здравоохранению, и реальными практиками социального поведения в ситуации заболевания. Суть внутринаучной

значимости категоризации доверия / недоверия выражается, во-первых, в повседневной и академической стереотипизации данного феномена, во-вторых, в недооценке социокультурных факторов терапевтического выбора пациентов, когда речь заходит о способах преодоления кризиса общественного здоровья и сглаживании неравенства в доступе к медицинским услугам.

С учетом вышеизложенных научных лакун и противоречий цель статьи состоит в очерчивании проблемно-предметного поля, методологических и смысловых особенностей социологического подхода к изучению доверия / недоверия общества медицинским организациям. В дополнении к этому, в интересах расширения горизонта последующих научных исследований здравоохранения и медицины, хотелось бы подсветить области тьмы и интеллектуальные автоматизмы, свойственные современной социологии доверия.

Идейно-теоретический контекст социологических исследований доверия потребителей медицинских услуг

Потребность в разработке нового методологического инструментария социологической диагностики социальных и культурных факторов доверия пациентов не только в институциональном пространстве здравоохранения, но и за его пределами назрела давно. Малоизученным остается вопрос о социальной мотивации обращения за медицинскими услугами в некритических для здоровья человека ситуациях, включая профилактическую активность [6. С. 406]. В современной научной литературе обстоятельно раскрываются векторы развития российского здравоохранения, сценарии трансформации его организационно-финансовой модели и постпандемические социальные эффекты [7–11]. Существенное внимание исследователи уделяют паттернам медицинского поведения, культуре здоровья населения, медиатизации и активизму в сфере здравоохранения [12–16], что отражает тренд смягчения принципов социологизма и гуманизации общественных наук в целом.

Значение теоретическо-эмпирической интерпретации и операционализации доверия состоит в отсутствии фундаментального обоснования последствий трансформации института здравоохранения в России, объясняющего социальные факторы дифференциации стратегий самосохранительной активности потребителей медицинских услуг. За последние несколько лет издано множество клинических и психологических трудов, раскрывающих природу и механизмы комплаентности пациентов (приверженности лечению, обследованиям) [17–20]. Однако социокультурные факторы, стимулирующие потребителей решать свои вопросы средствами доказательной медицины, в научной периодике раскрыты недостаточно.

Доверие / недоверие – это скорее психологический феномен. Однако сами психологи, как практикующие, так и академические, оперируют им по умолчанию, не предлагая каких-то развернутых интерпретационных моделей. То же характерно и для современной социологии: словно всем и так ясно, о чем идет речь. Что реально кроется за социальным доверием, какова его архитектура остается только додумывать.

Конвенциональной дефиниции социального доверия к услугам здравоохранения в социологии нет. Да и вряд ли она может быть в условиях когнитивного разнообразия и конкуренции теорий, индикаторов, подходов. Каждый исследователь ориентирован на оригинальные авторские интерпретации

и уделяет внимание отдельным аспектам доверия и недоверия. Избыток однотипной теоретической и эмпирической информации создает трудности количественного социологического исследования социальных настроений пациентов и предпациентов. Весьма сложно бывает сопоставить данные различных по методике социологических проектов.

На наш взгляд, социальное доверие на микроуровне представляет собой неформальное джентльменское соглашение, подразумеваемое контекстом коммуникативной ситуации, между пациентом и врачом, в соответствии с которым выполняется ряд медицинских вмешательств, когда опасения неудачного исхода оказываемой медицинской помощи минимальны. Со стороны провайдера доверие – ожидание добросовестного исполнения пациентом всех назначений, дозировок, рекомендаций, режима и, если мы говорим о медицинской услуге, должной оплате труда медицинского работника. Канал финансирования и способ оплаты (формальный или неформальный) второстепенен с социологической точки зрения.

Доверие и недоверие приводят, порою одновременно, как к конструктивным, так и к деструктивным последствиям. Категория доверия / недоверия в социологических исследованиях часто становится инструментом социальной диагностики качества функционирования институтов общества. Тот факт, что доверие – это еще и самостоятельная ценность, поведенческая установка, система убеждений, формируемая в условиях групповой деятельности и символического обмена, отражающая базовые представления человека и общества о самих себе, редко становится смысловым центром эмпирико-социологических замеров.

Что касается методологических оснований, то целесообразно исследовать проблему доверия медицинским организациям в оптике социального конструктивизма. Обращение к данной традиции происходит от разочарования социологов измерительным потенциалом количественных индикаторов социального доверия и недоверия, которые, к слову, не так просто вычленишь. При этом не должно происходить полного отмежевания от познавательных установок классической социологии, объясняющей изменения жизненного мира личности и социальных групп пациентов надындивидуальными преобразованиями социальных структур общества и института здравоохранения, не зависящими от воли и действий конкретных акторов, даже обладающих внушительным кратическим ресурсом и символическим капиталом (чиновники, активисты, организаторы здравоохранения).

Интеграция научных постулатов объективистской и субъективистской социологии позволяет репрезентировать симбиоз трансформационных процессов в здравоохранении и смысложизненных ценностей общества. Личностный и институциональный уровни доверия находятся в диалектической взаимосвязи. Эта связь составляет проблемно-предметное поле социологических исследований медицины и здравоохранения, которые могут в зависимости от научных задач и специфики мышления отдельных социологов и проектных коллективов реализоваться познавательными методами количественной, качественной или смешанной стратегии. О личном опыте эмпирического исследования методом анкетного опроса социального доверия населения медицинским организациям в период пандемии COVID-19 мы делились на страницах «Вестника» годом ранее [21].

Идейно-теоретический корпус будет неполным без учета доступности медицинской помощи в качестве фактора формирования доверия и выбора модели здравоохранительного поведения. Традиционно доступность рассматривается с позиции возможностей медицинских организаций оказывать необходимые населению услуги в максимально короткое время и с минимальными затратами со стороны пациента. Значение организации работы здравоохранения на институциональном уровне достаточно велико. На нее оказывает влияние множество детерминант, например, финансовые, кадровые, технологические, технические и другие ресурсы. Но стоит посмотреть на этот вопрос под другим углом зрения, с позиции возможностей самого пациента сделать медицинские услуги доступнее для себя или, по крайней мере, чувствовать эту доступность, даже не обращаясь за помощью: начиная с самооценки здоровья, осознания медицинской потребности, выбора варианта действия / бездействия, мобилизации личного капитала и заканчивая составлением собственных представлений о лечащем враче, медицинской организации и системе здравоохранения в целом. При этом доверие пациентов на межличностном уровне (как результат взаимодействия с медицинским персоналом) может быть достаточно высоким, а на институциональном и системном уровнях – низким, и наоборот [22. Р. 770].

Обобщая показанные выше познавательные тенденции, можно сделать предварительный вывод о том, что социология (не)доверия в здравоохранении направлена на решение ряда методологических и практических задач, а именно: 1) конструирование методологической матрицы социологического исследования института здравоохранения в России как пространства формирования и воспроизводства конкурирующих ролевых моделей поведения пациентов; 2) факторный анализ социальных представлений, ценностей и установок, которые закладываются семьей, системой образования, средствами массовой коммуникации в ходе первичной и вторичной социализации личности пациента; 3) разработку социальной политики здравоохранения по части социокультурной позитивизации паттернов медицинского поведения и сглаживания социального неравенства пациентов.

Фреймы социологического познания не(доверия) общества медицинским организациям

Доверие – это система представлений, ожиданий, ценностей, установок относительно доступности и качества медицинских услуг. Как мы отмечали выше, данный феномен предпочтительно исследовать на стыке объективистских и субъективистских парадигм, позволяющих фиксировать методологический приоритет социального действия и коммуникации человека с другими участниками в формировании его отношения к услугам здравоохранения [23], но с учетом институциональных ограничений. Состояния доверия и недоверия могут приводить потенциальных пациентов к самым разнообразным практикам медицинской активности. Даже если респондент декларирует доверие или недоверие врачу, медицинской организации либо системе здравоохранения в целом, его отношение всегда будет носить опциональный характер в зависимости от ситуативных факторов и личного опыта.

Социальное доверие, будучи продуктом сознания и мышления акторов, не появляется на ровном месте, из ничего. Точно так же оно не может бес-

следно испариться. Доверие не является каким-то статичным и абсолютным состоянием, это процессуальная величина, которая приобретает жизненный смысл и воплощается в реальных поступках только в связке с недоверием. Здесь возникает резонный вопрос: а можно ли достичь разумного баланса между доверием и недоверием в сфере здравоохранения? Полагаем, что баланса нет. Зато балансирование вполне возможно, однако коридор этого балансирования для каждого человека будет уникальным.

Как доверие, так и недоверие являются способами социальной адаптации (массовой и индивидуальной) к перманентно модифицирующимся условиям оказания медицинской помощи в России. Здравоохранение, наряду с другими социальными институтами, живет в условиях неопределенности, потому что структура и объем медицинских потребностей населения все время меняются. Неравенство в доступе к медицинским услугам порождает излишнее давление на медицинский персонал, государство [24]. Систему здравоохранения во многих регионах нашей страны с трудом можно назвать гибкой, она не способна перестраиваться в таком же ритме, как потребности общества в медицинских услугах [25. С. 115].

Символический обмен доверием между двумя и более агентами редко носит зеркальный характер: так, потребитель может доверять своему врачу, а лечащий врач, наоборот, относиться со скепсисом к перспективам взаимодействия с конкретным пациентом. Эффект транзитивности связан с психологическим переносом доверия. Положим, если врач, которому пациент в целом доверяет, настоятельно рекомендует последнему обратиться к коллеге как ведущему специалисту в своей области, то, вероятно, пациент заочно будет доверять этому специалисту. Механизм проекции отношения к себе на восприятие других социальных субъектов связан с возвратностью доверия медицинского сообщества населению [26].

Таким образом, на эффективность оказания медицинской помощи могут влиять не только ответственность и дисциплинированность пациента, но и специальные коммуникативные навыки и человеческие качества врачей. Если доктор уверен в том, что все его предписания и рекомендации будут выполнены в полной мере, он может демонстрировать большее участие, заинтересованность в решении вопросов своих клиентов. Если врач чувствует сомнение, сопротивление, токсичность, пассивную агрессию со стороны пациента, он может придерживаться формального подхода в оказании медицинских услуг, настоятельно рекомендовать обратиться к другому специалисту или использовать иные способы экологичного выхода из социального взаимодействия с психологически проблемным пациентом.

Наравне с проекцией активизируется механизм интроекции, при котором доброжелательное, участливое и позитивное отношение со стороны других формирует доверие пациента своему жизненному опыту. Социологи обычно обращаются к респондентам с запросом оценить доверие / недоверие внешним агентам и институтам, иногда конкретным персонам (например, политикам), но только не доверие самим себе, интуиции, стратегиям выбора, знаниям. Такое положение дел укореняет шаблонность значительного массива социологических исследований независимо от сферы интереса ученых. Для построения более-менее четкой научной картины доверия общества институту здравоохранения решающее значение приобретает анализ когнитивных

(способы работы с информацией, выбор модели адаптации, уровень внимания к своему здоровью) и некогнитивных (эмоциональный интеллект, мотивация, локус контроля) аспектов медицинской активности.

Вот ряд факторов, которые, как нам представляется, задают вектор межличностного и институционального доверия: оценка пациентом собственного здоровья, социальное окружение, качество и доступность медицинской помощи в регионе постоянного проживания, социальные ожидания от обращения в медицинские организации и характер потребностей. Отличительной чертой функционирования системы здравоохранения в России является высокое значение социального капитала пациентов. Социальный капитал как ресурс получения социальных благ зачастую становится более важным, чем финансовая возможность оплатить медицинские услуги. Он выступает в качестве своеобразного гаранта своевременности, эффективности и положительного исхода обращения в медицинские организации.

Самым точным индикатором доверия / недоверия являются факты действия либо бездействия, а не мнения и оценки людей (хотя их тоже следует учитывать). В социологии медицины особенности поведения пациентов анализируются в терминах комплаентности и некомплаентности. В широком смысле под комплаентностью понимают различные проявления приверженности пациента лечению и другим формам медицинского вмешательства: соблюдение режима, дисциплинированное выполнение рекомендаций и назначений, согласие на процедуры, операции, диагностику. На ее формирование и закрепление в социальных практиках влияют восприятие работы медицинского персонала, наличие адекватных запросам территориального социума условий медицинского обслуживания, профессионализм, компетентность и коммуникабельность специалистов. Не меньшее значение имеют предубеждения потребителей медицинских услуг, заложенные в ходе первичной и вторичной социализации. К примеру, было ли привито родителями и иным окружением уважение к социальной и политической системам. Едва ли медицинские решения принимаются исключительно на основе личного опыта. Референтные и нереферентные группы, информационно-коммуникативные каналы оказывают существенное, а в отдельных случаях решающее воздействие на выбор модели медицинского поведения.

Пациентам приходится практически всегда действовать в условиях риска. Вдобавок социальное поведение акторов подвержено влиянию негативных эмоций из-за плохого самочувствия, физического дискомфорта, угрозы здоровью и невозможности удовлетворить медицинскую потребность здесь и сейчас. В связи с этим вопросы доверия / недоверия для человека могут запросто уйти на задний план, особенно в ситуации острой манифестации заболевания. Если пациент ощущает незнакомые ранее симптомы, переживает серьезную травму, то выбор стратегии поведения осложняется; человек начинает принимать решения спонтанно, хаотично под воздействием аффективного состояния. Эмоционально болезненно в таких случаях переживается необходимость длительного ожидания консультации специалистов, диагностических мероприятий и лечения.

В новой для себя ситуации пациент может выбрать модель, стратегию и тактику поведения, отличную от тех, которые предпочитал ранее и, возможно, декларировал при участии в социологических исследованиях. Выбор носит

многовариантный характер, а в экстренной ситуации потребители медицинской помощи могут быть вынуждены проявлять адаптивность, идущую вразрез с доминирующими в их сознании ценностями, представлениями и установками.

В России здравоохранение традиционно является сферой жизнедеятельности, в которой несправедливые различия в оказании медицинской помощи воспринимаются обществом наиболее остро. Причина этому не только государственная политика и базовая модель здравоохранения (обязательное медицинское страхование), нескончаемо обесцениваемые научным и экспертным сообществом. По нашему разумению, как ученым, так и обывателям настало время смириться с тем, что доступность и качество медицинских услуг дифференцируют не только организационно-финансовые фильтры, но и практики потребления самих застрахованных. Следовательно, методологию и практику социологических исследований общественного здравоохранения нужно переориентировать с анализа надындивидуальных факторов доверия на познание особенностей самосохранительной активности общества.

Выводы

Доверие и недоверие являются ментальным продуктом опыта (персонального и коллективного) взаимодействия клиентов и сотрудников медицинских организаций, результатом включенности в систему социальных коммуникаций и здравоохранительных практик. Без социального доверия и недоверия как основополагающих ценностных структур общественного сознания невозможно представить процесс конструирования медицинской активности населения.

Условием формирования и воспроизводства культуры болезни в обществе и как следствие позитивного вектора трансформации социальной роли пациента, является целерациональная деятельность, активная жизненная позиция личности потребителя медицинских услуг. Особое место в этом процессе играет феномен доверия / недоверия в качестве механизма конвертации экономического, социального и культурного капиталов пациента в осознанный терапевтический выбор. Однако далеко не каждый человек обладает навыками стратегического планирования своей жизни и здоровья, а если и обладает, то едва ли сознательно генерирует свое поведение хотя бы на среднесрочную перспективу в горизонте трех-пяти лет.

Среди социологов нет единства в определении категории доверия общества медицинским организациям. Это связано с расхождениями, порою весьма существенными, в используемых учеными методах, подходах, концепциях, парадигмальных основаниях, а в иных случаях – их фактическим отсутствием в качестве базы эмпирических исследований. В результате возникают затруднения при попытках проследить динамику отношения населения к услугам здравоохранения. Причина этому, по нашему субъективному мнению, кроется в том, что современная социология живет в большей степени для самой себя, чем для общества, все больше становясь замкнутой коммуникативной системой [27. С. 145]. Попытки присвоить статус медиатора между обществом и властью, наукой и человеком нередко оборачиваются социальной имитацией, когда вместо публичности социологии мы имеем дело с игрой социологов на публику. Пожалуй, в этом выражается самое глав-

ное ограничение социологического подхода к изучению феномена социального доверия в сфере здравоохранения.

С позиции здравого смысла логично говорить об индивидуальной для каждого человека и социальной общности потребителей медицинских услуг шкалой доверия / недоверия. Социальное доверие к институту здравоохранения – всего лишь теоретический конструкт, фикция реалистической парадигмы социологического мышления. Но в этом как раз и заключается когнитивный ресурс социологического подхода – в возможности научно-проектного масштабирования типичных проблем и жизненных трудностей в сфере здравоохранения, с которыми сталкиваются люди, а не такие «понятные» для классической социологии социально-ролевые маскообразные индивиды. Нынешняя социология предлагает цельный и фундаментальный инструментарий не только для диагностики социальных ограничений медицинского обслуживания населения, но и для генерирования управленческих решений по их сокращению. Она, фокусируя внимание на разнообразии и динамике форм медицинской активности общества, позволяет вырваться из цикличного потока слепонемой критики политики здравоохранения в стране и ее отдельных регионах.

Вместе с тем на здравоохранение с удвоенной мощью проецируются нездоровые симптомы социетального уровня: увеличивающееся социальное расслоение общества (экономическое и нематериальное), несовершенство законодательства, социальная апатия, инертность и инфантилизм социума. В результате системных ошибок функционирования социальных институтов повышается частотность неформальных практик, происходит утрата веры в способность медицины быстро и безопасно улучшать качество жизни общества.

Изучение факторов доверия в здравоохранении целесообразно проводить в рамках методологической матрицы социального конструктивизма, ибо она открывает горизонты комплексной аналитики репертуара повседневной деятельности различных агентов, а также позволяет смоделировать социальные эффекты их взаимодействия под влиянием социоструктурных, культурных и ситуативных переменных. Миссия социологов состоит в определении социальных функций доверия / недоверия, в прогнозировании альтернативных сценариев модернизации здравоохранения, социальном моделировании поведения пациентов. Этого можно достичь только зная потребности, ожидания, запросы на изменения в обществе.

Современные научные исследования фиксируют преимущественно факты медицинского поведения, отчасти мотивационную структуру. Социокультурные же факторы доверия / недоверия в системе здравоохранения до сих пор находятся на периферии познавательного интереса обществоведов. В будущем социология здравоохранения должна взять курс на понимание роли референтных и нереферентных групп в социализации личности пациента, определение формальных и неформальных механизмов социального контроля над поведением потребителей медицинских услуг.

Список источников

1. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Неравенства в здоровье и психологические ресурсы личности в европейских странах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (3). С. 150–186.

2. Иванова А.А. Традиционные и новые формы экспертизы пациентов: вместо или вместе с врачами? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, вып. 4. С. 458–474.
3. Hong Z., Deng Z., Zhang W. Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use // Health Informatics Journal. 2019. № 25 (4). P. 1647–1660.
4. Трапезникова Д.С., Гордеева С.С. Социальное конструирование здоровья и болезни // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1 (6). С. 117–124.
5. Gille F., Smith S., Mays N. Towards a broader conceptualization of public trust in the health care system // Social Theory & Health. 2017. Vol. 15, № 1. P. 25–43.
6. Савин С.Д., Смирнова А.Н. Профилактическая медицина в России: проблема общественного (не)доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15, вып. 4. С. 405–423.
7. Щеголев П.Е. Процессы трансформации системы здравоохранения в России и США сквозь призму организационной культуры доверия: сравнительный анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 172–177.
8. Шишкин С.В. Является ли страховой российская система обязательного медицинского страхования? // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 32–47.
9. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Проблема медицинской активности населения России в эпоху COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. 2022. № 68 (3). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1385/30/lang/ru/> (дата обращения: 25.01.2023).
10. Резанова З.И., Сытченкова Ю.Е. Риск коммуникации в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 217–229.
11. Lee S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust // Research on Aging. 2022. № 44 (1). P. 10–21.
12. Финкельштейн И.Е. Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности // Семиотические исследования. 2022. Т. 2, № 3. С. 110–118.
13. Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.
14. Бородкина О.И., Ткаченко К.В. Институционализация активизма в сфере здоровья России // Journal of Institutional Studies. 2023. № 15 (4). С. 79–90.
15. Демчук М.А., Пахомова Я.Н., Циринг Д.А. Связь стратегий совладающего поведения и социально-демографических характеристик пациентов с диагнозом рак лёгкого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 215–226.
16. Осипова Н.Г., Лядова А.В., Заплетнюк М.А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, вып. 3. С. 309–323.
17. Коренчук В.В., Капустина Т.В., Садон Е.В. Комплаентность у молодых людей с посттравматическим стрессом // Человеческий капитал. 2022. № 9 (165). С. 178–186.
18. Мушников Д.Л., Чих И.Д., Кузнецова М.А., Алексашина А.О. Социокультурные аспекты комплаентности пациентов с умеренным и высоким риском развития сахарного диабета // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 4. С. 65–68.
19. Сайков А.Д., Скугаревский О.А. Комплаентность пациентов с алкогольной зависимостью и агрессивным поведением в состоянии интоксикации // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2022. Т. 13, № 1. С. 13–17.
20. Фильмонова О.А., Вербах Т.Э., Белова Е.В. Комплаентность к терапии у пациентов с острыми нарушениями мозгового кровообращения // Девиантология. 2023. Т. 7, № 1 (12). С. 26–31.
21. Вялых Н.А. Факторы социального конструирования доверия российского общества к системе здравоохранения (на материалах социологического опроса) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 151–166.
22. Greene J., Samuel-Jakubos H. Building Patient Trust in Hospitals: A Combination of Hospital-Related Factors and Health Care Clinician Behaviors // The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety. 2021. № 47 (12). P. 768–774.

23. Ten Have H., Gordijn B. Trust in healthcare and science // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2018. № 21 (2). P. 157–158.
24. Jabeen F., Hamid Z., Akhunzada A., Abdul W., Ghouzali S. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues // *IEEE Access*. 2018. № 6. P. 17246–17263.
25. Трушина В.А. Социальные ожидания в сфере здравоохранения и доверие к государственным институтам: факторы сопряженности // *Социально-экономическое управление: теория и практика*. 2018. № 3 (34). С. 114–116.
26. Straten G.F., Friele R.D., Groenewegen P.P. Public trust in Dutch health care // *Social Science Medicine*. 2002. Vol. 55, № 2. P. 227–234.
27. Вялых Н.А. Социология для общества, общество для социологии или социология для социологии? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 66. С. 139–149.

References

1. Rusinova, N.L. & Safronov, V.V. (2022) Neravenstva v zdorov'e i psikhologicheskie resursy lichnosti v evropeyskikh stranakh [Health inequalities and psychological resources of the individual in European countries]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 25(3). pp. 150–186.
2. Ivanova, A.A. (2023) Traditsionnye i novye formy ekspertizy patsientov: vmesto ili vmeste s vrachami? [Traditional and new forms of patient examination: Instead of or together with doctors?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 16(4). pp. 458–474.
3. Hong, Z., Deng, Z. & Zhang, W. (2019) Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use. *Health Informatics Journal*. 25(4). pp. 1647–1660.
4. Trapeznikova, D.S. & Gordeeva, S.S. (2022) Sotsial'noe konstruirovaniye zdorov'ya i bolezni [Social Construction of Health and Illness]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika*. 1(6). pp. 117–124.
5. Gille, F., Smith, S. & Mays, N. (2017) Towards a broader conceptualization of public trust in the health care system. *Social Theory & Health*. 15(1). pp. 25–43.
6. Savin, S.D. & Smirnova, A.N. (2022) Profilakticheskaya meditsina v Rossii: problema obshchestvennogo (ne)doveriya [Preventive Medicine in Russia: The Problem of Public (Dis)Trust]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 15(4). pp. 405–423.
7. Shchegolev, P.E. (2018) Protsessy transformatsii sistemy zdavookhraneniya v Rossii i SShA skvoz' prizmu organizatsionnoy kul'tury doveriya: sravnitel'nyy analiz [Transformation Processes of the Healthcare System in Russia and the USA through the Prism of the Organizational Culture of Trust: A Comparative Analysis]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 3(111). pp. 172–177.
8. Shishkin, S.V. (2022) Yavlyetsya li strakhovoy rossiyskaya sistema obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya? [Is the Russian compulsory medical insurance system an insurance system?]. *Voprosy ekonomiki*. 8. pp. 32–47.
9. Goroshko, N.V., Emelyanova, E.K. & Patsala, S.V. (2022) Problema meditsinskoy aktivnosti naseleniya Rossii v epokhu COVID-19 [The problem of medical activity of the Russian population in the era of COVID-19]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*. 68(3). [Online] Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1385/30/lang.ru/> (Accessed: 25th January 2023).
10. Rezanova, Z.I. & Sypchenkova, Yu.E. (2023) Risk communication about health: Thematic focus of the COVID-19 event flow in news discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 76. pp. 217–229. (In Russian).
11. Lee, S. (2022) Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust. *Research on Aging*. 44(1). pp. 10–21.
12. Finkelstein, I.E. (2022) Kul'turnye (meditsinskie) predstavleniya khronicheskikh bol'nykh v period pandemii COVID-19: mekhanizmy raboty i formirovaniya kul'turnogo znaniya v situatsii neo-predelennosti [Cultural (medical) representations of chronic patients during the COVID-19 pandemic: Mechanisms of work and formation of cultural knowledge in a situation of uncertainty]. *Semioticheskie issledovaniya*. 2(3). pp. 110–118.
13. Makusheva, M.O. & Nestik, T.A. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki i efekty doveriya sotsial'nym institutam v usloviyakh pandemii [Socio-psychological prerequisites and effects

of trust in social institutions in the context of a pandemic]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 6. pp. 427–447.

14. Borodkina, O.I. & Tkachenko, K.V. (2023) Institutsionalizatsiya aktivizma v sfere zdorov'ya Rossii [Institutionalization of activism in the field of health in Russia]. *Journal of Institutional Studies*. 15(4). pp. 79–90.

15. Demchuk, M.A., Pakhomova, Ya.N. & Tsiring, D.A. (2024) Connection between coping strategies and socio-demographic characteristics of patients diagnosed with lung cancer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 215–226. (In Russian).

16. Osipova, N.G., Lyadova, A.V. & Zapletnyuk, M.A. (2023) Mediatizatsiya zdorov'ya v rossiyskoy blogosfere [Mediatization of health in the Russian blogosphere]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 16(3). pp. 309–323.

17. Korenchuk, V.V., Kapustina, T.V. & Sadon, E.V. (2022) Komplacentnost' u molodykh lyudey s post-travmaticheskim stressom [Compliance in young people with post-traumatic stress]. *Chelovecheskiy kapital*. 9(165). pp. 178–186.

18. Mushnikov, D.L., Chikh, I.D., Kuznetsova, M.A. & Aleksashina, A.O. (2022) Sotsiokul'turnye aspekty komplacentnosti patsientov s umerennym i vysokim riskom razvitiya sakharnogo diabeta [Sociocultural aspects of compliance in patients with moderate and high risk of developing diabetes mellitus]. *Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko*. 4. pp. 65–68.

19. Saykov, A.D. & Skugarevskiy, O.A. (2022) Komplacentnost' patsientov s alkohol'noy zavisimost'yu i agressivnym povedeniem v sostoyanii intoksikatsii [Compliance of patients with alcohol dependence and aggressive behavior in a state of intoxication]. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya*. 13(1). pp. 13–17.

20. Filimonova, O.A., Verbakh, T.E. & Belova, E.V. (2023) Komplacentnost' k terapii u patsientov s ostrymi narusheniyami mozgovogo krovoobrashcheniya [Compliance to therapy in patients with acute cerebrovascular accidents]. *Deviantologiya*. 7(1/12). pp. 26–31.

21. Vyalykh, N.A. (2023) Factors of social construction of Russian society's trust to the healthcare system (based on the materials of a sociological survey). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 151–166. (In Russian).

22. Greene, J. & Samuel-Jakubos, H. (2021) Building Patient Trust in Hospitals: A Combination of Hospital-Related Factors and Health Care Clinician Behaviors. *The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*. 47(12). pp. 768–774.

23. Ten Have, H. & Gordijn, B. (2018) Trust in healthcare and science. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 21(2). pp. 157–158.

24. Jabeen, F., Hamid, Z., Akhunzada, A., Abdul, W. & Ghousali, S. (2018) Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues. *IEEE Access*. 6. pp. 17246–17263.

25. Trushina, V.A. (2018) Sotsial'nye ozhidaniya v sfere zdavookhraneniya i doverie k gosudarstvennym institutam: faktory sopryazhennosti [Social expectations in the field of healthcare and trust in public institutions: contingency factors]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika*. 3(34). pp. 114–116.

26. Straten, G.F., Friele, R.D. & Groenewegen, P.P. (2002) Public trust in Dutch health care. *Social Science Medicine*. 55(2). pp. 227–234.

27. Vyalykh, N.A. (2022) Sociology for Society, Society for Sociology, or Sociology for Sociology: Which Is Correct? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 139–149. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/66/13

Сведения об авторе:

Вялых Н.А. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyalykh N.A. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor at the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 20.08.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/81/17

ДИСФУНКЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: РИСКИ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Марина Николаевна Кичерова¹, Ирина Сергеевна Трифонова²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ *m.n.kicherova@utmn.ru*

² *i.s.trifonova@utmn.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслить образовательные дисфункции и риски как научный феномен и социальную проблему, последствия которой несут опасность для общества. На основе экспертного опроса (n = 24), проведенного методом полуструктурированного интервью, выявлены риски в сегменте неформального образования, предложена их типология. Авторами разработаны рекомендации для их минимизации, реинжиниринга национального образования с позиции экосистемного подхода.

Ключевые слова: дисфункции, риски, неформальное образование, образовательная экосистема, экосистемный подход, трансформация образования

Для цитирования: Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Дисфункции образовательной экосистемы: риски неформального образования в оценках экспертов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 188–202. doi: 10.17223/1998863X/81/17

Original article

EDUCATIONAL ECOSYSTEM DYSFUNCTIONS: NON-FORMAL EDUCATION RISKS IN EXPERT ASSESSMENTS

Marina N. Kicherova¹, Irina S. Trifonova²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ *m.n.kicherova@utmn.ru*

² *i.s.trifonova@utmn.ru*

Abstract. The article analyzes social dysfunctions and risks in the educational ecosystem combining formal and non-formal education. The educational environment is expanding mainly due to non-formal education, since its short-term courses and trainings make it possible to acquire in-demand skills in the digital economy and meet the labor market needs. Social, economic, and personal problems are solved, and social integration is supported through non-formal education. The rapid expansion of the educational landscape has provoked the emergence of destructive practices and dysfunctions in the learning process. Risks emerge that give rise to serious concerns among scientific and pedagogical communities. The aim of the article is to identify and classify the risks of the educational ecosystem appearing in non-formal education, based on the experts' opinion on this issue. The research methodology is based on theoretical and empirical parts. The article presents a theoretical analysis of scientific literature and an interpretation of dysfunctions and risks categories in education. The empirical part includes the expert survey method in the form of a semi-formalized interview.

Twenty-four experts with more than five years of working experience in education from Yekaterinburg, Moscow, St. Petersburg, Tomsk, and Tyumen were interviewed. The data were processed with the methods of interpretive analysis and clustering of the same or close experts' views. As a result, the expert opinion on the dysfunctions of the national educational ecosystem with a focus on non-formal education and major risks were revealed, as well as their typology was proposed. It has been established that the major risk areas are the low level of teachers' and mentors' professional competence in the non-formal education sector; the threat to the learner's psychological security in the courses and trainings for personal growth and financial independence; undeveloped procedures for recognizing the results of non-formal education and independent assessment of qualifications; gaps in the legal regulation of the education market; the implementation of foreign values due to international platforms' active work, the goals of which contradict the national values; the absence of an appropriate model for the integration of formal and non-formal education, a national strategy for the development of the educational ecosystem. Based on the results of the theoretical and empirical study, the authors present constructive proposals for minimizing the threats in non-formal education and have worked out recommendations for the national educational ecosystem development.

Keywords: dysfunctions, risks, non-formal education, educational ecosystem, ecosystem approach, transformation of education

For citation: Kicherova, M.N. & Trifonova, I.S. (2024) Educational ecosystem dysfunctions: non-formal education risks in expert assessments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 188–202. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/17

Постановка проблемы

В контексте глобальных социально-экономических и технологических вызовов образование рассматривается как один из ключевых сегментов устойчивого развития любой страны [1]. Политика непрерывного образования и образования взрослых начала формироваться более 20 лет назад [2] и сейчас получает новый импульс за счет интеграции формального и неформального образования, которое в научно-педагогическом дискурсе в последние годы все чаще называют образовательной экосистемой. Она рассматривается как теоретическая конструкция, которая объединяет разные формы образования и определяется как «динамически эволюционирующая и взаимосвязанная сеть образовательных пространств, состоящая из индивидуальных и институциональных „поставщиков“ (провайдеров) образования, которые предлагают разнообразные образовательные ресурсы и опыты для индивидуальных и коллективных учащихся на протяжении их жизненного цикла» [3. С. 50].

Как правило, такая интеграция рассматривается с положительной стороны. Отмечается, что образовательная экосистема позволяет приобретать навыки 21 века, такие как работа в команде, лидерские качества, самоуправление, критическое мышление, навыки проектной работы, программирования [4]. Образовательная экосистема преимущественно расширяется за счет сегмента неформального образования, поскольку именно краткосрочные курсы, тренинги, семинары и другие формы донесения образовательного контента позволяют приобрести практические навыки, обеспечить потребности современного рынка труда [5, 6]. Эксперты отмечают, что качество человеческого капитала значительно выше в регионах с развитыми экосистемными связями, возможностями признания результатов неформального образования и навыков, полученных на рабочем месте [5]. Кроме того, за счет неформального

образования решаются социальные, экономические и личностные проблемы, обеспечивается демократия, активная гражданственность, социальная интеграция, равенство и справедливость [7, 8]. Неформальное образование способствует получению востребованных навыков в условиях цифровой экономики и помогает смягчить проблему безработицы [9, 10].

Вместе с тем стремительное расширение образовательного ландшафта, индивидуализация образовательных маршрутов в открытых учебных средах спровоцировали появление деструктивных практик, дисфункций образовательного процесса. Эти риски вызывают серьезную озабоченность научно-педагогического сообщества и требуют всестороннего изучения.

Целью статьи является выявление и систематизация рисков образовательной экосистемы, проявляющихся в сегменте неформального образования на основе мнения экспертного сообщества по данной проблеме.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд теоретических и практических задач:

- 1) дать интерпретацию категории дисфункций в сфере образования и смежных с ней категорий;
- 2) проанализировать экспертное мнение в отношении дисфункций национальной образовательной экосистемы с фокусом на неформальное образование;
- 3) выявить ключевые риски в системе образования и предложить их типологию;
- 4) разработать рекомендации для становления национальной образовательной экосистемы за счет интеграции формального и неформального образования с учетом минимизации ее дисфункций и рисков.

Дисфункции в сфере образования: обзор литературы

Проблема дисфункций в сфере образования получила достаточно широкое отражение в научных исследованиях как в мире, так и в России. Дисфункция как научная категория рассматривалась в работах Р. Мертона, Т. Парсонса и трактовалась как противоречие или отклонение в развитии социальных систем, рассогласование их функционирования, которые приводят к неблагоприятным последствиям и рискам [11]. В сфере образования дисфункции могут иметь явное и латентное проявление особенно в период его трансформации. Это позволяет рассматривать дисфункции через смежные категории, такие как «институциональные ловушки», «имитации» и «симулякры».

Обзор научных источников показал, что довольно часто для описания негативного эффекта инноваций, новых правил, норм, возникающих практик используется понятие «институциональные ловушки». Изначально оно использовалось в экономике для анализа неэффективности институциональных практик и форм [12], впоследствии широко применялось для изучения дисфункций сферы образования. Отечественные исследователи выделяют ловушки соответствия, связанные с необходимостью поддержания конкурентоспособности вузов, ловушки редукции знаний обучающихся, имеющих низкую мотивацию к обучению, ловушки мнимых академических свобод [13–15], ловушки метрик, появившиеся в погоне за формальными показателями в международных рейтингах [16]. В связи с внедрением информационных технологий в образовательный процесс, появлением массовых онлайн-курсов,

практик неформального образования появились цифровые ловушки [13, 14, 17], а также ловушки, связанные с псевдооптимизацией управления образованием и возрастающей бюрократией, дефицитом финансирования, кадрового обеспечения и редукцией качества образования в целом, взаимодействием с рынком труда и заинтересованными стейкхолдерами [18, 19].

Ряд авторов исследуют дисфункции сферы образования через категорию «имитация», которую определяют как форму образовательных подделок, подмену действий в образовательном процессе [20]. Отмечается, что имитационные действия проявляются как у преподавателей, так и у студентов, являясь вынужденной адаптационной стратегией.

Еще одной формой, замещающей реальность, исследователи называют симулякр. Важно отметить, что данное понятие используют как для оценки качественного соотношения терминологического тезауруса инноваций сферы образования с его содержанием [21], так и для оценки самих образовательных практик, которые фактически являются псевдопрактиками. Выступая внешней копией оригинала, лишенной своего смыслового содержания, симулякры разрушают и искажают традиционные ценности образования, трансформируют его цели: «В образовательной системе информационного общества ценность знаний подменяется симулякром информированности» [22. С. 91].

В зарубежных работах акцентируется внимание на дисфункциях образовательной системы, обусловленных экономической ситуацией. В частности, отмечается, что экономические кризисы, вызванные технологической трансформацией, пандемией и т.д., спровоцировали сдвиги в понимании целей образования для взрослых в сторону его экономической выгоды [23]. Ряд исследователей выдвигают идею о том, что это может иметь тревожные последствия и риски, связанные с ограничением демократии и выбора, европеизацией образования, передачей международной политики [24–26].

Проведенный авторами аналитический обзор показал, что дисфункции в образовании могут проявляться на разных уровнях социальной системы, выражаться через набор смежных категорий, таких как институциональные ловушки, имитации, симулякры, псевдопрактики, деструктивные практики и т.д. Для современного образовательного пространства, в котором, с одной стороны, происходят трансформации формального образования, а с другой – расширение поля неформального образования, важно не просто изучать проявляющиеся дисфункции, но выявлять и оценивать риски, которые из них следуют.

Риск как научная категория рассматривается преимущественно с деструктивной стороны, связывается с возможной опасностью убытка или потери. Он появляется в условиях неопределенности, порождает возможность неожиданных событий в период перехода из данной ситуации к предполагаемо конечной. Риски в сфере образования (образовательные риски) трактуются как «ситуация в деятельности субъекта рынка образовательных услуг, отражающая меру реальности нежелательного развития событий из-за объективно существующей неопределенности» [27. С. 201]. Категория «образовательный риск» позволяет исследовать ситуацию на рынке образовательных услуг с позиций разных субъектов, в том числе организаций формального и неформального образования, обучающихся.

Вклад авторов по заявленной теме заключается в попытке осмыслить образовательные риски как научный феномен и как социальную проблему, по-

следствия которой несут опасность для общества. Важно подчеркнуть, что формальное образование представляет собой относительно устойчивый институт, риски которого часто находятся в поле внимания исследователей. При этом оно не успевает отвечать на запросы современного общества, что порождает взрывной рост в секторе неформального образования. Однако исследование рисков неформального образования мало представлено в современном научно-педагогическом дискурсе. Их изучение и предупреждение особенно актуально в отечественном контексте, требует всестороннего осмысления с учетом экспертных оценок.

Материал и методы

Эмпирическое исследование реализовано с использованием метода экспертного опроса в виде полужформализованного интервью. Экспертам предлагалось рассматривать современное образовательное пространство как экосистему, объединяющую формальное и неформальное образование. Интервью нацелены на выявление мнения экспертного сообщества в отношении рисков и угроз для национальной образовательной экосистемы, возникающих преимущественно в неформальном образовании.

Программа исследования опиралась на качественную стратегию сбора и анализа данных. Отбор экспертов производился на основе разработанной И.Е. Штейнбергом логической схемы с двумя осевыми характеристиками – экспертность (дискурсивная компетентность) и типичность [28]. Учитывая, что неформальное образование слабо структурировано, отличается разнообразной палитрой форм донесения образовательного контента, многообразием провайдеров (поставщиков) услуг, мы ставили задачу получить максимальный спектр мнений в отношении практик его реализации. Экспертами выступили высококвалифицированные специалисты, имеющие значительный опыт профессиональной деятельности в сфере формального и неформального образования, корпоративного обучения и образовательного консалтинга. В опросе приняли участие 24 эксперта, стаж работы в сфере образования более 5 лет, возраст от 29 до 72 лет, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Томск, Тюмень.

Инструментарий (гайд интервью) включал несколько тематических блоков. Первый касался основных трансформаций, которые проявляются в сфере неформального образования (как в мире, так и в России). Второй блок раскрывал специфику реализации неформального образования, третий – основные риски и угрозы, барьеры, возникающие при его реализации, а также оценку его потенциала, перспектив интеграции формального и неформального образования. Интервью проводились лично, сопровождались аудиозаписями, по итогам составлены транскрипты. Обработка данных проводилась с использованием приемов интерпретационного анализа и кластеризации близких по смыслу оценочных суждений экспертов.

Результаты исследования

Анализ данных показал, что при обсуждении рисков, связанных с реализацией неформального образования, в оценках экспертов проявились разные дискурсивные поля: они оценивали неформальное образование как педагогический процесс, как рынок, элемент глобального образовательного простран-

ства, направление национальной образовательной политики. Разные дискурсивные поля позволили выделить ключевые сферы, в которых могут проявляться риски и угрозы. Они легли в основу кластеризации мнений и типологии рисков.

Среди основных рисков, связанных с реализацией неформального образования, эксперты отметили в первую очередь **низкий уровень квалификации наставников / тренеров и низкое качество знаний**. Специфика неформального образования заключается в отсутствии строгих требований к уровню квалификации преподавателей: *«Тренер часто имеет сертификат Академии коучей. Если посмотреть на печать в этом документе, там ООО или ИП. Они фактически не являются образовательными организациями, трудно доказать профессиональную компетентность обладателей их сертификатов»*. Наставником могут выступать все, кто имеет желание поделиться своими знаниями, опытом и мастерством: *«Сейчас любой человек, мало-мальски обладающий коммуникативными способностями, может проводить тренинги»* (эксперт, сфера высшего образования, г. Екатеринбург). В связи с этим все большую популярность получают мастер-классы и платформы взаимного обучения, которые позволяют передавать опыт таких же пользователей. Обучение на равных (peer-to-peer, P2P learning), с одной стороны, обеспечивает своеобразный обмен знаниями и навыками, например, при изучении иностранного языка, выработке совместных решений в учебной группе, с другой – не предполагает подтверждение качества контента. Такая ситуация кажется вполне безобидной, если речь идет о получении прикладных и бытовых навыков, однако может быть опасной для ряда направлений. Например, мастер-классы в сфере здравоохранения, тренинги личностного роста могут представлять угрозу, если проводятся неквалифицированными наставниками.

Риски нарушения психологической безопасности. Эта группа рисков, с одной стороны, является следствием низкой квалификации тренеров и коучей, с другой – представляет собой преднамеренные деструктивные действия, разрушающие личность. Эксперты приводили примеры тренингов и клубов личностного роста, организованных неквалифицированными тренерами, несущих особую опасность. Участникам таких программ предлагали рассказать негативную информацию о себе и своих близких. Сами тренинги *«длятся по 12 часов, и еще дают домашнее задание, чтобы человек не высыпался, происходит сильнейшее воздействие на психику»* (эксперт, сфера высшего образования, г. Екатеринбург). Люди испытывают боль, страх и гнев, происходят перепады настроения («эмоциональные качели»), зомбирование. В результате занятий у людей проявлялись деструктивные формы поведения, конфликты на работе и в семье, отказ от друзей, нарушение сна, нервные срывы, депрессия, что несет серьезную опасность для психического здоровья и безопасности личности.

Популярность таких тренингов связана с развитием предпринимательства, стимулированием выхода на самозанятость, обещанием успешности и финансовой независимости. Как правило, их ключевым элементом является работа со своим сознанием для достижения успешности в бизнесе. Жертвами тренингов становятся те, кто не уверен в себе и хочет быстрого карьерного роста. Однако эти занятия нацелены на длительное вовлечение участников:

«Обещают за 3 дня провести интенсивный курс, который потом растягивается на полгода. Участникам говорят обычно, что надо пройти минимум три ступени – начальный уровень, продвинутый и лидерский, чтобы достичь результата» (эксперт, сфера высшего образования, г. Екатеринбург). Эксперты отметили, что грань между тренингом личностного роста и сектой очень тонкая: *«Тренинги – это инструмент, как молоток: им можно построить дом, а можно разрушить»* (эксперт, сфера высшего образования, г. Екатеринбург). Таким образом, в этой зоне рисков проявляются две деструктивные практики. Первая несет в себе непреднамеренный негативный эффект, связанный с нарушением эмоционального состояния. Вторая представляет собой крайнюю степень психологической опасности. Фактически за вывеской образовательных курсов и тренингов скрываются секты, нацеленные на получение прибыли за счет подавления воли, разрушения личности и манипуляции.

Риски, связанные с признанием результатов неформального образования. Мнения экспертов относительно признания результатов неформального образования разделились примерно поровну. Одни заявили о необходимости легитимного признания результатов, в том числе через независимую оценку квалификаций. Другие считают, что система независимой оценки квалификаций является не актуальной для российской реальности и несет в себе определенные риски. Эксперты отметили, что работодатели не заинтересованы в подтверждении результатов неформального образования через независимую оценку квалификаций, так как это требует дополнительных затрат и повторного подтверждения квалификаций через несколько лет. В такой ситуации более выгодным становится развитие корпоративного обучения, позволяющего получить профильные навыки для конкретной компании и обеспечить внутреннюю корпоративную сертификацию.

Для государства риск связан с тем, что созданная инфраструктура является формальной, не хватает плотности связей участников, заинтересованности работодателей, профессиональных сообществ: *«Здесь нет важного игрока, независимых гражданских ассоциаций, которые бы выступали как партнер государству в процессе формирования квалификационных рамок, т.е. когда есть возможность донести свою позицию, прийти к более сбалансированному, аккуратному видению»* (эксперт, образовательный консалтинг, г. Москва). Кроме того, в национальном масштабе работодатели не предъявляют необходимого спроса на независимую оценку квалификаций. Это обусловлено тем, что переход от сырьевой экономики к высокотехнологичным отраслям и изменения структуры рабочих мест новых профессий происходят медленнее, чем запланировано. В связи с этим ее можно считать малоэффективной: *«Боюсь, получится как с центрами занятости населения. Вроде бы, они работают, что-то делают полезное, но работодателям от них одни проблемы»* (эксперт, HR-менеджер, г. Тюмень). Поскольку система независимой оценки квалификаций складывается преимущественно за счет решений, принятых «сверху», она слабо синхронизирована с современным состоянием рынка труда и описывает в основном нормативно-правовой контур созданных институтов. В результате потрачена значительная часть государственных ресурсов, однако работодатели и соискатели пока не ощущают преимуществ внедрения этой системы.

Риски нормативно-правового регулирования. Специфика неформального образования проявляется в том, что услуги можно предоставлять как с лицензией на дополнительное образование, так и без нее. В соответствии с нормами отечественного законодательства лицензия на осуществление образовательной деятельности в сфере дополнительного образования не дает права обучать по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки [29]. В последнее время стремительно возрос спрос на интернет-профессии, дистанционную занятость. В связи с этим появились провайдеры, которые называют себя университетами, академиями, предлагают получение практических навыков для этих профессий за достаточно высокую стоимость и обещают выдать диплом / сертификат установленного образца. Фактически они вводят в заблуждение потребителей: если академия или университет основан индивидуальным предпринимателем, имеет лицензию на дополнительное образование детей и взрослых, то она не может предоставлять обучение по программам профессионального образования и переподготовки. Для потребителей такая ситуация несет в себе риски получения документа, который не дает возможность осуществлять профессиональную деятельность. *«Приходят много людей с дипломами и сертификатами неформального образования, а они не подтверждают профессиональные навыки. Базово мне все-таки нужен диплом»* (эксперт, общественный совет по образованию, г. Екатеринбург). С одной стороны, потребитель может проверить лицензию на сайте Рособнадзора, но, как правило, он не понимает разницы между дополнительным образованием детей и взрослых и дополнительным профессиональным образованием. Недобросовестные поставщики часто используют неинформированность населения в коммерческих целях, прикрываясь названием «университет» или «академия», вызывая доверие пользователей и предполагающими получение качественного образования. Риски связаны и с тем, что не всегда заключается договор на предоставление услуг, что препятствует возможности возврата денежных средств, возмещения убытков, обращения в государственные органы, общество защиты прав потребителей образовательных услуг для привлечения такой организации к ответственности.

Риски имплантации чужеродных ценностей. Большинство массовых открытых онлайн-курсов представлены на зарубежных платформах, контент которых построен преимущественно на чужеродных для России национальных традициях, культуре, ценностях. В течение последних лет популярность этих курсов росла. Хотя их образовательные задачи расходятся с национальными образовательными целями, они были частично интегрированы в программы отечественных университетов. Массовая популяризация зарубежных университетов, их преподавателей и образовательных ресурсов привела, с одной стороны, к вытеснению национальных университетов с образовательного рынка, с другой – к навязыванию иных социально-культурных ценностей. *«С образованием идет и культура, и определенный социальный пласт, в котором ты находишься, это определенная ценностная и профессиональная база»* (эксперт, общественный совет по образованию, г. Екатеринбург). Своеобразным ответом стало создание национальных платформ открытого образования, таких как «Открытое образование», «Российская электронная шко-

ла», Stepik, SkyEng, Учи.ру, Skillbox, Инфоурок, Нетология, Foxford, Яндекс.Практикум, ЯКласс и др.

Эксперты подчеркнули желательность того, чтобы *«образование строилось с опорой на исторические традиции, национальную культуру и менталитет»* (эксперт, сфера высшего образования, г. Томск), включающие гражданственность, патриотизм, созидательный труд, гуманизм, крепкую традиционную семью, сопереживание, приоритет духовного над материальным.

Риски интеграции формального и неформального образования. В профессиональной среде педагогов вопросы интеграции формального и неформального образования обсуждаются достаточно долгое время и порождают полярные точки зрения: от очень оптимистичных прогнозов до крайне негативных оценок. В частности, преимущества интеграции эксперты видят в возможности учитывать формальными учреждениями кредиты, полученные студентами в ходе неформального обучения. Например, отдельные российские школы оплачивали курсы подготовки старшеклассников к ЕГЭ и ОГЭ на платформе Umschool.net, или университеты засчитывали полученные на внешних платформах знания и навыки в качестве кредитов по дисциплинам или модулям образовательных программ. *«Родители всё больше и чаще будут отдавать своих детей в неформальные институты, пытаясь компенсировать вольные или невольные проблемы при освоении образовательных программ в школах, колледжах, институтах»* (эксперт, образовательный консалтинг, г. Москва). Такая интеграция дает преимущества для всех участников образовательного процесса: повышаются качество обучения и образовательный результат.

Негативные оценки связаны с тем, что неформальное образование становится серьезным конкурентом для высшей школы. Так, преподаватели обеспокоены, с одной стороны, качеством обучения, профессионализмом наставников, а также существованием недобросовестной конкуренции: *«Любая другая „фирма“ может выдавать свои дипломы, и доминанты государственного дополнительного образования, как было раньше сейчас нет. В связи с этим, система дополнительного образования конкурирует с огромной массой образовательных организаций, которые по существу просто торгуют дипломами»* (эксперт, высшее образование, г. Екатеринбург). С другой – создается риск сокращения аудиторных часов, нагрузки преподавателей и как следствие их заработной платы: *«Какие-то коучи уводят наших студентов из аудиторий»* (эксперт, высшее образование, г. Екатеринбург).

Основные риски интеграции формального и неформального образования также связаны со снижением качества образовательного результата, отсутствием системности. Эксперты убеждены, что площадки неформального общения, коворкинги, «точки кипения», безусловно, имеют преимущества при развитии социальных компетенций, коммуникативных и креативных навыков, однако они не обеспечивают необходимой глубины, фундаментальности знаний и профессиональной подготовки и часто представляют собой разрозненные практики, которые не встроены в логику образовательных программ.

Таким образом, проведенный анализ показал неоднозначность позиций экспертов в отношении рисков, связанных с неформальным образованием. При этом в большинстве экспертных оценок выражена заинтересованность в создании национальной образовательной экосистемы как открытого образо-

вательного пространства, сочетающего формальное, неформальное образование, инновационные формы сотрудничества, подчеркивается потребность в преодолении дисфункций в системе образования. Осмысливая изменения образовательного ландшафта, расширение образовательного пространства как глобальную тенденцию современного мира, эксперты признают, что для обеспечения национальной безопасности необходимо создание устойчивой конкурентоспособной национальной образовательной экосистемы.

Заключение

Представленные результаты исследования отражают экспертное мнение и позволяют сделать вывод о том, что в национальной системе образования в настоящее время наблюдаются дисфункции, существуют реальные и потенциальные риски. Дисфункции связаны с проявлением дисбаланса между быстро меняющимися требованиями новой экономики и устоявшейся системой традиционного образования; существующей законодательной базой, «образовательной бюрократией» и потребностью гибкого регулирования, быстрой и точной адаптации законодательства к изменениям; необходимостью обеспечения качественного образовательного результата и уровнем профессиональных компетенций преподавателей; многомерностью личностного образовательно-профессионального профиля, индивидуальных образовательных траекторий и линейностью образовательных программ с преобладанием теоретических знаний над практическими навыками.

Обозначенные дисфункции порождают риски, значительная часть которых проявляется в сегменте неформального образования. Проведенное исследование показало, что ключевой зоной риска является низкий уровень профессиональных компетенций и квалификаций преподавателей и наставников, что обуславливает низкое качество знаний обучающихся. Вторая зона рисков связана с угрозой психологической безопасности обучающихся в сегменте неформального образования, наиболее ярко проявляющейся на тренингах личностного роста, бизнес-тренингах предпринимательства и финансовой независимости. Третья группа рисков отражает неразвитость процедур признания результатов неформального образования, в том числе через независимую оценку квалификации. На законодательном уровне ряд документов принят, создана инфраструктура для оценки квалификаций, однако на практике не хватает плотности связей участников процесса, заинтересованности работодателей, институциональной зрелости. Следующая зона рисков отражает пробелы нормативно-правового регулирования, позволяющие недобросовестным поставщикам вводить в заблуждение потребителей. Под вывеской университетов и академий они оказывают услуги профессионального обучения и переподготовки, фактически имея лицензию только на дополнительное образование детей и взрослых. Риски имплантации чужеродных ценностей связаны с активной деятельностью международных и транснациональных платформ, образовательные задачи которых расходятся с образовательными целями, национальными ценностями и культурой. Риски интеграции формального и неформального образования отражают отсутствие адекватной модели их взаимодействия и национальной стратегии развития образовательной экосистемы.

Получение аргументированных мнений экспертов позволяет сформулировать ряд рекомендаций для становления национальной образовательной экосистемы с учетом минимизации дисфункций и рисков:

1. Разработать долгосрочную стратегию развития национального образования, которая концептуально отражает интеграцию формального и неформального образования с привлечением к обсуждению заинтересованных сторон, в том числе представителей инновационного бизнеса, работодателей, сообщества практиков и профессионалов.

2. Изучить наиболее успешные международные и отечественные практики интеграции формального и неформального образования с целью их масштабирования с учетом национального контекста и реализовать активную политику по созданию образовательной экосистемы.

3. Создать благоприятные условия для обеспечения гибкости регуляторной среды, образовательных стандартов и нормативно-правовой базы, в том числе за счет скорости и точности адаптации законодательства, регламентирования организационных механизмов, способных обеспечить экосистемные отношения.

4. Обеспечить открытое сотрудничество провайдеров разного уровня на основе новых форматов взаимодействия (точки соприкосновения «школа–вуз», «вуз–работодатель», фаблабы, коворкинги и др.) с целью выстраивания институциональных коридоров, обеспечения плотности связей разнородных участников образовательного пространства.

5. Реализовать реинжиниринг национальной образовательной системы, внедрить механизмы гармоничного встраивания новых учебно-методических, организационно-технологических компонентов в образовательную экосистему для стимулирования взаимовыгодных отношений конкурентного сотрудничества заинтересованных сторон, таких как учреждения формального образования всех уровней, государство, коммерческий и некоммерческий секторы, образовательные стартапы и провайдеры неформального обучения.

Таким образом, проведенное исследование показало неоднозначность позиции в отношении оценки реальных и потенциальных рисков, степени их влияния, что свидетельствует о трудностях трансформации национальной системы образования и необходимости формирования экосистемных связей. Предложенные рекомендации позволяют оценивать и реализовывать дальнейшее развитие системы образования с позиции экосистемного подхода.

Список источников

1. *Parziale F., Scotti I.* Education as a resource of social innovation // SAGE Open. 2016. Vol. 6, № 3. P. 1–9. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244016662691> (accessed: 07.05.2023).
2. *UNESCO Institute for lifelong learning.* European Communities: A memorandum on lifelong learning. 2000. 36 p. URL: <https://uil.unesco.org/i/doc/lifelong-learning/policies/european-communities-a-memorandum-on-lifelong-learning.pdf> (accessed: 07.05.2023).
3. *Лукиа П., Кубиста Дж., Ласло А., Попович М., Ниненко И. и др.* Образовательные экосистемы для общественной трансформации. Доклад Global Educational Future / под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. 2018. 212 с. URL: https://futuref.org/education-futures_ru#rec63669706 (дата обращения: 07.05.2023).
4. *Van Laar E., Deursen A. J.A.M., Van Dijk J. A.G.M., Haan J.* The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 72. P. 577–588. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.010> (accessed: 07.05.2023).

5. Кориунов И.А., Гапонова О.С., Гапонова Н.С. Обучение и образование взрослых в контексте экономического развития регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 107–120. URL: <https://doi.org/10.17059/2019-1-9> (дата обращения: 07.05.2023).
6. Kalenda J., Kočvarová I. Participation in non-formal education in risk society // International Journal of Lifelong Education. 2020. Vol. 41, № 2. P. 146–167. URL: <https://doi.org/10.1080/02601370.2020.1808102> (accessed: 09.05.2023).
7. Shala A., Grajevci A. Formal and non-formal education in the new era // Action Researcher in Education. 2016. Vol. 7. P. 119–130. URL: https://www.researchgate.net/publication/328812348_Formal_and_Non-Formal_Education_in_the_New_Era (accessed: 09.05.2023).
8. Kersh N., Laczik A. Towards understanding of policy transfer and policy learning in adult education in the context of United Kingdom // Research in Comparative and International Education. 2021. Vol. 16, № 2. P. 384–404. URL: <https://doi.org/10.1177/17454999211061236> (accessed: 09.05.2023).
9. Prasetyo I., Suryono Y., Gupta S. The 21st century life skills-based education implementation at the non-formal education institution // Journal of Nonformal Education. 2021. Vol. 7, № 1. P. 1–7. URL: <https://doi.org/10.15294/jne.v7i1.263854> (accessed: 09.05.2023).
10. Valiente O., Capsada-Munsech Q., Otero J. Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe // European Educational Research Journal. 2020. Vol. 19, № 6. P. 1–19. URL: <https://doi.org/10.1177/1474904120908751> (accessed: 09.05.2023).
11. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. 1968. Вып. 1. URL: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109163677&archive=0217&start_from=&ucat=& (дата обращения: 10.05.2023).
12. Балацкий Е.В. «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12, № 3. С. 24–41. URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.3.024-041> (дата обращения: 10.05.2023).
13. Головчин М.А. Институциональные ловушки цифровизации российского высшего образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 3. С. 59–75. URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75> (дата обращения: 11.05.2023).
14. Sládek P., Válek J. (Pseudo)Digitization in education // L. Gómez Chova, A. López Martínez, I. Candel Torres. 10th International Conference on Education and New Learning Technologies. 1st ed. Palma, Mallorca, Spain : IATED Academy, 2018. P. 9212–9218. URL: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2018.2162> (accessed: 11.05.2023).
15. Вольчик В.В. Институциональные ловушки в сфере образования и науки в условиях оптимизации // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 783–795. URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.14> (дата обращения: 12.05.2023).
16. Вольчик В.В., Маслокова Е.В. Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 3. С. 158–179. URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179> (дата обращения: 12.05.2023).
17. Mertala P. Paradoxes of participation in the digitalization of education: A narrative account // Learning Media & Technology. 2020. 45. P. 179–192. URL: <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1696362> (accessed: 12.05.2023).
18. Жук А.А., Фурса Е.В. Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11, № 1. С. 176–193. URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.1.176-193> (дата обращения: 14.05.2023).
19. Певная М.В., Шуклина Е.А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 1. С. 77–90. URL: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.090.022.201801.077-090> (дата обращения: 14.05.2023).
20. Селиверстова Н.А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250008802-5> (дата обращения: 14.05.2023).
21. Ларионов А.Э., Новичков А.В. Понятия-симулякры в современном российском образовании // Социально-гуманитарные технологии. 2019. № 4 (12). С. 89–103. URL: <http://sgtjournal.ru/wp-content/uploads/2020/01/СГТ-№412-2019-ИТОГОВЫЙ1.pdf> (дата обращения: 18.05.2023).
22. Цветкова И.В. Симулякры цифрового гуманизма в современном образовании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2(40). С. 88–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46206367> (дата обращения: 17.05.2023).

23. Valiente O., Capsada-Munsech Q., & Otero J. Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe // *European Educational Research Journal*. 2020. Vol. 19, № 6. P. 1–19. URL: <https://doi.org/10.1177/1474904120908751> (accessed: 17.05.2023).
24. Loumpourdi M. A critical analysis of the European reference framework of key competences for lifelong learning: The limitations of the human capital theory // *Scottish Educational Review*. 2021. Vol. 53, № 1. P. 83–104. URL: <https://doi.org/10.1163/27730840-05301006> (accessed: 17.05.2023).
25. Mikulec B., Skubic Ermenc K. Qualifications frameworks between global and European pressures and local responses // *SAGE Open*. 2016. Vol. 6, № 2. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244016644948> (accessed: 18.05.2023).
26. Barabasch A., Bohlinger S., Wolf S. Policy transfer in vocational education and training and adult education // *Research in Comparative and International Education*. 2021. Vol. 16, № 4. P. 335–338. URL: <https://doi.org/10.1177/17454999211063250> (accessed: 18.05.2023).
27. Чубарова О.И. Образовательный риск как экономическая категория, его сущность // *Ползуновский вестник*. 2005. № 1. С. 199–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-risk-kak-ekonomicheskaya-kategoriya-ego-suschnost> (дата обращения: 18.05.2023).
28. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: восьмиугольная модель // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2014. № 38. С. 38–71. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=3770&l= (дата обращения: 18.05.2023).
29. ФЗ № 273-ФЗ. Реализация Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 76 // Информационный портал по внедрению эффективных организационно-управленческих и финансово-экономических механизмов, структурных и экономических изменений, новаций. URL: https://xn--273--84d1f.xn--p1ai/voprosy_i_otvety/universitet-i-dopobrazovanie (дата обращения: 17.05.2023).

References

1. Parziale, F. & Scotti, I. (2016) Education as a resource of social innovation. *SAGE Open*. 6(3). pp. 1–9. DOI: 10.1177/2158244016662691
2. UNESCO Institute for lifelong learning. (2000) *European Communities: A memorandum on lifelong learning*. p. 36. [Online] Available from: <https://uil.unesco.org/i/doc/lifelong-learning/policies/european-communities-a-memorandum-on-lifelong-learning.pdf> (Accessed: 7th May 2023).
3. Luksha, P., Kubista, J., Laszlo, A., Popovic, M., Ninenko, I. et al. (2018) *Obrazovatel'nye ekosistemy dlya obshchestvennoy transformatsii. Doklad Global Educational Future* [Educational Ecosystems for Social Transformation. Global Educational Future Report]. p. 212. [Online] Available from: https://futuref.org/educationfutures_ru#rec63669706 (Accessed: 7th May 2023).
4. Van Laar, E., Deursen, A.J.A.M., Van Dijk, J.A.G.M. & Haan, J. (2017) The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review. *Computers in Human Behavior*. 72. pp. 577–588. DOI: 10.1016/j.chb.2017.03.010
5. Korshunov, I.A., Gaponova, O.S. & Gaponova, N.S. (2019) Obuchenie i obrazovanie vzroslykh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya regionov [Adult training and education in the context of economic development of regions]. *Ekonomika regiona*. 15(1). pp. 107–120. DOI: 10.17059/2019-1-9
6. Kalenda, J. & Kočvarová, I. (2020) Participation in non-formal education in risk society. *International Journal of Lifelong Education*. 41(2). pp. 146–167. DOI: 10.1080/02601370.2020.1808102
7. Shala, A. & Grajevci, A. (2016) Formal and non-formal education in the new era. *Action Researcher in Education*. 7. pp. 119–130. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/328812348_Forma_and_Non-Formal_Education_in_the_New_Era (Accessed: 9th May 2023).
8. Kersh, N. & Laczik, A. (2021) Towards understanding of policy transfer and policy learning in adult education in the context of United Kingdom. *Research in Comparative and International Education*. 16(2). pp. 384–404. DOI: 10.1177/17454999211061236
9. Prasetyo, I., Suryono, Y. & Gupta, S. (2021) The 21st century life skills-based education implementation at the non-formal education institution. *Journal of Nonformal Education*. 7(1). pp. 1–7. DOI: 10.15294/jne.v7i1.263854
10. Valiente, O., Capsada-Munsech, Q. & Otero, J. (2020) Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe. *European Educational Research Journal*. 19(6). pp. 1–19. DOI: 10.1177/1474904120908751

11. Parsons, T. (1968) Sistema koordinat deystviya i obshchaya teoriya sistem deystviya: kul'tura, lichnost' i mesto sotsial'nykh sistem [The action coordinate system and the general theory of action systems: Culture, personality, and the place of social systems]. *Strukturno-funktsional'nyy analiz v sovremennoy sotsiologii*. 1. [Online] Available from: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109163677&archive=0217&start_from=&ucat=& (Accessed: 10th May 2023).
12. Balatskiy, E.V. (2020) "Institutsional'naya lovushka": nauchnyy termin i krasivaya metafora ["Institutional trap": A productive concept and a fine metaphor]. *Journal of Institutional Studies*. 12(3). pp. 24–41. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.024-041
13. Golovchin, M.A. (2021) Institutsional'nye lovushki tsifrovizatsii rossiyskogo vysshego obrazovaniya [Institutional traps of digitalization of Russian higher education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 30(3). pp. 59–75. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-59-75>
14. Sládek, P., & Válek, J. (2018) (Pseudo)Digitization in education. In: Gómez Chova, L., López Martínez, A. & Candel Torres, I. *10th International Conference on Education and New Learning Technologies*. 1st ed. Palma, Mallorca, Spain: IATED Academy. pp. 9212–9218. DOI: 10.21125/edulearn.2018.2162
15. Volchik, V.V. (2019) Institutsional'nye lovushki v sfere obrazovaniya i nauki v usloviyakh optimizatsii [Institutional traps in the education and science sector under the conditions of optimisation]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Russian Journal of Economic Theory*. 16(4). pp. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16.4.14
16. Volchik, V.V. & Maslyukova, E.V. (2018) Lovushka metrik ili pochemu nedootsenivaetsya neyavnoe znanie v protsesse regulirovaniya sfery obrazovaniya i nauki [The metrics trap, or Why is implicit knowledge underestimated when regulation of science and education is handled]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 10(3). pp. 158–179. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179
17. Mertala, P. (2020) Paradoxes of participation in the digitalization of education: A narrative account. *Learning Media & Technology*. 45. pp. 179–192. DOI: 10.1080/17439884.2020.1696362
18. Zhuk, A.A. & Fursa, E.V. (2019) Narrativnyy analiz institutsional'nykh lovushek sfery obrazovaniya i nauki Rossii [Narrative analysis of institutional traps of education and science in Russia]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy – Journal of Institutional Studies*. 11(1). pp. 176–193. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.1.176-193
19. Pevnaya, M.V. & Shuklina, E.A. (2018) Institutsional'nye lovushki nelineynogo razvitiya vysshego obrazovaniya v Rossii [Institutional traps of Russia's higher education nonlinear development]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*. 22(1). pp. 77–90. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.077-090
20. Seliverstova, N.A. (2020) Imitatsiya obrazovatel'nykh praktik v sfere vysshego obrazovaniya [Simulation of educational practices in the system of higher education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 71–77. DOI: 10.31857/S013216250008802-5
21. Larionov, A.E. & Novichkov, A.V. (2019) Ponyatiya-simulyakry v sovremennoy rossiyskom obrazovanii [The concepts of simulacra in modern Russian education]. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 4(12). pp. 89–103. (In Russian). [Online] Available from: <http://sgtjournal.ru/wp-content/uploads/2020/01/SGT-№412-2019-ITOGOVYJ1.pdf> (Accessed: 18th May 2023).
22. Tsvetkova, I.V. (2021) Simulyakry tsifrovogo gumanizma v sovremennoy obrazovanii [Simulacrum of digital humanism in modern education]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2(40). pp. 88–97. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46206367> (Accessed: 17th May 2023).
23. Valiente, O., Capsada-Munsech, Q. & Otero, J. (2020) Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe. *European Educational Research Journal*. 19(6). pp. 1–19. DOI: 10.1177/1474904120908751
24. Loumpourdi, M. (2021) A critical analysis of the European reference framework of key competences for lifelong learning: The limitations of the human capital theory. *Scottish Educational Review*. 53(1). pp. 83–104. DOI: 10.1163/27730840-05301006
25. Mikulec, B. & Skubic Ermenc, K. (2016) Qualifications frameworks between global and European pressures and local responses. *SAGE Open*. 6(2). pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244016644948
26. Barabasch, A., Bohlinger, S. & Wolf, S. (2021) Policy transfer in vocational education and training and adult education. *Research in Comparative and International Education*. 16(4). pp. 335–338. DOI: 10.1177/17454999211063250

27. Chubarova, O.I. (2005) Obrazovatel'nyy risk kak ekonomicheskaya kategoriya, ego sushchnost' [Educational risk as an economic category, its essence]. *Polzunovskiy vestnik*. 1. pp. 199–208. [In Russian]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-risk-kak-ekonomicheskaya-kategoriya-ego-suschnost> (Accessed: 18th May 2023).

28. Shteynberg, I.E. (2014) Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yu: vos'miokonnaya model' [A logical scheme to justify the sample in qualitative interview: An “8-window sample model”]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 38. pp. 38–71. [Online] Available from: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=3770&l= (Accessed: 18th May 2023).

29. Russian Federation. (n.d.) FZ № 273-FZ Realizatsiya Federal'nogo zakona “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii”. St. 76 [Federal Law No. 273-FL Implementation of the Federal Law “On Education in the Russian Federation.” Art. 76]. [Online] Available from: https://xn--273--84d1f.xn--p1ai/voprosy_i_otvety/universitet-i-dopobrazovanie (Accessed: 17th May 2023).

Сведения об авторах:

Кичерова М.Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Трифорова И.С. – кандидат филологических наук, доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.s.trifonova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kicherova M.N. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor of the Department of General and Economic Sociology of the Financial and Economic Institute, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: m.n.kicherova@utmn.ru

Trifonova I.S. – Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Center for Foreign Languages and Communication Technologies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.s.trifonova@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 03.06.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья
УДК 316.334.22
doi: 10.17223/1998863X/81/18

ВЛИЯНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Ольга Анатольевна Коропец¹, Алена Эдуардовна Федорова²,
Софья Борисовна Абрамова³

^{1, 2, 3} *Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

¹ *o.a.koropets@urfu.ru*

² *A.E.Fedorova@urfu.ru*

³ *s.b.abramova@urfu.ru*

Аннотация. В статье изложены результаты анализа данных, полученных в ходе эмпирического исследования благополучия работающего населения (2023 г., N = 23 560), которое проводилось в Уральском федеральном округе. Анализ позволил выявить гендерные различия относительно ряда факторов, влияющих на благополучие работников. Установлено, что на современном этапе трансформация сферы труда в большей степени повлияла на различные аспекты благополучия работающих женщин.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, благополучие на работе, гендерное неравенство, трудовые отношения

Благодарности: авторы выражают благодарность Гурарий Анне Дмитриевне, кандидату социологических наук, доценту Уральского федерального университета, и Шкурину Денису Вадимовичу, кандидату социологических наук, разработчику программы обработки и анализа социологической и маркетинговой информации «Vortex», за сотрудничество на этапах сбора и обработки эмпирических данных.

Для цитирования: Коропец О.А., Федорова А.Э., Абрамова С.Б. Влияние четвертой промышленной революции на гендерные аспекты благополучия на рабочем месте // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 203–212. doi: 10.17223/1998863X/81/18

Original article

THE IMPACT OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION ON GENDER DIMENSIONS OF WELL-BEING IN THE WORKPLACE

Olga A. Koropets¹, Alena E. Fedorova², Sofya B. Abramova³

^{1, 2, 3} *Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation*

¹ *o.a.koropets@urfu.ru*

² *A.E.Fedorova@urfu.ru*

³ *s.b.abramova@urfu.ru*

Abstract. The article presents the results of an analysis of data obtained during a mass survey conducted in March–June 2023. The object is the working population aged 16 to 60, living in the Ural Federal District and working in various fields of employment: industrial production,

mining, education, trade, healthcare, energy, state and municipal administration. The study used an online streaming sample. When forming the sample, a number of target parameters were controlled (screened sample) at the screening stage, which made it possible to ensure that the respondents corresponded to the object of the study: region of residence, actual employment, age, sector of employment. A total of 23,560 questionnaires were collected in 6 regions of the Ural Federal District. The structure of the developed toolkit consists of four blocks of questions and includes original developments and standardized methods aimed at studying various aspects of human well-being. The article presents the results obtained in the block on labor well-being. The analysis revealed gender differences in a number of factors influencing the well-being of workers in the context of the Fourth Industrial Revolution. The authors examined gender differences regarding the specifics of formalizing labor relations, enterprise restructuring, and wage reductions; analyzed the attitude of working men and women to the possibility of losing their jobs and the subjective perception of physical and psychosocial health in professional activities. The authors established that, at the present stage, the transformation of the world of work caused by the Fourth Industrial Revolution, although it did not cause a sharp deterioration in the well-being of workers, had a greater impact on the well-being of working women. Women are more likely than men to experience stress and negative emotions in the workplace; they face health problems caused by increased work intensity and more often express concern about the digitalization of work.

Keywords: Fourth Industrial Revolution, well-being at work, gender inequality, labor relations

Acknowledgements: The authors express their gratitude to Anna Dmitrievna Gurariy (Cand. Sci. (Sociology), associate professor at the Ural Federal University) and Denis Vadimovich Shkurin (Cand. Sci. (Sociology), developer of the “Vortex” program for processing and analyzing sociological and marketing information) for their cooperation at the stages of collecting and processing empirical data.

For citation: Koropets, O.A., Fedorova, A.E. & Abramova, S.B. (2024) The impact of the fourth industrial revolution on gender dimensions of well-being in the workplace. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 203–212. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/18

Введение

Благополучие работающего населения в условиях четвертой промышленной революции опосредовано целым рядом факторов, среди которых: появление новых рабочих мест и нестандартных форм занятости, возможность карьерного самоуправления, упрощение сложных рабочих операций, активное внедрение роботизированных систем для работ с повышенной опасностью. Исследования феномена «благополучие работника» носят междисциплинарный характер и включают прежде всего субъективную оценку человеком качества трудовой жизни, самочувствия, счастья на работе и удовлетворенности различными сторонами трудовой жизни [1, 2]. В рамках социологии и экономики труда развиваются подходы к управлению благополучием персонала, ориентированные на учет объективных характеристик качества трудовой жизни, связанных с условиями работы [3, 4]. В современных условиях наиболее релевантным представляется подход, учитывающий субъективные и объективные факторы микро- и макросреды, а также факторы риска для оценки благополучия работников [5, 6]. Факторами риска для благополучия работников Индустрии 4.0 являются: цифровой разрыв, поляризация и прекаризация занятости, вынужденная миграция трудового населения из регионов и стран с низким уровнем внедрения передовых технологий [7, 8]. Проблема гендерного неравенства усиливается с наступлением четвер-

той промышленной революции, в частности, женщины меньше заняты в высокодоходных отраслях экономики, связанных с активным использованием передовых технологий [9, 10]. Женщины чаще работают в условиях негарантированной занятости или неполной занятости, что негативным образом отражается на их благополучии и проявляется в снижении возможности воспользоваться социальными гарантиями, получать высокий и стабильный денежный доход. Шансы женщин, даже имеющих образование в сфере STEM (наука, техника, инженерия и математика), на трудоустройство по специальности, а особенно на занятие руководящих должностей ниже по сравнению с мужчинами. Во всем мире растет количество исследований, посвященных карьерным трудностям, гендерным предрассудкам и барьерам в сфере STEM-занятости и в сфере STEM-образования, с которыми сталкиваются современные женщины [11, 12]. Преимущество мужчин в областях STEM варьируется в зависимости от страны, что доказано в сравнительных исследованиях. Например, гендерный разрыв в ожиданиях подростков от STEM больше в странах с более выраженной постиндустриальной реструктуризацией рынка труда, которая значительно увеличивает ожидания мальчиков в области STEM и усиливает их предпочтения в отношении типичных для пола профессиональных и карьерных задач [13]. В России женщины имеют равную возможность получения образования с мужчинами, однако еще на этапе профориентации в школе девушки сталкиваются с гендерной стереотипизацией профессий, многие из них имеют заниженную самооценку относительно способности к освоению технических дисциплин [14]. Несмотря на то, что академическая успеваемость школьников и студентов женского пола по STEM-дисциплинам может быть высокой, в дальнейшем при построении карьеры в сфере STEM женщины сталкиваются с различными трудностями, что приводит к гендерной асимметрии [15].

Социологические исследования ряда отечественных ученых направлены на поиск повышения эффективности гендерной политики для нивелирования цифрового неравенства в сфере занятости. В частности, И.Е. Калабихина выделяет новые индикаторы результативности участия женщин в STEM-занятости, отмечая важность вовлеченности женщин в новые технологические сегменты, в разработку инновационных продуктов, а также необходимость более активного участия женщин в научной жизни общества [16]. Перспективы уменьшения гендерного неравенства в условиях цифровизации сферы труда некоторые ученые связывают с возможностью женщин дистанционно работать в послеродовой период, совмещая тем самым работу и воспитание детей [17]. Важным аспектом благополучия на рабочем месте в условиях четвертой промышленной революции является состояние здоровья работников. Влияние новых технологий на здоровье и самочувствие работников рассматривается учеными как в позитивном, так и в негативном аспектах. С одной стороны, позитивным фактором для благополучия работников является сокращение травм на опасном производстве, снижение тяжести труда, опосредованное внедрением промышленных роботов и автоматизированных систем [18]. С другой стороны, негативное влияние цифровых технологий связано с развитием целого ряда заболеваний, вызванных увеличением времени, проводимым работником за компьютером. Особенно негативное влияние нестандартная занятость оказывает на здоровье и самочувствие женщин [19].

Негативное влияние на здоровье работников также оказывают профессиональные стрессы, опосредованные повышением уровня нестабильности трудовой сферы и прекаризацией занятости.

Таким образом, выявление степени и характера влияния новых условий труда на благополучие работающих женщин и мужчин является актуальным и обуславливает цель исследования.

Методика исследования

Объектом массового опроса, проведенного в 2023 г., выступает трудоспособное население в возрасте от 16 до 60 лет, проживающее в Уральском федеральном округе и работающее в различных сферах занятости (промышленное производство, добыча полезных ископаемых, образование, торговля, здравоохранение, энергетика, государственное и муниципальное управление и др.). В исследовании использовалась потоковая онлайн-выборка. При формировании выборки контролировался ряд целевых параметров (отсеянная выборка) на этапе скрининга, что позволило обеспечить соответствие респондентов объекту исследования: регион проживания, фактическая трудовая занятость, возраст, сфера занятости. Таким образом, всего было собрано 23 тыс. 560 анкет по 6 регионам Уральского федерального округа (таблица). Территориальное позиционирование выборки происходило с выделением областного центра (Челябинск, Екатеринбург, Тюмень, Салехард, Курган, Ханты-Мансийск) – 34,8% выборки, крупных городов (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Первоуральск, Сургут, Тобольск, Нижневартовск, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Магнитогорск, Златоуст, Копейск, Миасс.) – 17,9%, средние города (от 50 до 100 тыс. жителей) – 8,6%, малые города – 17,5%, а также ПГТ и сельские населенные пункты – 20,1%. Это позволило охватить население центральной и периферийной экономических территорий, имеющих разный уровень развития инфраструктуры и показателей в сфере труда и занятости. С учетом преобладания в структуре городского населения женщин, а также более высокого интереса и готовности к обсуждению вопросов субъективного благополучия в выборке представлено 83% женщин и 17% мужчин, в зависимости от сферы занятости доля женщин варьируется от 29% (в силовых структурах) до 92% (в образовании). Возрастное распределение респондентов включает молодое поколение 16–34 лет (23,6%), среднюю (35–54 года, 62%) и старшую (55 и старше, 14,3%) возрастные группы. Средний возраст опрошенных составляет 42,5 года (среди мужчин – 40,8 года, среди женщин – 42,9 года), что максимально приближено к общероссийским показателям (средний возраст жителей страны составляет 40,5 года, мужчин – 37,7 года, женщин – 42,9 года¹).

Структура разработанного инструментария включала 4 блока вопросов, направленных на изучение различных аспектов благополучия работников в условиях цифровизации общества. В статье представлены результаты, полученные в блоке по благополучию на рабочем месте, вопросы в котором разработаны членами научного коллектива.

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 г. Статистический бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

Структура генеральной и выборочной совокупности в регионе проживания

Регион	Генеральная совокупность		Выборочная совокупность		Разница, %	% погрешности
	Численность трудоспособного населения, человек*	% от численности трудоспособного населения УрФО	Опрошено, человек	% в выборке		
ЯНАО	347 700	5,08	3 408	14,47	9,39	±1,67
ХМАО	948 300	13,85	3 473	14,74	0,89	±1,66
Тюменская область без АО	869 900	12,71	6 522	27,68	14,97	±1,21
Свердловская область	235 4452	34,39	1 635	6,94	-27,45	±2,42
Челябинская область	1 904 872	27,82	7 328	31,10	3,28	±1,14
Курганская область	421 522	6,16	1 194	5,07	-1,09	±2,83
Итого	6 846 746	100,00	23 560	100,00		±0,95

* Основанием выступают данные Росстата по регионам УрФО: Свердловская область – <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698>, <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29692>, Курганская область – <https://66.rosstat.gov.ru/folder/25983>, <https://66.rosstat.gov.ru/folder/25980>, Челябинская область – <https://74.rosstat.gov.ru/population>, https://74.rosstat.gov.ru/labour_market, Тюменская область – https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_ug, https://72.rosstat.gov.ru/ofs_trud_ug, ХМАО – https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_hmao, https://72.rosstat.gov.ru/ofs_trud_hmao, ЯНАО – https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_ynao, https://72.rosstat.gov.ru/ofs_trud_ynao

Интерпретация данных и обсуждение

Опрос выявил гендерные особенности оформления трудовых отношений между работниками и работодателями: у 69,15% респондентов трудовые отношения оформлены бессрочным трудовым договором (74,26% мужчин, 68,10% женщин), срочный трудовой договор имеют 7,47% респондентов (6,87% женщин и 10,39% мужчин), трудовой договор о работе у работодателя – физического лица заключен у 15,43% опрошенных (17,00% женщин и 7,84% мужчин). В целом влияние пола на оформление трудовых отношений невелико. Коэффициент V Крамера – 0,107, вероятность ошибки (значимость) – 0,000.

Существует слабая зависимость между полом респондентов и изменениями в кадровой политике организации. Коэффициент V Крамера – 0,081, вероятность ошибки (значимость) – 0,000. Женщины реже мужчин сталкивались с изменениями в кадровой политике предприятия (за последний год). В частности, массовое сокращение численности работников в организации (более 50 человек в течение месяца или более 20% работников за год) отметили 3,67% мужчин и 2,71% женщин. Сокращение персонала в связи с аутсорсингом в организации зафиксировано в анкетах 2,95% мужчин и 1,95% женщин. Мужчины чаще по сравнению с женщинами отмечали: случаи постоянного сокращения числа персонала (4,17 и 2,02% соответственно), перевода части персонала на дистанционную работу (4,19 и 2,70% соответственно), использование временных работников, предоставляемых другими организациями (2,63 и 1,55% соответственно)¹.

Определенный оптимизм вызывает тот факт, что большинство респондентов (67,5%) отмечает отсутствие каких-либо решений со стороны руко-

¹ Здесь и в последующих двух вопросах каждый опрошенный мог выбрать несколько вариантов ответа одновременно.

водства, неблагоприятно влияющих на их благополучие. Этот показатель фактически не отличался в зависимости от пола (66,32% мужчин, 67,74% женщин). Мужчины чаще отмечают неблагоприятное влияние на собственное благополучие, вызванное реструктуризацией отдела и / или предприятия (6,32% мужчин, 3,26% женщин), уменьшением или отменой социального пакета (2,80% мужчин, 1,5% женщин). С заменой рабочих функций цифровыми технологиями столкнулись 2,31% женщин и 3,0% мужчин, что может свидетельствовать о начальном этапе внедрений технологий Индустрии 4.0 в деятельность большинства организаций. Наибольшее негативное воздействие на благополучие респондентов обоего пола оказало уменьшение денежного вознаграждения за труд, данное решение руководства зафиксировано в ответах 14,6% женщин и 13,9% мужчин. Коэффициент V Крамера равен 0,072, что указывает на наличие слабой зависимости между полом и негативными решениями руководства. Вероятность ошибки (значимость) – 0,000.

В то же время 57,09% респондентов выделяют те или иные угрозы своему будущему на работе. Прежде всего респонденты обоего пола опасаются снижения уровня удовлетворенности работой (27,00% женщин и 28,00% мужчин). Опрошенные, особенно работающие мужчины, опасаются уменьшения размера денежного вознаграждения (21,88% мужчин, 17,97% женщин) и потери рабочего места из-за кризисных процессов в экономике (9,4% мужчин, 5,03% женщин). Женщины больше, чем мужчины, обеспокоены возможностью ухудшения физического здоровья на рабочем месте (18,34 и 14,93% соответственно). Угроза потери психологического равновесия из-за неуверенности в завтрашнем дне фактически в одинаковой степени волнует респондентов обоего пола (16,94% мужчин, 16,04% женщин). Возможность потерять работу в связи с внедрением цифровых технологий, автоматизации и роботизации в наименьшей степени беспокоит респондентов, подобную угрозу выделили лишь 2,46% женщин и 3,30% мужчин. Коэффициент V Крамера – 0,072, вероятность ошибки (значимость) – 0,000.

Основными источниками беспокойства и негативных эмоций на рабочем месте у респондентов являются (варианты ответов: «часто» и «постоянно»): высокий уровень стресса на рабочем месте (38,92% женщин, 32,59% мужчин), необходимость постоянно оставаться на связи по рабочим вопросам с коллегами и руководителем (29,9% женщин, 26,17% мужчин), ненормированный рабочий день (26,09% женщин, 23,01% мужчин). В рамках цели исследования интерес представляет отношение к появлению технологий Индустрии 4.0 на рабочем месте. Постоянно и часто увеличение количества цифровых технологий на рабочем месте является источником беспокойства и негативных эмоций у 20,78% женщин и у 16,94% мужчин. Наименьшими источниками беспокойства и негативных эмоций на рабочем месте у опрошенных являются (варианты ответов: «часто» и «постоянно») конкуренция на рабочем месте (7,14% женщин, 7,49% мужчин), необходимость работать дистанционно (7,64% женщин, 7,49% мужчин) и плохое взаимодействие с коллегами (8,82% женщин, 9,28% мужчин). Коэффициент Эта показал наличие значимой зависимости между полом респондента и следующими источниками негативных эмоций на рабочем месте (вероятность ошибки – 0,000): профессиональная некомпетентность руководителя (0,051), плохое взаимодействие с руководителем (0,051), высокий уровень стресса (0,065),

психологическое давление со стороны коллег (0,032), высокая напряженность работы (0,064), необходимость постоянно быть на связи с руководителем (0,033), увеличение числа используемых цифровых устройств (0,063).

Большинство опрошенных (83,09%) позитивно оценили свое состояние здоровья, варианты ответов: «скорее хорошее, чем плохое», «хорошее», «отличное». Тем не менее опрос позволил зафиксировать, что наиболее часто здоровье респондентов, преимущественно женского пола, страдает из-за стрессов и из-за высокой интенсивности работы. Так, самочувствие из-за рабочих стрессов ухудшается у 38,16% женщин и 26,19% мужчин, высокая интенсивность работы негативно влияет на здоровье 33,51% женщин и 22,8% мужчин. Наиболее сильно, по мнению респондентов, работа влияет на проблемы со спиной (31,25% женщин, 22,15 % мужчин), вызывает профессиональное выгорание (25,7% женщин, 22,5% мужчин), усталость и упадок сил (26,58% женщин, 18,9% мужчин). Нарушения сна с работой связывают 23,41% женщин и 16,44% мужчин, работа способствует развитию головных болей у 25,22% женщин и 14,33% мужчин (варианты ответов: «часто» и «постоянно»). Опасения вызывает тот факт, что большинство респондентов вынуждены продолжать работу в случае болезни. Лишь 25,8% женщин и 35,52% мужчин никогда не приходилось выходить на работу заболевшими. Женщинам в целом чаще, чем мужчинам, приходилось выходить на работу, в случае если они чувствовали себя заболевшими, вариант «редко» выбрали 35,17% женщин и 33,93% мужчин, «часто» – 23,08% женщин и 18,80% мужчин, постоянно выходят на работу нездоровыми 16,6 и 11,76% респондентов соответственно. Применение коэффициента Эта позволило выявить наличие значимой связи между полом респондента и субъективной оценкой ухудшения состояния физиологического и психологического здоровья на рабочем месте по следующим критериям (вероятность ошибки – 0,000): стресс на работе (0,124), интенсивность труда (0,118), нарушения сна (0,094), переедание и ожирение (0,067), головные боли (0,150), усталость (0,102), депрессия (0,049), профессиональное выгорание (0,050), проблемы со спиной (0,095), выход на работу заболевшим (0,085).

Заключение

Четвертая промышленная революция потенциально может оказать значительное влияние на гендерные аспекты благополучия работников. В частности, способствовать увеличению числа женщин, работающих в сфере высоких технологий и инноваций. Кроме того, благодаря развитию цифровых технологий и интернета женщины получают больше возможностей для работы удаленно или гибко. Это позволяет им совмещать работу с выполнением домашних обязанностей. Однако стоит отметить, что несмотря на положительные возможности, четвертая революция может способствовать прекаризации занятости и негативным образом повлиять на гендерное равенство в сфере труда. Женщины сталкиваются с дискриминацией при найме на работу и продвижением по карьерной лестнице, особенно в сфере науки, техники, инженерии и математики и других высокодоходных сферах занятости. Реализованное авторами эмпирическое исследование показало, что на сегодняшний момент четвертая промышленная революция не оказала выраженного негативного влияния на благополучие работников. Однако женщины чаще

испытывают трудности на рабочем месте, связанные со стрессом и негативными эмоциями, особенно по поводу постоянной необходимости коммуникации в нерабочее время и продолжительности рабочего дня. Женщины в большей степени обеспокоены цифровизацией трудовой сферы, чаще испытывают негативное воздействие рабочей нагрузки, связанное с интенсивностью труда, выражающееся в проблемах со спиной и головных болях. Чаще отмечают у себя наличие следующих неблагоприятных для самочувствия и благополучия явлений: профессионального выгорания, упадка сил, нарушения сна. Безусловно, данный факт негативным образом сказывается на благополучии работающих женщин, так как помимо рабочей нагрузки именно женщины в российском обществе традиционно больше вовлечены в неоплачиваемый домашний труд и воспитание детей. Таким образом, хотя четвертая промышленная революция имеет потенциал для улучшения гендерного равенства в мире труда, необходимо продолжать работу над устранением существующих проблем и барьеров.

Список источников

1. *Rodríguez-Muñoz A., Sanz-Vergel A.I.* Happiness and well-being at work: A special issue introduction // *Revista de Psicología del Trabajo y de las Organizaciones*. 2013. Vol. 29, № 3. P. 95–97. doi:10.5093/tr2013a14
2. *Weziak-Bialowolska D., Bialowski P., Sacco P.L., VanderWeele T.J. et al.* Well-being in life and well-being at work: Which comes first? Evidence from a longitudinal study // *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. P. 103. doi: 10.3389/fpubh.2020.00103
3. *Guest D.E.* Human resource management and employee well-being: Towards a new analytic framework // *Human resource management journal*. 2017. Vol. 27, № 1. P. 22–38.
4. *Kim J., Henly J.R., Golden L.M., Lambert S.J.* Workplace flexibility and worker well-being by gender // *Journal of marriage and family*. 2020. Vol. 82, № 3. P. 892–910. doi: 10.1111/jomf.12633
5. *Charalampous M., Grant C.A., Tramontano C., Michailidis E.* Systematically reviewing remote e-workers' well-being at work: A multidimensional approach // *European journal of work and organizational psychology*. 2019. Vol. 28, № 1. P. 51–73. doi: 10.1080/1359432X.2018.1541886
6. *Трансформация трудовых отношений: факторы социального загрязнения: коллективная монография / А.Э. Федорова, М.В. Чудиновских, Е.И. Борзенко, О.А. Коропец и др.* Екатеринбург: ЮНИКА, 2019. 178 с.
7. *Popov A.V., Soloveva T.S.* Threats of employment precarization in Russia in the context of digitalization of the economy and society // *European Public & Social Innovation Review*. 2019. Vol. 2. P. 1–13.
8. *Lythreath S., Singh S.K., El-Kassar A.N.* The digital divide: A review and future research agenda // *Technological Forecasting and Social Change*. 2022. Vol. 175. P. 121359. doi: 10.1016/j.techfore.2021.121359
9. *Okyay Z.B.* Industry 4.0: Increasing women's participation in the workforce // *Turkish Policy Quarterly*. 2016. Vol. 15, № 2. P. 33–38.
10. *Howcroft D., Rubery J.* Gender equality prospects and the fourth industrial revolution // *Praise for Work in the Digital Age*. 2018. P. 63–73.
11. *Григорьева Н.С., Чубарова Т.В.* Уйти нельзя остаться: формирование жизненных стратегий женщин, сменивших STEM-профессии // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4(89). С. 71–84. doi: 10.21064/WinRS.2018.4.7
12. *Segovia-Pérez M., Castro Núñez R.B., Santero Sánchez R., Laguna Sánchez P.* Being a woman in an ICT job: An analysis of the gender pay gap and discrimination in Spain // *New Technology, Work and Employment*. 2020. Vol. 35, № 1. P. 20–39. doi: 10.1111/ntwe.12145
13. *Hägglund A.E., Leuze K.* Gender differences in STEM expectations across countries: how perceived labor market structures shape adolescents' preferences // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 24, № 5. P. 634–654. doi: 10.1080/13676261.2020.1755029
14. *Савостина Е.А., Смирнова И.Н., Хасбулатова О.А.* STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3 (84). С. 33–44. doi: 10.21064/WinRS.2017.3.3

15. Штылева Л.В. Чем обусловлен гендерный разрыв в математическом образовании и STEM-занятости выпускников российских школ? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 166–173.

16. Калабыхина И.Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 5–16. doi: 10.21064/WinRS.2017.1.1

17. Tonkikh N.V., Chudinovskikh M.V., Markova T.L. Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy // 1st International Scientific Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE 2019): Proceedings of the 1st International Scientific Conference, Yekaterinburg, 14–15 апреля 2019 года. Vol. 81. Yekaterinburg : Atlantis Press, 2019. P. 160–163.

18. Миллер М. А. Тяжелый физический труд и репродуктивное здоровье женщин // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 85–88.

19. Пеша А. В. Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. № 4 (64). С. 111–125.

References

1. Rodríguez-Muñoz, A. & Sanz-Vergel, A.I. (2013) Happiness and well-being at work: A special issue introduction. *Revista de Psicología del Trabajo y de las Organizaciones*. 29(3). pp. 95–97. DOI: 10.5093/tr2013a14.

2. Weziak-Bialowolska, D., Bialowolski, P., Sacco, P. L., VanderWeele, T.J. et al. (2020) Well-being in life and well-being at work: Which comes first? Evidence from a longitudinal study. *Frontiers in Public Health*. 8. pp. 103. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00103

3. Guest, D.E. (2017) Human resource management and employee well-being: Towards a new analytic framework. *Human Resource Management Journal*. 27(1). pp. 22–38.

4. Kim, J., Henly, J.R., Golden, L.M. & Lambert, S.J. (2020) Workplace flexibility and worker well-being by gender. *Journal of Marriage and Family*. 82(3). pp. 892–910. DOI: 10.1111/jomf.12633

5. Charalampous, M., Grant, C.A., Tramontano, C. & Michailidis, E. (2019) Systematically reviewing remote e-workers' well-being at work: A multidimensional approach. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 28(1). pp. 51–73. DOI: 10.1080/1359432X.2018.1541886

6. Fedorova, A.E., Chudinovskikh, M.V., Borzenko, E.I., Koropets, O.A. et al. (2019) *Transformatsiya trudovykh otnosheniy: faktory sotsial'nogo zagryazneniya* [Transformation of Labor Relations: Factors of Social Pollution]. Ekaterinburg: YuNIKA.

7. Popov, A.V. & Soloveva, T.S. (2019) Threats of employment precarization in Russia in the context of digitalization of the economy and society. *European Public & Social Innovation Review*. 2. pp. 1–13.

8. Lythreathis, S., Singh, S.K. & El-Kassar, A.N. (2022) The digital divide: A review and future research agenda. *Technological Forecasting and Social Change*. 175. pp. 121359. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121359

9. Okyay, Z.B. (2016) Industry 4.0: Increasing women's participation in the workforce. *Turkish Policy Quarterly*. 15(2). pp. 33–38.

10. Howcroft, D. & Rubery, J. (2018) Gender equality prospects and the fourth industrial revolution. In: Neufeind, M., O'Reilly, J. & Ranft, J. (eds) *Work in the Digital Age*. pp. 63–73. Rowman & Littlefield.

11. Grigorieva, N.S. & Chubarova, T.V. (2018) Uyti nel'zya ostat'sya: formirovanie zhiznennykh strategiy zhenshchin, smenivshikh STEM-professii [To leave you can't stay: the formation of life strategies of women who changed STEM professions]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4(89). pp. 71–84. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.7

12. Segovia-Pérez, M., Castro Núñez, R.B., Santero Sánchez, R. & Laguna Sánchez, P. (2020) Being a woman in an ICT job: An analysis of the gender pay gap and discrimination in Spain. *New Technology, Work and Employment*. 35(1). pp. 20–39. DOI: 10.1111/ntwe.12145

13. Hägglund, A.E. & Leuze, K. (2021) Gender differences in STEM expectations across countries: how perceived labor market structures shape adolescents' preferences. *Journal of Youth Studies*. 24(5). pp. 634–654. DOI: 10.1080/13676261.2020.1755029

14. Savostina, E.A. Smirnova, I.N. & Khasbulatova, O.A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi (Gendernyy aspekt) [STEM: professional trajectories of youth (the gender aspect)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 3(84). pp. 33–44. DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.3

15. Shtyleva, L.V. (2018) Chem obusloven gendernyy razryv v matematicheskom obrazovanii i STEM-zanyatosti vypusnikov rossiyskikh shkol? [What Causes the Gender Gap in Mathematical Education and STEM Employment of Russian School Graduates?]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 3(51). pp. 166–173.

16. Kalabikhina, I.E. (2017) Novye podkhody k izmereniyu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zanyatosti v Rossii [New approaches to measuring women's representation in STEM education and STEM employment in Russia]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 1(82). pp. 5–16. DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.1

17. Tonkikh, N.V., Chudinovskikh, M.V. & Markova, T.L. (2019) Assessment of female telework scope in the conditions of digital economy. *Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth (MTDE 2019)*. Proc. of the 1st International Scientific Conference. Ekaterinburg, April 14–15, 2019. Vol. 81. Ekaterinburg: Atlantis Press. pp. 160–163.

18. Miller, M.A. (2010) Tyazhelyy fizicheskiy trud i reproduktivnoe zdorov'e zhenshchin [Heavy physical labor and women's reproductive health]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 1. pp. 85–88.

19. Pesha, A.V. (2018) Vliyaniye nestandartnykh form zanyatosti na fizicheskoye i psikhosotsial'noye zdorov'e zhenshchin. Obzor issledovaniy [The Impact of Non-Standard Forms of Employment on the Physical and Psychosocial Health of Women. A Research Review]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*. 4(64). pp. 111–125.

Сведения об авторах:

Коропец О.А. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: o.a.koropets@urfu.ru

Федорова А.Э. – кандидат экономических наук, PhD, доцент, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: A.E.Fedorova@urfu.ru

Абрамова С.Б. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Koropets O.A. – Cand. Sci. (Psychology), docent, associate professor at the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: o.a.koropets@urfu.ru

Fedorova A.E. – Cand. Sci. (Economics), PhD, docent, associate professor at the Department of Social Work and Personnel Management, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: A.E.Fedorova@urfu.ru

Abramova S.B. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor at the Department of Applied Sociology, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 18.07.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК. 316.34.

doi: 10.17223/1998863X/81/19

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ (РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ, ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ И ПРИМОРСКИЙ КРАЯ)

Елена Викторовна Петрова¹, Аюна Владимировна Бильтрикова²,
Ирина Николаевна Дашибалова³

^{1, 2, 3} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Россия*

¹ *elenapet_05@mail.ru*

² *biltr@mail.ru*

³ *dashibalonirina@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализированы некоторые показатели социального самочувствия жителей трех дальневосточных регионов. Установлен высокий уровень оптимизма опрошенных. Охарактеризована степень удовлетворенности респондентов разными сторонами жизни. Выявлены региональные явления, вызывающие наибольшее беспокойство. Определен рейтинг тревожных обстоятельств, связанных с личной безопасностью граждан. Сделан вывод о необходимости продолжения мер социально-экономической поддержки дальневосточных регионов с целью преодоления межрегионального неравенства, уменьшения миграционных стратегий и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: социальное самочувствие, Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, социальный оптимизм, удовлетворенность жизнью

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта «Патриотизм и идентичность в современных социально-политических условиях: основания, типы, ресурсы консолидации» (№ 123091800021-3) по Программе научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель – академик РАН В.А. Тишков).

Для цитирования: Петрова Е.В., Бильтрикова А.В., Дашибалова И.Н. Социальное самочувствие жителей дальневосточных регионов (Республика Бурятия, Забайкальский и Приморский край) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 213–223. doi: 10.17223/1998863X/81/19

Original article

SOCIAL WELL-BEING OF RESIDENTS OF THE FAR EASTERN REGIONS (REPUBLIC OF BURYATIA, ZABAYKALSKY KRAI, AND PRIMORSKY KRAI)

Elena V. Petrova¹, Ayuna V. Biltrikova², Irina N. Dashibalova³

^{1, 2, 3} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *elenapet_05@mail.ru*

² *biltr@mail.ru*

³ *dashibalonirina@gmail.com*

Abstract. The article deals with the social well-being of residents of three Far Eastern regions – the Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, and Primorsky Krai. The analysis is based on the results of a sociological study conducted in October 2023 – March 2024. The study revealed a high level of optimism among respondents (54.3% in the Republic of Buryatia, 64.1% in Zabaykalsky Krai, 51.5% Primorsky Krai), corresponding to the results of all-Russian studies. The degree of satisfaction of respondents with various aspects of life is characterized. The respondents are more satisfied with family relationships, communication with friends, food, clothing, and living conditions. The respondents are the least satisfied with the political situation in the country, the environmental situation in the region, and the availability of money. The regional phenomena causing the greatest concern in all the three regions were identified: rising prices for food and essential goods, rising prices for housing and communal services, low income of the working population, medical care (quality, cost). A rating of alarming circumstances related to the personal safety of citizens was determined. Most often, the respondents are concerned about such fears as the future of children, getting sick with an incurable disease, loss of family, becoming unemployed, becoming a victim of thieves, robbers, scammers. It is concluded that there is a significant resource for strengthening Russian identity in three Far Eastern regions, based on the respondents' satisfaction with basic needs, positive assessments of life in their regions, positive social sentiments, and an optimistic vision of their future.

Keywords: social well-being, Republic of Buryatia, Zabaykalsky Krai, Primorsky Krai, social optimism, life satisfaction

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Program of Scientific Research on the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening Russian Identity in 2023–2025 (headed by V.A. Tishkov, academician of the Russian Academy of Sciences); Project No. 123091800021-3: Patriotism and Identity in Modern Socio-Political Conditions: Foundations, Types, Resources of Consolidation.

For citation: Petrova, E.V., Biltrikova, A.V. & Dashibalova, I.N. (2024) Social well-being of residents of the far eastern regions (Republic of Buryatia, Zabaykalsky krai, and Primorsky krai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 213–223. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/19

Введение

Социальное самочувствие является одной из важнейших тем социологической науки и выступает в качестве индикатора условий жизнедеятельности разных социальных групп, проживающих на определенной территории. Мониторинг социального самочувствия населения страны или отдельных регионов позволяет проследить динамику его показателей, выявить уровень социального оптимизма, страхов, опасений и ожиданий граждан, а также степень удовлетворенности респондентов разными сторонами жизни, среди которых выявить не только проблемные, но и благополучные сферы.

Проблематика социальных настроений активно анализируется в научной литературе как в методологическом ключе, так и с точки зрения интерпретации результатов прикладных исследований. В статье основное содержание и выводы опираются на итоги социологического исследования, проведенного в октябре 2023 г. – марте 2024 г. в Республике Бурятия, Забайкальском и Приморском краях, целью которого было изучение российской идентичности и патриотизма. В то же время социальные настроения, уровни безопасности и доверия, образы желаемого будущего России и традиционные ценности населения, межнациональное согласие рассмотрены нами как элементы социального капитала, источники формирования позитивных идентичностей (российской, патриотической, этнической, региональной), ресурс и резерв для укрепления российской идентичности. Кроме того, учет общего фона и спе-

цифики социальных настроений, в том числе в региональном аспекте, позволяет выявлять факторы, способствующие улучшению социального самочувствия населения, солидаризации и консолидации российского общества в контексте современных мировых геополитических изменений, в которые вовлечена Россия, а также сохранению политической стабильности и национальной безопасности на восточных рубежах страны.

Методология исследования

Диагностика социального самочувствия населения была и остается актуальным направлением социологических исследований. Понятие «социальное самочувствие» связано с категорией «социальное настроение», изучение которого началось в 60-х гг. прошлого века. В западной литературе «социальному настроению» соответствует термин «субъективное благополучие», предложенный американским психологом Э. Динером, лидером позитивной психологии [1. С. 14].

Концепт «социальное самочувствие», как отмечает Л.Е. Петрова, разрабатывается российскими социологами примерно с 80-х гг. XX в., и связано это с появлением ряда трудов, рассматривавших проблемы социального самочувствия с точки зрения образа жизни. В 90-е гг. выходит работа Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко «Социальное настроение», посвященная понятию, комплементарному по отношению к социальному самочувствию [2. С. 50]. Согласно концепции Ж.Т. Тощенко, социальное самочувствие является всего лишь структурным компонентом, базовой основой социального настроения [3]. Между тем в последние годы авторы различают эти два понятия, оставляя термин «социальное настроение» социальной психологии, хотя они и могут совпадать по содержанию.

В настоящее время не ослабевает интерес к субъективным оценкам экономической, политической, социально-культурной и семейно-бытовой сфер жизни общества. Но, как отмечают многие исследователи, на данном этапе отсутствует единое определение «социального самочувствия», не выстроена четкая система критериев, что связано с использованием этого понятия социологами в разных исследовательских контекстах. Авторы активно ведут полемику, подвергая анализу имеющиеся подходы, методы к изучению социального самочувствия, одним словом, научный поиск в этом направлении не закончен и требует все нового осмысления.

Изучение социального самочувствия населения с помощью социологических методов включает комплексное исследование удовлетворенности индивида уровнем материального благосостояния [4], восприятия населением социально-политической, духовной, экономической сфер жизни [5–6], перспективами развития города, региона и страны в целом [7], индивидуальными и социальными условиями жизнедеятельности [8], трудоустройством, перспективами карьерного роста.

Социальное самочувствие проявляется в массовых настроениях, ожиданиях, в степени удовлетворенности своей жизнью различных социальных групп, слоев населения, выражает отношение людей к разным сторонам жизни. Учет подобных субъективных оценок важен при исследовании многих явлений и процессов в сфере развития социальных отношений современного российского общества [9–10].

В нашем исследовании использовались такие критерии социального самочувствия, как оценка общей ситуации в стране, удовлетворенность различными сторонами своей жизни: материальное положение, самореализация, уверенность или неуверенность в будущем, проблемы личной безопасности, а также субъективная оценка социальных, политических, экономических и экологических проблем в регионах.

Исследование проведено сектором социологии Отдела истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН. Выборка районированная многоступенчатая, репрезентирует взрослое население (I ступень – городские округа и муниципальные районы; II – городские и сельские населенные пункты; III – квоты по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности). При определении генеральной совокупности и разработке выборки исследователи опирались на итоги Всероссийской переписи 2020 г. (население в возрасте 18 лет и старше). Опрошено 1 500 человек методом индивидуального анкетирования. В Республике Бурятия – 500 респондентов из г. Улан-Удэ, Тарбагатайского, Кабанского, Бичурского, Хоринского, Селенгинского, Иволгинского муниципальных районов, генеральная совокупность (N) составила 718 502 человека. В Забайкальском крае – 500 респондентов из Читы, Петровск-Забайкальского, Забайкальска, Красночикойского, Могойтуйского, Дульдургинского муниципальных районов. Генеральная совокупность (N) – 737 352 человека. В Приморском крае – 500 респондентов из Владивостока, Уссурийска, Арсеньева, Артема, Партизанска, Партизанского и Надеждинского муниципальных районов. Генеральная совокупность (N) – 1 521 203 человека.

Удовлетворенность разными сферами своей жизни

Проанализируем ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы следующими сторонами своей жизни?». Вопрос предполагал дать оценку 17 сфер жизни по шкалам: «полностью удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «совершенно не удовлетворен». Жители трех регионов в целом демонстрируют близкие позиции в соотношении позитивных и негативных выборов. В табл. 1 представлены пять сторон жизни, которыми респонденты трех регионов удовлетворены в наибольшей степени («полностью удовлетворен» + «скорее удовлетворен»).

Таблица 1. Стороны жизни, которыми респонденты наиболее удовлетворены, %

№	Вариант ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край
1	Отношениями в семье	88,4	90,6	89,8
2	Питанием	85,6	86,8	84,6
3	Общением с друзьями	84,8	89,4	85,6
4	Одеждой	80,2	83,6	82,8
5	Жилищными условиями	70,0	79,0	75,0

Источник: составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг. Можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма не равна 100%.

Максимальное одобрение получил индикатор «отношения в семье». На второе место жители Забайкальского и Приморского краев поставили «общение с друзьями». Таким образом, можно утверждать, что семья и друзья для жителей трех регионов являются референтными группами, влияющими на позитивное мировосприятие.

Исследование показало, что несмотря на социально-экономические ограничения, население трех регионов удовлетворено своим питанием, которое является значимым индикатором социального самочувствия, и большая часть населения определяет его в тройке важных сторон своей жизни. В структуре расходов населения траты на питание продолжают оставаться ключевой потребностью. Базовой потребностью для опрошенных также является удовлетворенность в одежде, которая устраивает жителей трех регионов, т.е. значения ответов достаточно близки.

Отдельного внимания заслуживает оценка респондентами жизни в регионе и своем населенном пункте. Жизнь в регионе удовлетворены 62,2% респондентов из Бурятии, чуть выше доля одобрительных выборов в Забайкальском крае – 67,2%, и наконец, 72,8% жителей Приморья устраивает проживание в крае. Несколько больше устраивает жизнь в столице регионов жителей Читы (71%) и Владивостока (71,5%) по сравнению с респондентами из г. Улан-Удэ (68,2%).

В исследовании также было важно выявить те сферы жизни, которыми жители удовлетворены в наименьшей степени, так как определение негативных настроений в конкретных регионах способствует пониманию текущего положения и выявлению тревожных локусов (табл. 2).

Таблица 2. Стороны жизни, которыми респонденты наименее удовлетворены, %

№	Вариант ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край
1	Политическая ситуация в стране	63,2	46,4	52,4
2	Экологическая ситуация	64,2	58,0	48,2
3	Наличие денег	61,0	46,6	50,8
4	Возможность отдыха во время отпуска	47,8	35,4	41,4
5	Здоровье	35,8	31,0	33,8

Источник: Составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг.

Как видим из табл. 2, по показателю «здоровье» позиции ответивших в регионах почти совпадают, но такие индикаторы как «экологическая ситуация» и «наличие денег» демонстрируют отличия в качестве жизни – в Приморье оно лучше, по сравнению с Бурятией и Забайкальем, что подтверждается данными статистики [11].

Распределение ответов респондентов, представленное в табл. 1, 2, выявило пропорции полярных групп – довольных («полностью удовлетворен» + «скорее удовлетворен») и недовольных («совершенно не удовлетворен» + «скорее не удовлетворен») своим положением. Обнаружены полюса удовлетворенности и некоторые различия между субъектами ДФО по таким показателям социального самочувствия, как «отношения в семье», «общение с друзьями», «питание», с одной (позитивной) стороны, и «политическая ситуация в стране», «экологическая ситуация в регионе», «наличие денег», с другой (негативной) стороны.

Оценка респондентами своего будущего

Уверенность в завтрашнем дне является одним из основополагающих факторов социального самочувствия. Согласно исследованиям ВЦИОМ, большинство россиян чувствуют уверенность в завтрашнем дне, основой та-

кой уверенности являются ощущения личного благополучия, социальной защищенности и положение дел в стране. В исследовании ВЦИОМ отмечается, что несмотря на негативные внешние факторы, адаптивность россиян показывает довольно неожиданные результаты – доля россиян, декларирующих уверенность в завтрашнем дне, второй год подряд держится на высоком уровне: 2022 г. – 61%, 2023 г. – 59% [12].

Согласно данным нашего исследования, население трех исследуемых регионов в целом позитивно оценивает свое будущее. Отвечая на вопрос «Что Вы испытываете, когда думаете о будущем?», ровно четверть респондентов из Бурятии отметили вариант *«оптимизм и уверенность в будущем»*, несколько больше респондентов выбрали более сдержанный вариант – *«надежда»* (29,3%). Однако суммарно количество позитивных ответов (*«оптимизм и уверенность в будущем»* + *«надежда»*) превышает половину опрошенных (54,3%), что вместе с нейтральной оценкой *«спокойствие, но без особых надежд»*, которую выбрали 16,7%, говорит о достаточно спокойном и уверенном восприятии будущего опрошенными. В республике более оптимистично настроены мужчины (28,3%) по сравнению с женщинами (22%); респонденты в возрасте 50–59 лет (33,3%) и молодежь 18–29 лет (32,5%); жители города (27,1%), в отличие от сельского населения (21,9%); русские (54%) и представители других национальностей (52,2%), чем буряты (49%).

Небольшие отличия демонстрируют опрошенные в Приморье, там несколько больше, чем в Бурятии, выбирали *«оптимизм и уверенность в будущем»* (27,1%), и респонденты чуть меньше испытывают *«надежду»* (24,4%), что в сумме положительных вариантов составило 51,5%, нейтральный ответ *«спокойствие, но без особых надежд»* выбрали 16,9% респондентов.

В Забайкальском крае еще больший выбор был сделан в пользу *«оптимизма и уверенности в будущем»* (35,5%), испытывают *«надежду»* 28,6%, в итоге позитивные ответы суммарно набрали 64,1%, *«спокойствие, но без особых надежд»* отметили 14,1% респондентов.

Количество негативных оценок восприятия будущего во всех трех регионах невелико. Такие варианты, как *«тревога, опасения»*, *«страх, отчаяние»*, *«раздражение»*, в Бурятии в сумме составили 16,7%, в Забайкалье – 14,2%, в Приморье – 21%.

Таким образом, жители трех изучаемых регионов так же, как и все население России, с оптимизмом смотрят в будущее. Очевидно, что неблагоприятные внешние обстоятельства, давление на Россию извне и сложные процессы размежевания внутри страны в зависимости от отношения к СВО на Украине способствуют консолидации большей части российского общества. То есть Россия имеет мощный внутренний ресурс, основанный в том числе на патриотизме, который неочевиден в условиях мирного времени, но это тот резерв, на который можно опираться в трудный для страны период.

Региональные явления, вызывающие наибольшее беспокойство

Однако демонстрируемый социальный оптимизм и уверенность в будущем жителей трех дальневосточных регионов не исключают несовершенства социальной жизни россиян. Ниже представлена табл. 3 с перечнем из шести

явлений (в анкете было 26 вариантов), вызывающих главное беспокойство у респондентов Бурятии, Забайкальского края и Приморья.

Таблица 3. Факторы, вызывающие наибольшее беспокойство, %

№	Вариант ответа	Республика Бурятия	Забайкальский край	Приморский край
1	Рост цен на продукты и товары первой необходимости	73,8	65,5	56,4
2	Низкий уровень доходов работающего населения	64,8	44,4	37,2
3	Медицинское обслуживание (качество, платность)	57,8	48,5	38,2
4	Повышение цен на услуги ЖКХ	52,6	59,3	52,0
5	Низкий уровень стипендий, пособий, пенсий	45,0	38,8	31,8
6	Плохие дороги	43,4	59,3	38,4

Источник: Составлено по результатам исследований ИМБТ СО РАН 2023–2024 гг. Можно было выбрать несколько вариантов ответа, поэтому сумма не равна 100%.

Из табл. 3 следует, что во всех трех регионах первое место по уровню беспокойства занимает *«рост цен на продукты и товары первой необходимости»*. Проблемы Забайкальского и Приморского краев совпадают – в обоих регионах респонденты отмечают *«плохие дороги»*, в то время как в Бурятии, несмотря на достаточное количество выборов (43,4%), этот вариант не вошел в пятерку главных, так как за последние годы благодаря федеральному финансированию многие дороги были отремонтированы. Однако в целом, несмотря на разные оценки респондентов, четыре фактора являются проблемными во всех изучаемых регионах – *«рост цен на продукты и товары первой необходимости»*, *«повышение цен на услуги ЖКХ»*, *«низкий уровень доходов работающего населения»*, *«медицинское обслуживание (качество, платность)»*. То есть перед населением по-прежнему остро стоят вопросы социально-экономического характера и качества жизни.

Безопасность глазами респондентов

Одним из показателей социального самочувствия граждан является оценка личной и общественной безопасности. По результатам опроса ВЦИОМ (2020 г.), наиболее существенными сторонами жизни россиян остаются *«здоровье»* (их собственное и их близких) 99%, *«отношения в семье»* (98%) и *«безопасность»* (97%) [13]. С 2005 по 2021 г. отмечена положительная динамика оценок личной безопасности гражданами России – она выросла с 19 до 65 пунктов [14].

Данные нашего исследования коррелируют с общероссийскими – в четверку наиболее важного в жизни (при ответе на этот вопрос надо было оценить по степени важности 35 вариантов) респонденты включили *«безопасность жизни граждан»* (Бурятия – 90,8%, Забайкальский край – 83,4%, Приморье – 82,8%), *«счастливую семейную жизнь»* (Бурятия – 94,6%, Забайкальский край – 93,6%, Приморье – 91,6%), *«здоровье»* (Бурятия – 93,4%, Забайкальский край – 90,4%, Приморье – 87,4%) и *«собственное жилье»* (Бурятия – 90,8%, Забайкальский край – 90,4%, Приморье – 85,2%). К тройке не очень важного опрошенные отнесли *«славу, известность»* (Бурятия – 16,8%, Забайкальский край – 29,2%, Приморье – 21,2%), *«власть»* (Бурятия – 21,2%, Забайкальский край – 34,6%, Приморье – 28,6%) и *«общественное признание»* (Бурятия – 29,8%, Забайкальский край – 36,2%, Приморье – 32,6%).

Что касается оценки безопасности личной и своей семьи от преступных посягательств, то наибольшая тревожность (*«испытываю сильную тревогу»*) характерна для опрошенных в Забайкальском (17,4%) и Приморском краях (14,8%), наименьшая – для респондентов из Бурятии (11%). Основная часть респондентов – *«немного беспокоится»* (Бурятия – 50,8%, Забайкальский край – 48,4%, Приморье – 44,2%). Треть опрошенных *«тревоги не испытывает»* (Бурятия – 30,4%, Забайкальский край – 24,4%, Приморье – 31,8%). В целом уровень тревожности по трем дальневосточным регионам невысокий.

Среди обстоятельств, которые более всего беспокоят респондентов, они чаще выбирали *«будущее моих детей»* (Бурятия – 51%, Забайкальский край – 42,2%, Приморье – 35,4%), *«заболеть неизлечимой болезнью»* (Бурятия – 38,4%, Забайкальский край – 30,8%, Приморье – 33,4%), *«потеря своей семьи»* (Бурятия – 27,4%, Забайкальский край – 33%, Приморье – 33%), *«стать безработным»* (Бурятия – 22,6%, Забайкальский край – 30,8%, Приморье – 33,2%), *«стать жертвой воров, грабителей, мошенников»* (Бурятия – 20%, Забайкальский край – 26,2%, Приморье – 21,8%).

Если рассмотреть выбор респондентами обстоятельств, которые их беспокоят в зависимости от социально-демографических параметров, то можно обнаружить, что женщины больше тревожатся по поводу *«будущего своих детей»* (Бурятия – 53,5 и 47,8%, Забайкальский край – 54,1 и 28,3%, Приморье – 42,3 и 27,2%), в то время как мужчин чаще беспокоит вероятность *«стать безработным»* (Бурятия – 28,8 и 17,6%, Забайкальский край – 33,5 и 28,5%, Приморье – 36,4 и 30,5%). Самые молодые респонденты (18–29 лет) опасаются *«потерять свою семью»* (Бурятия – 44,2%, Забайкальский край – 47,2%, Приморье – 53,3%) и *«стать бедным»* (Бурятия – 29,1%, Забайкальский край – 21,4%, Приморье – 28,6%). Наиболее возрастная группа (60 и старше) беспокоится за *«будущее своих детей»* (Бурятия – 52%, Забайкальский край – 44,2%, Приморье – 37,4%).

Таким образом, мы видим, что для респондентов трех дальневосточных регионов вопросы безопасности личной и своей семьи являются достаточно значимыми. Как известно, чем меньше испытывают люди беспокойство и тревожность за себя и своих близких, тем безопаснее они себя чувствуют и, соответственно, более позитивным становятся их общее восприятие жизни и социальные настроения.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что социальное самочувствие в дальневосточных регионах достаточно позитивное. Анализ общей картины показал, что большая часть опрошенных демонстрирует удовлетворенность в базовых потребностях, положительно оценивает жизнь в регионах, с оптимизмом смотрит в свое будущее, проявляет невысокий уровень тревожности по поводу личной безопасности. Выявленные различия между субъектами Дальневосточного федерального округа по некоторым аспектам социального самочувствия незначительны и находятся в русле общероссийских показателей. Вместе с тем, как известно, кроме позитивных присутствуют и негативные воздействия на настроения респондентов, в связи с чем опрошенные отмечали явления общественной жизни, которые вызывают у них наибольшее беспокойство – *«рост цен на продукты и товары первой необходимости»*, *«повышение цен на услуги ЖКХ»*, *«низкий уровень до-*

ходов работающего населения», «медицинское обслуживание (качество, платность)». То есть улучшение социальных настроений населения трех регионов может быть связано с повышением уровня и качества жизни, развитием региональной инфраструктуры и социальной сферы, уменьшением территориального неравенства субъектов. В настоящее время главы трех дальневосточных регионов при финансовой поддержке федерального центра проводят большую работу в этом направлении, о чем свидетельствуют уже достигнутые успехи. В целом можно сделать вывод о том, что западные санкции, внешние угрозы и риски для РФ при переходе к новому мировому порядку, а также непростые внутренние процессы после начала спецоперации не повлияли серьезно на изменение социальных настроений населения, но привели к сплочению его большей части вокруг лидера и флага. Республика Бурятия, Забайкальский и Приморский края обладают значительным ресурсом для консолидации общества и укрепления российской идентичности.

Список источников

1. Шумкова Н.В. Проблемы операционализации субъективных оценок качества жизни (на примере теоретического конструкта «социальное самочувствие») // *The Newman in Foreign Policy*. 2018. № 44 (88). С. 14–16.
2. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 12. С. 50–55.
3. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение: феномен современной социологической теории и практики // *Социологические исследования*. 1998. № 1. С. 21–34.
4. Алексеев А.А., Каира Ю.В., Бараночников В.А. Социологический анализ влияния материального положения на социальное самочувствие населения и социальную напряженность в регионе // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2011. № 3 (20). С. 44–47.
5. Сметанин А.В., Сметанина Л.М. К вопросу понятия «социальное самочувствие» // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. Т. 230, № 4. С. 312–318.
6. Осянин А.Н. Социальное самочувствие граждан в современной России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 1 (53). С. 331–332.
7. Корнилова М.В. Социальное самочувствие: понятие и основные показатели // *Евразийское научное объединение*. 2015. Т. 2, № 3 (3). С. 135–137.
8. Арутюнова Е.М. Социальное самочувствие и ключевые проблемы: кейс Республики Саха (Якутия) в условиях внешнего давления на Россию // *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. 2023. № 1. С. 58–69.
9. Шепелева С.В. Социальное самочувствие: междисциплинарный подход // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2014. № 6. С. 391–395.
10. Моисеева А.Н. Социальное самочувствие как показатель качества жизни жителей Московской области // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2019. № 4. С. 71–78.
11. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2023: РИА Новости. 2024. URL: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html?ysclid=luqx89umit943862338 (дата обращения: 10.04.2024).
12. Уверенность в завтрашнем дне: мониторинг ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uverennost-v-zavtrashnem-dne-monitoring#:~:text=Последние%20два%20года%20в%20общественном%20мнении%20как%20никогда%20прежде%20фиксируется%20уверенность%20в%20завтрашнем%20дне> (дата обращения: 11.04.2024).
13. Здоровье, семья и безопасность: аналитический обзор ВЦИОМ. 08.06.2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-semya-i-bezopasnost> (дата обращения: 22.03.2024).
14. Семья, друзья, безопасность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (дата обращения: 22.03.2024).

References

1. Shumkova, N.V. (2018) Problemy operatsionalizatsii sub"ektivnykh otsenok kachestva zhizni (na primere teoreticheskogo konstrukta "sotsial'noe samochuvstvie") [Problems of operationalization of subjective assessments of the quality of life (a case study of the theoretical construct "social well-being")]. *The Newman in Foreign Policy*. 44(88). pp. 14–16.
2. Petrova, L.E. (2000) Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 12. pp. 50–55.
3. Toshchenko, Zh.T. (1998) Sotsial'noe nastroyenie: fenomen sovremennoy sotsiologicheskoy teorii i praktiki [Social mood: A phenomenon of modern sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 21–34.
4. Alekseenok, A.A., Kaira, Yu.V. & Baranochnikov, V.A. (2011) Sotsiologicheskii analiz vliyaniya material'nogo polozheniya na sotsial'noe samochuvstvie naseleniya i sotsial'nyu napryazhennost' v regione [A sociological analysis of the impact of the financial situation on the social well-being of the population and social tension in the region]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 3(20). pp. 44–47.
5. Smetanin, A.V. & Smetanina, L.M. (2021) K voprosu ponyatiya "sotsial'noe samochuvstvie" [On the issue of the concept of "social well-being"]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 230(4). pp. 312–318.
6. Osyenin, A.N. (2021) Sotsial'noe samochuvstvie grazhdan v sovremennoy Rossii [Social well-being of citizens in modern Russia]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1(53). pp. 331–332.
7. Kornilova, M.V. (2015) Sotsial'noe samochuvstvie: ponyatie i osnovnye pokazateli [Social well-being: concept and main indicators]. *Evrasiyskoe Nauchnoe Ob"edinenie*. 2(3/3). pp. 135–137.
8. Arutyunova, E.M. (2023) Sotsial'noe samochuvstvie i klyuchevye problemy: keys Respubliki Sakha (Yakutiya) v usloviyakh vneshnego davleniya na Rossiyu [Social well-being and key problems: The case of the Republic of Sakha (Yakutia) under external pressure on Russia]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' Instituta sotsiologii FNISTs RAN*. 1. pp. 58–69.
9. Shepeleva, S.V. (2014) Sotsial'noe samochuvstvie: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Social well-being: An interdisciplinary approach]. *Sotsiologiya v sovremennoy mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*. 6. pp. 391–395.
10. Moiseeva, A.N. (2019) Sotsial'noe samochuvstvie kak pokazatel' kachestva zhizni zhiteley Moskovskoy oblasti [Social well-being as a quality of life for residents of the Moscow region]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie."* 4. pp. 71–78.
11. RIA. (2024) *Reyting rossiyskikh regionov po kachestvu zhizni – 2023* [Rating of Russian regions in terms of quality of life – 2023]. [Online] Available from: https://ria.ru/20240212/kachestvo_zhizni-1926120093.html?ysclid=luqx89umit943862338 (Accessed: 10th April 2024).
12. VTsIOM. (2023) *Uverennost' v zavtrashnem dne: monitoring VTsIOM* [Confidence in the future: VTsIOM survey]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uverennost-v-zavtrashnem-dne-monitoring#:~:text=Poslednie%20dva%20goda%20v%20obshchestvennom%20mnenii%20kak%20nikogda%20prezhde%20fiksiruetsya%20uverennost'%20v%20zavtrashnem%20dne> (Accessed: 11th April 2024).
13. VTsIOM. (2020) *Zdorov'e, sem'ya i bezopasnost': analiticheskii obzor VTsIOM. 08. 06. 2020 g.* [Health, Family and Safety: A VTsIOM analytical review]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-semya-i-bezopasnost> (Accessed: 22nd March 2024).
14. VTsIOM. (2021) *Sem'ya, druz'ya, bezopasnost'* [Family, friends, security]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (Accessed: 22nd March 2024).

Сведения об авторах:

Петрова Е.В. – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Бильтрикова А.В. – кандидат социологических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии

и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: biltr@mail.ru

Дашибалова И.Н. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dashibalonirina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova E.V. – Dr. Sci. (Sociology), docent, leading researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: elenapet_05@mail.ru

Biltrikova A.V. – Cand. Sci. (Sociology), researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: biltr@mail.ru

Dashibalova I.N. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dashibalonirina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.06.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024*

*The article was submitted 19.06.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 322.2

doi: 10.17223/1998863X/81/20

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОБУСЛОВИВШИЕ ОСОБУЮ ВЕРОИСПОВЕДНУЮ ПОЛИТИКУ В ТУРКЕСТАНЕ, И ЕЕ НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

Галина Сергеевна Солодова

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
gsolodova@gmail.com*

Аннотация. Соседско-компактное проживание последователей разных религиозных направлений может быть источником межрелигиозных, межэтнических конфликтов. Для сохранения общественного спокойствия необходимо грамотное и взвешенное административно-управленческое регулирование. В статье представлены основные обстоятельства, обусловившие особую религиозную ситуацию в Туркестане, среди которых «крайне разнообразный» этнический состав, разная степень вовлеченности народов в магометанство. Показаны виды «степного миссионерства». Сформулированы ключевые принципы российской вероисповедной политики.

Ключевые слова: религиозные императивы отношения к иноверцам в христианстве, русское, татарское и сартовское переселение, духовно-религиозное влияние на киргизов-кочевников

Для цитирования: Солодова Г.С. Обстоятельства, обусловившие особую вероисповедную политику в Туркестане, и ее некоторые принципы (дореволюционный период) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 224–233. doi: 10.17223/1998863X/81/20

Original article

CIRCUMSTANCES THAT DETERMINED THE SPECIAL RELIGIOUS POLICY IN TURKESTAN AND SOME OF ITS PRINCIPLES (THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD)

Galina S. Solodova

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation,
gsolodova@gmail.com*

Abstract. The article highlights the main factors that have shaped the unique religious situation in Turkestan. The specifics are attributed to the following circumstances: (1) The region has a “multi-ethnic” nature with an extremely high degree of ethnic diversity. (2) Despite Islam’s undeniable dominance, the extent and practice of Islamic involvement varied among different ethnic groups. Traditional polytheistic beliefs, adat, and shamanism were prevalent among the nomadic peoples. (3) Three types of migrations simultaneous occurred: the relocation of Sarts, Tatars, and Russians. For the nomadic Kyrgyz population, the Sart migration was of great significance as it led to the development of agriculture, horticulture, and the establishment of permanent settlements in the steppe. (4) There spread

various forms of “steppe missionary work” – the spiritual and religious influence of Sarts and Tatars on the nomadic Kyrgyz, a direct result of these migrations. (5) There existed a risk of inter-religious conflicts between Sunnis (and partly Shiites) and Armenians. Pre-revolutionary texts indicate that Russian policies in Turkestan were crafted with local peculiarities in mind, tending towards balance and moderation. By the time Central Asia was incorporated into the Russian Empire, the state had already accumulated experience in managing ethnically and religiously diverse territories. Another foundation was the mistakes made by Britain in East India. The overarching principle in early internal policies in Turkestan was gradualism and caution. Several consistent principles of internal, including religious, policy can be observed: (a) despite the region’s gradualism and specific characteristics, administrative management was aligned with laws applied in the rest of the Russian Empire whenever possible; (b) Orthodox missionary activities were rejected among the traditionally Muslim peoples of Turkestan; (c) Christianity was preserved and spread among Russian military personnel and settlers; (d) the spread of Islam among Slavic peoples was simultaneously prohibited. The government based its actions on the idea of religious tolerance while fearing Muslim proselytism as a hindrance to increasing Russian influence in Turkestan.

Keywords: religious imperatives of attitude towards non-believers in Christianity; Russian, Tatar, and Sart resettlement; spiritual and religious influence on Kyrgyz nomads

For citation: Solodova, G.S. (2024) Circumstances that determined the special religious policy in Turkestan and some of its principles (the pre-revolutionary period). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 224–233. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/20

По мере роста Российского государства увеличивалось число подданных не православного и не христианского вероисповедания. Начало государственного администрирования духовных дел относится к XVIII в. С 1832 г. духовные дела иностранных вероисповеданий находились в ведении Министерства внутренних дел. Для ведения дел лютеранской конфессии, управления римско-католическими церквями были учреждены специальные коллегии. Что касается нехристианских вероисповеданий, в том числе магометан то «на них обращалось мало внимания», участие власти в духовном устройении жизни магометан было минимальным. Это можно расценивать как относительно незначительную незначительность исламского фактора в государственном управлении и вытекающую из этого высокую степень религиозной свободы мусульман. На протяжении 1855–1881 гг. Министерство внутренних дел «держалось принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка». Существенно более важным в то время было решение вопроса о церковном расколе [1. С. 87–88].

Вместе с тем по мере увеличения «числа русских подданных-иноверцев» задачи общегражданского интегрирования становятся актуальными. Со второй половины XIX в., при сохранении «весьма терпимого взгляда на вероисповедные различия», в «правительственных сферах России» «появилось стремление объединить последователей всевозможных религиозных учений на почве общечеловеческих нравственных задач» [1. С. 87–88].

Базовым фактором, определяющим вероисповедную политику и принципы отношения к иноверцам в христианстве, являются религиозные императивы. Не углубляясь в богословские положения, приведем только несколько тезисов, содержащихся в текстах православных священников:

– Преподобный Феодосий Печерский: «Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего – будет ли то иудей или мусульманин, <...> – ко

всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости Свои не на христиан только, но и на неверных» [2].

– Святитель Николай Мистик в письме к халифу ал-Муктадиру: «...из-за того, что образом жизни, нравами и предметом поклонения мы разделены, разумеется, не следует быть расположенными враждебно и лишать себя общения» [2].

Обстоятельства, обусловившие особую религиозную ситуацию в Туркестане

1. «Крайне разнообразный» этнический состав Туркестана: русские (2%), таджики (5%), узбеки (6%), сарты (26%), татары, каракалпаки, кипчаки, туркмены, киргизы, кураминцы, чалоказак, таранчи, дунгане, монголо-китайцы, калмыки и очень немногочисленные индийцы, персы, евреи, арабы, афганцы, цыгане [3. С. 20–25].

2. Разная степень вовлеченности народов в магометанство. Несмотря на несомненное доминирование в крае ислама, степень его выраженности была различной. Среди кочевых народов были распространены традиционные политеистические верования, адат, шаманизм. Так, религиозные понятия киргизов (тюрки-кочевники), официально считавшихся магометанами, «весьма ограничены... Мусульманские обряды им известны мало. Из пятистрочного намаза ими соблюдаются только утренние и вечерние молитвы. К постам киргизы имеют решительное отвращение... Женщины не ходят закрытыми и не изъяты из общества гаремным затворничеством. Многоженство, хотя и допускается, но так как за жену надо платить калым родственникам, то две или три жены могут иметь только богатые». Стремление русских строить мечети и привозить мулл было «большой ошибкой... Душная мечеть не могла казаться привлекательной кочевому народу, привыкшему видеть над своею головою небесный свод» [4. С. 34–35].

3. Одновременное протекание трех видов колонизации – переселения русских, татар и сартов. Напомним, что в дореволюционной историографии колонизация рассматривалась как процесс заселения и освоения новых земель, территорий и не несла положительной или негативной окраски. В данной работе она используется именно в этом констатационном ключе.

Сартовское переселение. Разрастание новых сартовских поселений в степных районах южного Туркестана началось «со времени русского занятия края». Для кочевого киргизского населения сартовское переселение имело «огромное значение». С самого своего возникновения хутора сартов становятся здесь «центрами и рассадниками земледелия... Нельзя не отдать справедливости особой энергии, искусству и практическим приемам сартов колонизаторов, оставляющих далеко за собой наших русских крестьян, поселенных в Семиреченской степи. Земледельческие и торговые способности сартов, неустанное и упорное трудолюбие их, в соединении с бережливостью и умеренностью в потребностях, их практическая опытность в искусственном орошении, садоводстве, огородничестве, – создают в немного лет там, где они селятся, цветущие благоустроенные оазисы, на местах, служивших до них пастбищами или убогими пашнями, эксплуатировавшихся кочевниками грубейшим первобытным образом. С высокою, образцовою во мно-

гих отношениях земледельческой культурой, они приносят сюда свои разнообразные домашние ремесла. Рядом с этим, почти каждый степной поселок, основанный среди степи, становится и меновым базаром, где кочевник получает нужные в его быту предметы. Здесь же добывает он, при надобности, денежный кредит, в обмен на скот и продукты скотоводческого хозяйства, по сделкам, весьма быстро обогащающих сартов» [3. С. 141–143].

Другим важным, но менее желательным следствием переселения стало духовно-религиозное влияние сартов, миссионерская деятельность ходжей и мулл. Поселения сартов превратились в культурные школы «перевоспитания кочевников в духе общемусульманской сартовской гражданственности». «Вместе с земледельцами и прасолами, и в большинстве случаев впереди их, распространяются в степи ходжи и муллы, учителя ислама, представляющие собою религиозно-нравственный, духовный элемент сартовской колонизации. Считаясь прямыми потомками первых насадителей мусульманского вероучения в этой части киргизской степи, ходжи-миссионеры, высылаемые в кочевья из больших туземных городов, пользуются в полудикой среде огромным значением, нередко приобретают здесь репутацию святых и титул „проповедников“ („пир“). Они собирают в степи значительные пожертвования на мусульманские учреждения, мечети и школы, и деятельно трудятся над увеличением рядов своих ближайших последователей, именующихся „муридами“. Для наилучшего религиозного воспитания этих последних, независимо от непосредственно миссионерской деятельности ходжей, из больших городов посылаются к ним образовывающиеся в медресах муллы, — число которых в степи киргизской, вместе с упомянутыми муридами, уже настолько значительно, что среди самых дальних и бедных аулов не найдется такого, где не было бы муллы, постоянно с аулом кочующего» [3. С. 141–143].

Продвигаясь к северо-востоку и северо-западу, в сторону Сыр-Дарьи и Семиречья, сартовская колонизация сталкивается уже с русскими военноказачьими и крестьянскими, а также с более ранними татарскими поселениями.

Переселение татар. Начало прочного оседания татар на юге Западной Сибири и в Оренбуржье относится «к более давнему времени», прошлому столетию, «когда ни для сартов торговцев, ни даже для мулл, за отсутствием безопасности, в степи не представлялось условий сколько-нибудь правильных сношений и деятельности». По мнению К.П. Кауфмана, «во всех выше рассмотренных отношениях» сартовское влияние на киргиз, «уступает татарскому населению». Примечательно, что «колониционный результат татарской эмиграции заключается не в разлив татарской народности по киргизским аулам, не в основании степных поселков, как в полосе юго-восточной, привлекающей к киргизам сартовское переселение, а почти исключительно в торгово-промышленной эксплуатации кочевников, к которой присоединяется религиозно-мусульманская пропаганда» [3. С. 143–145].

Сравнивая более или менее однородные по своему существу влияния в киргизских уездах южной сартовской и северной колонизации симбирских и казанских татар, Кауфман отмечает такой феномен — «нельзя не оценить огромных преимуществ сартовского элемента перед татарским... Другая сторона эксплуатации, соединенная с религиозной пропагандой мусульманства в киргизском населении, характеризуется у татарских учителей народа таким

фанатическим направлением, какого далеко не обнаруживают миссионерствующие в степи сарты. Ходжи и „пиры“ сартовского Туркестана вербуют из киргизской среды учеников („муридов“), которые в большинстве случаев и делаются духовными пастырями своих одноаульцев, смягчая догму ислама, нетерпимо фанатическую у татар в особенности, в мусульманство более умеренное, соглашаемое с родово-патриархальными, благодушными, по существу своему, преданиями степного народа» [3. С. 146].

К.П. Кауфман докладывал, что увеличение сартовского и татарского «элемента» представляет серьезную опасность. «Чем более будет развиваться в степях сартовское переселение, ...тем серьезнее парализована будет возможность отстоять регион киргизского народонаселения от разлива внутри него обще-мусульманского направления и стремлений, несогласимых с основными задачами нашей государственной политики по отношению к киргизским степям: конечная цель последней, – закрепление степи за Россией и воспитание кочевников в духе русских стремлений и гражданственности, – окажется надолго недостижимой, без изолирования киргиз от влияния татарских и сартовских» [3. С. 147–148].

Царское правительство опасалось мусульманского прозелитизма как затрудняющего рост российского влияния в Туркестане. «Нельзя упустить из внимания и другого ближайшего, не менее нежелательного последствия увеличения в степи мусульманских оседлостей: они разрастаются и завоёвывают степь прямо в ущерб русской колонизации края, едва возникающей... Сумевший переселением в степь избавиться от общей воинской повинности татарин является здесь неизбежно агитатором, распространяющим в умах кочевников убеждение, что их будут брать в солдаты и со временем обращать в христианство, что для этого мы заводим и киргизские школы, и русские поселения в крае; сарт, в свою очередь, непременно добавит к такой агитации предубеждения и против тех порядков, какие мы заводим в южной полосе для оседлого туземного населения» [3. С. 148].

В дальнейшем (1900–1917 гг.) усилившееся влияние Оренбургского муфтията (своего рода «мусульманского Рима»), обусловило политику «сдерживания» татарского влияния на тюркоязычных мусульман. К этому добавился внешний фактор – влияние тюркизма, Османской Турции как конфессионального центра суннизма [5].

В лице первого генерал-губернатора края К.П. Кауфмана правительство вело взвешенную, сбалансированную политику – «приняв в основу своих взглядов и действий идею веротерпимости, отличавшую издревле политику русского государства и укрепившуюся особенно в царствование Императора Александра II, я в то же время считал своей обязанностью отклонить решительно все попытки со стороны уфимского татарского духовенства и духовенства здешних больших городов – организовать и поставить на твердую официальную почву мусульманские религиозные учреждения. Я удалил указных мулл, присланных из Уфы, по распоряжению тамошнего главного муфтия, отменил все начатые до меня официальные сношения наших властей с мусульманскими туземными учреждениями и устранился, даже отступив от буквы временного Положения 1867 г., от признания и учреждения новых вакуфных пожертвований. Но, не предоставляя таким образом туземному и татарскому духовенству никакой официальной иерархической роли при новом

порядке управления краем, я в то же время не позволил себе и ввести в *необходимый* надзор местной администрации над темной деятельностью этого *вредного* класса наших подданных ничего такого, что могло бы быть в народном сознании сочтено за гонение или угнетение нами господствующего в стране вероисповедания, убежденный, что и гонения, как и покровительство туземной духовной корпорации со стороны русского правительства, лишь послужили бы одинаковым образом к несогласному с интересами нашими возвышению действительного влияния и значения мусульманского духовенства» [6].

Таким образом, во времена 14-летней генерал-губернаторской деятельности К.П. Кауфмана основным принципом отношения русской администрации к мусульманской религии «было выдержанное, последовательное игнорирование мусульманства, с его фанатическими учреждениями, усвоенное в убеждении, что всякая иная система отношений государственной власти к мусульманской религии оказалась бы здесь в крае решительно не пригодною. Приняв в основу своих взглядов и действий идею веротерпимости, отличавшую издревле политику Русского Государства..., я в то же время считал своей обязанностью отклонить решительно все попытки со стороны Уфимского татарского духовенства и духовенства здешних больших городов – организовать и поставить на твердую официальную почву мусульманские религиозные учреждения... Но, не предоставляя таким образом туземному и татарскому духовенству никакой официальной иерархической роли при новом порядке управления краем, я в то же время не позволил себе и ввести в необходимый надзор местной администрации над темной деятельностью этого вредного класса наших подданных ничего такого, что могло бы быть в народном сознании сочтено за гонение или угнетение господствующего в стране вероисповедания, – убежденный, что и гонение, как покровительство туземной духовной корпорации со стороны русского правительства, лишь послужили бы одинаковым образом к несогласимому с интересами нашими возвышению действительного влияния и значения мусульманского духовенства» [3. С. 207–208].

Принципиальной позицией К.П. Кауфмана был отказ от запрещения «степного миссионерства ходжам и муллам». Отчасти это было связано с неверием в эффективность запрета и искоренения пропаганды. Напротив, «неумелые же приемы, в видах ограничения мусульманского прозелитизма при малейшей ошибке, могли бы только раздражать население, касаясь грубо его верований и роняя неизбежно само достоинство нашей власти. Пропаганда же, становясь тайною, запретною, преследуемою при таком отношении власти, без сомнения, не только не ослабела бы, но, напротив, выросла бы в своем значении» [6. С. 228–229].

4. Еще одним фактором, осложняющим религиозную ситуацию, была опасность столкновений между суннитами и армянами. «Под влиянием возникшего на Кавказе столкновения между суннитами (отчасти и шиитами) и армянами 16 апреля 1905 г. был издан циркуляр (№ 114), в котором всем губернаторам вменялось в обязанность сделать безотлагательное распоряжение о самой тщательной проверке паспортов всех проживающих в крае армян и персов и о всех лицах, не имеющих таких документов или представивших просроченные или сомнительные паспорта, немедленно

представить Генерал-Губернатору донесения с ходатайством о выдворении их из края; в случае же обнаружения где-либо беспаспортных или с незаконными паспортами персов и армян, поступать с подлежащими органами администрации „по всей строгости“. В этом циркуляре, опубликованном во всеобщее сведение, действующий Генерал-Губернатор Н.Н. Тевяшев категорически заявлял, что персы и армяне „представляют собою элемент особенно вредный для спокойствия местного русского и туземного населения“» [7. С. 63–64].

Ключевые принципы вероисповедной политики

Отказ от православного миссионерства. На этом фоне показателен отказ царского правительства от ведения миссионерской деятельности в Туркестане. Во всеподданнейшем докладе генерал-губернатора Духовского «Ислам в Туркестане» (1899 г.) четвертым пунктом в списке мер, которые могут «способствовать сближению христиан с мусульманами», стоит отказ от миссионерской деятельности: «...развитие миссионерской деятельности в среде мусульман не может быть рекомендуемо, ибо это вызовет со стороны мусульман проявления явной к ним враждебности» [7. С. 77].

Показательно, что известный исследователь-востоковед Н.П. Остроумов, потомственный священник, окончивший Казанскую духовную академию, в которой «в целях миссионерства» изучал ислам, тюркские и арабский языки, будучи инспектором народных училищ в Туркестане, миссионерством тем не менее не занимался.

Сохранение и распространение христианства среди русских военных и переселенцев. Жизнь среди иноверческого населения ставила задачу поддержания православной веры среди русских военных и переселенцев. Военный министр А.Н. Куропаткин к «главнейшим» нуждам войск относил «удовлетворение религиозных потребностей войск, отчужденных от родины, путем постройки новых храмов и расширения уже существующих» [8. С. 146]. «Хотя во всех посещенных мною пунктах расположения частей войск в Туркестане и имеются уже церкви, но в общем надо признать, что размеры их недостаточны, тем более, что эти же церкви посещаются и жителями близ лежащих русских поселков, из коих лишь очень немногие имеют свои церкви. Между тем, при жизни вдалеке от родины сильнее сказывается и потребность чаще посещать храм Божий. Поэтому расширение воинских церквей в Туркестане представляется мерою настоятельною» [8. С. 24]. Как показывает историческая и современная практика, задача сохранения христианского вероисповедания в условиях взаимодействия с иноверцами, в частности с представителями ислама, не является искусственно созданной или надуманной. Иллюстрацией этому служит современная религиозная конверсия в европейских странах.

Резюмируя, отметим, что при отказе от распространения православия российская власть не препятствовала мусульманской миссионерской деятельности и не вмешивалась во внутриконфессиональную жизнь местных народов. Основное внимание было направлено на поддержание и сохранение православия среди русских переселенцев и военных, удовлетворение их религиозных потребностей и предотвращение перехода в иноверие.

Некоторые выводы

При обращении к дореволюционной истории принято говорить, что задача формирования единой российской нации до второй половины XIX в. в явном виде не ставилась, что было связано с отсутствием прямой внешней и внутренней необходимости. Среди причин пересмотра определенной индифферентности правительства в этом вопросе – процессы строительства национальных государств в Европе, радикально изменившие ее политическую карту. Внутригосударственным фактором стали нестабильность на территории Царства Польского и второе польское восстание 1863–1864 гг. Как результат, после 1863 г. российская внутренняя политика изменилась в сторону последовательной интеграции всех народов и регионов империи в единое государственно-политическое образование.

Основной задачей было закрепление связей с Центром – «дело водворения в Средней Азии русской гражданственности» [3. С. 4]. Способы объединения разных народов были неодинаковыми – «не везде, не всегда и не ко всем народностям может быть применена именно та или другая система». В условиях Туркестанского края «всякие меры должны применяться с особенно строгою обдуманностью и осторожностью». И причина этого крайне проста – «наши ошибки могут вызвать строгую ревизию» и «неподкупным ревизором нашим будет Англия» [9. С. 346].

Восприятие непосредственных участников событий, обеспечивавших вхождение Туркестанского края в состав Российского государства, в большой степени совпадало с убеждением, что «коренной русский народ, по воле Проведения, соединил свою историческую жизнь с инородцами-мусульманами и живет с ними общею государственною жизнью. В культурных целях, инородцы должны стремиться к сближению с русским народом, а прямой путь к этому – образование, при посредстве государственного языка. В свою очередь, для русских исламоведение обязательно, чтобы знать и уметь правильно удовлетворять естественные потребности многомиллионной части населения России» [10]. Как говорил словами своего героя русский философ К.Н. Леонтьев, «только двуглавый орел... может осенить мирно крылами своими эллинский крест и луну ислама».

Дореволюционные тексты позволяют говорить о сквозном сохранении следующих принципов внутригосударственной политики:

- Российская политика в Туркестане выстраивалась с учетом местных особенностей. Ко времени вхождения Центральной Азии в состав Российской империи в государстве уже был накоплен опыт внутренней политики на других присоединенных и завоеванных территориях. Другим основанием были ошибки, сделанные Англией в Ост-Индии. Соответственно, сквозным принципом выстраивания всей внутренней политики в Туркестане, особенно на первых порах, являлись *постепенность и осторожность*.

- Несмотря на постепенность и специфику края, административное управление по возможности приводилось *в соответствие с законами, принятыми на остальной территории Российской империи*.

- *Отказ от православной миссионерской деятельности, прозелитизма среди традиционно мусульманских народов Туркестана.*

– Одновременный запрет на миссионерскую деятельность мусульман среди славянских народов, традиционно исповедующих православие.

Список источников

1. Министерство внутренних дел: Исторический очерк: 1802–1902. Гл.: Дела вероисповедные. СПб., 1901.
2. *О православном взгляде на нехристианские религии* // Обращение к документу 6 апреля 2024. URL: http://www.e-vestnik.ru/church/o_pravoslavnom_vzglyade/
3. *Проект* Всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1882 г. / Издание Военно-ученого комитета Главного штаба. СПб., 1885.
4. *Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности* : с картой Средней Азии / сост. кап. Ген. штаба Л. Костенко; изд. А.Ф. Базунова. СПб. : в тип. В. Безобразова, 1871.
5. *Арапов Д.Ю.* Этническое и конфессиональное в российском «мусульманстве»: исламская политика государства в XX–XXI веках // Вестник Евразии. 2007. № 3.
6. *Иванов А.И.* Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1890.
7. *Отчет* по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Краевое управление. СПб. : Сенат. тип., 1910.
8. *Отчет* о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году / [А. Н. Куропаткин]. СПб. : Воен. тип., 1902.
9. *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб. : тип. П.П. Меркулева, 1875.
10. *Остроумов Н.П.* Исламоведение: Введение в курс исламоведения / Издание Туркестанских Ведомостей. Ташкент : Тип. при Канц. Турк. Ген.-губернатора, 1914.

References

1. Ministry of Interior of Russia. (1901) *Istoricheskii ocherk: 1802–1902* [Historical Essay: 1802–1902]. St. Petersburg.
2. Chaplin, V. (2024) *O pravoslavnom vzglyade na nekhristianskiye religii* [On the Orthodox view of non-Christian religions]. [Online] Available from: http://www.e-vestnik.ru/church/o_pravoslavnom_vzglyade/
3. Military-Scientific Committee of the General Staff of Russia. (1885) *Proekt Vsepoddannneyshego otcheta Gen.-Ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1882 g.* [Draft of the Humblest Report of Adjutant General K.P. von Kaufman I on civil administration and structure in the regions of the Turkestan Governorate-General. November 7, 1867 – March 25, 1882]. St. Petersburg.
4. Kostenko, L. (1871) *Srednyaya Aziya i vodvorenienie v ney russkoy grazhdanstvennosti: s kartoy Sredney Azii* [Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it: with a map of Central Asia]. St. Petersburg: V. Bezobrazov.
5. Arapov, D.Yu. (2007) *Etnicheskoe i konfessional'noe v rossiyskom "musul'manstve": islamskaya politika gosudarstva v XX–XXI vekakh* [Ethnic and confessional in Russian "Muslimism": Islamic policy of the state in the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Evrazii*. 3. (In Russian).
6. Ivanov, A.I. (1890) *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae* [Russian colonization in the Turkestan region]. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za.
7. Russia. (1910) *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy po Vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Kraevoe upravlenie* [Report on the revision of the Turkestan region, carried out by the Imperial order by Senator Hofmeister Count K.K. Palen. Regional administration]. St. Petersburg: The Senate.
8. [Kuropatkin, A.N.] (1902) *Otchet o sluzhebnoy poezdke voennogo ministra v Turkestanskiy voennyi okrug v 1901 godu* [Report on the official trip of the Minister of War to the Turkestan Military District in 1901]. St. Petersburg: Voen. tip.
9. Terentyev, M.A. (1875) *Rossiya i Angliya v Sredney Azii* [Russia and England in Central Asia]. St. Petersburg: P.P. Merkulyeva.

10. Ostroumov, N.P. (1914) *Islamovedenie: Vvedenie v kurs islamovedeniya* [Islamic Studies: Introduction to the Course of Islamic Studies]. Tashkent: Chancellery of the Turk. General-Governor.

Сведения об авторе:

Солодова Г.С. – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия); профессор кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: gsolodova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Solodova G.S. – Dr. Sci. (Sociology), leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); professor at the Department of General Sociology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gsolodova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024*

*The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 32.019.51
doi: 10.17223/1998863X/81/21

ВЛИЯНИЕ ДЕЛИБЕРАЦИИ НА ВОСПРИЯТИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

Антон Юрьевич Краснопёров¹, Матвей Денисович Гончаров²,
Анастасия Владимировна Соколова³, Юрий Юрьевич Бушин⁴

^{1, 2, 3, 4} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия,*

¹ *krasnopyorov.anton@gmail.com*

² *qaz.usw2201@gmail.com*

³ *anastasiasokolova109@gmail.com*

⁴ *yuri.pravin@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется влияние делиберации на способность индивидуумов распознать разницу между фактологическими и фейковыми новостями политической направленности, в том числе сгенерированными искусственным интеллектом. Результаты проведенного эксперимента не подтверждают высокую роль делиберативных практик в борьбе с дезинформацией. Однако отмечается консенсусный потенциал коллективного обсуждения и слабость нейросетей в создании аутентичных фальсификаций.

Ключевые слова: делиберация, фейк-ньюс, искусственный интеллект, демократия, дезинформация

Для цитирования: Краснопёров А.Ю., Гончаров М.Д., Соколова А.В., Бушин Ю.Ю. Влияние делиберации на восприятие и выявление фейковых новостей по политическим вопросам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 234–243. doi: 10.17223/1998863X/81/21

POLITICAL SCIENCE

Original article

THE IMPACT OF DELIBERATION ON THE PERCEPTION AND DETECTION OF FAKE NEWS ON POLITICAL ISSUES

Anton Yu. Krasnoperov¹, Matvey D. Goncharov², Anastasia V. Sokolova³,
Yuriy Yu. Bushin⁴

^{1, 2, 3, 4} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *krasnopyorov.anton@gmail.com*

² *qaz.usw2201@gmail.com*

³ *anastasiasokolova109@gmail.com*

⁴ *yuri.pravin@mail.ru*

Abstract. The authors of the article begin by justifying the relevance of the problem of fake news in the modern political discourse. It is noted that today the author of news can be not only a human, but also artificial intelligence. This makes it difficult to discern where the truth is and where lies are. The consumer reaction is manifested in the closure and reduction of interaction with both information and newsmakers, including ordinary Internet users. This behavior is contrary to the principles of democracy, which requires deliberation. The authors pose the question of whether deliberation and the natural desire to avoid information noise and the influence of fake news can be combined. The article hypothesizes that deliberation, which requires the collation of knowledge and promotes mutual learning, has the potential to reduce the disinformation of everyone involved in the discussion. It can also help make sense of the news flow, including by reducing the cognitive complexity of dealing with large flows of uncertain information. After reviewing the current research on citizens' ability to identify fake news, the authors found no account of deliberation among them. The authors then designed their own empirical study, which included an interview component. The participants were asked to determine the credibility of political news (real and two types of fake news – compiled by humans and AI) independently and in a group discussion. The influence of alternative factors, such as political science competence, news experience, and others, was recorded using control groups and interviews. The findings of the experiment do not support the hypothesis that deliberative practices and alternative factors (with the exception of news experience) play a significant role in combating disinformation. However, the consensual potential of collective deliberation is noted: it facilitates the formation of a consensus opinion without affecting the correct answers. The authors note the weakness of neural networks in creating authentic falsifications in comparison to humans. The authors emphasize the necessity for a further study of individual factors not covered by the research that affect the variation of respondents' answers.

Keywords: deliberation, fake news, artificial intelligence, democracy, disinformation

For citation: Krasnoperov, A.Yu., Goncharov, M.D., Sokolova, A.V. & Bushin, Yu.Yu. (2024) The impact of deliberation on the perception and detection of fake news on political issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 234–243. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/21

Один из важнейших вызовов современной политической коммуникации исходит от феномена фейк-ньюс, который, не будучи новым сам по себе, постоянно актуализируется за счет целого ряда факторов. С распространением новых медиа информация стала не просто достоянием широкой аудитории, но производной неограниченного количества авторов (сначала новостные интернет-ресурсы, затем блоггинг, паблики в социальных сетях, телеграм-каналы, и так вплоть до децентрализованной коммуникации по типу peer-to-peer (многие ко многим, без единого источника)). Уже одно это остро ставит вопрос о доверии к источнику, а следовательно, и к информации из этого источника. Следует учитывать, что ряд авторов целенаправленно пытаются ввести в заблуждение свою аудиторию, выступая стороной ценностного, идеологического, политического (в том числе межгосударственного) противостояния. Воспринимая новости, которые выходят за рамки личного опыта аудитории, последняя оказывается подвержена искажению восприятия действительности по причине потребления неполной, зачастую искаженной информации и симулякров, из которых конструируется картина мира, называемая Ж. Бодрийяром гиперреальностью, когда стирается различие между реальностью и медийными образами [1. С. 6], или, по выражению Н.Г. Щербининой, медиареальностью [2]. Так как эта картина мира во многом обуславливает поведение индивидов, включая политическое поведение, за влияние на нее борются различные политические акторы, и такую борьбу мы, вслед за Бурдье (который использовал понятие «символическая власть»

[3. С. 148]), можем рассматривать как борьбу за политическую власть, а в случае успеха – как осуществление политической власти. С появлением нейросетей, способных в считанные секунды генерировать большой объем текста с использованием реальных и ложных данных, усложняется как борьба за внимание потенциальных реципиентов, так и достоверность распространяемой информации. И пусть в цифровую эпоху, где симулякр – доминирующий вид сообщения, говорить о какой-либо достоверности едва ли представляется возможным, мы исходим из того, что фейк-ньюс – это разновидность сконструированного симулякра, изначальный автор (т.е. мы не берем во внимание ретрансляторов) которого сознательно пытался ввести свою аудиторию в заблуждение посредством лжи. Тем самым мы несколько сужаем общеупотребительное использование термина «фейк-ньюс», но такое ограничение способствует конкретизации предмета нашего исследования. Далее в статье речь пойдет о фейк-ньюс в современном политическом дискурсе.

Информационная перегруженность ведет к резкому повышению когнитивной сложности обработки данных, с которой человеческий мозг не всегда способен справиться, из-за чего большая часть информации превращается в инфошум. Существует множество способов, позволяющих упорядочить работу с информацией и снизить давление инфошума, но все они ведут к созданию информационного пузыря, границами которого выступают отобранный пул источников новостей, настройки алгоритмов новостной ленты, контактов, а также психологические механизмы, как, например, селективная экспозиция – склонность людей избегать информации, которая может создать когнитивный диссонанс, поскольку она несовместима с их нынешними убеждениями [4. С. 50–51]. В свою очередь, такая модель поведения приводит не только к информационной, но и ассоциациональной фрагментации, а в итоге – к поляризации общества [5. С. 112–113], в то время как современные демократические режимы для полноценного функционирования нуждаются в носителях гражданской культуры, отличительной чертой которых является способность к кооперации и диалогу. Последнее лежит в основе модели делиберативной демократии (делиберация – способность решать общие политические проблемы в процессе их обсуждения), теоретические основы которой развивали Ю. Хабермас, Дж. Бессетт и др. [6. С. 54–56]. В результате мы имеем расхождение между наблюдаемыми коммуникативными моделями, которые способствуют социализации в условиях поляризации и отчужденности, и функциональными требованиями демократического режима, предполагающего умение выстраивать диалог, несмотря на разницу во взглядах и ценностях (в противном случае альтернативами могут быть либо рост конфликтности и дестабилизация общества, либо разворот в сторону авторитаризма в лице наиболее сильного политического субъекта, способного навязать свои правила). Попытки наладить конструктивный диалог с представителями альтернативных точек зрения неизбежно связаны с необходимостью расширения информационного поля и ослабления контроля над коммуникативными процессами. На первый взгляд, это конфликтующие модели поведения. Но мы предполагаем, что компромисс между этими двумя моделями поведения можно найти, если выявить наличие положительного кумулятивного эффекта от интересубъективности, воспринимаемого сторонами взаимодействия как способ управления инфошумом. Попробуем проверить это суждение.

Не ставя целью пересказа концепции делиберации в рамках данной статьи, отметим, что делиберативная демократия связана коммуникативным действием, т.е. с действиями акторов, стремящихся к взаимопониманию и координированию своих планов и действий [7. С. 11]. В ее основу заложен идеал достижения группой общей цели, а значит, мотив сотрудничества теоретически превышает мотив конкуренции. В коммуникативном измерении это значит, что коммуниканты будут стремиться к согласию и взаимопониманию, сопоставляя свои взгляды на проблему. А так как в процессе обсуждения коммуниканты должны достичь согласия, это неизбежно приводит к столкновению различных точек зрения, которые, в свою очередь, подвергаются критической оценке и проверке на устойчивость. Тезисы делиберативной модели применимы также в отношении дезинформации, включая фейк-ньюс. Дезинформация препятствует адекватной коммуникации, она воспринимается как угроза и должна быть устранена на начальных этапах обсуждения [8. Р. 703]. Некоторые авторы считают, что лучше всего это удастся сделать внутри мини-общественности, где граждане собираются вместе в специально созданных условиях лицом к лицу с отобранной информацией, обученными модераторами и процедурными нормами, которые способствуют равенству участников в процессе обсуждения и принятия решений, тем самым многие патологии, связанные с фейк-ньюс и постправдой, смягчаются [9. Р. 152–153].

Делиберативная демократия – не эмпирическая, а идеальная модель, которая создана для того, чтобы с ее помощью оценивать реальное положение дел. Мы используем ее в таком же понимании. Мы выдвигаем гипотезу, что когнитивная сложность в части оценки новостей при делиберации может быть снижена за счет способности выявлять фейк-ньюс посредством коллективного обсуждения. Если это так, есть основания предположить, что делиберация имеет потенциал позитивного влияния на демократию в условиях сетевого общества и переизбытка инфошума.

Исследования, направленные на определение способности аудитории отличать настоящую новость от фейк-ньюс, уже проводились. Например, К.Л. Зуйкина и Д.В. Соколова посредством анкетного опроса молодежи в возрасте 18–35 лет выяснили, что 200 респондентов смогли дать 68% правильных ответов, когда их просили классифицировать 8 новостей различной тематики как реальные или фейковые [10. С. 315]. При этом уровень образования и пол не влияли на результаты [10. С. 316–317].

Интересные результаты получены в работе С. Левандовски и С. Линдена, которые на базе эмпирического и психологического анализа констатируют, что частичному распознаванию фейк-ньюс способствует инокуляция, базирующаяся на представлении, что если людей заранее предупредить о том, что они могут быть дезинформированы, и показать им слабые примеры того, как их могут ввести в заблуждение, то они станут более невосприимчивыми к дезинформации [11. Р. 357–359].

В 2023 г. С. Крепс и Д. Кринер провели эксперимент, в ходе которого они отправили 7 132 законодателям штатов 32 398 электронных писем, отстаивающих позицию по ряду политических вопросов. Задачей эксперимента было выяснить, насколько успешно должностные лица способны определить созданные ИИ сообщения (исходя из гипотезы, что законодатели не будут

тратить свое время на ответы на обращения от ботов ИИ). Половина из них была написана людьми, а другая половина – GPT-3, современной на тот момент генеративной моделью искусственного интеллекта. По всем вопросам показатели ответов на сообщения, написанные ИИ и человеком, были статистически неразличимы [12].

Все описанные исследования не включали делиберацию. Авторами статьи было проведено собственное исследование для восполнения этого пробела. Главный исследовательский вопрос: влияет ли делиберация (в нашем понимании – возможность вести диалог с другими гражданами перед принятием решения) на выявление фейковых новостей в общем потоке новостей по сравнению с самостоятельным решением. Учитывая вышеприведенные кейсы и теоретические положения, мы предположили, что делиберация будет положительно влиять на долю выявленных фейк-ньюс в общем потоке новостей. В качестве альтернативных факторов (конкурирующих гипотез) мы отобрали политологическую компетентность (наличие профильного политологического образования, в том числе студенты старших курсов бакалавриата), авторство новости (человек, нейросеть) и опыт работы с фейк-ньюс (повторные замеры со схожими критериями). Мы были склонны полагать, что, во-первых, респонденты с политологической компетентностью в целом лучше справятся с выявлением фейк-ньюс на всех этапах исследования по сравнению с респондентами без политологической компетентности; во-вторых, опыт первой фазы исследования должен в позитивном ключе сказаться на правильности ответов при повторном замере (благодаря научению). Также будет выявлено, кто (человек или нейросеть) создает наиболее аутентичные фейк-ньюс.

Для ответа на поставленные вопросы проведен эксперимент с основной и двумя контрольными группами. Возраст участников – от 18 до 24 лет, равные доли мужчин и женщин. Первая (основная) группа состояла из 9 человек, из которых 3 имеют политологическое образование. Вторая (контрольная) группа состояла из 8 человек, из которых 3 имеют политологическое образование. Третья группа (контрольная) состояла из 6 человек, из которых 3 имеют политологическое образование. На первом этапе участникам первой группы (каждому в отдельности) предлагалось прочитать 10 новостей через специальный телеграм-бот и выбрать, является ли эта новость фейковой. Пользоваться сторонними ресурсами запрещалось. На втором этапе первой группе предлагалось выполнить те же действия с другим набором новостей, но с возможностью обсудить друг с другом каждую новость прежде, чем дать ответы. Для участников второй группы первый этап повторялся дважды, возможность обсуждения отсутствовала. Для участников третьей группы проводился только этап с групповым обсуждением (с целью исключить влияние научения / опыта). По завершении каждого этапа участники эксперимента проходили индивидуальное интервью с целью выявить мотивацию их выбора, эмоциональное состояние, оценить роль коллектива в принятии решения, определить отношение к новостям, их сложность. Все новости в эксперименте подразделялись на три типа: 1 – фейковая новость, составленная человеком, 2 – фейковая новость, составленная нейросетью (GPT-3) по ключевым словам, 3 – настоящая актуальная новость. Участники не знали о предложенном делении (кроме выбора «фейк» и «правда») и доли новостей каждого ти-

па. Также параллельно было проведено тестирование на более широкой выборке людей, не участвующих в эксперименте (24 человека), с целью убедиться, что отобранные группы не представляют собой уникальный случай.

Результаты эксперимента представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты эксперимента по оценке фейк-ньюс индивидуально и после группового обсуждения (с двумя контрольными группами)

Показатель	Группа 1 (основная)		Группа 2 (контрольная)		Группа 3 (контрольная)	
	Этап 1 (индивидуальная оценка фейк-ньюс)	Этап 2 (оценка фейк-ньюс после обсуждения)	Этап 1 (индивидуальная оценка фейк-ньюс)	Этап 2 (индивидуальная оценка фейк-ньюс)	Этап 1 (не проводился)	Этап 2 (оценка фейк-ньюс после обсуждения)
Количество участников	9	6	8	8	–	6
Среднее значение правильных ответов	6	5,8	6,55	6,125	–	5,166
Медианное значение правильных ответов	6	6	6	6	–	5,5
Минимальное количество правильных ответов	4	4	5	3	–	2
Максимальное количество правильных ответов	8	7	10	10	–	7
Консолидированные ответы	–	Группа ответила одинаково на 3 вопроса и почти одинаково (без учета одного участника) на 5. При этом только 5 таких ответов были правильными	–	–	–	Группа ответила одинаково на 4 вопроса и почти одинаково (без учета одного участника) на 3. При этом только 4 таких ответа были правильными
Индивидуальная динамика правильных ответов	Один человек улучшил свой результат (на 1), трое ухудшили (на 1, 1 и 2) и двое не изменили		Один человек улучшил свой результат (на 3), трое ухудшили (на 1, 2 и 3) и четверо не изменили		–	

Дополнительно следует заметить, что участники с политологическим образованием в целом отвечают немногим выше среднего, но показывают отрицательную динамику при повторном тестировании. Участники без политологического образования изначально показывают результаты ниже среднего, но при повторном тестировании демонстрируют положительную динамику. В первой группе единственным несогласным с группой в 3 из 5 случаев был человек с политологическим образованием.

В целом мы не можем сделать статистически значимых выводов о влиянии deliberации на количество правильных ответов. Ответы до и после обсуждения меняются незначительно, приближены к среднему уровню по широкой выборке (6,1), что также не превышает данных опроса К.Л. Зуйкиной и Д.В. Соколовой (см. выше). Однако обсуждение способствует достижению консолидированного мнения, не влияющего на правильность ответов. Таким образом, групповое обсуждение способно влиять на отношение к новости. Наличие политологического образования также не дает оснований полагать о его преимуществе при оценке фейк-ньюс. Гипотетическое заключение, тре-

бующее дальнейшей проверки, можно сделать относительно роли опыта работы с фейк-ньюс. Так, в нашем эксперименте второе тестирование в первых двух группах показывает худший результат, что может объясняться более сложными новостями, но третья группа, не проходившая первое тестирование, показывает результаты еще ниже. Возможно, результаты первых двух групп также могли быть ниже, если бы не первое тестирование. Во многом на результатах сказываются иные индивидуальные факторы, как показывает кейс участника, набравшего максимальный балл дважды, не участвуя при этом в групповом обсуждении.

Распределение правильных ответов в зависимости от авторства новости представлено в табл. 2.

Таблица 2. Количество правильных ответов участников эксперимента в зависимости от авторства и типа новости

Тип новости	Тест 1 (этап 1)	Тест 2 (этап 2)	Сумма
Настоящие новости	42 из 68 (61,8%)	35 из 80 (43,8%)	77 из 148 (52%)
Фейк-ньюс, созданные человеком	30 из 51 (58,8%)	34 из 60 (56,7%)	64 из 111 (57,7%)
Фейк-ньюс, созданные нейросетью	35 из 51 (68,6%)	46 из 60 (76,7%)	81 из 111 (73%)

Данные табл. 2 позволяют нам сделать как минимум три интересных наблюдения. Во-первых, знание участников эксперимента о наличии в списке фейковых новостей заставляет их чаще отмечать новость как фейковую, т.е. относиться к ней заведомо подозрительно, в результате даже настоящие новости в половине случаев отмечались как ложные. Теория инокуляции работает, но лишь частично, поскольку она предполагает, что люди будут лучше выявлять фейк-ньюс, однако этого не происходит. Во-вторых, значимой статистической разницы между настоящими новостями и фейками, созданными человеком, не наблюдается, т.е. потенциальную истинность этих двух видов текста для восприятия неподготовленным человеком можно рассматривать как равнозначную. В-третьих, на общем фоне выделяются фейк-ньюс от нейросети, которые в большинстве случаев всё-таки определялись правильно. Таким образом, «качество обмана» со стороны нейросети пока еще не очень высоко.

Для более полного анализа полученных данных использовались расшифровки коллективных обсуждений и интервью с участниками эксперимента. Полученная таким образом информация о ходе внутригрупповой коммуникации помогает определить, как именно испытуемые давали ответы в том или ином случае. В интервью респонденты отмечали, что старались давать ответы в соответствии с собственными мыслями, а не под давлением большинства (собственно такого давления участники не замечали). С другой стороны, часто отдельные мнения участников в ходе дискуссии совпадали, что, например, подтверждается цитатами: «...я какие-то аргументы собеседников принял, но мне кажется, что я руководствовался собственным мнением» или «я не опирался на ответы, которые были сформированы большинством группы, но я чувствовал, что в какие-то моменты мнение большинства совпадает с моим». Удалось выявить лишь один случай, когда все члены группы ориентировались на человека, заявившего о своей экспертности в теме, которой была посвящена новость. В прочих же случаях группа либо приходила к кон-

сенсусу, либо приводимые различными участниками аргументы не могли убедить всех. Интересно отметить те способы, с помощью которых участники пытались определить достоверность новостей. Зачастую первым шагом в ходе коллективной дискуссии, по признанию некоторых участников в итоговом интервью, была попытка вспомнить, что известно по данной теме, встречалась ли похожая информация ранее. Для примера можно привести такие цитаты: «я думаю, это было бы очень хорошо, если бы было правдой, но мемов было бы предостаточно» и «я про памятник <...> слышу не в первый раз, звучит как правда». Помимо попытки вспомнить схожие факты, испытуемые прибегали к анализу текста, обращая свое внимание на различные аспекты формы и содержания. В частности, участники обсуждения пытались отделить основное содержание новости от дополнительных сведений. В одном из интервью эта мысль была сформулирована так: «я старался именно основную мысль вынести, то, что именно и называется новостью, что были какие-то развороты и окружающие события, про персонажей, которые в этом участвуют. Если трезво оценить новость в новости, то вот это мне, наверное и помогало – как звучит сама новость, сам факт». Помимо логических операций, сформировать мнение о новости помогал и стиль текста. В ходе обсуждения участники проецировали свое представление об идеальной форме новостей (они достаточно информативны, легко сформулированы, не имеют фактических и орфографических ошибок). Те сообщения, что не подходили под эти критерии, легко относились к разряду фейков, что, однако, не всегда соответствовало действительности. Например, комментарий к одной из реальных новостей: «...новость фейк, потому что предложения сложно составлены. Длинные сложные предложения с непонятными для обывателя словами...». Другой пример, уже в формате диалога, о настоящей новости, взятой из СМИ: «Участник 1: Тут орфографическая ошибка в фамилии. Участник 2: Получается, фейк, СМИ так не напишут». При этом подобный подход в ряде случаев все же сработал и помог выявить фейки.

Несмотря на ограниченность по масштабу нашего исследования, его результаты актуализируют дискуссию о жизнеспособности делиберативной теории. Подводя итоги, мы отмечаем, что не смогли найти подтверждение предположению, что делиберация значимо влияет на способность выявить фейк-ньюс. То же касается иных вводимых факторов. Также мы не нашли доказательств снижения когнитивной сложности. Наоборот, необходимость вести обсуждение и аргументировать свое мнение требует дополнительных усилий и времени. Тем не менее коллективное обсуждение способствует формированию общей позиции, с которой соглашается большинство участников дискуссии, что говорит о готовности прислушиваться к озвученным аргументам и принять более взвешенное решение. Критики отмечают, что теория делиберативной демократии является утопичной, поскольку обычные люди не обладают ни достаточной информацией, ни достаточной рефлексией, чтобы управлять собой; они просто слишком запутаны, непоследовательны и невежественны, чтобы с ними стоило советоваться, а также в рамках совещательной демократии участники, в первую очередь, стремятся отстоять собственные интересы, а не принять беспристрастное решение [13. Р. 301–302]. В этой части наше исследование показывает обратное. Роль делиберации, судя по всему, заключается не в поиске истины, а в поиске компромисса

или даже консенсуса, что также необходимо современным демократиям. Но остается открытым вопрос о мотивации к участию в обсуждении, учитывая ранее описанные тенденции. По крайней мере в числе таких факторов вряд ли можно ожидать найти стремление к снижению когнитивной сложности, инфошума и поиску истины.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2017. 320 с.
2. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219–232.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
4. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. М. : Бомбора, 2018. 340 с.
5. Красноперов А.Ю. Роль интернета как соконструктора политической медиареальности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 111–115.
6. Линде А.Н. Делиберативная демократия как направление в современной теории демократии: анализ основных подходов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, № 1. С. 52–58.
7. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 3–24.
8. McKay S., Tenove C. Disinformation as a Threat to Deliberative Democracy // Political research quarterly. 2021. Vol. 74 (3). P. 703–717.
9. Chambers S. Truth, Deliberative Democracy, and the Virtues of Accuracy: Is Fake News Destroying the Public Sphere? // Political Studies. 2021. Vol. 69 (1). P. 147–163.
10. Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 310–326.
11. Lewandowsky S., Linden S. Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking // European review of social psychology. 2021. Vol. 32. P. 348–384.
12. Kreps S., Kriner D. The Potential Impact of Emerging Technologies on Democratic Representation: Evidence from a Field Experiment // New media & Society. 2023. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/14614448231160526>
13. O'Flynn I., Curato N. Deliberative Democratization: a Framework for Systemic Analysis // Policy Studies. 2015. Vol. 36, № 3. P. 298–313.

References

1. Baudrillard, J. (2017) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulations]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.
2. Shcherbinina, N.G. (2019) The Definition of Media Reality and Communication in the Context of the Theory of the Political Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 219–232. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/19
3. Bourdieu, P. (1993) *Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast'* [Social Space and Symbolic Power]. Thesis. 2. pp. 137–150.
4. Festinger, L. (2018) *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of Cognitive Dissonance]. Translated from French by A. Anistratenko, I. Znaeshev. Moscow: Bombora.
5. Krasnoperov, A.Yu. (2020) Rol' Interneta kak sokonstruktora politicheskoy mediareal'nosti [The Role of the Internet as a Co-Constructor of Political Media Reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 111–115.
6. Linde, A.N. (2015) Deliberativnaya demokratiya kak napravlenie v sovremennoy teorii demokratii: analiz osnovnykh podkhodov [Deliberative Democracy as a Direction in the Modern Theory of Democracy: Analysis of the Main Approaches]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 8(1). pp. 52–58.

7. Habermas, J. (2008) Otnosheniya k miru i ratsional'nye aspekty deystviya v chetyrekh sotsiologicheskikh ponyatiyakh [Attitudes to the World and Rational Aspects of Action in Four Sociological Concepts]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 7(1). pp. 3–24.
8. McKay, S. & Tenove, C. (2021) Disinformation as a Threat to Deliberative Democracy. *Political Research Quarterly*. 74(3). pp. 703–717.
9. Chambers, S. (2021) Truth, Deliberative Democracy, and the Virtues of Accuracy: Is Fake News Destroying the Public Sphere? *Political Studies*. 69(1). pp. 147–163.
10. Zuykina, K.L. & Sokolova, D.V. (2021) Fake News: Can Young People Distinguish Fact from Fiction? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 310–326. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/71/19
11. Lewandowsky, S. & Linden, S. (2021) Countering Misinformation and Fake News Through Inoculation and Prebunking. *European Review of Social Psychology*. 32. pp. 348–384.
12. Kreps, S. & Kriner, D. (2023) *The Potential Impact of Emerging Technologies on Democratic Representation: Evidence from a Field Experiment*. [Online] Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/14614448231160526>
13. O'Flynn, I. & Curato, N. (2015) Deliberative Democratization: a Framework for Systemic Analysis. *Policy Studies*. 36(3). pp. 298–313.

Сведения об авторах:

Краснощёров А.Ю. – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnoporyorov.anton@gmail.com

Гончаров М.Д. – магистрант кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: qaz.usw2201@gmail.com

Соколова А.В. – магистрант кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anastasiasokolova109@gmail.com

Бушин Ю.Ю. – магистрант кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yuri.pravin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Krasnoperov A.Yu. – Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnoporyorov.anton@gmail.com

Goncharov M.D. – master's student of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: qaz.usw2201@gmail.com

Sokolova A.V. – master's student of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anastasiasokolova109@gmail.com

Bushin Yu.Yu. – master's student of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yuri.pravin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024;
одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.17223/1998863X/81/22

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КУЗБАССА

Елена Викторовна Матвеева¹, Анна Эдуардовна Шилова²,
Алия Викторовна Сат³

¹ Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия,
mev.matveeva2020@yandex.ru

² Кузбасский государственный аграрный университет им. В.Н. Полецкого,
Кемерово, Россия, *shilova.anna2014@yandex.ru*

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических
исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия, *aliya_sat@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного в формате фокус-групп среди студенческой молодежи в вузах региона ресурсного типа на примере Кузбасса. Показана взаимосвязь между выбранным местом получения высшего образования и системой транслируемых традиционных ценностей студенческой молодежью. Выявлены место шкалы «материально-моральное» в системе приоритетов молодых людей, а также роль воспитательной составляющей в системе укрепления традиционных духовно-нравственных основ государственности.

Ключевые слова: политическая культура, ценностный фактор, традиционные ценности, регион, Кузбасс

Для цитирования: Матвеева Е.В., Шилова А.Э., Сат А.В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодежи Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 244–252. doi: 10.17223/1998863X/81/22

Original article

TRADITIONAL VALUES IN THE SYSTEM OF POLITICAL CULTURE OF STUDENTS YOUTH IN KUZBASS

Elena V. Matveeva¹, Anna E. Shilova², Aliya V. Sat³

¹ Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation,
mev.matveeva2020@yandex.ru

² Kuzbass State Agrarian University, Kemerovo, Russian Federation,
shilova.anna2014@yandex.ru

³ Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government
of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation, *aliya_sat@mail.ru*

Annotation. The article aims to compare traditional priorities in the system of students' axiological worldview in the resource-type region using the example of Kuzbass, as well as to identify the relationship between the educational trajectory of the chosen educational institution of higher education and traditional values transmitted under the influence of educational and upbringing processes by student youth. The scientific understanding of the phenomenon of the students' axiological worldview is shown through the factor of value foundations. The

authors pay attention to the study of the values of young people as one of the important elements of political culture. Attention is focused on the comparison of traditional axiological views of students from different universities in Kuzbass. The basis for the comparison is an understanding of the essence of traditional values and spiritual and moral values, the place of family values among the priorities of young people, an assessment of religion, culture and the Russian language as the axiological foundations of our state. It was revealed that the students' axiological worldview can be assessed on the "material-spiritual values" scale. The conclusions show that students of an agricultural university (Kuzbass State Agrarian University) are more motivated by material values; therefore, for them the value of family is secondary in relation to material wealth, education, and career. Students of Kemerovo State Institute of Culture are more focused in their beliefs on self-realization in the cultural sphere; therefore, moral categories are prioritized, although material well-being is not denied as a guarantee of both family well-being and self-realization in creative activities. Students of different universities (especially cultural institutes) pay special attention to the concept of freedom. Students define freedom as a civil category that determines opportunities for self-development and professional growth. Culture, religion, and the preservation of the Russian language are assessed by young people as complementary and constantly changing categories. At the same time, the risk is such phenomena as distortion of historical memory in the culture of our country, facts of desecration of Russian culture and language, and not changes within the culture or the Russian language.

Keywords: political culture, value factor, traditional values, region, Kuzbass

For citation: Matveeva, E.V., Shilova, A.E. & Sat, A.V. (2024) Traditional values in the system of political culture of students youth in Kuzbass. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 81. pp. 244–252. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/22

Введение

Политическая культура, включающая в себя систему ценностей, норм и стереотипов поведения, выступает одним из индикаторов оценки результативности в реализации нормативно-правовых документов по формированию традиционных ценностей государства. Согласно Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в качестве стратегического национального приоритета государства провозглашена «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»¹. При этом именно молодежь представляет главную целевую аудиторию по реализации данной задачи.

В этой связи необходимость научного осмысления вопросов ценностного наполнения мировоззрения молодого поколения ставит перед научным сообществом задачу проведения комплексных региональных исследований. Среди работ российских ученых можно выделить несколько направлений научного осмысления процесса формирования ценностно-мировоззренческих ориентаций и традиционных ценностей молодежи как основы политической культуры. Среди значительного перечня исследований, посвященных в целом феномену политической культуры российской молодежи [1–3], следует выделить работы, уделяющие внимание ценностным категориям политической культуры молодежи [4, 5], и публикации, направленные на осмысление раз-

¹ Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 02.06.2024).

личных аспектов ценностей молодежи (например, семейные, традиционные, образовательные, духовно-нравственные и др.). В частности, традиционные ценности молодежи анализируются в статьях Т.Г. Анисимовой, Е.В. Бродовской, Л.И. Седовой, Н.Ю. Скляровой и др. [6–8].

Как отмечают в своей статье Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева и Д.Е. Антонов, изучение политических ценностей молодежи показывает весьма расплывчатый характер представлений о политике – «молодые люди не имеют системных и когнитивно сложных представлений о политике», что является показателем текущего состояния их политической культуры [5. С. 66]. При этом категория свободы весьма специфична и абсолютно не связывается с какими-либо формами участия в общественно-политических процессах [4. С. 96].

В то же время достаточно часто российские ученые при анализе традиционных ценностей обращаются к вопросу патриотизма, справедливости, выходя на плоскость соотношения в сознании молодых людей индивидуалистических и коллективистских качеств (преобладание индивидуализма становится очевидным фактором в современных условиях) [6. С. 98], что, как нам представляется, несколько «обедняет» как сами исследования, так и непосредственно структуру убеждений молодежи. Подчеркивая значимость фактора истории и культуры в системе традиционных ценностей молодежи, ученые [8. С. 61] утверждают о преобладании негативных тенденций – утрате семейных ценностей, доминировании материальных ценностей и др.

Авторским коллективом проводились исследования по изучению политической культуры и выявлению ценностных установок студенческой молодежи Кузбасса на примере региональных вузов [9]. Полученные результаты в целом подтверждают отмеченную ранее тенденцию о «расплывчатом» характере восприятия молодыми людьми политических категорий и готовности участвовать в общественно-политической жизни, в то же время полученные эмпирические данные показывают более многогранный формат восприятия традиций в российском обществе, далеко не всегда ограничивая какими-либо индивидуалистическими жизненными установками. Данная публикация продолжает научный анализ затронутой проблематики в контексте реализуемой политики государства по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей как одного из национальных приоритетов государства.

Отдельное исследовательское поле представляют собой регионы ресурсного типа, ориентированные на развитие добывающих отраслей производства. В таких регионах зачастую сформированы неблагоприятные социально-культурные и экологические условия. Так, в Кемеровской области – Кузбассе (далее – Кузбасс) на фоне сложной экологической ситуации сохраняется устойчивая тенденция населения к миграции, прежде всего, среди молодого поколения. По данным Кемеровостата, количество уехавших за 2023 г. составило 57 243 человека, прибывших 53 753 человека, миграционная убыль составила 3 490 человек (в 2022 г. 5 176 человек) [10]. В настоящее время прилагаются усилия со стороны органов региональной власти по созданию привлекательной образовательной среды для молодежи в рамках реализации федерального проекта по созданию в Кузбассе межвузовского кампуса [11]. Подобные мероприятия не только направлены на снижение миграции в регионе, но и фактически акцентируют внимание на усилении образовательной и

воспитательной траектории вузов, которые формируют и профессиональные компетенции выпускников, и политическую культуру молодежи.

Целью статьи явилось сопоставление традиционных приоритетов в системе ценностно-мировоззренческих ориентаций студентов Кемеровской области – Кузбасса, а также выявление взаимосвязи между формируемыми ценностями в среде молодежи под воздействием образовательной траектории вузов региона.

Необходимо отметить, что авторы рассматривают политическую культуру с позиции национальной гордости, где политическая культура есть некая совокупность эмоциональных оценок населения. Как пишут Г. Алмонд и С. Верба, социологические опросы, проведенные в пяти разных по форме государствах, показали, что национальная гордость не всегда связывается с политическими институтами. Так, для немцев она определяется экономическими результатами, «характеристиками немцев как народа (бережливость, чистоплотность, большое трудолюбие и эффективность)». При этом факторы образования и профессионального (должностного) уровня не всегда имеют ограниченное воздействие на национальную гордость, что свидетельствует об отчуждении от политической системы [12. С. 103].

В основу статьи положен анализ результатов четырех фокус-групп ($n = 45$), проведенных авторами в мае 2024 г. среди студентов-бакалавров 2–3-х курсов в вузах Кузбасса – Кемеровском государственном институте культуры (КемГИК) и Кузбасском государственном аграрном университете им. В.Н. Полецкого (КузГАУ). По гендерному соотношению состав участников определялся спецификой вузов: в КузГАУ количество девушек и юношей составляло по 50%, в КемГИК – девушек 80%, юношей – 20%. В исследовании приняли участие студенты факультета социально-культурных технологий и социально-гуманитарного факультета (КемГИК) и факультета технологического предпринимательства (КузГАУ).

Результаты и их обсуждение

Ответы на вопрос, связанный с пониманием молодыми людьми понятий «традиционные ценности» и «духовно-нравственные ценности», показали, что студенты разграничивают между собой эти понятия. В то же время независимо от места обучения традиционные ценности воспринимаются как явление, стандартизированное для всего общества, в свою очередь, духовно-нравственные ценности, напротив, связываются чаще всего с личностным развитием человека.

– Традиционные ценности – это ценности, которые переходят из поколения в поколение, вечные ценности. Духовно-нравственные ценности близки к морали. Они могут между собой пересекаться (КемГИК).

– Традиционные ценности – это устоявшиеся ценности, переносимые из поколения в поколение. Духовно-нравственные – либо человек сам в себе их закаляет, либо навязываются обществом. Духовно-нравственные ценности у человека под влиянием личностных изменений могут меняться (КемГИК).

– Традиционные ценности – это то, что обществом стандартизировано. Традиционные ценности для меня – это работа, семья, муж, жена, дети, дача. Духовные ценности – это то, к чему мы стараемся стремиться, то, что мы стараемся поддерживать в своем развитии (КузГАУ).

Отношение респондентов к вопросу традиционных ценностей с позиции личностного восприятия показывает сходство ответов студентов двух вузов в отношении значимости института семьи. Однако если студенты КемГИК отмечают важность духовно-нравственных и социальных категорий (в частности, знаковые праздничные даты и личные качества человека), то для студентов КузГАУ в качестве приоритета выступают профессиональные и материальные ценности (работа, образование, дети и пр.). Отдельные высказывания приведены ниже:

– 9 мая наиболее значимая для нас традиционная ценность и то, что мы чтим эту традицию павших людей. Любая другая традиция будет менее важна, потому что, если бы не победили, то все остальное просто не было бы важным (КемГИК).

– Наиболее важное – это институт семьи. Семья как ячейка общества (КемГИК).

– Я бы хотела отметить и институт образования. Люди обязательно должны развиваться, чтобы двигать вперед себя, нашу науку, открывать что-то новое, достигать новых результатов (КемГИК).

– Приоритеты – работа, семья, уважение старших. Модель семьи – мужчина в семье главный (КузГАУ).

– Помимо семейных ценностей важны еще религиозные традиции и историческая память (КузГАУ).

В то же время при обращении к содержанию понимания семейных ценностей независимо от места обучения студенты придерживаются достаточно близких позиций, отмечая значимость при построении собственных семей финансовой составляющей, которая, в свою очередь, требует времени, усилий и поэтапности в создании семьи: получение образования, карьера и только после этого возможно построение семьи. Поэтому создание собственной семьи, по мнению большинства респондентов, – приоритет долгосрочной перспективы, а не ближайшего времени.

Респонденты имели возможность высказать свое мнение и о других традиционных ценностях – культуре, религии, сохранении русского языка. Высказанные мнения показали, что все отмеченные традиционные ценности имеют для современной молодежи значимость. Респонденты отмечали, что общим моментом в рассмотренных ценностях выступает склонность к изменчивости, трансформации с течением времени, что позволяет и культуре, и русскому языку развиваться, а самому обществу предоставляет возможность выбора. Независимо от места обучения студенты не давали отрицательных оценок появлению в русском языке иностранных слов (англицизмов); главное – «сохранять русский язык и не давать другому языку менять его». Молодежь беспокоит «феномен осквернения культуры, когда сносятся памятники воинам ВОВ и при этом возводятся памятники героям нацизма», что оценивается даже «не как утрата культуры, а ее осквернение». В своем большинстве студенты не являются глубоко религиозными людьми, считают, что навязывать религиозные убеждения нельзя, а значимость сохранения религии заключается в ее сохранении как символа веры («любому человеку важно во что-то верить»).

Студентам было предложено выразить свое мнение относительно проблем в сфере культуры, которые больше всего их волнуют, и готовности при желании

повлиять на ситуацию. По данному вопросу большую активность и желание высказаться проявили студенты КемГИК. При этом в ответах мнения совпадают в таком аспекте, как значимость для студентов свободы самовыражения.

– *Свобода слова меня волнует. Ее нет. Мой профессиональный опыт в сфере культуры показывает, что везде есть ограничения. Свобода в моем понимании – это внесение новых предложений и их реализация (КемГИК).*

– *Культура становится принудительной. Нет возможности реализовать свою собственную идею, проработать ее с момента появления и воплотить в жизнь (КемГИК).*

– *Проблема Кузбасса в том, что нет культурных пространств для молодежи. Особенно зимой (КемГИК).*

– *У нас есть политическая цензура. Есть цензура в вузах (КузГАУ).*

– *Мне кажется главная проблема среди молодежи в сфере культуры – это проблема ограничения самовыражения и свободы слова. Это сужает возможности для молодежи заниматься творчеством (КузГАУ).*

Обобщая полученные данные, нами сделаны следующие выводы.

Результаты социологического исследования показывают в целом схожую направленность во взглядах студенческой молодежи на традиционные ценности независимо от места получения высшего образования. Если студенты КемГИК через освоение дисциплин культурологической направленности («Основы государственной культурной политики РФ», «Культурология», «Народная художественная культура» и др.) еще больше формируют свою убежденность в важности культуры как фундамента российской государственности, в свою очередь, привитие в системе образования студенческой молодежи КузГАУ предпринимательских навыков («Экономика предприятий АПК», «Производственный менеджмент», «Предпринимательское право») воспитывает в молодых людях традиционные стереотипы в восприятии семейных ценностей, а профессиональный рост на селе становится некой установкой и личностного роста, и развития аграрного сектора Кузбасса. В определенной мере нивелированию различий в системе высшего образования способствует внедрение апробированных ранее общегуманитарных дисциплин («История», «Философия», «Правоведение»), а также введенных новых в текущей политической конъюнктуре (курсы «Основы российской государственности», «Основы военной подготовки»).

Полученные результаты показывают, что молодые люди более склонны к созданию традиционной семьи с главной ролью мужчины, а девушки не придают в текущий момент времени большого внимания принципам организации семейных отношений. Оба пола, принимая значимость семьи для развития государства, к созданию собственной семьи подходят достаточно последовательно и видят необходимость создания первоначально фундамента в виде полученного образования и успешной карьеры, а уже после этого появляется возможность создания семьи и рождения детей. Респонденты, обучающиеся в КузГАУ, в своих ответах в большей мере оперируют материальными ценностями (доход, карьера), студенты вуза культуры, напротив, склонны к духовно-нравственным категориям, хотя также отмечают важность материального благополучия при создании семьи.

Важное значение студенты вузов (среди студентов КемГИК это отмечал практически каждый второй респондент) придают категории свободы, в том числе в сфере культуры. При этом речь не идет о понимании свободы как

политической конструкции, а скорее как гражданско-правовой, где важную роль играет свобода самовыражения и реализации себя как личности в творческом процессе, образовательной или профессиональной деятельности. Заслуживают внимания ответы респондентов относительно изменений, происходящих в культуре, религии и русском языке. Молодежь воспринимает данные изменения как развитие, прогресс, движение вперед. У нее не вызывают серьезного беспокойства изменения в культуре или русском языке, что, возможно, следует связывать с возрастными особенностями респондентов. Однако при всей гибкости позиции молодежь достаточно четко и бескомпромиссно высказывается против искажения исторической памяти в культуре нашей страны, фактов осквернения русской культуры и языка.

Заключение

Проведенное исследование вносит определенные ориентиры в проведении дальнейших исследований традиционных ценностей молодежи как значимого компонента политической культуры населения. Образовательная траектория вузов с разной специализацией, как показало исследование, не оказывает существенных различий на формирование мировоззрения молодых людей, однако выстраивает определенную систему ценностных категорий и опосредованность жизненных приоритетов, в частности по шкале «материальное–моральное». В то же время сходство мнений респондентов в отношении реализуемого политического вектора страны на укрепление традиционных духовно-нравственных основ государственности подчеркивает весомое место образовательной траектории и воспитательной работы среди студенчества кузбасских вузов.

Отметим, что ценностно-мировоззренческие ориентации молодежи как основа политической культуры – это скорее не система взглядов на политические процессы и деятельность политических институтов, а совокупность эмоциональных оценок молодежи на социокультурные аспекты современной реальности – семейные ценности, уважительное отношение к религии, культуре, русскому языку и историческому наследию, что позволяет утверждать о взаимосвязи в системе ценностей молодежи политического и социокультурного мира.

Список источников

1. Кох И.А., Бирюкова Т.С., Скутин А.С. Политическая культура студенческой молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 18–36. doi: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36
2. Расторгуев С.В. Политическая идентичность и политическая культура современной российской молодежи // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 126–131. doi: 10.31171/vlast.v31i4.9702
3. Воробьев А.П., Константинова М.В., Еременко М.С. Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 162–171. doi: 10.17223/1998863X/63/16
4. Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А. Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 3. С. 94–100. doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100
5. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 63–71. doi: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71

6. Седова Л.И. Традиционные ценности в структуре этнокультурной идентичности современной молодежи // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 2. С. 87–102.

7. Складорова Н.Ю., Бродовская Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе жизненных приоритетов молодежи, получающей педагогическое образование в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 5. С. 6–16. doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-5-6-16

8. Анисимова Т.Г. Традиционные ценности современной студенческой молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 5 (76). С. 50–63.

9. Матвеева Е.В., Алагоз А.В., Паничкина Е.В., Асхакова А.П. Феномен культуры в системе ценностных представлений студенческой молодежи Кузбасса (на материалах фокусированных интервью) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 129–138. doi: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-129-138

10. Оперативные итоги естественного и механического движения населения за 2023 год. Кемеровостат. URL: https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ЕДН%20и%20миграция_за%202023г.pdf (дата обращения: 20.06.2024).

11. Концепцию межвузовского кампуса обсуждают на стратегической сессии в Кузбассе. Интернет-ресурс Администрации Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/kontseptsiiyu-mezhvuzovskogo-kampusa-obsuzhdayut-na-strategicheskoy-sessii-v-kuzbasse> (дата обращения: 20.06.2024).

12. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.

References

1. Kokh, I.A., Biryukova, T.S. & Skutin, A.S. (2020) Politicheskaya kul'tura studencheskoy molodezhi [Political culture of student youth]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 6(2). pp. 18–36.

2. Rastorguev, S.V. (2023) Politicheskaya identichnost' i politicheskaya kul'tura sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Political identity and political culture of modern Russian youth]. *Vlast'*. 31(4). pp. 126–131.

3. Vorobiev, A.P., Konstantinova, M.V. & Eremenko, M.S. (2021) Political Culture of Youth: Civic Consciousness in Political Consciousness and Behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya –Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 63. pp. 162–171. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/63/16

4. Evgenieva, T.V. & Evgeniev, V.A. (2023) Politicheskie predstavleniya i tsennosti rossiyskoy molodezhi v kontekste ikh istoriko-kul'turnykh osnovaniy [Political ideas and values of Russian youth in the context of their historical and cultural foundations]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 13(3). pp. 94–100.

5. Evgenieva, T.V., Selezneva, A.V. & Antonov, D.E. (2021) Politicheskaya kul'tura rossiyskoy studencheskoy molodezhi: tsennostnye, obrazno-simvolicheskie i povedencheskie aspekty [Political culture of Russian student youth: Value, figurative, symbolic and behavioral aspects]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 11(2). pp. 63–71.

6. Sedova, L.I. (2021) Traditsionnye tsennosti v strukture etnokul'turnoy identichnosti sovremennoy molodezhi [Traditional values in the structure of ethnocultural identity of modern youth]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta Dubna. Seriya: Nauki o cheloveke i obshchestve*. 2. pp. 87–102.

7. Sklyarova, N.Y. & Brodovskaya, E.V. (2023) Traditsionnye rossiyskie dukhovno-nravstvennye tsennosti v sisteme zhiznennykh prioritetov molodezhi, poluchayushchey pedagogicheskoe obrazovanie v Rossiyskoy Federatsii [Traditional Russian spiritual and moral values in the system of life priorities of young people receiving pedagogical education in the Russian Federation]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 13(5). pp. 6–16.

8. Anisimova, T.G. (2019) Traditsionnye tsennosti sovremennoy studencheskoy molodezhi [Traditional values of modern student youth]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. 5(76). pp. 50–63.

9. Matveeva, E.V., Alagoz, A.V., Panichkina, E.V. & Askhakova, A.P. (2023) Fenomen kul'tury v sisteme tsennostnykh predstavleniy studencheskoy molodezhi Kuzbassa (na materialakh fokusirovannykh interv'yuu) [The phenomenon of culture in the system of values of Kuzbass student youth (based on materials from focused interviews)]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 29(1). pp. 129–138.

10. Kemerovostat. (2023) *Operativnye itogi estestvennogo i mekhanicheskogo dvizheniya naseleniya za 2023 god* [Operational results of natural and mechanical movement of the population for 2023]. [Online] Available from: https://42.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ЕДН%20и%20миграция_за%202023г.pdf (Accessed: 20th June 2024).

11. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Kontseptsiyu mezhvuzovskogo kampusa obsuzhdayut na strategicheskoy sessii v Kuzbasse* [The concept of an interuniversity campus is discussed at a strategic session in Kuzbass]. [Online] Available from: <https://ako.ru/news/detail/kontseptsiyu-mezhvuzovskogo-kampusa-obsuzhdayut-na-strategicheskoy-sessii-v-kuzbasse> (Accessed: 20th June 2024).

12. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries]. Moscow: Mysl'.

Сведения об авторах:

Матвеева Е.В. – доктор политических наук, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Шилова А.Э. – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и агробизнеса Кузбасского государственного аграрного университета им. В.Н. Полецкого (Кемерово, Россия). E-mail: shilova.anna2014@yandex.ru

Сат А.В. – кандидат политических наук, руководитель Центра социологических исследований Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия). E-mail: aliya_sat@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Matveeva E.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy and Art History of Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva2020@yandex.ru

Shilova A.E. – Cand. Sci. (Economics), associate professor of the Department of Management and Agribusiness Kuzbass State Agrarian University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: shilova.anna2014@yandex.ru

Sat A.V. – Cand. Sci. (Political Science), ead of the Center for Sociological Research, Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aliya_sat@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 21.10.2024;
The article was submitted 25.06.2024;
approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 32.001

doi: 10.17223/1998863X/81/23

КОНЦЕПТ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ИДЕОЛОГИИ

Алексей Всеволодович Никандров

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
bobbio71@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории разработки, раскрытию политического смысла и цели внедрения в общественно-политическую мысль СССР концепта «развитой социализм». Автор прослеживает основные исторические этапы концептуализации понятия «развитое социалистическое общество», показывает роль ряда советских ученых и идеологов (Ф.М. Бурлацкий, Р.И. Косолапов) в этом процессе.

Ключевые слова: развернутое строительство коммунизма, развитое социалистическое общество, бесклассовое общество, Л.И. Брежнев, Ф.М. Бурлацкий, Р.И. Косолапов

Для цитирования: Никандров А.В. Концепт развитого социализма в советской теории государства и идеологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 253–261. doi: 10.17223/1998863X/81/23

Original article

THE CONCEPT OF DEVELOPED SOCIALISM IN THE SOVIET THEORY OF THE STATE AND IDEOLOGY

Aleksey V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, bobbio71@mail.ru

Abstract. The article examines to the history of the well-known ideologeme of the Leonid Brezhnev era – the concept of “developed socialist society” (or “developed socialism”). The author considers the role and effectiveness of this concept in the Soviet socio-political thought of that time. The aim of the study is to analyze the historical and theoretical circumstances of the discovery and implementation of the new ideologeme, and also explores the tasks that Soviet ideologists set when testing and introducing the new concept. One of the most important reasons for the introduction of the new concept was the need to correct the controversial provision of the Third Program of the CPSU on the construction of a communist society in the USSR during the lifetime of people of a given generation. The conceptual collisions of the theory of developed socialism, which was formed by Soviet scientists and ideologists, are revealed. The essence of the main circumstance was that the concept of developed socialism (this phrase is found on the pages of the works of Vladimir Lenin) was found by Marxist ideologists of socialist countries, and then was used by Soviet ideologists to conceptually replace the promise to build communism by the time around 1980, which was obviously unenforceable. The focus of special attention is the original interpretation of the concept of developed socialism in the works of the famous Soviet theorist, ideologist and politician Richard Kosolapov. He focuses on the rapprochement of classes during the period of developed socialism, which, in his opinion, already within the framework of the stage of developed socialism reaches such a level that it will be possible to raise the question of a classless society. However, since the theoretical construction of a classless society within the current phase of the development of socialism carried risks for

the Marxist-Leninist theory of the socialist state theory, Richard Kosolapov's concept did not receive support from his colleagues. Summarizing the study, the author comes to the conclusion that the concept of developed socialism in the form developed by the end of the 1970s corresponded to the tasks set by Soviet ideologists. This concept was theoretically and ideologically successful. It was elegant from the point of view of propaganda, since it represented the USSR in a representative and status way as the leader of the countries of the world socialist community.

Keywords: extensive construction of communism, developed socialist society, classless society, Leonid Brezhnev, Fyodor Burlatsky, Richard Kosolapov

For citation: Nikandrov, A.V. (2024) The concept of developed socialism in the soviet theory of the state and ideology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 253–261. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/23

Введение

В последние годы в российском общественно-политическом дискурсе наблюдается усиление интереса к проблеме государственной идеологии, потребность в которой стала, по мнению многих ученых и политиков, крайне острой. Ученые и идеологи стали чаще обращаться к советскому опыту идеологического строительства, исследуя историю разработки и внедрения известных концептов советской идеологии, прочно связанных с теорией социалистического государства. Таковы, к примеру, концепты и одновременно идеологемы «всенародное государство», «советский народ», «Советское государство», «социалистическое государство» и др. Одним из противоречивых концептов советской идеологии является «развитой социализм» или, точнее, «развитое социалистическое общество», после ухода СССР в прошлое часто служащий для упреков советской власти в том, что она в лице своих теоретиков и идеологов поступила неправильно, объявив советское общество развитым; в литературе, особенно критической, «развитой», или «зрелый» социализм часто используется в качестве синонима «эпохи застоя».

В наши дни «развитой социализм» не находится в поле пристального исследовательского интереса, однако и не выпал за пределы внимания современных российских ученых, – возьмем, например, книги Е.Ю. Спицына (прежде всего книгу 2022 г. [1]) и Ф.Л. Сеницына [2] и в особенности блестящую статью последнего, непосредственно посвященную концепции развитого социализма [3]. Среди зарубежных ученых интерес к концепции развитого социализма в основном связан с исследованиями в области истории СССР эпохи Брежнева – приведем в пример фундаментальную работу С. Шаттенберг об эпохе и личности Л.И. Брежнева [4]. Однако авторы и этих, и других работ не ставят задачу дать панорамный исторический анализ концепта развитого социализма с учетом его теоретического развития в советской политической мысли. Вообще для всей постсоветской литературы, посвященной СССР, характерно невнимание к «идейной истории» Советского Союза, к развитию *теории* социалистического государства, которая практически во всех работах остается, во-первых, в тени идеологии, а во-вторых, в тени геополитики эпохи биполярной системы. Попытку наметить и провести именно такой подход и предпринимает автор настоящего исследования, целью которого является демонстрация того, как из словосочетания на страницах ленинских работ, которому В.И. Ленин не придал специального concep-

туального смысла, вырастает объемная теория; как оно становится «мастер-концептом» советской теории государства и идеологии. Актуальность исследования, как представляется, состоит в том, чтобы, пролив свет на один из моментов многотрудной работы идеологов Советского государства по «идеологическому строительству», но и в плане практическом, дать современным идеологам ценный опыт в сфере их работы. Более же актуальной задачей представляется углубление знаний по истории СССР, понимание которой невозможно без исследований в сфере развития теории государства как основы советской идеологии.

Методологической базой настоящего исследования являются методы концептуально-теоретического и контекстно-исторического анализа развития политических теорий, – и в этом автор вдохновлялся рядом важных аспектов политической философии Гаэтано Моски, – в особенности его учением о «политической формуле» (*formula politica*): метод терминологического анализа; метод политологического анализа политического текста; элементы метода лингвистического анализа текстов. Основой теоретического подхода автора является концептуально-теоретический анализ политического текста.

«Развитый социализм» вместо «развернутого строительства коммунизма»: главное концептуальное замещение эпохи Брежнева

Ярко выраженный контраст между формулировкой программной цели государства и реальностью проявился в установке третьей Программы партии (XXII съезд КПСС, 1961) на построение коммунизма: **«В итоге второго десятилетия (1971–1980 гг.) будет создана материально-техническая база коммунизма... Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество»** [5. С. 368]. Программа завершается провозглашением: **«...Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»** [5. С. 428]. Логично сказать, что провозглашение построения коммунизма в качестве практической задачи близкой перспективы – это ошибка, совершенная Н.С. Хрущевым, ошибка третьей Программы КПСС. Однако о построении в СССР коммунизма, даже при сохранении капиталистического окружения, впервые было сказано на XVIII съезде ВКП(б) (1939), когда Сталиным был задан вектор *«завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму»* [6. С. 650]. И.В. Сталин попытался обосновать существование государства при коммунизме – по сути, коммунистического Советского государства, что представляло резкий контраст с основами марксизма. Программа КПСС 1961 г. полностью следует в русле столь «нестандартного» подхода.

Не просто доискаться до истинных причин настолько непродуманных заявлений, – пожалуй, лучше дать слово советскому теоретику и идеологу Г.Л. Смирнову: «Мне кажется, надолго, если не навсегда, останется неразрешимой загадкой стремление лидеров Коммунистической партии построить коммунизм при ныне живущем поколении» [7. С. 89]. Сложно не разделить эту иронию, ведь, по словам Г.Л. Смирнова, «произошла девальвация слов, понятий, призывов, теоретических положений, связанных с коммунизмом» [7. С. 93]. При всем этом тем не менее не следует преуменьшать и сильные стороны третьей Программы партии, к числу которых, в частности, можно

отнести ярко провозглашенный в преамбуле возвышенный принцип «Все во имя человека, для блага человека».

Сам термин «развитое социалистическое общество», как уже говорилось, встречается у Ленина (см., например: [8. С. 10]), однако теоретическую актуализацию он впервые приобретает не у советских марксистов, а в марксистской литературе социалистических стран. По словам Ф.Л. Синицына, «этот термин был введен в оборот в июне 1960 г. на пленуме ЦК Компартии Чехословакии, а затем был принят в правящих партиях ГДР, Венгрии и Болгарии...» [10. С. 31]. Затем термин появляется в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (Бухарест – июнь, Москва – ноябрь 1960 г.), где утверждается, что если СССР «успешно осуществляет развернутое коммунистическое строительство», то другие страны социализма «успешно закладывают основы социализма, а некоторые из них уже вступили в период строительства развитого социалистического общества» [9. С. 46]. – То есть по иерархии приближения к коммунизму эти страны логичным образом находятся на менее высокой ступени, следуя в фарватере СССР, прокладывающего дорогу к коммунизму, что не противоречило общей логике мирового социалистического содружества. Значительно важнее то, что наш термин предстает в этих текстах в концептуально насыщенном виде и в строго выверенном контексте ступеней приближения к коммунизму.

Включение ленинского термина в политический лексикон представителями общественной мысли соцстран, учитывая то, что это было произведено до XXII съезда, не могло быть связано с последующим намерением советских идеологов закрыть концептуальную брешь между реальной перспективой развития общества и неоправданно высокой целью – построение коммунизма к 1980 г. Идеологи соцстран нашли удобный термин для обозначения приверженности коммунистическому строительству и одновременно для трезвой, но при этом «статусной» оценки уровня развития социализма в их странах. Советские идеологи как бы перехватывают термин, имплицитно понимая его перспективность для будущего замещения явно провального тезиса о «коммунизме к 1980 году».

Термин первым замечает советский ученый и идеолог Ф.М. Бурлацкий и удачно встраивает в свою работу «Государство и коммунизм» (1963), в которой была изложена теория общенародного государства. Он ссылается на марксистов ЧССР, которые в своих партийных документах делают вывод о том, что в их стране «диктатура пролетариата в сущности переросла во всенародное государство и что в настоящее время это государство, в соответствии со стоящими задачами, заканчивает строительство развитого социалистического общества» [10. С. 102]. Едва ли сам Бурлацкий изначально ставил именно цель вроде нахождения такого термина, который помог бы скрыть или затенить формулировку «коммунизм к 1980 году». Но термин был «вброшен» и оказался на удивление подходящим для идеологического обращения, для «идейной ротации»; он был апробирован и стал входить в политический дискурс СССР. Советские идеологи увидели потенциальные возможности нового концепта стать обозначением для переживаемого этапа строительства социализма, основная политическая характеристика которого состояла в установлении общенародного государства. Позже общенародное государство будет представлено как признак общества развитого социализма:

по словам В.А. Медведева, «вывод о превращении государства диктатуры рабочего класса в общенародное государство был сделан раньше, чем общий вывод о наступлении периода развитого социализма, хотя это несомненный признак именно развитого социализма» [8. С. 15]. Ф.М. Бурлацкий в дальнейшем развитии концепции развитого социализма участия не принимал, сосредоточившись на теории общенародного государства. Новый концепт был взят в оборот идеологами на случай фиаско «коммунизма к 1980 году». Достаточно быстро он входит в лексикон партийного руководства, по всей вероятности, позитивно оценившего находку своих идеологов. Подмена наполненного высоким смыслом «строительства коммунизма» менее статусным «построением развитого социализма» прошла успешно и как бы незаметно.

Составители текстов выступлений Л.И. Брежнева включают термин в тексты советского лидера. «Развитой социализм» постепенно замещает обозначение текущего этапа как «развернутого строительства коммунизма». На высшем уровне впервые термин «развитое социалистическое общество» звучит в докладе лидера партии «Пятьдесят лет великих побед социализма» (1967), где он говорит о развитом социалистическом обществе, построенном в нашей стране [11. С. 92]. Анализируя тексты Брежнева и политическую литературу 1960-х гг., нетрудно увидеть, что на протяжении некоторого времени после 1967 г. новый термин имеет как бы переходный характер: не будучи пока «базовым», «фундаментальным», он используется наряду с констатацией «продвижения к коммунизму», «строительства коммунизма» и т.п. По справедливому замечанию В.А. Печенева, положение о развитом социалистическом обществе «то возникало, то приглушалось и шло как бы на равных с тезисом о „развернутом строительстве коммунизма“» [12. С. 45]. Постоянно говорилось о «строительстве социализма и коммунизма», «борьбе за социализм и коммунизм». Эта риторика ослабевает, но не исчезает после XXIV съезда КПСС (1971), на котором провозглашается: «Самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество...» [13. С. 38].

Термин «развитой социализм» кажется несколько бессодержательным, отчего иногда высказывались сомнения в его приемлемости. К примеру, ученый-марксист из Румынии иронически спрашивал: «Первый вопрос, который может быть поставлен, относится к правомерности самого названия „развитой социализм“. Разве не всякий социализм развитой? Разве существует примитивный, неразвитый социализм?» [14. С. 146]. Однако благодаря концептуальному развитию, совершенному брежневскими идеологами, новый термин обрел четкие контуры, получив свое историческое место и собственную внутреннюю периодизацию.

Классическое определение развитого социализма дано, как полагается, в трудах лидера партии. Л.И. Брежнев в число атрибутов включает высшее развитие коллективистских начал социализма, открывающее простор для действия его законов. Далее следует «органическая целостность и динамизм социальной системы, ее политическая стабильность, несокрушимое внутреннее единство»; а также «растущее сближение всех классов и социальных групп, всех наций и народностей и образование у нас исторически новой социальной и интернациональной общности людей – советского народа»; и, наконец, «утверждение нового, социалистического образа жизни» [15. С. 536].

Синтезируя положения советских теоретиков, нетрудно определить основные положения и историческую новизну развитого социалистического общества: 1) уникальность в плане собственной логики развития, когда общество социализма уже не связано капиталистическим прошлым, развиваясь на собственной основе при возрастающем утверждении коллективизма и целостности общества; 2) взаимосвязанные положения о сближении классов и социальных групп вплоть до утверждения бесклассового общества и о сближении двух форм собственности с их последующим слиянием в единую общенародную собственность; 3) принцип все более усиливающегося демократизма советского общества; 4) положение о сближении советских наций и народностей и формировании на этой основе новой исторической общности – советского народа; 5) концепт социалистического образа жизни; 6) теория «нового советского человека», связанная с принципами общенациональной гордости и исторического оптимизма советских людей.

Развитой социализм непосредственно предшествует коммунизму, в который он плавно перейдет в своем развитии. Важнейшими маркерами достижения определенного уровня в этом движении являются взаимосвязанные процессы (точнее, единый процесс) сближения классов и социальных групп советского общества вплоть до его перерастания в бесклассовое; и формирование единой общенародной формы собственности. С особой силой идея бесклассового трудового общества развивается Р.И. Косолаповым. По мысли ученого, на которой в советский период он не мог настаивать, общенародное государство не имеет смысла при сохранении классовой конструкции общества. При этом общенародное государство во всех документах и теоретических работах СССР в духе сталинского подхода конструировалось как государство классового общества.

Косолапов проводил идею о том, что классы в СССР «объективно находятся на пути такого упрочения своего союза, которое ведет к органическому слиянию их в некое единое целое, в сплоченную бесклассовую трудовую ассоциацию» [16. С. 390]. Он, конечно, не предлагал видеть бесклассовым современное советское общество, как не мог и прямо заявлять об утрате социалистическим (прежде всего, Советским) государством на определенном этапе своей классовой природы. Нет, «этап, когда общенародная форма социалистической собственности становится фактически всеохватывающей, а общество – бесклассовым» [16. С. 523], мыслился им как будущий второй – и завершающий – этап развитого социализма; тогда как первый, имеющий непосредственное отношение к действительности, представлялся им как «этап сближения двух форм социалистической собственности... совпадающий с интенсивным ходом стирания классовых различий, которые тем не менее пока что выступают как существенные» [16. С. 523]. Косолапов разрабатывает целую систему внутренней периодизации этапа развитого социалистического общества, от раннего этапа к завершающему, определяя социальную однородность вектором развития развитого социализма и маркером раскрытия его потенций [16. С. 522–523]. (Более подробно о творчестве этого ученого см. [17]).

Смелые утверждения Косолапова не получили существенной поддержки еще и по той причине, что сама теория развитого социализма как раз-таки и была призвана растворить, «снять» противоречие между классовым обще-

ством и общенародным (бесклассовым) государством, между «классовостью» и «народностью» Советского государства, а вовсе не подчеркивать его. Более того, теоретическое конструирование бесклассового общества несло в себе запредельные риски для теоретиков марксизма, тогда как сложившаяся, т.е. сталинская, конструкция классово-«троицы» была понятна и приемлема, – и во многом соответствовала действительности.

Заключение

Итак, какую же роль сыграл концепт развитого социализма, насколько удачно его внедрение разрешило те проблемы теории и идеологии, которые он был призван разрешить? Р.И. Косолапов в постсоветское время оценивал теорию развитого социализма в положительном ключе, и есть основания согласиться с его утверждением о том, что «идея развитого социализма... имела рациональную политическую нагрузку в двояком отношении: а) она позволяла достойно отмежеваться от хрущевской утопии, предполагавшей построение коммунистического общества в основном уже в начале 80-х гг.; б) она давала возможность наметить масштабные параметры движения в будущее» [18. С. 155]. Более сдержанно оценивает значение концепции развитого социализма Е.Ю. Спицын: «...Хотя сама концепция „развитого социализма“ стала, по сути, крупнейшей ревизией прежних представлений о возможности в исторически обозримой перспективе построить коммунизм в отдельно взятой стране», – тем не менее «она оказалась весьма удобной в том отношении, что не разрушала саму веру в коммунизм, а переводила его строительство из конкретно-исторической задачи в чисто теоретическую плоскость» [1. С. 241–242].

Ф.Л. Сеницын весьма критичен в оценке значения концепции и делает вывод «о „заложенной неэффективности“ концепции „развитого социализма“ и других советских идеологических исканий. Основные компоненты этих новаций, которые внешне выглядели как адекватный ответ на вызовы, в итоге обратились „в негатив“, став залогом идеологических неудач СССР» [2. С. 256]. Однако более взвешенным представляется вердикт С. Шаттенберг: «„Развитой социализм“ был нововведением для оправдания и гарантирования политики, проводившейся Брежневым, которая в центр внимания ставила благо народа...» [4. С. 390].

Итак, концепция развитого социализма в ее разработке и доработке советских ученых-идеологов была вполне логична с точки зрения марксистско-ленинской теории и с точки зрения теории социалистического государства, прежде всего в плане периодизации советской истории. Она была не совсем корректна с точки зрения соответствия действительности, но изящна, как сказали бы математики, с позиций идеологии и пропаганды, ибо в историософском ключе репрезентативно представляла СССР и страны социалистического содружества.

Список источников

1. Спицын Е.Ю. Брежневская партия. Советская держава в 1964–1982 годах. М.: Концептуал, 2022. 784 с.
2. Сеницын Ф.Л. Эпоха Брежнева: советский ответ на вызовы времени. 1964–1982. М.: Вече, 2022. 464 с.
3. Сеницын Ф.Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета.

Серия: История. Международные отношения, 2022. Т. 22. № 1. С. 29–39. doi: 10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39

4. Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 622 с.
5. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
6. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 742 с.
7. Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М.: РОССПЭН, 1997. 302 с.
8. Медведев В.А. Развитой социализм: вопросы формирования общественного сознания. М.: Политиздат, 1980. 272 с.
9. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М.: Госполитиздат, 1964. 86 с.
10. Бурлацкий Ф.М. Государство и коммунизм. М.: Соцэкгиз, 1963. 247 с.
11. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М.: Политиздат, 1973. 608 с.
12. Печенев В.А. Горбачев: к вершинам власти. М.: Господин Народ, 1991. 191 с.
13. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. 320 с.
14. Проблемы теории и практики развитого социализма / под общ. ред. К.И. Зародова. Прага: Мир и социализм, 1977. 341 с.
15. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М.: Политиздат, 1978. 677 с.
16. Косолапов Р.И. Социализм. К вопросам теории. М.: Мысль, 1979. 598 с.
17. Никандров А.В. Концепция бесклассового общества в советской политической мысли: вклад Р.И. Косолапова // Свободная мысль. 2022. № 3. С. 173–188.
18. Косолапов Р.И. Идеи разума и сердца. М., 1996. 207 с.

References

1. Spitsyn, E.Yu. (2022) *Brezhnevskaya partiya. Sovetskaya derzhava v 1964–1982 godakh* [The Brezhnev party. The Soviet State in 1964–1982]. Moscow: Kontseptual.
2. Sinitsyn, F.L. (2022) *Epokha Brezhneva: sovetsky otvet na vyzovy vremeni. 1964–1982* [Brezhnev's Epoch: The Soviet Response to the Challenges of the Time. 1964–1982]. Moscow: Veche.
3. Sinitsyn, F.L. (2022) Kontseptsii “razvitogo sotsializma” kak otvet SSSR na ideologicheskie i sotsialno-ekonomicheskie vyzovy vremeni (1964–1982) [The Conception of “Developed Socialism” as the Response of the USSR to the Ideological and Socio-Economic Challenges of the Time (1964–1982)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(1). pp. 29–39. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39
4. Shattenberg, S. (2018) *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The Greatness and Tragedy of Man and Country]. Moscow: ROSSPEN.
5. USSR. (1961) *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Materials of the 22nd Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat.
6. USSR. (1939) *XVIII s'ezd VKP(b). Stenograficheskiy otchet* [The 28th Congress of the AUCPB. Stenographic Report]. Moscow: Gospolitizdat.
7. Smirnov, G.L. (1997) *Uroki minuvshogo* [Lessons of the Past]. Moscow: ROSSPEN.
8. Medvedev, V.A. (1980) *Razvitoy sotsializm: voprosy formirovaniya obschestvennogo soznaniya* [Developed Socialism: Questions of the Formation of Public Consciousness]. Moscow: Politizdat.
9. USSR. (1964) *Programmnye dokumenty bor'by za mir, demokratiyu i sotsializm* [Program Documents of the Struggle for Peace, Democracy and Socialism]. Moscow: Gospolitizdat.
10. Burlatsky, F.M. (1963) *Gosudarstvo i kommunizm* [The State and Communism]. Moscow: Sotsekgiz.
11. Brezhnev, L.I. (1973) *Leninskim kursom. Rechi i stat'i* [Following Lenin's Course. Speeches and Articles]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
12. Pechenev, V.A. (1991) *Gorbachev: k vershinam vlasti* [Gorbachev: To the Heights of Power]. Moscow: Gospodin Narod.
13. USSR. (1971) *Materialy XXIV s'ezda KPSS* [Materials of the 24th Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat.
14. Zarodov, K.I. (ed.) (1977) *Problemy teorii i praktiki razvitogo sotsializma* [Problems of the Theory and Practice of Developed Socialism]. Prague: Mir i sotsializm.
15. Brezhnev, L.I. (1978) *Leninskim kursom. Rechi i stat'i* [Following Lenin's Course. Speeches and Articles]. Vol. 6. Moscow: Politizdat.

16. Kosolapov, R.I. (1979) *Sotsializm. K voprosam teorii* [Socialism. On the Theory]. Moscow: Mysl'.

17. Nikandrov, A.V. (2022) Kontsepsiya besklassovogo obshchestva v sovetskoj politicheskoy mysli: vklad R.I. Kosolapova [The conception of a classless society in Soviet political thought. Richard Kosolapov's contribution]. *Svobodnaya mysl'*. 3. pp. 173–188.

18. Kosolapov, R.I. (1996) *Idei razuma i serdtsa* [Ideas of the Mind and Heart]. Moscow: [s.n.].

Сведения об авторе:

Никандров А.В. – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: bobbio71@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikandrov A.V. – Cand. Sci. (Political Science), senior researcher, Department of Theory of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bobbio71@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2024;
одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 21.10.2024*

*The article was submitted 02.09.2024;
approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 21.10.2024*

Научная статья

УДК 323

doi: 10.17223/1998863X/81/24

ЗАКОНЫ О ДЕКОММУНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

Ярослав Александрович Потоцкий

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
istorik.ru01@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется процесс законодательного оформления антикоммунистической национальной мифологии в Литве, Латвии и Эстонии. Предметом исследования стали нормативные акты, принятые в рамках политики декоммунизации руководством прибалтийских республик в конце 1980-х – начале 2020-х гг. Рассмотрены акты, санкционирующие перекодировку коммеморативной культуры и исторической памяти литовцев, латышей и эстонцев, а также мемориального ландшафта Прибалтики.

Ключевые слова: декоммунизация, посткоммунистический национализм, Литва, Латвия, Эстония

Для цитирования: Потоцкий Я.А. Законы о декоммунизации в контексте конструирования национальной мифологии в прибалтийских республиках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 262–270. doi: 10.17223/1998863X/81/24

Original article

LAWS ON DECOMMUNIZATION IN THE CONTEXT OF THE CONSTRUCTION OF NATIONAL MYTHOLOGY IN THE BALTIC STATES

Iaroslav A. Pototskii

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, istorik.ru01@gmail.com

Abstract. The article analyzes the process of legislative registration of anti-communist national mythology in Lithuania, Latvia, and Estonia. The subject of the study is the normative acts adopted within the framework of the policy of decommunization by the leadership of the Baltic states in the late 1980s – early 2020s. The relevance of the study is due to the active phase of decommunization observed in the Baltic republics since 2022, which, in turn, makes it necessary to analyze the formation and development of the anti-communist policy in these countries and to clarify its significance for the development of political national historical and political mythology and national identity of Estonians, Latvians, and Lithuanians. The introduction provides a brief description of the ethnocratic regimes that have developed in post-communist Estonia, Latvia, and Lithuania. Special attention is paid to the concept of a “nationalizing state” proposed by American sociologist Rogers Brubaker to describe the post-communist regimes of Central and Eastern Europe. The first section examines the foundations of the “doctrine of occupation” and the principle of continuity, which were laid down in normative acts adopted by the supreme authorities of the Baltic states at the turn of the 1990s. The second section analyzes the further formation of the “doctrine of occupation” in the memorial laws of the Baltic states in the 1990s–2000s and the influence of the “doctrine of occupation” on the national legal systems of Estonia,

Latvia, and Lithuania. The third section examines the transformation of the commemorative culture, the memorial and geocultural landscape of the Baltic states in the post-Soviet period under the influence of anti-communist legislation. In conclusion, the importance is assessed of the decommunization policy for state-building, as well as for the formation of national commemorative culture and historical and political mythology of Estonia, Latvia, and Lithuania, and the prospects are given for the further development of the anti-communist campaign in these states, based on the current international situation.

Keywords: decommunization, post-communist nationalism, Lithuania, Latvia, Estonia

For citation: Pototskii, Ia.A. (2024) Laws on decommunization in the context of the construction of national mythology in the baltic states. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 81. pp. 262–270. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/24

Введение

За более чем три десятилетия после распада СССР произошла радикальная трансформация национального самосознания населения Эстонии, Латвии и Литвы. Поиск новых основ для конструирования национальной идентичности стал одной из ключевых задач, которую должны были решить прибалтийские республики.

Новая национальная историко-политическая мифология каждой из этих стран формируется в контексте гомогенизирующей политики «национализирующего государства». Данная концепция была предложена американским социологом Роджерсом Брубейкером для описания этнократических режимов, сформировавшихся в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. «Национализирующее государство» представляет собой незавершенное национальное государство, политика которого направлена на закрепление доминирующего положения титульной нации [1]. Значимой особенностью подобного государства является наличие в официальном дискурсе мифа о многолетнем угнетении титульной нации оккупационным тоталитарным режимом, который служит основанием для дискриминации национальных меньшинств уже в независимой постсоветской республике [2]. Таким образом, процессы декоммунизации играют важную роль в государственной архитектуре Эстонии, Латвии и Литвы, выступая фундаментом национальной и исторической политики прибалтийских государств.

Важно отметить, что национальная идентичность в прибалтийских республиках не формируется с нуля и опирается на многолетний советский опыт институализации этничности в союзных республиках. Вопреки распространенной в большинстве постсоветских республик доктрине жертвы дискриминационного коммунистического режима, национальная атрибутика, как и основы самой национальной государственности бывших советских республик были сформированы именно Советским Союзом. В СССР были реализованы беспрецедентные меры по формализации и конституированию национальности (от закрепления национальной принадлежности в документах до создания национально-территориальных административных образований) [3. С. 109]. В связи с этим декоммунизация и политика исторического ревизионизма направлены не столько на (официально декларируемый прибалтийскими элитами) полный демонтаж «советского наследия», сколько на перекодировку

исторической памяти и коммеморативной культуры латышей, литовцев и эстонцев посредством институализации этнического национализма уже на базе антикоммунистической доктрины, кодифицированной в мемориальных законах прибалтийских республик.

Принцип континуитета и «доктрина оккупации»

Так называемая «доктрина оккупации» лежит в основе государственной исторической политики и посткоммунистической национальной мифологии Эстонии, Латвии и Литвы. Виктимные нарративы «доктрины оккупации», представляющей эти страны в роли жертв двух (нацистского и советского) оккупационных тоталитарных режимов, стали частью коммеморативной культуры современных эстонцев, латышей и литовцев. Ключевые тезисы «доктрины оккупации» были оформлены нормативными актами, принятыми парламентами прибалтийских республик еще на рубеже 1980–1990-х гг.

Уже в принятой Верховным Советом Эстонской ССР в 1988 г. Декларации «О государственном суверенитете Эстонской ССР» отмечалось, что «национально однородная, суверенная Эстонская Республика вошла в состав Советского Союза, обеспечив при этом гарантии суверенитета и процветания нации», однако «внутренняя политика сталинизма и застоя игнорировала эти гарантии» [4]. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 г. квалифицировало советскую власть, установившуюся в Эстонии в 1940 г., как «незаконную оккупацию» и объявляло о начале процесса восстановления государственности Эстонской Республики, не прекращавшей свое существование на протяжении полувека. Принцип континуитета был окончательно закреплен в одобренной на всенародном голосовании в 1992 г. Конституции Эстонской Республики, определяющей современную Эстонию в качестве прямого продолжателя государства, провозглашенного 24 февраля 1918 г. [5].

Хотя Эстония стала первой советской республикой, объявившей о государственном суверенитете, в эстонских нормативных актах переходного периода приводится относительно мягкая характеристика советской администрации. В аналогичных декларациях, принятых вскоре властями Литовской ССР и Латвийской ССР, содержится более жесткая оценка процесса вхождения этих стран в состав СССР и последующих десятилетий советской власти.

Декларация «О государственном суверенитете Литвы», принятая 26 мая 1989 г. Верховным Советом Литовской ССР, осудила пакт Молотова–Риббентропа 1939 г., на основании которого «суверенное Литовское государство было насильственно и незаконно присоединено к Советскому Союзу». Декларация также подчеркивала что, государственность, провозглашенная в 1918 г. и формально закрепленная спустя два года соглашением с Советской Россией, юридически не прекращала своего существования.

4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики», которая закрепила принцип континуитета, признала сохраняющей юридическую силу латвийскую Конституцию 1922 г. и вернула республике досоветское наименование. Декларация дает подробное описание процесса вхождения Латвии в состав СССР, который она квалифицирует как «международное преступление, ре-

зультатом которого явилась оккупация Латвии и ликвидация суверенной государственной власти Латвийской Республики» [6].

Декоммунизация в национальном законодательстве

С 1990-х гг. антикоммунизм и исторический ревизионизм стали основой приобретающего все больше радикальных черт национализма в прибалтийских республиках, что отразилось в законодательстве этих стран. Новые мемориальные законы не только констатируют факт советской «оккупации», но и наполняют эту историческую доктрину обвинениями коммунистического режима в терроре, геноциде местного населения, массовых депортациях представителей титульных наций. «Доктрина оккупации» превращается в фундамент, на основе которого происходит трансформация системы права и правовой культуры в Эстонии, Латвии и Литве.

В 1992 г. Сейм Литовской Республики принял закон «Об ответственности за геноцид жителей Литвы», который определяет действия нацистов и коммунистов на территории «оккупированной» Литвы как геноцид [7]. В течение последующих нескольких лет литовский парламент одобрил закон «О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам» (1998), который позволил провести антикоммунистическую реституцию в гражданском праве, и закон «О возмещении ущерба от оккупации СССР» (2000), предписывающий требовать от Российской Федерации компенсации за годы оккупации. В 2010 г. Сейм на основании рекомендаций Конституционного суда отменил срок исковой давности для пострадавших от советского режима.

В 2003 г. в Эстонии был принят закон «О лицах, репрессированных оккупационными режимами», который фактически уравнивал оккупационные режимы нацистской Германии и СССР и закрепил за репрессированными право на социальные льготы и пособия. Согласно поправкам к данному закону, введенным в 2006 г., на эстонское правительство также возложены обязанности по «увековечиванию памяти о репрессированных» и «изучению репрессивной политики оккупантов» [8].

В Латвии нормативные акты, принятые в рамках политики декоммунизации, не только закрепили в официальном дискурсе виктимную мифологию, но и реабилитировали коллаборационистов и «лесных братьев», дополнив национальную историю мифом о борцах за национальную независимость. В 1996 г. Сейм Латвийской Республики принял Декларацию «Об оккупации Латвии», которая осуждает нацистский и коммунистический режимы и подчеркивает, что «все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии» [9]. Декларация возлагает на Советский Союз ответственность за массовые репрессии, депортацию латышей и русификацию республики. Особое место в документе отводится послевоенному сопротивлению «оккупации», которое осуществлялось вооруженными формированиями, именуемыми «национальными партизанами и их помощниками». Декларация «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. продолжает тенденцию моральной перекодировки событий латвийской истории и полностью снимает с бойцов Латышского добровольческого легиона Ваффен СС ответственность за вооруженное сопротивление советским войскам. Поскольку, согласно документу, основная вина за геноцид ла-

тышей лежит именно на СССР, а не на нацистской Германии, моральное оправдание получает и деятельность коллаборационистов, квалифицируемая как «защита Латвии от восстановления сталинского режима» [10]. В 2005 г. латвийский парламент принял Декларацию «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР», которая, повторяя тезис о Латвии как жертве двух коммунистических систем, признает участников национального сопротивления «борцами за свободу Латвии» и обязывает правительство требовать компенсацию от России как государства-преемника оккупационного режима [11]. В 2017 г. Сейм Латвии принял дискриминационный закон «О статусе участника Второй мировой войны», ставящий целью «определение статуса участника Второй мировой войны для граждан Латвии, которые во время этой войны участвовали в вооруженной борьбе против Союза Советских Социалистических Республик в составе регулярных воинских частей других стран, воинских формирований нацистской Германии или ее союзников, а также способствование общему пониманию Второй мировой войны и равноправному отношению к ее участникам» [12]. Данный нормативный акт ограничил круг лиц, которые могут претендовать на статус участника Второй мировой войны, гражданами Латвии, бывшими таковыми на 17 июня 1940 г. (и отказал в данном статусе сотрудникам КГБ Латвийской ССР и КГБ СССР), что ограничило возможность получения статуса ветерана для большинства солдат Красной армии.

Коммеморативная культура и историко-культурный ландшафт

Мемориальные законы, принятые в 1990–2000-х гг., не только обеспечили легитимность посткоммунистических элит прибалтийских республик, но и запустили процесс трансформации исторической памяти и коммеморативной культуры эстонцев, латышей и литовцев.

Антикоммунистическая национальная мифология отражена в официальных праздничных и памятных датах Литвы, Латвии и Эстонии. Так, например, согласно закону «О праздничных днях» (1996) национальным литовским праздником стал День восстановления независимости Литвы. Закон «О памятных датах» от 3 июля 1997 г. в числе прочих памятных дат вводит День оккупации и геноцида, День Июньского восстания, День геноцида жителей Малой Литвы. Согласно латвийскому закону «О праздниках и памятных датах» (1990), памятными датами признаны День памяти защитников баррикад 1991 г., День памяти жертв коммунистического геноцида, День провозглашения декларации независимости в 1991 г., День памяти жертв коммунистического террора. В Эстонии в 2011 г. был принят закон «О государственных праздниках и памятных датах», установивший в качестве памятной даты День поминовения жертв коммунизма и нацизма, а также праздники – День восстановления независимости Эстонии, День возрождения.

В 2010-х гг. «доктрина оккупации» затронула сферу уголовного законодательства прибалтийских республик, в форме введения запрета на «отрицание оккупации» и преступлений оккупационных режимов по аналогии с запретом на отрицание Холокоста. Соответствующие поправки были внесены в 2010 г. в уголовный кодекс Литвы (ст. 170.2), а в 2014 г. – в уголовный кодекс Латвии (ст. 74.1). В 2013 г. процесс установления аналогичного запрета на отрицание «советской оккупации» инициировали эстонские парламентарии.

После распада СССР огромные изменения претерпел историко-культурный и мемориальный ландшафт прибалтийских республик. Если различные национально-патриотические общественные организации Эстонии, Литвы и Латвии взяли на себя ответственность за возведение мемориальных объектов, чествующих «борцов за национальную независимость», то политическим элитам этих стран предстояло на законодательном уровне решить вопрос о демонтаже советского мемориального наследия, которое категорически не вписывалось в новую мифологию.

Так называемый «памятникопад» в Прибалтике начался еще в 1990-х гг. и вплоть до 2010-х гг. носил характер отдельных резонансных событий (например, демонтаж скульптур на Зеленом мосту в Вильнюсе или Памятника героям, павшим при освобождении Таллина). Советские мемориальные объекты являлись традиционным местом проведения памятных мероприятий, собиравших десятки тысяч русскоязычных граждан прибалтийских республик. В связи с этим демонтаж советских памятников, стирающий из публичного пространства чужеродную (пророссийскую) символику, стал одной из ключевых задач в рамках проводимой в прибалтийских республиках политики этнической гомогенизации.

Хотя общеевропейская политика памяти обязывает прибалтийские республики сохранять остающиеся с советских времен мемориалы, посвященные актам массового насилия в годы Второй мировой войны, правительства Литвы, Латвии и Эстонии превратили их в объекты, транслирующие антикоммунистические нарративы в общественное сознание. Таким образом, были «очищены» от советской символики и приведены в соответствие с виктимной национальной мифологией мемориальный комплекс в эстонской Клооге, мемориальный ансамбль в латвийском Саласпилсе (возле которого в 2018 г. был открыт «Музей оккупации Латвии»), музей IX форта и мемориал «Путь смерти» в Литве (где функционирует литовский «Музей оккупации») и проводятся мероприятия в память о жертвах коммунистического режима) [13].

После начала специальной военной операции России на Украине в прибалтийских государствах произошла тотальная зачистка советского мемориального наследия. Но если изначально решения о демонтаже советских мемориальных объектов принимались специальными актами в каждом конкретном случае, то в 2020-х гг. в Прибалтике была законодательно оформлена массовая ликвидация мемориального наследия СССР. В июне 2022 г. Сейм Латвии принял закон «О запрете на экспонирование объектов, прославляющих советский и нацистский режимы, и их демонтаже на территории Латвийской Республики». В декабре этого же года Сейм Литовской Республики принял закон «О запрете пропаганды тоталитарных, авторитарных режимов и их идеологий с использованием общественных объектов». В феврале 2023 г. Рийгикогу одобрил законопроект о поправках в строительный кодекс, которые позволили бы демонтировать остававшиеся в Эстонии советские объекты, но данный закон не подписал президент (что не помешало специальной рабочей группе признать подлежащими сносу или замене 244 советских мемориалов).

В числе мемориальных объектов, демонтированных в 2022–2023 гг. в Эстонии, Латвии и Литве, оказались монумент «Танк Т-34» в Нарве, памят-

ник советским воинам в Кярдле, мемориал в Кохтла-Ярве, Памятник воинам Советской армии – освободителям Советской Латвии и Риги, монументы советским солдатам в Даугавпилсе, монумент в Меркине, мемориал на Антакальнисском кладбище. Декоммунизация перешла и геокультурную сферу, вылившись в переименование топонимических объектов, напоминающих о советском прошлом. Согласно официальной позиции эстонских, литовских и латвийских политических элит, отраженной в нормативных актах, масштабная декоммунизация, активизировавшаяся в 2020-х гг., является защитной реакцией народов прибалтийских республик, вызванной действиями России. Так, например, принятая в 2022 г. латвийская Концепция национальной безопасности подчеркивает, что специальная военная операция на Украине «породила чувство незащищенности в обществе» и «вызвала запрос на скорейший отказ от советского наследия» [14].

Заключение

На протяжении более трех десятилетий декоммунизация играла важнейшую роль в трансформации национальной мифологии и национального самосознания Эстонии, Латвии и Литвы, превратившись из основания легитимации сепаратизма прибалтийских республик в фундамент исторической и этнической политики этих государств в постсоветский период. Принцип континуитета закреплен в основных нормативных актах стран Балтии и стал фундаментом их государственного суверенитета. «Доктрина оккупации», получившая развитие в мемориальных законах, стала моральным основанием как для перекодировки исторической памяти и историко-культурного пространства этих государств, так и для дискриминации значительного русскоязычного меньшинства, оставшегося в Литве, Латвии и Эстонии после распада СССР. Таким образом, законы о декоммунизации становятся мощнейшим инструментом, с помощью которого титульная нация конституирует свое доминирующее положение в культурной, социальной и правовой сферах, избавляясь от чужеродного российского влияния и завершая процесс построения национального государства. Произошедшее в начале 2020-х гг. обострение отношений между Россией и странами Балтии легитимирует антироссийские кампании, предпринятые руководством Литвы, Латвии и Эстонии как на международной арене, так и во внутренней политике, что дает основание ожидать усиления политики декоммунизации (и, по большей части, дерусификации) в ближайшие годы.

Список источников

1. *Brubaker R.* Nationalizing States in the Old “New Europe” – and the New // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19, № 2. P. 411–437.
2. *Brubaker R.* Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States // *Ethnic and Racial Studies*. 2011. Vol. 34, № 11. P. 1785–1814.
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
4. Декларация «О государственном суверенитете Эстонской ССР» от 16 ноября 1988 г. // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/27849>
5. Конституция Эстонской Республики (в редакции от 06.05.2015) // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/115052015002>
6. Декларация «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 года // Latvijas Republikas Saeima. URL: <https://saeima.lv/lv/par-saeimu/arhivs/deklaracija-par-latvijas-republikas-neatkaribas->

- atjaunosanu/?phrase=Deklar%C4%81cija%20Par%20Latvijas%20Republikas%20neatkar%C4%ABbas%20atjauno%C5%A1anu
7. Закон Литовской Республики «Об ответственности за геноцид жителей Литвы» от 9 апреля 1992 года № I-2477 // Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.2006/asr>
 8. Закон Эстонской Республики «О лицах, репрессированных оккупационными режимами» от 17 декабря 2003 г. (RT I 2003, 88, 589) // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/ReprS>
 9. Декларация «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г. // Latvijas Republikas tiesību akti. URL: <https://likumi.lv/ta/id/63838>
 10. Декларация «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. // Latvijas Republikas tiesību akti. URL: <https://likumi.lv/ta/id/218706-deklaracija-par-latviesu-legionariem-otraja-pasaules-kara>
 11. Декларация «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г. // Latvijas Republikas Saeima. URL: <https://www.saeima.lv/lv/par-saeimu/arhivs/8-saeima/deklaracija-par-latvija-istenota-psrs-totalitara-komunistiska-okupācijas-rezīma-nosodījumu/?phrase=V%C4%93sturisk%C4%81%20politika>
 12. Закон Латвийской Республики «О статусе участника Второй мировой войны» от 21 декабря 2017 г. № 2018/3.1 // Latvijas Republikas tiesību akti. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=296248>
 13. Мегем М.Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 128–145.
 14. Концепция национальной безопасности Латвийской Республики 2023 года // Latvijas Republikas Saeima. URL: https://titania.saeima.lv/LIVS14/saeimalivs_imp.nsf/0/23BC57B83960FFE1C2258A3800355E7A?OpenDocument

References

1. Brubaker, R. (1996) Nationalizing States in the Old “New Europe” – and the New. *Ethnic and Racial Studies*. 19(2). pp. 411–437.
2. Brubaker, R. (2011) Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*. 34(11). pp. 1785–1814.
3. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow: HSE.
4. The Republic of Estonia. (1988) *Deklaratsiya “O gosudarstvennom suverenitete Estonskoy SSR” ot 16 noyabrya 1988 g.* [Declaration “On the State Sovereignty of the Estonian SSR” dated November 16, 1988]. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/akt/27849>
5. The Republic of Estonia. (2015) *Konstitutsiya Estonskoy Respubliki (v redaktsii ot 06.05.2015)* [The Constitution of the Republic of Estonia (as amended on May 6, 2015)]. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/akt/115052015002>
6. The Republic of Latvia. (1990) *Deklaratsiya “O vosstanovlenii nezavisimosti Latvyskoy Respubliki” ot 4 maya 1990 goda* [Declaration “On the Restoration of the Independence of the Republic of Latvia” dated May 4, 1990]. [Online] Available from: <https://saeima.lv/lv/par-saeimu/arhivs/deklaracija-par-latvijas-republikas-neatkaribas-atjaunosanu/?phrase=Deklar%C4%81cija%20Par%20Latvijas%20Republikas%20neatkar%C4%ABbas%20atjauno%C5%A1anu>
7. The Republic of Lithuania. (1992) *Zakon Litovskoy Respubliki “Ob otvetstvennosti za genotsid zhitel'ey Litvy” ot 9 aprelya 1992 goda № I-2477* [Law No. I-2477 of the Republic of Lithuania “On Responsibility for the Genocide of the Inhabitants of Lithuania” dated April 9, 1992]. [Online] Available from: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.2006/asr>
8. The Republic of Estonia. (2003) *Zakon Estonskoy Respubliki “O litsakh, repressirovannykh okkupatsionnymi rezhimami” ot 17 dekabrya 2003 g. (RT I 2003, 88, 589)* [Law of the Republic of Estonia “On Persons Repressed by the Occupation Regimes” dated December 17, 2003 (RT I 2003, 88, 589)]. [Online] Available from: <https://www.riigiteataja.ee/akt/ReprS>
9. The Republic of Latvia. (1996) *Deklaratsiya “Ob okkupatsii Latvii” ot 22 avgusta 1996 g.* [Declaration “On the Occupation of Latvia” dated August 22, 1996]. [Online] Available from: <https://likumi.lv/ta/id/63838>
10. The Republic of Latvia. (1998) *Deklaratsiya “O latyshskikh legionerakh vo Vtoroy mirovoy voyne” ot 29 oktyabrya 1998 g.* [Declaration “On Latvian legionnaires in the Second World War”

dated October 29, 1998]. [Online] Available from: <https://likumi.lv/ta/id/218706-deklaracija-par-latviesu-legionariem-otraja-pasaules-kara>

11. The Republic of Latvia. (2005) *Deklaratsiya "Ob osuzhdenii osushchestvlyavshegosya v Latvii totalitarnogo kommunisticheskogo okkupatsionnogo rezhima SSSR" ot 12 maya 2005 g.* [Declaration "On condemnation of the totalitarian Communist occupation regime of the USSR carried out in Latvia" dated May 12, 2005]. [Online] Available from: <https://www.saeima.lv/iv/par-saeimu/arhivs/8-saeima/deklaracija-par-latvija-istenota-psrs-totalitara-komunistiska-okupacijas-rezima-nosodijumu/?phrase=V%C4%93sturisk%C4%81%20politika>

12. The Republic of Latvia. (2017) *Zakon Latvyskoy Respubliki "O statute uchastnika Vtoroy mirovoy voyny" ot 21 dekabrya 2017 g. № 2018/3.1* [Law No. 2018/3.1 of the Republic of Latvia "On the status of a participant in the Second World War" dated December 21, 2017]. [Online] Available from: <https://likumi.lv/doc.php?id=296248>

13. Megem, M.E. (2022) *Snesti nel'zya ostavit': klyuchevye tendentsii politiki pamyati stran Baltii v otnoshenii sovetskikh pamyatnikov v mestakh massovogo nasiliya* [Preserve vs dismantle: major trends in the Baltics' politics of memory regarding Soviet monuments at sites of mass violence]. *Baltic Region*. 14(4) pp. 128–145.

14. The Republic of Latvia. (2023) *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Latvyskoy Respubliki 2023 goda* [The Concept of National Security of the Republic of Latvia 2023]. [Online] Available from: https://titania.saeima.lv/LIVS14/saeimalivs_imp.nsf/0/23BC57B83960FFE1C2258A3800355E7A?OpenDocument

Сведения об авторе:

Потоцкий Я.А. – магистрант программы «Моделирование социокультурных процессов» философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: istorik.ru01@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pototskii Ia.A. – master's student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: istorik.ru01@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024;

одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 21.10.2024

The article was submitted 27.07.2024;

approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Научная статья
УДК 1(091):165.3:122
doi: 10.17223/1998863X/81/25

АХИЛЛЕС ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА: ЕЩЁ РАЗ О НЕСВОДИМОСТИ ПРОХОЖДЕНИЯ ОТКРЫТОГО ИНТЕРВАЛА К ПРОХОЖДЕНИЮ ЗАМКНУТЫХ (ВТОРАЯ РЕПЛИКА НА СТАТЬЮ Е.В. БОРИСОВА)

Игорь Владимирович Берестов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, berestoviv@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье я продолжу дискуссию с Е.В. Борисовым, начатую в предыдущих статьях, и восходящую к апориям Зенона Элейского. Я намерен продемонстрировать на основании одного мысленного эксперимента, что невозможно представить описание движения точечного объекта, в соответствии с которым на некоторых этапах своего движения этот объект не находился бы вне времени и пространства. **Ключевые слова:** теория движения, открытые интервалы, Z-последовательности, нелокализованные объекты, парадоксы Зенона

Для цитирования: Берестов И.В. Ахиллес вне времени и пространства: ещё раз о несводимости прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых (вторая реплика на статью Е.В. Борисова) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 271–281. doi: 10.17223/1998863X/81/25

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Original article

ACHILLES BEYOND TIME AND SPACE: ONCE AGAIN ON THE IRREDUCIBILITY OF THE PASSAGE OF AN OPEN INTERVAL TO THE PASSAGE OF CLOSED ONES (A SECOND REPLY TO EVGENY BORISOV'S ARTICLE)

Igor V. Berestov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, berestoviv@yandex.ru*

Abstract. In this article, I present the second part of the reply to Evgeny Borisov's critical remarks to my demonstration that – despite all attempts to refute Zeno's of Elea Paradoxes – the conceptualization of motion still remains problematic, since one has to concede that a moving object at some stages of its motion is not localized in time and space, although this is

extremely counterintuitive. I agree with Borisov's criticism and have to admit the incorrectness of my previous attempts to justify that in order to describe motion it is necessary to introduce such stages of motion in which a moving object exists, but is not localized in time and space. But in this article, I propose a new thought experiment that – I hope – more successfully justifies the need to introduce such stages. Consider the following thought experiment. Let a point object be attached to a certain point by an elastic belt, so that for any point in the open-to-the-right interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ along which the object intends to pass from left to right, there is a point at which the tension of the belt is greater. If it is accepted that infinite work cannot be performed in a finite time, then the moving object will not pass the interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ during a finite temporal interval. Although it can pass each of the intervals starting at the point 0 m and included in the interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ except the interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ itself. But then the principle according to which “the interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ is traversed if every right-closed interval starting at 0 m and included in the interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ is traversed” is false. Meanwhile, this principle is a necessary condition for the truth of the statement that an object that has traversed the spatial interval $[0\text{ m}, 1\text{ m})$ during the corresponding temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$ does not exist in the world in which the temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$ has expired but the temporal interval $[0\text{ s}, 1\text{ s})$ has not expired. Since, as we have found, the aforementioned principle is false, by *modus tollens* we obtain that the moving object exists in the world described above. But any object can exist in such a world (or at the stage of motion to which this world corresponds) only if it is not localized in this world at some moment in time and at some point in space, Q.E.D.

Keywords: theory of motion, open intervals, Z-sequences, non-localized objects, Zeno's Paradoxes

For citation: Berestov, I.V. (2024) Achilles beyond time and space: once again on the irreducibility of the passage of an open interval to the passage of closed ones (a second reply to Evgeny Borisov's article). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 81. pp. 271–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/81/25

Введение

В настоящей статье, как и в той статье, продолжением которой она является [1], я намерен продолжить исследование логико-математических проблем, начало осознанию которых было положено апориями Зенона Элейского о движении, тем самым настоящая статья призвана продемонстрировать эффективность *апроприационистского подхода к истории философии* [2. С. xx–xxiii, 13–21, 90–102].

В статьях [3, 4] моей целью являлась демонстрация того, что движение точечного объекта приводит к «двойной онтологии» (термин из [5, 6]), т.е. к тому, что корректное описание равномерно движущегося слева направо точечного объекта подразумевает не только то, что такой объект находится в некоторые моменты времени в некоторых точках пространства, но также и следующий тезис:

(T1) Следует признать существующим на определенных этапах своего движения, но находящимся вне времени и пространства *любой* равномерно и прямолинейно движущийся точечный объект.

Здесь и далее выражение «движущийся объект существует (локализован, присутствует, находится) вне времени и пространства на некоторых этапах своего движения» означает «на некоторых этапах своего движения движущийся объект существует, но не существует (не локализован, не присутствует, не находится) на этих этапах своего движения в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени».

После критики в [5, 6] я осознал, что обоснование тезиса (Т1) в рамках подхода из [3, 4] некорректно. В настоящей статье представлен другой способ обоснования (Т1), устойчивый к критике Е.В. Борисова.

Тезис (Т1) контринтуитивен: мы конструируем совершенно обычный «конкретный» объект, но оказывается, что описание его движения требует, чтобы он на некоторых этапах своего движения существовал вне времени и пространства. Это кажется неприемлемым, поскольку пребывание вне времени и пространства естественно для абстрактных объектов (например, для чисел, которым движение не свойственно), а не для обычных «конкретных» объектов, которые могут двигаться.

Как и в [1, 3, 4], я буду называть Демоном Бенаццерафа (ДБ) движущийся *точечный* объект, способный к выполнению любых логически допустимых действий (т.е. не влекущих противоречия), вне зависимости от того, реализуемы ли они физически. Обсуждать теории движения с использованием подобного демона (точнее, джинна) впервые начал П. Бенаццераф [7. Р. 116–121].

Ниже я собираюсь (помимо прочего) обсуждать условия истинности следующего предложения, которое я иногда буду обозначать через p :

«ДБ равномерно прошёл пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ в течение темпорального интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$ ».

Замечу, что p может быть сформулировано в виде:

«Максимальным пространственным интервалом, пройденным равномерно движущимся ДБ в течение темпорального интервала $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$, является пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$ ».

Обозначения

Ниже будут использоваться следующие обозначения, которые для удобства читателя я считаю полезным выписать в начале статьи.

- 1_{ot} – темпоральный интервал $[0 \text{ с}, 1 \text{ с})$;
- 1_{os} – пространственный интервал $[0 \text{ м}, 1 \text{ м})$;
- S_t^{\subseteq} – множество всех темпоральных интервалов, начинающихся с момента 0 с включительно, включённых в 1_{ot} ; интервал 1_{ot} также принадлежит множеству S_t^{\subseteq} ;
- S_s^{\subseteq} – множество всех пространственных интервалов, начинающихся с точки 0 м включительно, включённых в 1_{os} ; интервал 1_{os} также принадлежит множеству S_s^{\subseteq} ;
- S_{ct}^{\subseteq} – множество всех замкнутых справа темпоральных интервалов, начинающихся с момента 0 с включительно, строго включённых в 1_{ot} ; интервал 1_{ot} не принадлежит множеству S_{ct}^{\subseteq} ;
- S_{ot}^{\subseteq} – множество всех открытых справа темпоральных интервалов, начинающихся с момента 0 с включительно, включённых в 1_{ot} ; интервал 1_{ot} также принадлежит множеству S_{ot}^{\subseteq} ;
- S_{cs}^{\subseteq} – множество всех замкнутых справа пространственных интервалов, начинающихся с точки 0 м включительно, строго включённых в 1_{os} ; интервал 1_{os} не принадлежит множеству S_{cs}^{\subseteq} ;
- i_t – произвольный темпоральный интервал из S_t^{\subseteq} ;
- i_{ct} – произвольный замкнутый темпоральный интервал из S_{ct}^{\subseteq} ;
- i_{ot} – произвольный открытый темпоральный интервал из S_{ot}^{\subseteq} ;
- f – функция из 1_{ot} в 1_{os} ;

- f^i – функция из S_t^{\subseteq} в S_s^{\subseteq} ;
- f^c – функция из S_{ct}^{\subseteq} в S_{cs}^{\subseteq} (полное описание функций см. ниже).

Два альтернативных описания движения ДБ

В этом разделе я с сокращениями повторю некоторые положения, сформулированные в прошлой статье [1], и введу несколько новых положений.

Пусть f^i является функцией из S_t^{\subseteq} в S_s^{\subseteq} , такой, что для любого x из 1_{ot} каждому интервалу $[0\text{ с}, x\text{ с}]$ из S_t^{\subseteq} f^i ставит в соответствие интервал $[0\text{ м}, x\text{ м}]$ из S_s^{\subseteq} , и каждому интервалу $[0\text{ с}, x\text{ с})$ из S_t^{\subseteq} f^i ставит в соответствие интервал $[0\text{ м}, x\text{ м})$ из S_s^{\subseteq} . Функция f^i , таким образом, является непрерывной и строго монотонно возрастающей на S_t^{\subseteq} взаимно однозначной функцией из S_t^{\subseteq} в S_s^{\subseteq} . Функция f^i является функцией, описывающей равномерное движение объекта со скоростью 1 м/с по пространственному интервалу 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} . С помощью этой функции можно сформулировать следующее Положение, кажущееся мне Бесспорным:

(БП1) ДБ равномерно прошёл 1_{os} в течение 1_{ot} ете¹ для каждого i_t из S_t^{\subseteq} ДБ равномерно прошёл пространственный интервал $f^i(i_t)$ в течение темпорального интервала i_t из S_t^{\subseteq} .

Другое положение, кажущееся мне бесспорным, состоит в следующем:

(БП2) Если ДБ равномерно прошёл 1_{os} в течение 1_{ot} , то для каждого интервала i_t из S_t^{\subseteq} на индексе i_t существует пространственный интервал $f^i(i_t)$, являющийся интервалом, пройденным ДБ на индексе i_t , т.е. являющийся следом ДБ на индексе i_t .

Используемый в последующих положениях термин «след» понимается так, как разъяснено в (БП2).

Рассмотрим следующее положение, характеризующее Равномерное Движение:

(РД) ДБ равномерно прошёл 1_{os} в течение 1_{ot} ете для каждого интервала i_t из S_t^{\subseteq} $i_t \models$ пространственный интервал $f^i(i_t)$ является следом ДБ.

В (РД) и последующих положениях выражение « $\alpha \models \varphi$ » можно читать как «на индексе α истинно, что φ », или просто как «на индексе α φ ». В настоящей статье в качестве индексов рассматриваются как моменты времени из 1_{ot} , так и темпоральные интервалы из S_t^{\subseteq} . Если α есть момент времени, то «на индексе α истинно, что φ » можно читать как «в момент времени α истинно, что φ ». Если α есть темпоральный интервал из S_t^{\subseteq} , то «на индексе α истинно, что φ » можно читать как «на темпоральном интервале α истинно, что φ ». Интуитивно, предложение φ , истинное на темпоральном интервале, истинно в мире, часы которого показывают не *момент* времени, а *интервал* времени, прошедший с 0 с, т.е. на часах такого мира светится какой-либо интервал i_t из S_t^{\subseteq} . Подробнее об истинности предложений на индексах см. [1].

В (РД) «пространственный интервал $f^i(i_t)$ является следом ДБ» можно записать в виде $T(f^i(i_t), \text{ДБ})$, где T – двухместный предикат «является следом

¹ Здесь и далее «ете» означает «если и только если».

движущегося объекта». По (БП2), след есть пространственный интервал, пройденный объектом в течение заданного темпорального интервала. Положение (РД) является одним из способов задать равномерное движение, точнее говоря, задать истинностные условия для предложения «ДБ равномерно прошёл l_{os} в течение l_{ot} ».

Пусть f является функцией из l_{ot} в l_{os} , такой, что каждому x из l_{ot} ставит в соответствие x из l_{os} . Функция f , таким образом, является непрерывной и строго монотонно возрастающей на l_{ot} взаимно однозначной функцией из l_{ot} в l_{os} . Функция f является функцией, описывающей равномерное движение объекта со скоростью 1 м/с по пространственному интервалу l_{os} в течение темпорального интервала l_{ot} . С помощью этой функции можно сформулировать следующее положение, являющееся одним из способов (альтернативных к (РД)) задать равномерное движение, точнее говоря, задать истинностные условия для предложения «ДБ равномерно прошёл l_{os} в течение l_{ot} »:

(Редук1) ДБ равномерно прошёл l_{os} в течение l_{ot} ете для любого момента времени t из l_{ot} $t \models$ ДБ находится в точке $f(t)$ из l_{os} .

В (Редук1) утверждается **Редукция** прохождения l_{os} к пребыванию в точках, принадлежащих l_{os} .

Пусть f^c является функцией из S_{ct}^c в S_{cs}^c , такой, что для любого x из l_{ot} каждому интервалу $[0\text{ с}, x\text{ с}]$ из S_{ct}^c f^c ставит в соответствие интервал $[0\text{ м}, x\text{ м}]$ из S_{cs}^c . Функция f^c , таким образом, является непрерывной и строго монотонно возрастающей на S_{ct}^c взаимно однозначной функцией из S_{ct}^c в S_{cs}^c . Функция f^c является функцией, описывающей равномерное движение объекта со скоростью 1 м/с по пространственному интервалу l_{os} в течение темпорального интервала l_{ot} . С помощью этой функции можно сформулировать следующее положение, необходимое для признания **Эквивалентности** положение (Редук1) и (Редук2):

(Экв) Для любого момента времени t из l_{ot} $t \models$ ДБ находится в точке $f(t)$ из l_{os} ете $[0\text{ с}, t\text{ с}] \models$ следом ДБ является пространственный интервал $f^c([0\text{ с}, t\text{ с}])$.

Из положений (Редук1) и (Экв) можно получить:

(Редук2) ДБ равномерно прошёл l_{os} за l_{ot} ете для любого интервала i_{ct} из S_{ct}^c $i_{ct} \models$ следом ДБ является пространственный интервал $f^c(i_{ct})$.

В (Редук2) утверждается **Редукция** прохождения l_{os} к наличию следа ДБ на интервалах из S_{ct}^c .

Также из (Редук2) и (Экв) можно получить (Редук1). Таким образом, положения (Редук1) и (Редук2) являются, в случае признания (Экв), эквивалентными положениями. Я допускаю, что можно обнаружить другие (помимо (Экв)) кажущиеся приемлемыми проложения, в силу которых можно будет обнаружить другие положения, эквивалентные (Редук1) (помимо (Редук2)), а также положения, эквивалентные (РД). Положения (Редук1) и (Редук2) позволяют создать теорию движения без «двойной онтологии», т.е. не признающую существование движущегося объекта вне времени и пространства. Ниже я собираюсь обсудить, какое из альтернативных описаний равномерного движения – (РД) или (Редук1)/(Редук2) – является предпочтительным. Для

этого обсуждения мне потребуется ввести несколько положений, сомневаться в которых у меня нет оснований.

В следующем положении утверждается необходимое условие Истинности предложения на Индексе:

(ИИ) Если для какого-либо индекса α $\models R(a, b)$, то на индексе α существуют a и b .

Я понимаю «Существование на Индексе», о котором идёт речь в (ИИ) и о котором будет говориться приводимых ниже положениях, следующим образом:

(СИ) Объект a существует на индексе α ете в домен индекса α входит то, чем объект a является на индексе α , иначе говоря, в домен индекса α (т.е. в совокупность всех объектов, существующих на индексе α) входит a_α .

Следующее положение указывает, при каком условии можно заключить о НеЛокализуемости объекта, т.е. о том, что объект не находится в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени:

(НЛ) Если какой-либо движущийся прямолинейно со скоростью 1 м/с по интервалу 1_{os} в течение 1_{ot} точечный объект o существует на каком-либо индексе i_{ot} из S_{it}^\subseteq , то o не локализован (не существует, не присутствует) на индексе i_{ot} в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени.

Ниже я попытаюсь показать, что положения (Редук1) и (Редук2) неверно предсказывают результаты некоторого мысленного эксперимента.

История о ДБ на эластичном поводке

Пусть ДБ намерен пройти слева направо интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двигаясь равномерно со скоростью 1 м/с. В момент времени 0 с ДБ находится в точке 0 м. ДБ привязан эластичным поводком к точке с координатой -1 м. Эластичный поводок не натянут, если его длина меньше либо равно 1 м, и натягивается, если его длина становится больше 1 м. Иначе говоря, для растяжения поводка более, чем на 1 м, необходимо прилагать некоторую силу. Когда ДБ находится в точке 0 м, поводок лежит на земле свободно (он занимает интервал $[-1\text{ м}, 0\text{ м}]$), не заставляя находящегося в точке 0 м ДБ преодолевать его натяжение. Точка 0 м – самая правая точка, в которой движущийся слева направо ДБ не натягивает поводок и не должен прилагать усилий для движения слева направо. По мере движения ДБ поводок растягивается, и сила, которую приходится прилагать ДБ для продвижения вперёд, увеличивается (но, в отличие от привычной ситуации с эластичным поводком, сила увеличивается не непрерывно, а скачками).

А именно, при движении по первому интервалу (0 м, 1/2 м) ДБ приходится прилагать силу $F = 1\text{ Н} = 1\text{ (кг} \cdot \text{м)}/\text{с}^2$.

При движении по второму интервалу [1/2 м, 3/4 м) ДБ приходится прилагать силу 2 Н.

При движении по третьему интервалу [3/4 м, 7/8 м) ДБ приходится прилагать силу 4 Н.

На основании этого можно вычислить работу, выполняемую ДБ по мере его движения. Работа, затраченная ДБ на преодоление первого интервала (0 м, 1/2 м), составляет:

$$A = F \cdot S = 1 \text{ Н} \cdot (1/2) \text{ м} = 1/2 \text{ Дж} = 1/2 \text{ Н} \cdot \text{м} = 1/2 (\text{кг} \cdot \text{м}^2/\text{с}^2).$$

Работа, затраченная ДБ на преодоление второго интервала [1/2 м, 3/4 м), составляет:

$$A = F \cdot S = 2 \text{ Н} \cdot (1/4) \text{ м} = 1/2 \text{ Дж}.$$

Работа, затраченная ДБ на преодоление третьего интервала [3/4 м, 7/8 м) составляет:

$$A = F \cdot S = 4 \text{ Н} \cdot (1/8) \text{ м} = 1/2 \text{ Дж}.$$

И т.д.¹

Наконец, допустим, что в рассматриваемой истории **ни один объект – и даже демон – не может выполнить за конечное время бесконечную работу**; эта черта роднит рассматриваемую историю с реальным миром (как его представляют современные физические теории).

Заметим, что, для того чтобы пройти с постоянной скоростью 1 м/с слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двигаясь равномерно со скоростью 1 м/с, ДБ должен пройти каждый интервал из S_{cs}^{∞} в течение соответствующего темпорального интервала. Это положение, как мне кажется, не должно вызывать споров. Оно непосредственно следует из (БП1).

Пройдёт ли ДБ, намеревающийся пройти с постоянной скоростью 1 м/с слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двигаясь равномерно со скоростью 1 м/с, каждый интервал из S_{cs}^{∞} в течение соответствующего темпорального интервала? В рассматриваемой истории нет никаких препятствий для этого. Прохождение каждого пространственного интервала $f(i)$ в течение соответствующего темпорального интервала i_t из S_t^{∞} требует выполнения конечной работы, а значит, возможно в рамках рассматриваемой истории. Далее представим получение этого заключения более подробно.

Рассмотрим следующее положение:

(НУ1) Прохождение каждого интервала из S_{cs}^{∞} в течение соответствующего темпорального интервала является **Необходимым Условием** для прохождения 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} .

Положение (НУ1) следует из (БП1), как я уже отметил выше. Я полагаю, что (НУ1) не должно вызывать споров.

В следующем положении описывается **Намерение ДБ** в рассматриваемой истории.

(НДБ) ДБ намерен пройти 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} .

Сделаем теперь достаточное естественное для булетической логики, описание поведения такого существа, как ДБ, которого вполне можно наделить всезнанием, в отличие от человека; назову это положение **Принципом Булетического Замыкания**:

(БЗ) Если ДБ намерен сделать так, чтобы положение дел A стало осуществлено на индексе 1_{ot} , и необходимым условием для того, чтобы положение

¹ Указанная последовательность интервалов образует Z -последовательность, соответствующую последовательности, обсуждаемой Зеноном Элейским в *Дихотомии*, а также современными авторами, анализирующими выполнение операций над Z -последовательностями, намерений осуществить эти операции и т.д.; см. подробнее [8. С. 31 и далее].

дел A стало осуществлено на индексе 1_{ot} является осуществление ДБ положения дел B на индексе i_t , то ДБ намерен сделать так, чтобы положение дел B стало осуществлено на индексе i_t .

Обсуждение такого рода замыканий в эпистемической логике и булети-ческой логике выходит далеко за рамки настоящей статьи, однако замечу, что (БД) ставится под сомнение в основном из-за ограниченности познаватель-ных способностей людей, которые не в состоянии оценить на истинность *все* материальные импликации с произвольным антецедентом, тогда как ограни-чивать познавательные способности демонов не обязательно.

Сделаем также следующее допущение, кажущееся весьма естественным:

(НВ) ДБ всегда выполняет то, что он **Намерен Выполнить**, если это только возможно (т.е. не влечёт противоречия) в рассматриваемой истории.

Теперь, из (НУ1) & (НДБ) & (БЗ) & (НВ), получаем:

(ДБП) ДБ, намеревающийся пройти с постоянной скоростью 1 м/с слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двига-ясь равномерно со скоростью 1 м/с, Пройдёт каждый интервал из S_{cs}^{∞} в течение соответствующего темпорального интервала.

Выполнит ли в рассматриваемой истории ДБ своё намерение пройти сле-ва направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , двигаясь равномерно со скоростью 1 м/с?

Нет, ведь в рассматриваемой истории, чтобы пройти слева направо весь интервал 1_{os} в течение темпорального интервала 1_{ot} , нужно выполнить беско-нечную работу, но в рамках рассматриваемой истории выполнение каким-либо объектом бесконечной работы в течение какого-либо конечного темпо-рального интервала невозможно.

Таким образом, ДБ пройдёт каждый интервал из S_{cs}^{∞} в течение соответ-ствующего темпорального интервала, но не пройдёт весь интервал 1_{os} в тече-ние темпорального интервала 1_{ot} . Однако это противоречит (Редук2), в соот-ветствии с которым первое имплицитно подразумевает второе. Я полагаю обоснование того, что ДБ пройдёт каждый интервал из S_{cs}^{∞} в течение соответствующего темпорального интервала, но не пройдёт весь интервал 1_{os} в течение темпо-рального интервала 1_{ot} , корректным и исходящим из интуитивно приемлемых посылок. Но тогда теория движения, основывающаяся на (Редук2), неверно предсказывает результаты мысленного эксперимента, описанного в рассмат-риваемой истории. То же можно сказать о (Редук1), эквивалентном (Редук2) при условии (Экв). Поэтому (Редук1) или (Редук2) не следует использовать в теориях движения.

Но отбрасывание (Редук1) и (Редук2) означает, что мы остались без ин-струмента, позволяющего сводить прохождение ДБ открытого справа про-странственного в течение открытого справа темпорального интервала к про-хождению ДБ замкнутых справа пространственных интервалов в течение замкнутых справа темпоральных интервалов, а также к присутствию ДБ в соответствующие моменты времени во всех точках этого открытого справа пространственного интервала. Действительно, я не могу вообразить положени-я, которые выполняли ту же редуцирующую функцию, что (Редук1) и (Ре-дук2), но были бы способны выстоять против контраргумента о эластичном

поводке. И после отказа от редукционистских положений вроде (Редук1) и (Редук2) мы остаёмся с (РД). Но (РД) вместе с (ИИ) влечёт существование ДБ на каждом открытом справа темпоральном интервале i_{ot} из S^{\subseteq}_t . Тогда, по (НЛ), ДБ на каждом i_{ot} из S^{\subseteq}_t не находится в какой-либо точке пространства и в каком-либо моменте времени.

Поскольку аналогичное рассуждение можно провести для ДБ, равномерно движущегося по любому интервалу, получаем, что следует признать существующим на определённых этапах своего движения, но находящимся вне времени и пространства любой равномерно движущийся точечный объект, т.е. получаем (Т1).

Заключение

Подчеркну структурные различия между рассуждениями из настоящей статьи и рассуждениями из предыдущей статьи [1]. В [1] обосновывалось следующее положение: отскакивание точечного объекта от замкнутой стены вынуждает признать, что этот объект на том этапе своего движения, когда происходит его взаимодействие со стеной, влекущее его отскакивание от стены, либо не локализован в какой-либо точке пространства, либо не присутствует в каком-либо моменте времени и в какой-либо точке пространства, но тем не менее каким-то способом существует на этом этапе. Это положение обосновывалось с помощью мысленного эксперимента с ДБ, отскакивающего от замкнутой стены, с использованием положений, включающих (Редук1) или (Редук2). При этом положения (Редук1) и (Редук2) не подвергались сомнению и не отбрасывались. В настоящей же статье обосновывался тезис (Т1), и обосновывается он с помощью мысленного эксперимента с ДБ на эластичном поводке. В первой части этого обоснования показывается, что интуитивно приемлемое описание этого мысленного эксперимента несовместимо с (Редук1) и (Редук2), из чего делается вывод о неприемлемости (Редук1) и (Редук2). Во второй части этого обоснования замечается, что единственной внятной альтернативой (Редук1) и (Редук2) является (РД), на основании которого, с использованием (ИИ) и (НЛ), получается (Т1). Таким образом, в [1] и в настоящей статье обосновывается, что для описания по крайней мере некоторых видов движения приходится утверждать, что ДБ хотя бы на одном этапе своего движения существует вне пространства или вне времени и пространства. Однако в настоящей статье этот тезис доказывается для случая равномерного прямолинейного движения, чего не было в [1], и, кроме того, в настоящей статье указанный тезис *основывается на доказательстве неприемлемости (Редук1) и (Редук2)*, тогда как в [1] этот тезис *основывается на (Редук1) и (Редук2)*.

Возвращусь теперь к статье Е.В. Борисова [6], откликом на которую является настоящая статья. Е.В. Борисов утверждает, что в анализируемой в [4. С. 82–83] Четвёртой Истории (1) не содержатся *основания* в пользу принятия «двойной онтологии» (т.е. в пользу несуществования во времени и пространстве точечного равномерно движущегося ДБ на некоторых этапах его движения), но, напротив, (2) принятие двойной онтологии является *предпосылкой* для возможности (т.е. непротиворечивости) рассматриваемой истории [6. С. 18]. В результате, по Е.В. Борисову, получается, что я обосновываю «двойную онтологию» с помощью Четвёртой Истории, истинность которой

подразумевает признание «двойной онтологии». История о ДБ на эластичном поводке из настоящей статьи, на мой взгляд, отвечает на эти замечания Е.В. Борисова.

Касаясь тезиса (1), теперь я могу сказать, что в истории о ДБ на эластичном поводке из настоящей статьи *содержатся основания* для принятия «двойной онтологии». Этими основаниями является *интуитивная приемлемость* положений, истинных в указанной истории. И интуитивная приемлемость этих положений означает, помимо прочего, что эта история не может быть отброшена как невозможная просто на основании непринятия «двойной онтологии», поскольку она выглядит вполне реализуемой, *и реализуемой без принятия «двойной онтологии»* (в отличие от Четвёртой Истории из [4. С. 82–83], в которой утверждается, что ДБ, находящийся вне времени и пространства, совершает некоторое действие, что сразу же является невозможным для противника «двойной онтологии»).

Действительно, в истории о ДБ на эластичном поводке интуитивно приемлемо, что ДБ *может* пройти в течение соответствующих интервалов времени каждый из интервалов, содержащихся в S_s^{\subseteq} , кроме 1_{os} . Более того, ДБ, поставивший себе задачу продвинуться как можно дальше (или прибыть в точку 1 м), *должен* пройти все эти интервалы в течение соответствующих интервалов времени. Но, в силу запрета на выполнение бесконечной работы в течение конечного интервала времени, ДБ не может пройти 1_{os} в течение 1_{os} , что также соответствует интуиции. Никаких ссылок на «двойную онтологию» в этих интуициях нет.

Таким образом, касаясь тезиса (2), можно утверждать, что «двойная онтология» не является *предпосылкой* непротиворечивости истории о ДБ на эластичном поводке, поскольку основанием её непротиворечивости является не «двойная онтология», а интуиция, в соответствии с которой эта история вполне реализуема. И эта интуиция *не* ссылается на «двойную онтологию».

Но для того, чтобы придать соответствующие интуиции истинностные значения положениям из истории о ДБ на эластичном поводке, нужно ввести истинностные условия для p , отличные от (Редук1) и (Редук2): ведь в этой истории истинно, что ДБ прошёл все интервалы из S_s^{\subseteq} , кроме 1_{os} , за соответствующие интервалы времени, и p ложно, что несовместимо с (Редук1) и (Редук2). И единственной альтернативой (Редук1) и (Редук2) является (РД), которое, вместе с интуитивно приемлемыми положениями (ИИ) и (НЛ), представляет описание равномерного движения с помощью «двойной онтологии».

Итак, в моём обосновании «двойной онтологии» через историю о ДБ на эластичном поводке не содержится *petitio principii*: «двойная онтология» является выводом, обеспечивающим сохранение наших не основывающихся на признании «двойной онтологии» интуиций после установления того, что «обычная» онтология не справляется с этой задачей.

Список источников

1. Берестов И.В. Редукция прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых и ее озадачивающие следствия (реплика на статью Е.В. Борисова) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 78. С. 15–25. doi: 10.17223/1998863X/78/2
2. Берестов И.В., Вольф М.Н., Доманов О.А. Аналитическая история философии: методы и исследования: коллективная монография. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. xvii, 242 с.

3. Берестов И.В. Как Ахиллес с Гектором разминуся: затруднение в теории движения, разводящей прохождение открытого интервала и его замыкания // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 5–26. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27
4. Берестов И.В. Ответ оппонентам // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 75–98. doi: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98
5. Борисов Е.В. Всё-таки они встретились // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 28–32. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32.
6. Борисов Е.В. Мультионтология под ключ // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 2. С. 17–21. doi: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21
7. Benacerraf P. Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics // *Zeno's Paradoxes* / ed. by W.C. Salmon. Indianapolis : Hacklett, 2001. P. 103–129. (Originally published in 1962)
8. Берестов И.В. Зенон Элейский в современных переводах и философских дискуссиях. Новосибирск : Офсет ТМ, 2021. 206 с. (Сер.: Античная философия и классическая традиция. Приложение к журналу СХОΛΗ. Т. V).

References

1. Berestov, I.V. (2024) A reduction of the passage of an open interval to a sequence of passages of closed intervals and puzzling consequences of this reduction (a reply to Evgeny V. Borisov's article). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 78. pp. 15–25. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/78/2
2. Berestov, I.V., Volf, M.N. & Domanov, O.A. (2019) *Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya* [Analytical history of philosophy: Methods and research]. Novosibirsk: Ofset TM.
3. Berestov, I.V. (2022) Kak Akhilles s Gektorom razminulsya: zatrudnenie v teorii dvizheniya, razvodyashchey prokhozhdenie otkrytogo intervala i ego zamykaniya [How Achilles missed Hector: A difficulty in the theory of motion that separates the passage of an open interval and its closure]. *Respublica Literaria*. 3(4). pp. 5–26. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.5-27
4. Berestov, I.V. (2022) Otvet opponenam [Response to Opponents]. *Respublica Literaria*. 3(4). pp. 75–98. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.75-98
5. Borisov, E.V. (2022) Vse-taki oni vstretilis' [They Did Meet After All]. *Respublica Literaria*. 3(4). pp. 28–32. DOI: 10.47850/RL.2022.3.4.28-32.
6. Borisov, E.V. (2023) Mul'tiontologiya pod klyuch [Turnkey Multi-Ontology]. *Respublica Literaria*. 4(2). pp. 17–21. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.17-21
7. Benacerraf, P. (2001) Tasks, Supertasks, and the Modern Eleatics. In: Salmon, W.C. (ed.) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis: Hacklett. pp. 103–129.
8. Berestov, I.V. (2021) *Zenon Eleyskiy v sovremennykh perevodakh i filosofskikh diskussiyakh* [Zeno of Elea in Modern Translations and Philosophical Discussions]. Novosibirsk: Ofset TM.

Сведения об авторе:

Берестов И.В. – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Berestov I.V. – Cand. Sci. (Philosophy), leading researcher of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024; принята к публикации 21.10.2024
The article was submitted 24.08.2024;
approved after reviewing 26.09.2024; accepted for publication 21.10.2024

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2024. № 81

Редактор *Н.А. Афанасьева*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*
Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 12.11.11.2024 г. Дата выхода в свет 22.11.2024 г.
Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 17,6; усл. печ. л. 22,9; уч.-изд. л. 24,2.
Тираж 50 экз. Заказ № 6092. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru